PQ 2152
.A5T418
1874

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

МОРСКІЕ ТИТАНЫ

И

КОРОЛЬ ЗОЛОТЫХЪ ПРИИСКОВЪ

РОМАНЫ

ГУСТАВА ЭМАРА

—

ИЗДАНІЕ

Е. Н. АХМАТОВОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. Н. АХМАТОВОЙ, ДМИТР. ПЕР., Д. № 17

1874

Романъ Морскіе Титаны принадлежитъ къ *третьей* серіи романовъ Густава Эмара, составляющей одно цѣлое.

1. Авантюристы.	1 р. 50 к.	
2. Морскіе Цыгане	1 р. 75 к.	
3. Золотая Кастилія	1 р. 50 к.	
4. Медвѣжонокъ Желѣзная Голова	2 р. — к.	
5. Лѣсникъ.		
6. Морскіе титаны.	1 р. 75 к.	

За пересылку прилагается по 25 к. за каждую книжку, выписывающіе всѣ эти романы вмѣстѣ, прямо изъ конторы «Собранія Романовъ» за пересылку ничего не прилагаютъ.

20047
6765

МОРСКІЕ ТИТАНЫ.

AIMARD, GUSTAVE
MORSKIE TITANY

МОРСКІЕ ТИТАНЫ.

РОМАНЪ

ГУСТАВА ЭМАРА.

—

ИЗДАНІЕ

Е. Н. АХМАТОВОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. Н. АХМАТОВОЙ, ДМИТР. ПЕР., Д. № 17.
1874.

PQ 2152
.A5T418
1874

МОРСКІЕ ТИТАНЫ.

I.

УЖЕ ЗАБЫТЫЙ, ВѢРОЯТНО, ЧИТАТЕЛЯМИ КАСКАБЕЛЬ ЯВЛЯЕТСЯ ВНОВЬ.

Дон-Рамонъ де-ла-Крусъ упросилъ дон-Фернанда сѣсть къ нему въ шлюпку, когда стали разъѣзжаться съ корвета, гдѣ капитанъ Сандоваль такъ обильно угощалъ своихъ гостей. Тѣмъ охотнѣе далъ уговорить себя дон-Фернандъ, что въ губернаторской шлюпкѣ онъ нѣсколькими минутами долѣе могъ пробыть съ доной Флорой, обмѣняться съ нею словомъ, другимъ, упиваться ея взглядами.

Къ несчастью, переѣздъ былъ дѣломъ немногихъ минутъ.

По выходѣ на берегъ дон-Фернандъ раскланялся съ дамами, пожалъ руку дон-Хезусу и простился съ губернаторомъ, который опять повторилъ, что весь къ его услугамъ.

У таможни молодого человѣка ждалъ слуга съ лошадьми. Онъ вскочилъ въ сѣдло и шагомъ поѣхалъ домой, перебирая въ умѣ все, что̀ съ нимъ случилось пріятнаго въ это радостное утро, которому онъ съ эгоизмомъ влюбленнаго не желалъ бы видѣть конца.

Всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, онъ вдругъ былъ остановленъ толпою пеоновъ, индійцевъ, солдатъ, нищихъ, словомъ всѣхъ праздношатающихся, которыми кишатъ большіе города.

Это сборище людей запрудило улицу во всю ея ширину немного не доходя рѣшетки предъ Цвѣточнымъ домомъ.

Фернанду поневолѣ пришлось остановиться.

Онъ привсталъ на стременахъ поглядѣть, что происходитъ.

Благодаря тому, что съ лошади смотрѣлъ сверху, онъ увидалъ причину скопленія народа, которое росло съ каждою минутою.

Причинялъ его индіецъ метисъ съ зеленоватыми пятнами по всему тѣлу, которыя видомъ своимъ совершенно изображали тигровую шкуру.

Внезапное воспоминаніе мелькнуло огненною стрѣлою въ умѣ Фернанда.

Ему сдавалось, что видитъ онъ этого страннаго человѣка не въ первый разъ, что онъ уже встрѣчался ему; но гдѣ? при какихъ обстоятельствахъ? Вотъ чего онъ не могъ припомнить.

Знакомъ онъ подозвалъ къ себѣ Юліана.

Тотъ поспѣшно подошелъ.

— Знаешь ты этого человѣка? спросилъ дон-Фернандъ.

— Какого, ваше сіятельство? почтительно спросилъ пажъ.

— Того, что разглагольствуетъ посреди кучи народа, безобразнаго индійца, размалеваннаго словно дикій звѣрь.

— О! ваше сіятельство, онъ очень извѣстенъ; это Каскабель.

— Что это за имя?

— Такъ зовутъ или вѣрнѣе прозвали этого человѣка.

— Каскабель вѣдь, кажется, значитъ гремучая змѣя?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Почему же онъ получилъ такое прозвище?

— Онъ змѣечаровникъ и преимущественно кудесничаетъ съ гремучими змѣями, потому...

— И названъ по имени своего самаго грознаго актера?

— Именно.

— Понимаю. Слушай, когда мы доберемся до дома, ты позовешь этого кудесника во дворъ; онъ искусенъ?

— Чудеса дѣлаетъ; страшно глядѣть.

— Тѣмъ лучше, я не прочь удостовѣриться самъ въ его искусствѣ. Ты понялъ меня?

— Какъ же, ваше сіятельство.

Не безъ ропота разступилась толпа предъ лошадьми; графъ и его провожатые проѣхали осторожно, чтобъ никого не задѣть, и дон-Фернандъ попалъ наконецъ къ себѣ домой.

Онъ сошелъ съ лошади и приказалъ Мишелю, который выбѣжалъ къ нему на встрѣчу, поставить стулья на верандѣ, потомъ быстро направился въ свои комнаты и перемѣнилъ блестящій костюмъ на менѣе пышный, но изящнаго покроя и вкуса.

Еще онъ не успѣлъ переодѣться, когда Юліанъ вошелъ доложить, что приказаніе его исполнено и Каскабель ждетъ во дворѣ его приказаній.

Дон-Фернандъ вскорѣ вышелъ на веранду, гдѣ сѣлъ, окруженный своимъ штатомъ.

Двѣ, три минуты глаза молодого человѣка упорно устремлялись на индійца, который, скрестивъ руки на груди и опустивъ голову, но то и дѣло бѣгая глазами, стоялъ въ десяти шагахъ отъ веранды возлѣ своего худого и ободраннаго мула, навьюченнаго разнородными корзинами странной формы.

Вѣроятно, дон-Фернанду пришла какая-то мысль, потому что онъ улыбнулся и знакомъ подозвалъ къ себѣ индійца.

Безобразный змѣечаровникъ подошелъ и неловко поклонился, вертя въ грязныхъ рукахъ, служившій ему шапкой, уродливый оборышъ чего-то, что нѣкогда могло быть шляпой.

— Кто ты, негодяй? вдругъ спросилъ графъ.

— Съ вашего позволенія, сіятельный графъ, я бѣдный индіецъ.

— Не то я спрашиваю, это видно и такъ.

— Я честный человѣкъ, ваше сіятельство и хорошо извѣстенъ...

— Въ Сеутѣ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, рѣзко перебилъ графъ.

— Ваше сіятельство, раболѣпно возразилъ индіецъ: — свѣтъ такъ золъ; у кого нѣтъ враговъ? Можно попасть на галеры его католическаго величества короля Филипа IV и все-таки не быть ни воромъ, ни убійцей.

Фернандъ не имѣлъ понятія объ исторіи этого человѣка. Онъ наугадъ упомянулъ о Сеутѣ по одному его виду висѣльника. При неожиданной удачѣ, которой не искалъ даже, онъ невольно заинтересовался и принялъ рѣшеніе продолжать этотъ странный допросъ.

— Кромѣ воровства и убійства есть проступки, заслуживающіе примѣрнаго наказанія.

— Рабъ не воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, ваше сіятельство; онъ обязанъ повиноваться господину.

— Только въ извѣстныхъ предѣлахъ, строго сказалъ графъ:— и господинъ, не опозоривъ себя, не можетъ доводить своей власти до того, чтобы приказывать...

— Похищеніе! Да, вотъ моя вина; но что могъ сдѣлать я, ничтожный, презрѣнный рабъ? Самъ господинъ мой былъ орудіемъ человѣка, власть котораго не знала границъ; молодая дѣвушка была похищена, это правда...

— Вмѣстѣ съ матерью, глухимъ голосомъ перебилъ Фернандъ.

Индіецъ въ ужасѣ поднялъ голову.

— Ахъ! вы все знаете, ваше сіятельство! вскричалъ онъ задыхающимся голосомъ.

— И много другого еще; что сталось съ двумя женщинами?

Индіецъ опустилъ голову и молчалъ.

— Отвѣтишь ли ты, презрѣнный?

— Не знаю, сказалъ нерѣшительно Каскабель: — тотчасъ послѣ похищенія я былъ арестованъ и перевезенъ въ Сеуту.

— Откуда ты далъ стрекача?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, неизвѣстный доброжелатель снабдилъ меня средствами переѣхать въ Америку, когда послѣ двухъ

лѣтъ мукъ и страданій губернаторъ Сеуты велѣлъ однажды привести меня къ себѣ и объявилъ, что я воленъ дать себя повѣсить гдѣ хочу.

— И ты не знаешь имени великодушнаго человѣка, который выручилъ тебя?

— Я всегда думалъ, что это мой прежній господинъ; что онъ женился на дѣвушкѣ, которую я помогалъ похитить, и потому не опасаясь болѣе, чтобы я открылъ что-нибудь, наконецъ сжалился надо мною.

— Это возможно, хотя невѣроятно. Какъ звали твоего господина?

— Имени его я никогда не зналъ, ваше сіятельство; впрочемъ вамъ оно вѣрно извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ могло быть.

— Я хочу удостовѣриться, что ты не лжешь.

— Ваше сіятельство, двадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ; примѣрнымъ поведеніемъ старался я загладить ошибки молодости и самъ забыть о нихъ; память у меня плохая, умъ слабѣетъ; я ничего не помню, напрасный трудъ разспрашивать меня долѣе.

Слова эти были сказаны тономъ низкаго раболѣпства и коварной иронiи, который заставилъ молодого человѣка задуматься; однако онъ заблагоразсудилъ ничего не выказывать.

— А свое имя знаешь? спросилъ онъ.

— Прозвище по-крайней-мѣрѣ знаю, ваше сіятельство; меня всѣ здѣсь называютъ Каскабелемъ.

— Что ты умѣешь дѣлать?

— Желаете видѣть образчикъ моего искусства, сіятельный графъ?

— Да, мнѣ наговорили такихъ чудесъ, что я самъ хочу судить о нихъ, когда случай уже привелъ тебя сюда.

— Каждый живетъ своимъ ремесломъ, сіятельный графъ.

— Что ты хочешь сказать?

— О! ваше сіятельство такъ щедры, что я и настаивать не буду.

— Понимаю, вотъ тебѣ—и онъ бросилъ унцію, которую индіецъ подхватилъ на лету и сунулъ въ карманъ съ улыбкой удовольствія орангутанга.

— Останетесь довольны мною, ваше сіятельство, сказалъ онъ съ почтительнымъ поклономъ.

Потомъ онъ снялъ корзины съ мула и поставилъ ихъ на земь, сдѣлавъ рукою знакъ, чтобы разступились любопытные, собравшіеся кучкою вокругъ него.

— Отодвиньтесь, сеноры, сказалъ онъ:—оставьте мнѣ свободное мѣсто; чрезъ минуту возлѣ меня каждому будетъ грозить смерть.

Предостереженіе произвело желаемое дѣйствіе, особенно вслѣдствіе насмѣшливаго тона, свойственнаго этому странному человѣку; обступавшіе его люди разомъ отхлынули на почтительную дистанцію.

Гримаса злостнаго глумленія мелькнула на безобразномъ лицѣ индійца при такой поспѣшности.

Потомъ онъ нагнулся, снялъ крышку съ одной изъ корзинъ и досталъ оттуда барабанъ изъ обожженной формовой земли, похожій видомъ на котелъ, съ отверзтіемъ обтянутымъ онагровою кожею, длинную дудку изъ бамбука, всего съ тремя отверзтіями, и наконецъ большой, круглый ящикъ съ желѣзными обручами весь сквозной отъ просвирленныхъ въ немъ дыръ.

Послѣ этихъ приготовленій индіецъ опять обратился къ присутствующимъ.

— Сеноры, сказалъ онъ, но на этотъ разъ серіознымъ тономъ, свидѣтельствовавшимъ о важности, которую онъ приписывалъ своему предостереженію:—именемъ собственной вашей жизни и вѣры въ благость Божію, умоляю васъ, чтобъ не случилось ужаснаго несчастья, во все время моего представленія молчать и не шевелиться; одно слово, малѣйшее движеніе, даже невольное, будетъ вѣчною гибелью.

— Полно, болтунъ! смѣясь остановилъ его Фернандъ:—не безпокойся, желаніе твое исполнятъ.

— О! вы вельможи смѣетесь надъ всѣмъ, съ горечью сказалъ индіецъ.

— Начнешь ты или нѣтъ?

— Сейчасъ, ваше сіятельство; теперь прошу молчать для меня, если не для васъ; вѣдь болѣе всѣхъ подвергаюсь опасности я.

Всѣ молчали.

Каскабель вынулъ изъ слюняваго рта жвачку изъ кока, которую туземцы постоянно держатъ за щекою, и тщательно засунулъ ее за поясъ.

Кока листъ отъ ліаны, которая ростетъ въ Южной Америкѣ. Листья эти сушатся, когда же ихъ готовятъ для употребленія, то берутъ немного негашеной извести и кусочекъ пемзы, все вмѣстѣ свертываютъ въ видѣ шарика и кладутъ за щеку.

Индійцы увѣряютъ, что *кока* заставляетъ ихъ забывать сонъ, голодъ, жажду, усталость, и они дня три, четыре, даже пять могутъ не пить, не ѣсть, не спать и не испытывать даже утомленія.

Въ пребываніе мое въ Перу, желая удостовѣриться въ справедливости такого баснословнаго, какъ мнѣ казалось, дѣйствія, я не колеблясь самъ нѣсколько разъ испыталъ такъ называемыя чудотворныя свойства *коки*.

Опытъ привелъ меня къ заключенію, которое я впрочемъ уже предвидѣлъ, что кока, подобно бетелю и табаку, который жуютъ наши матросы и солдаты, только средство къ временному облегченію, полезное, даже необходимое отвлеченіе при долгомъ тяжеломъ трудѣ или продолжительномъ ожиданіи; но все его дѣйствіе ограничивается тѣмъ, что машинальный процесъ постояннаго жеванія освѣжаетъ ротъ и заставляетъ отдѣляться слюну. Жуя коку, бетель или табакъ, человѣкъ можетъ цѣлый день оставаться безъ пищи и питья, даже сна, но по прошествіи полусутокъ не выдержитъ долѣе и богатырь.

Есть ученые или вѣрнѣе мнимые ученые, которые говорятъ вкривь и вкось о томъ, что имъ извѣстно по одной наслышкѣ; они-то и приписываютъ кокѣ чудотворныя свойства, основываясь

на увѣреніяхъ краснокожихъ. Этимъ достойнымъ мужамъ, чрезчуръ легковѣрнымъ, надо предложить испробовать сперва на себѣ и потомъ уже сообщать о результатѣ.

Это повтореніе все той же старой исторіи о рыбѣ, которую можно было впустить въ лохань, до краевъ наполненную водой, и не заставить пролиться ни капли. Академія, которой этотъ странный фактъ былъ представленъ на обсужденіе, не засѣдала въ Томбукту, однако цѣлую недѣлю вела пренія объ удивительномъ свойствѣ рыбъ не прибавлять собою объема воды, въ которую проходятъ, а напротивъ уменьшить его поглощеніемъ.

Господь знаетъ, сколько мѣсяцевъ еще длилось бы это любопытное разсужденіе, еслибъ одинъ шутникъ не вздумалъ пустить рыбу въ сказанную лохань въ присутствіи оторопѣвшихъ академиковъ; вода немедленно полилась чрезъ края, ученые мужи убѣдились, что ихъ на смѣхъ подняли, и разошлись пристыженные; тѣмъ и дѣлу конецъ.

Это вполнѣ примѣнимо къ кокѣ.

Однако едва ли не лучше вернуться къ Каскабелю. Шагахъ въ десяти позади ящика, о которомъ мы говорили, онъ сѣлъ на землю, поджавъ подъ себя ноги и приложивъ къ губамъ дудку, извлекъ два звука чрезвычайно нѣжныхъ.

При этомъ первомъ призывѣ крышка ящика слегка заколебалась и опять стала неподвижна.

Каскабель повторилъ звуки, но рѣзче и громче, однако результатъ оказался одинъ и тотъ же.

Индіецъ поставилъ предъ собою барабанъ, схватилъ свой батожокъ и въ то же время какъ снова извлекалъ двѣ ноты изъ дудки, сильно ударилъ одинъ разъ по барабану. Тотчасъ же крышка полетѣла далеко, точно движимая пружиной, и взвилась изъ ящика громадная змѣя.

Отвратительное пресмыкающееся, желтое съ коричневыми пятнами, откинувшись тѣломъ назадъ и дугой загнувъ шею какъ лебедь, раскачивалось по направленію къ индійцу, который подходилъ, то протягивая къ нему руку, вооруженную батожкомъ, то отводя ее назадъ, а змѣя, какъ уже сказано, мѣрнымъ и ти-

химъ движеніемъ качала своею плоскою и треугольною головою, очень похожею на остріе копья.

Чудовище это было трехуглоголовъ, футъ семи длины, и тѣло его по срединѣ имѣло толщину руки человѣка рослаго и плотно сложеннаго. Этотъ родъ змѣй, будь сказано мимоходомъ, не менѣе опасенъ, чѣмъ гремучники.

Нѣсколько минутъ краснокожій заставлялъ колебаться у самаго лица своего плоскую голову гада, который вытянулся почти во всю длину, стоя на нижней части своего тѣла.

При всей своей отвагѣ, присутствующіе не нуждались теперь въ предостереженіи не двигаться и не говорить; въ ужасъ приводящее зрѣлище поразило ихъ оцѣпенѣніемъ и сковало имъ языкъ.

Вдругъ Каскабель опустилъ руку, вооруженную батожкомъ, и змѣя мгновенно упала въ ящикъ, свернувшись кольцомъ, посреди котораго возвышалась одна чудовищная голова ея съ желтыми глазами, устремленными на хозяина.

Тотъ досталъ изъ кармана горсть сухихъ листьевъ и разсыпалъ ихъ по землѣ предъ собою, потомъ разъ сильно ударилъ по барабану.

— Хозе, подлый рабъ, крикнулъ онъ: — сейчасъ очисти это мѣсто!

Змѣя немедленно потянулась изъ ящика, стала развивать свои могучія кольца и поползла къ тому мѣсту, гдѣ лежали листья, опять свернулась и быстрымъ движеніемъ хвоста разметала ихъ направо и налѣво, такъ что и слѣда не осталось.

— Ты добрый малый, Хозе, и слуга превосходный; я доволенъ тобой, продолжалъ краснокожій:—поди поцѣлуй хозяина, мой миленькій товарищъ.

Онъ протянулъ къ пресмыкающемуся правую, совершенно обнаженную руку; змѣя поднялась, издала тихій съ переливами свистъ и медленно обвилась вокругъ шеи индійца, потомъ приподняла свою плоскую голову и раздвоеннымъ языкомъ стала лизать его въ лицо.

Эта ужасающая ласка продолжалась добрыхъ двѣ, три ми-

нуты къ неописанному страху зрителей, которыхъ странная эта сцена просто леденила; наконецъ индіецъ осторожно взялъ змѣю за голову, медленно развилъ безчисленныя кольца, которыми она обвилась вокругъ его шеи, и положилъ ее у своихъ ногъ, гдѣ она оставалась неподвижна, вѣроятно, измученная всѣмъ, что̀ ей пришлось продѣлывать.

Тутъ Каскабель взялъ ее за шею, съ трудомъ приподнялъ и едва дотащилъ, между тѣмъ какъ хвостъ волочился по землѣ, до ящика, куда онъ тщательно уложилъ ее, свернувъ кольцами, а потомъ крышку укрѣпилъ на-глухо.

Краснокожій подошелъ къ дон-Фернанду и остановился противъ него на разстояніи двухъ футъ, раскрылъ свою блузу и досталъ мѣшочекъ, надѣтый у него на шеѣ на крѣпкой кожаной плетенкѣ.

— Съ вашего позволенія, сіятельный графъ, сказалъ онъ: — я покажу вамъ маленькое животное, довольно любопытное.

— Какое?

— Кораловую змѣю.

— Ага! и змѣя эта опасна? продолжалъ молодой человѣкъ съ мнимымъ равнодушіемъ.

— Еще-бы! посмѣиваясь возразилъ краснокожій: — укушеніе кораловой змѣи причиняетъ смерть менѣе чѣмъ въ два часа.

— Но противъ яда ея должно быть средство?

— Навѣрно существуетъ, ваше сіятельство, но еще не открыто.

— Такъ ты должно быть вырвалъ у нея ядоносные зубы, чтобъ она была безвредна?

— Сейчасъ сами увидите, если желаете, сіятельный графъ.

— Почему нѣтъ; уже не хочешь ли ты чего добраго напугать меня своими разсказами, негодяй?

— Вы не можете предполагать подобной дерзости съ моей стороны.

— Такъ показывай свой гадъ безъ дальняго разглагольствованія; вотъ тебѣ еще унція.

Съ этими словами онъ бросилъ монету. Краснокожій подхва-

тилъ ее такъ же ловко, какъ и первую; въ мигъ она исчезла въ его карманѣ.

— Да благословитъ васъ Богъ, сіятельный графъ, вскричалъ онъ:—вотъ моя змѣйка, только не подходить ко мнѣ!

Раскрывъ мѣшочекъ, онъ опустилъ въ него руку и вынулъ змѣю за кончикъ хвоста.

Она была дюймовъ въ пятнадцать длины и блѣднорозоваго цвѣта съ фіолетовыми полосками.

Едва она очутилась на свѣту, какъ взвилась съ бѣшеннымъ шипѣніемъ и откинула голову назадъ, точно будто хотѣла броситься на державшаго ее индійца.

А тотъ, ничуть не пугаясь такого грознаго пріема, какъ-то особенно засвисталъ, поднесъ змѣю къ своему лицу, котораго всѣ черты мгновенно приняли напряженное, страшное выраженіе, и вперилъ взоръ въ глаза пресмыкающагося.

Борьба между животнымъ и человѣкомъ длилась цѣлую минуту, но побѣжденнымъ оказался гадъ; подъ вліяніемъ блестящаго, кристальнаго взора онъ присмирѣлъ, медленно сталъ опускаться, свертываясь кольцами, и голову спряталъ.

Каскабель усмѣхнулся съ видомъ торжества, медленно поднесъ змѣю къ губамъ, все держа за хвостъ, и наконецъ вложилъ всю въ ротъ.

Цѣлую минуту она оставалась во рту, когда же была вынута, то повисла точно мертвая съ руки индійца.

— Теперь вы удостовѣритесь, ваше сіятельство, сказалъ Каскабель съ своею вѣчною злою усмѣшкой, которая въ эту минуту казалась особенно зловѣщею:—такъ ли безвредна эта змѣя, какъ вы полагали, и могъ ли бы всякій справиться съ нею такъ легко и безнаказанно, какъ я. Извольте поглядѣть, ваше сіятельство; стоитъ труда, клянусь вамъ!

Онъ далъ змеѣ три, четыре щелчка по шеѣ, та вдругъ взвилась, раскрыла пасть, обѣ челюсти ея откинулись назадъ и оставили на виду ядоносные зубы, точно два угрожающихъ острія. Зубы эти, подвижные и полые внутри, нижнимъ отверзтіемъ сообщаются съ ядоотдѣлительными железками и поднимаются пер-

пендикулярно деснамъ при сокращеніи жевательнаго мускула, когда змѣя раскрываетъ пасть, чтобъ укусить.

— Что вы скажете объ этомъ, ваше сіятельство? продолжалъ Каскабель:—вы все еще находите это миленькое животное такимъ безвреднымъ, какъ полагали его сперва?

— О! нѣтъ, я сознаю свою ошибку; но какимъ же способомъ ты укрощаешь змѣй?

— Это моя тайна, ваше сіятельство; напрасно было бы настаивать на разспросахъ, я не могу удовлетворить вашего любопытства въ этомъ отношеніи.

Индіецъ опять положилъ кораловую змѣю въ мѣшочекъ, который спряталъ подъ блузу на груди.

— Штучка эта, продолжалъ онъ съ неуловимой насмѣшливостью:—одна изъ самыхъ удачныхъ; болѣе мнѣ теперь показывать нечего, сіятельный графъ; довольны ли вы?

— Такъ доволенъ, отвѣтилъ Фернандъ не безъ намѣренія:—что я, быть можетъ, пожелаю увидѣть тебя опять. Если придетъ мнѣ такая прихоть, гдѣ найти тебя?

— Вездѣ, ваше сіятельство.

— Это значитъ нигдѣ; смѣешься ты что ли надо мной, негодяй?

— Ни мало, сіятельный графъ; я то и дѣло брожу по городу и окрестностямъ, да и всякій знаетъ меня; я не имѣю никакого повода скрываться.

— Положимъ; пожалуй, я тебя и вызову опять.

— Смиренно буду ждать приказаній вашего сіятельства.

Каскабель опять навьючилъ на мула свои корзины, раскланялся съ видомъ насмѣшливаго торжества и медленно вышелъ на улицу.

— Надо зорко слѣдить за этимъ молодцомъ, сказалъ Фернандъ на ухо Мишелю:—у него шпіонская рожа, которая мнѣ не понутру.

— Будутъ слѣдить, не безпокойтесь, ваше сіятельство, отвѣтилъ буканьеръ съ выразительнымъ движеніемъ руки.

— Я не хочу, чтобы его убивали, съ живостью вскричалъ Фернандъ: — онъ мнѣ еще нуженъ!

— Такъ его только поставятъ въ невозможность вредить.

— Вотъ именно.

Однако Каскабель, который утверждалъ, что его встрѣтить можно вездѣ, исчезъ безслѣдно, и не смотря на самыя дѣятельныя поиски, нигдѣ не оказывался.

Неудача эта взбѣсила Мишеля, Фернанда же она заставила задуматься не на шутку.

II.

КАКЪ ВЗЯЛСЯ ЗА ДѢЛО ПЬЕРЪ ЛЕГРАНЪ, ЧТОБЪ ОВЛАДѢТЬ ОСТРОВОМЪ САНТА-КАТАРИНА.

Мы возвратимся теперь къ флибустьерскому флоту, который оставили послѣ того, какъ онъ съ торжествомъ снялся съ якоря въ Порт-де-Пе, мало-по-малу удалился и окончательно исчезъ изъ вида на краю небосклона.

Часамъ къ пяти пополудни земли уже видно не было; однако до заката солнца флотъ шелъ вмѣстѣ.

Двѣ испанскія каравелы, посланныя, по всему вѣроятію, наблюдать за движеніями Береговыхъ Братьевъ, неосторожно подошли слишкомъ близко и были захвачены въ плѣнъ.

Это были маленькія береговыя суда съ четырьмя камнеметными мортирами и десятью человѣками экипажа на каждой.

Два небольшихъ отряда Береговыхъ Братьевъ перешло на каравелы, которыя должны были слѣдовать за флотомъ.

Легкія эти суда сидѣли неглубоко въ водѣ и потому оказывались неоцѣненными для обозрѣнія мѣстности.

Испанцевъ перевели на адмиральскій корабль и по знаку Монбара ихъ мигомъ вздернули на реи, къ великой радости буканьеровъ, но разумѣется далеко не къ радости бѣдняковъ, которымъ суждено было играть главную роль въ этомъ роковомъ представленіи.

Такимъ-то образомъ вели между собою войну испанцы и флибустьеры; дѣйствія были одинаковы съ обѣихъ сторонъ: взятъ, такъ и повѣшенъ; эта грозная поговорка осуществлялась во всей своей силѣ.

И не даромъ Монбаръ былъ прозванъ Истребителемъ: онъ питалъ къ испанцамъ такую ожесточенную и глубокую ненависть, что кого изъ нихъ несчастная звѣзда приведетъ въ его руки, тотъ неминуемо былъ повѣшенъ. Никогда еще онъ не помиловалъ ни одного плѣнника. Каждый разъ, когда онъ возвращался съ крейсерства въ Порт-Марго или Порт-де-Пе, корабли его были увѣшаны точно гирляндами мертвыми тѣлами враговъ, вздернутыхъ на реи.

Незадолго до заката былъ поднятъ сигнальный флагъ на адмиральскомъ кораблѣ; этотъ сигналъ означалъ: свобода эволюцій. Немедленно же флотъ распался на части и каждая эскадра пошла къ мѣсту своего назначенія.

Адмиралъ все шелъ къ Сан-Хуану.

Морганъ со второю эскадрою повернулъ къ Порто-Бело.

Наконецъ третья эскадра, подъ командою Пьера Леграна, держала ближе къ вѣтру и направилась къ острову Санта-Катарина, которымъ ей приказано было овладѣть.

Мы послѣдуемъ за этой эскадрой, которой порученіе, если не было самое опасное, то во всякомъ случаѣ самое важное.

Островъ Санта-Катарина, который не слѣдуетъ смѣшивать съ тѣмъ, который у береговъ Бразиліи, повидимому, совсѣмъ не извѣстенъ нашимъ ученымъ географамъ; по-крайней-мѣрѣ о немъ не упоминаетъ ни одинъ изъ нихъ. Островъ этотъ находится у

береговъ Костарики, въ тридцати миляхъ приблизительно отъ рѣки Чагре на 12° 30′ сѣверной широты.

Монбаръ избралъ его мѣстомъ снабженія флота съѣстными припасами, по близости его къ пункту, который онъ хотѣлъ занять; лучше выбора нельзя было сдѣлать ни въ какомъ отношеніи.

Только казалось трудно овладѣть имъ.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, островъ Санта-Катарина защищался четырьмя сильно укрѣпленными каменными фортами и нѣсколькими прочными батареями; сверхъ того онъ доступенъ былъ только въ трехъ пунктахъ.

Островъ поменьше возлѣ Санта-Катарины соединялся съ нимъ мостомъ, который легко было разрушить; островокъ этотъ слѣдовательно образовывалъ, такъ сказать, пятый фортъ, тѣмъ грознѣе, что съ него можно было обстрѣливать рейдъ и городъ. Нечего было также думать взять его голодомъ; онъ снабжалъ въ изобиліи всѣми жизненными припасами.

Отлично зная, какъ важно для ихъ торговли и безопасности колоній въ центральной Америкѣ владѣніе островомъ Санта-Катарина, испанцы сильно укрѣпили его; они помѣстили храбрый гарнизонъ и сдѣлали островъ общимъ складомъ и мѣстомъ снабженія припасами всего ихъ флота; сверхъ того, они устроили тамъ колонію, куда свозились всѣ преступники, осужденные американскими судами.

Этихъ осужденныхъ заставляли строить укрѣпленія, нагружать и выгружать суда, чинить дороги и, въ случаѣ нападенія, имъ раздавали оружіе для содѣйствія общей оборонѣ.

Вотъ каковъ былъ островъ, которымъ Пьеру Леграну слѣдовало овладѣть.

Одни флибустьеры могли давать подобныя приказанія и способны были отважиться исполнить ихъ съ тѣми слабыми средствами, какими они располагали.

Ни самъ Пьеръ Легранъ, ни кто-либо изъ Береговыхъ Братьевъ подъ его командою не сомнѣвался ни на одно мгновеніе, чтобъ предпріятіе ихъ не увѣнчалось успѣхомъ.

*

Впрочемъ, что̀ впереди бы ни было, какъ скоро флибустьеры выступали въ экспедицію, они бросались очертя голову словно демоны и ничто уже не могло остановить ихъ.

Послѣ десяти дней довольно бурнаго плаванія, замедляемаго еще необходимостью идти вмѣстѣ, флибустьеры увидали на краю небосклона что-то похожее на сѣрыя облачка, однако на самомъ дѣлѣ пики твердой земли; эскадра находилась уже не въ дальнемъ разстояніи отъ острова, къ которому направлялась.

Была половина седьмого пополудни. Пьеръ Легранъ скомандовалъ убрать паруса и пойти на однѣхъ снастяхъ; онъ послалъ лодку для рекогносцировки и вытребовалъ къ себѣ на корабль своихъ помощниковъ.

Спустя полчаса въ кают-компаніи, вокругъ большого стола, съ бутылками рома и водки, съ табакомъ и трубками, сидѣли Пьеръ Легранъ, Филипъ д'Ожеронъ, капитанъ на адмиральскомъ кораблѣ, и помощники вице-адмирала, контр-адмиралы Петръ Прямой и Александръ.

— Братья, открылъ Пьеръ Легранъ засѣданіе: — вотъ мы и предъ островомъ Санта-Катарина, который надо взять; я не стану обсуждать, возможно ли это; разумѣется, мы должны имѣть успѣхъ.

— Еще бы, чортъ возьми! вскричали флибустьеры въ одинъ голосъ: — въ этомъ нѣтъ и тѣни сомнѣнія.

— Стало быть, остается только обсудить, какъ бы разомъ прибрать къ рукамъ островъ и скрутить проклятыхъ испанцевъ.

— Нѣтъ ли у васъ какого плана, адмиралъ? спросилъ Александръ.

— Быть можетъ и есть, но умъ хорошо, а два лучше; я призвалъ васъ, товарищи, чтобъ услышать ваше мнѣніе

Два контр-адмирала только наклонили головы.

— Вамъ, Филипъ, говорить первому, какъ младшему по лѣтамъ и званію.

— Только въ трехъ пунктахъ островъ этотъ доступенъ, отвѣтилъ молодой человѣкъ: — я раздѣлилъ бы эскадру на четыре

части, одновременно напалъ на всѣ три пункта и въ то же время вошелъ на всѣхъ парусахъ въ гавань.

— Теперь за вами рѣчь, Петръ Прямой, сказалъ предсѣдатель совѣта.

— Я признаю за планомъ нашего друга и брата, Филиппа д'Ожерона, характеръ смѣлости, который пожалуй и могъ быть залогомъ успѣха, началъ Петръ Прямой: — но все-таки нахожу его очень ужъ рискованнымъ. Раздѣлить наши силы, это ослабить ихъ и подвергнуться опасности быть разбитымъ по частямъ; укрѣпленія островка, командуя фортами и батареями большого острова, ограждаютъ ихъ своимъ огнемъ. Сперва я занялъ бы островокъ, а потомъ потребовалъ сдачи большого острова, который не могъ бы не сдаться, чтобъ спастись отъ окончательнаго разрушенія.

— За вами рѣчь, Александръ, хладнокровно сказалъ предсѣдатель.

— А я, адмиралъ, отчеканилъ Александръ:—не сталъ бы вертѣться окольными путями, прямо вошелъ бы въ гавань со всею эскадрою, сталъ бы на пистолетный выстрѣлъ отъ набережной и съ зажженными фитилями потребовалъ сдачи острова, а въ случаѣ отказа губернатора, приступилъ бы къ бомбардированію города, вотъ и все.

Настала минута молчанія.

Пьеръ Легранъ наполнилъ поочередно стаканы своихъ товарищей, чокнулся съ ними, потомъ медленно осушилъ свой стаканъ и поставилъ его назадъ на столъ, крякнувъ отъ удовольствія.

— Товарищи, заговорилъ онъ наконецъ: — въ вашихъ планахъ вообще много хорошаго, но отдѣльно взятые они негодятся, по моему мнѣнію по-крайней-мѣрѣ. Намъ не надо терять времени и давать испанцамъ возможность опомниться и счесть, сколько насъ; мы должны налетѣть на нихъ какъ стая коршуновъ. Мой планъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ ваши; сейчасъ увидите. Прежде всего надо вспомнить, что мы имѣемъ дѣло съ испанцами, то-есть людьми, которыхъ безпечность извѣстна, лѣ-

ность вошла въ пословицу и нерадѣніе не знаетъ предѣловъ. Испанцы не подозрѣваютъ нашей экспедиціи, стало быть они не ожидаютъ насъ. Форты ихъ, какъ они ни прочны и грозны, однако не вооружены, или по-крайней-мѣрѣ очень плохо; солдаты, составляющіе гарнизонъ, въ разбродѣ по всему городу и окрестностямъ; пушки, быть можетъ, даже не на лафетахъ, а боевые снаряды навѣрно сложены въ особыхъ магазинахъ. Будьте увѣрены, испанцы наиболѣе разсчитываютъ для обороны острова на славу, которую они же распустили, о немъ, что онъ неприступенъ. Завтра этотъ вопросъ нами будетъ рѣшенъ. Вотъ какъ я намѣренъ поступить: въ эту ночь мы пролавируемъ предъ островомъ; мѣсяца нѣтъ, насъ не увидятъ; на разсвѣтѣ мы войдемъ въ гавань, станемъ на шпрингъ и откроемъ адскій огонь; подъ его прикрытіемъ высадятся на берегъ восемьсотъ человѣкъ, а между-тѣмъ Петръ Прямой съ двумя-стами человѣкъ тайкомъ подкрадется къ островку и захватитъ его врасплохъ предъ самымъ восходомъ солнца. Никакихъ требованій сдачи не надо; просто ядра и дѣлу конецъ. Мы должны взять внезапностью; съ какой стати давать испанцамъ время приготовиться къ оборонѣ? Это было бы нелѣпо съ нашей стороны. Ядра, пули и сабельные удары, нѣтъ вѣрнѣе средствъ быстро покончить дѣло. Если мы живо сварганимъ штучку, то навѣрно возьмемъ городъ и прочно засядемъ на островѣ. Вотъ мой планъ, товарищи; что вы скажете о немъ?

— Намъ онъ кажется чисто библейской простоты, отвѣтилъ Филипъ улыбаясь.

— И удаться долженъ непремѣнно, прибавилъ Петръ Прямой.

— Такъ вы одобряете его?

— Вполнѣ! разомъ заговорили всѣ, склонивъ голову въ знакъ согласія.

— Значитъ рѣшено; возвращайтесь на ваши корабли, товарищи, и готовьтесь къ атакѣ; надо только дѣйствовать смѣло и дружно; за успѣхъ я ручаюсь.

— И мы ручаемся.

— Прекрасно. Итакъ до свиданія завтра.

Флибустьеры въ послѣдній разъ чокнулись стаканами, контр-адмиралы отправились обратно на свои суда и вскорѣ эскадра двинулась въ путь.

Незадолго предъ тѣмъ лодка, посланная для рекогносцировки, причалила къ адмиральскому кораблю.

Она захватила рыбака.

По приказанію адмирала, который тотчасъ же хотѣлъ разспросить его, плѣнника привели въ кают-компанію.

Что̀ предвидѣлъ Пьеръ Легранъ, оказалось справедливо до мельчайшихъ подробностей. Рыбакъ безъ всякаго упорства отвѣчалъ на искусные разспросы адмирала тѣмъ съ большей готовностью, что зналъ флибустьеровъ съ давнихъ поръ щедрыми до безумія за оказанную услугу, но неумолимо жестокими къ тѣмъ, кто обманывалъ ихъ завѣдомо. Къ тому же человѣкъ этотъ былъ освобожденный каторжникъ, которымъ не могли руководить ни чувства чести, ни любви къ отечеству; подъ обаяніемъ золота, которое флибустьеръ держалъ предъ его глазами, онъ готовъ былъ бы продать самого себя.

Какъ и предполагалъ Пьеръ Легранъ, испанцы не имѣли никакихъ свѣдѣній; они не подозрѣвали флибустьерской экспедиціи. Все на островѣ находилось въ страшномъ хаосѣ; форты не вооружены, гарнизонъ на половину распущенъ и совсѣмъ службы не несъ. Магазины правда биткомъ были набиты запасами и всякаго рода боевыми снарядами, но магазины стояли за чертою города, для огражденія отъ пожара и тѣмъ самымъ въ подобномъ случаѣ, гдѣ дорога была минута, становились совершенно безполезны вслѣдствіе медленности и затрудненій перевоза.

Впрочемъ, испанцы были убѣждены, при свойственной имъ гордости и самонадѣянности, что флибустьеры никогда не осмѣлятся напасть на ихъ сильныя укрѣпленія.

Итакъ флибустьерскій адмиралъ не ошибся ни въ чемъ относительно плана, который изложилъ въ совѣтѣ.

Подобная нерадивость была бы невѣроятна и превосходила бы все, что̀ было говорено о быстромъ паденіи несчастнаго испанскаго народа, достойнаго однако во многихъ отношеніяхъ не

только жалости, но и сочувствія людей мыслящихъ; тѣмъ не менѣе исторія говоритъ положительно; она не разсуждаетъ, а утверждаетъ; приходится преклоняться предъ безапеляціоннымъ рѣшеніемъ, когда излагаешь фактъ, къ несчастью, какъ нельзя болѣе дѣйствительный. Изложенное нами здѣсь происходило точь-въ-точь какъ мы передаемъ это; не только мы не преувеличиваемъ, но напротивъ стараемся сгладить, такъ грустно вліяетъ на насъ самихъ мрачная картина, которую мы волей-неволей должны развертывать предъ читателемъ, дабы показать ему мишурное величіе монархіи, заставившей одно время дрожать весь міръ, однако благодаря шаткимъ основаніямъ теперь повергнутой въ прахъ отъ невѣжества, фанатизма и гордости.

Бѣдный, злополучный народъ этотъ, и способный, и храбрый, доведенъ до такого низкаго умственнаго и нравственнаго уровня монахами, деспотизмомъ и налогами, то-есть, жаждою поживы и золота, что ужаснѣйшій переворотъ, котораго даже предвидѣть страшно, и тотъ едва ли выдвинетъ его на одну высоту съ прочими націями. Въ испанцахъ съ намѣреніемъ притупляли всѣ хорошія чувства и старались замѣнить ихъ однѣми постыдными страстями, чтобы управлять ими посредствомъ этихъ страстей и держать ихъ подъ игомъ, которое они, подобно сраженному титану, тщетно силятся свергнуть.

Что бы ни говорили, а паденіе Испаніи имѣло началомъ неумолимый деспотизмъ звѣроподобнаго тирана, чудовища въ человѣческомъ образѣ, извѣстнаго подъ названіемъ Филипа II.

Этотъ трусливый король, ханжа, гордецъ, кровопійца и обманщикъ, имѣлъ всѣ дурныя свойства животнаго и ни одного изъ малѣйшихъ добрыхъ качествъ человѣка; имъ положенное начало распаденія такъ и не останавливалось съ тѣхъ поръ въ своемъ развитіи. Испанія утратила двѣ трети своего населенія; остальная же треть, за исключеніемъ нѣкоторыхъ избранныхъ людей, надѣленныхъ способностями, выходящими изъ ряда, коснѣетъ въ невѣжествѣ и самомъ унизительномъ варварствѣ. Неужели этой прекрасной и плодоносной странѣ, предоставленной

монахамъ и растлѣвающему обскурантизму, суждено въ силу божественнаго права превратиться въ пустыню?

Это тайна Провидѣнія.

Давно уже Испанія намъ мила, какъ не можетъ быть дороже собственное отечество; мы все надѣемся, хотя не смѣемъ вѣрить этому, что произойдетъ наконецъ реакція и она, подобно новому Лазарю, возстанетъ изъ гроба, гдѣ фанатизмъ и суевѣріе держатъ ее скованною такъ давно.

Послѣ продолжительнаго допроса адмиралъ, оставшись доволенъ откровенными отвѣтами рыбака, далъ ему пятнадцать унцій, что̀ составляло цѣлое состояніе для такого бѣдняка, и сдалъ его на руки Филипа д'Ожерона съ предписаніемъ бдительно карауліть и не возвращать ему свободы, пока островъ не будетъ во власти Береговыхъ Братьевъ.

Рыбакъ однако и не думалъ бѣжать; напротивъ, онъ предпочиталъ сойти на берегъ только когда все уже совершится, не безъ основанія опасаясь, что продолжительная его отлучка и внезапное возвращеніе поведутъ къ разнымъ предположеніямъ. Не заставивъ повторить себѣ этого, онъ легъ, гдѣ ему указали, тщательно спрятавъ въ поясъ полученное золото, и заснулъ сномъ праведника.

Развѣ золото не лучшее цѣлебное средство для трусливой совѣсти?

Эскадра лавировала всю ночь въ виду острова, постепенно однако приближаясь при каждомъ поворотѣ, и за часъ до выхода солнца Береговые Братья находились едва на половину пушечнаго выстрѣла отъ большого и прекраснаго рейда Санта-Катарины, въ который намѣревались войти съ такою неслыханной смѣлостью.

На всѣхъ судахъ глухо пробили тревогу и, по обычаю буканьеровъ предъ каждымъ ожесточеннымъ боемъ, на палубѣ самимъ командиромъ прочтена была молитва, которую благоговѣйно повторялъ за нимъ экипажъ.

Исполнивъ этотъ долгъ, матросамъ дали десять минутъ на завтракъ; еще совсѣмъ было темно и четвертый часъ въ началѣ.

Сдѣлали послѣднія приготовленія къ атакѣ. Шлюпки были спущены на воду и высадное войско въ нихъ размѣщено. Мало-по-малу онѣ зашли каждая за корму того судна, къ которому принадлежали и которое должно было ввести ихъ на буксирѣ внутрь рейда.

Тутъ двѣ легкія пирòги отдѣлились отъ адмиральскаго судна и тихо пошли ко входу порта, удостовѣриться, протянута ли цѣпь для прегражденія доступа.

Въ то же мгновеніе десять лодокъ, съ веслами и уключинами обвернутыми паклей и биткомъ набитыя людьми, отдѣлились отъ судовъ, командуемыхъ Петромъ Прямымъ, и пошли греблей къ маленькому островку.

На лодкахъ этихъ было двѣсти человѣкъ, а шли они захватить врасплохъ тысячу шестьсотъ!

Еслибы то, что̀ мы намѣрены изложить, не было утверждаемо самымъ положительнымъ образомъ всѣми историками, быть можетъ, мы не рѣшились бы описать этотъ подвигъ безумной отваги, такъ онъ кажется невѣроятно смѣлъ и такъ усложненъ странными случайностями, явно доказывающими, до какой баснословной степени можетъ доходить безпечность нѣкоторыхъ правленій.

Пирòги достигли узкаго пролива, которымъ замыкается рейдъ. Ночь была темная; лодки шли очень осторожно и караула нигдѣ не оказывалось; флибустьеры, разумѣется, преспокойно пристали, одни направо, другіе налѣво отъ входа въ гавань, взошли на набережную, гдѣ концы цѣпи были закрѣплены, отцѣпили ихъ одновременно съ той и другой стороны, и надвязавъ кабельтовомъ, опустили въ море безъ малѣйшаго шума.

Но тутъ новая мысль мелькнула въ умѣ Береговыхъ Братьевъ. Они случайно замѣтили, что небольшія двери внизу фортовъ, которыя защищали проливъ, даже не затворены.

Пирòги поспѣшили назадъ къ адмиральскому судну, дали отчетъ въ возложенномъ на нихъ порученіи и сообщили о своемъ открытіи.

Пьеръ Леграпъ тотчасъ рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ мигомъ захватить форты.

Десять лодокъ, хорошо вооруженныхъ, подъ начальствомъ Филиппа д'Ожерона и самого Пьера Леграна, пошли къ проливу и раздѣлились на двѣ части, каждая во сто человѣкъ, которыя одновременно вошли въ оба форта.

Смѣлое нападеніе вышло удачнѣе, чѣмъ могли надѣяться сами флибустьеры; испанцы вполнѣ были увѣрены, что имъ бояться нечего, и потому форты оказались чуть что не пустыми; въ нихъ едва можно бы насчитать по сотнѣ человѣкъ гарнизона, застигнутаго спящимъ и побѣжденнаго въ мгновеніе ока; остальная часть гарнизона находилась въ разбродѣ; форты взяли безъ выстрѣла.

Захваченныхъ въ плѣнъ испанцевъ всѣхъ повѣсили; плѣнники связали бы флибустьерамъ руки; рѣшаясь на попытку отчаянной отваги, они хотѣли сильными мѣрами съ самаго приступа внушить непріятелю полезный страхъ.

Въ каждомъ изъ фортовъ оставленъ былъ гарнизонъ, пушки обращены на городъ, тѣла несчастныхъ испанцевъ вывѣшены на виду рядами снаружи стѣнъ, и наконецъ адмиралъ съ командиромъ корабля вернулись на свое судно.

Изъ четырехъ фортовъ, защищавшихъ большой островъ, два уже были во власти флибустьеровъ; фортъ на островкѣ также по всему вѣроятію не замедлитъ сдаться отряду, посланному Петромъ Прямымъ; слѣдовательно, оставалось овладѣть всего двумя фортами и городомъ, а это дѣйствительно было дѣломъ пустымъ для людей, которыхъ не страшила никакая опасность, никакая преграда остановить не могла.

Начало экспедиціи предвѣщало хорошее, только не слѣдовало терять ни минуты; опаловыя полосы уже легли на небосклонѣ и понемногу загорались багрянымъ отливомъ; небесная твердь свѣтлѣла съ каждою минутой, ночныя звѣзды меркли одна за другой и вскорѣ солнце должно было разсѣять мракъ.

Адмиралъ подалъ сигналъ къ атакѣ.

Эскадра вошла разомъ въ рейдъ и заняла его весь; суда вытянулись въ одну линію и стали на шпрингъ.

Между тѣмъ лодки обрубили канаты, которыми прикрѣплены были къ судамъ, и на веслахъ пошли къ городу. На лодкахъ было до тысячи двухсотъ человѣкъ.

Въ ту самую минуту, когда солнце величественно поднималось изъ-за небосклона, громовой залпъ съ продолжительными раскатами грянулъ надъ городомъ и ядра посыпались на него дождемъ.

Яростные крики тысячи двухсотъ человѣкъ отозвались зловѣщимъ отголоскомъ на грохотъ орудій и флибустьеры ринулись на городъ разомъ со всѣхъ сторонъ, небольшими отрядами въ сорокъ и пятьдесятъ человѣкъ.

Два форта у входа въ рейдъ почти одновременно съ фортомъ на маленькомъ островкѣ присоединились къ общему бомбардированію и покрыли Санта-Катарину градомъ ядръ.

Сраженіе въ мигъ приняло ужасающіе размѣры.

Никакими словами нельзя передать испуга и оцѣпенѣнія испанцевъ, когда они внезапно увидали при пробужденіи, что окружены значительными силами и почти уже во власти своихъ грозныхъ и неумолимыхъ враговъ, флибустьеровъ.

Сперва произошло страшное смятеніе, сущій хаосъ, надъ которымъ преобладала неудержимая паника; всѣ бѣжали, сами не зная зачѣмъ и куда.

Флибустьеры являлись повсюду, поджигали дома и безжалостно умерщвляли несчастныхъ жителей, которые спросонья, полуодѣтые, спасались бѣгствомъ изъ своихъ пылающихъ жилищъ. Женщины, дѣти, старцы, никто не былъ пощаженъ слѣпой яростью Береговыхъ Братьевъ.

Однако вскорѣ въ этомъ населеніи, доведенномъ до отчаянія, произошла реакція.

Нѣсколько человѣкъ съ силою воли смѣло бросились впередъ и стали защищаться, предпочитая храбро дать убить себя, тому, чтобы постыдно быть изрубленными, не оказавъ никакого отпора.

Губернаторъ дон-Севастьянъ Коронель, старый воинъ храбрости безупречной, съ помощью нѣкоторыхъ преданныхъ офицеровъ, собралъ гарнизонъ, который былъ въ разбродѣ, присоединилъ къ нему волонтеровъ изъ городскихъ жителей и съ этимъ избраннымъ небольшимъ войскомъ, помѣстивъ посреди него женщинъ, дѣтей, священниковъ и монахинь, словомъ—все, что̀ не въ состояніи было защищаться, началъ медленное и гордое отступленіе подъ огнемъ флибустьеровъ, которые невольно почувствовали къ нему благоговѣйное удивленіе.

Цѣною громадныхъ жертвъ, оставляя за собою на каждомъ шагу груды тѣлъ, но не давая флибустьерамъ врѣзаться въ ихъ ряды, такъ какъ ярость ихъ безсильно разбивалась о холодный и геройскій отпоръ испанцевъ, дон-Севастьянъ успѣлъ послѣ двухъ часовъ страшной борьбы ввести цѣлымъ и невредимымъ въ два форта, еще незанятые непріятелемъ, бо̀льшую часть населенія города, и самъ заперся въ нихъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ, признавая невозможнымъ бой на открытомъ полѣ, но твердо рѣшившись защищаться до послѣдней крайности и сдаться только на почетныхъ условіяхъ.

Испанцы, взятые отдѣльно, всѣ одинаковы; они храбры до безумства, умны и энергичны; плохи въ Испаніи только учрежденія; измѣните ихъ и страна спасена; въ людяхъ недостатка не будетъ; это доказывается исторіею.

Флибустьеры, знатоки по части геройства, даровали губернатору болѣе, чѣмъ онъ смѣлъ надѣяться.

Ему позволено было переѣхать на материкъ съ своимъ отрядомъ и тѣми изъ жителей, которые пожелаютъ слѣдовать за нимъ; остальнымъ даровали жизнь и даже пощадили ихъ имущество, разумѣется, цѣлою громадной военной контрибуціи.

Береговые Братья были внѣ себя отъ восторга; успѣхъ превзошелъ всѣ ихъ ожиданія; они завоевали почти безъ борьбы несмѣтныя богатства. Атака произведена была такъ быстро и дружно, что флибустьеры потеряли не болѣе тридцати человѣкъ, и то во время львинаго отступленія дон-Севастьяна Коронеля.

Въ тотъ же вечеръ губернаторъ съ своимъ войскомъ сѣлъ на

старыя суда и направился къ материку, а жители вернулись въ свои полуразрушенныя жилища и въ городѣ водворилась наконецъ тишина.

Не теряя минуты, Пьеръ Легранъ принялся за вторую часть своего порученія; онъ осмотрѣлъ арсеналы и магазины, нашелъ ихъ полными и приступилъ къ приготовленіямъ для снабженія флота всѣмъ необходимымъ.

По прошествіи двухъ, трехъ дней видъ города совершенно измѣнился; флибустьеры, которые впрочемъ жили въ довольно добромъ согласіи съ городскими жителями, придали лихорадочную дѣятельность этому уголку земли, который подъ неодолимымъ ихъ вліяніемъ точно будто внезапно пробудился отъ долгаго и тяжелаго сна.

III.

ДОН-ХЕЗУСЪ ОРДОНЕЦЪ И ДОН-ПАБЛО САНДОВАЛЬ ВООБРАЖАЮТЪ, ЧТО ЗАКЛЮЧИЛИ ПРЕВЫГОДНОЕ УСЛОВІЕ.

Пока флибустьерскій флотъ начиналъ такими смѣлыми попытками свою великую экспедицію противъ самаго важнаго склада испанцевъ въ Америкѣ, въ Панамѣ происходило нѣсколько событій, которыя мы обязаны передать.

Графъ дон-Фернандъ де-Кастель Морено, которому мы, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, вернемъ имя его въ средѣ Береговыхъ Братьевъ, кончалъ завтракать съ Тихимъ Вѣтеркомъ, Мишелемъ Бискайцемъ, Бартелеми и еще нѣсколькими флибустьерами. Усердно поклонялись бутылочкѣ и веселые собесѣдники стали уже говорить всѣ разомъ, не слушая другъ друга, когда дверь столовой отворилась и вошелъ Шелковинка.

Пажъ приблизился къ Прекрасному Лорану и сказалъ ему что-то на ухо. Тотчасъ же лицо молодого человѣка совершенно измѣнилось; онъ всталъ и обратился къ пріятелямъ.

— Пейте и курите сколько душѣ угодно, товарищи, но не шумите; мнѣ сейчасъ доложили о важномъ посѣщеніи; я ухожу.

— Будь покоенъ, отвѣтилъ Тихій Вѣтерокъ за всѣхъ:—если твои гости не подойдутъ слишкомъ близко къ этой залѣ, никто не заподозритъ нашего присутствія здѣсь, ручаюсь тебѣ головой.

— Очень хорошо.

Съ этими словами Лоранъ вышелъ изъ столовой и направился къ парадной гостиной.

Тамъ его ждало двое.

Это были дон-Хезусъ Ордонецъ и капитанъ Сандоваль.

— Чего-нибудь освѣжительнаго! приказалъ Лоранъ своему пажу и любезно раскланялся съ гостями.

Юліанъ или Шелковинка почти мгновенно вернулся съ слугою, который несъ за нимъ подносъ со всякаго рода угощеніемъ и поставилъ его на столъ.

Потомъ, по знаку хозяина, пажъ и слуга вышли.

— Сеноры, съ величайшей вѣжливостью обратился молодой человѣкъ къ посѣтителямъ: — вотъ на столѣ табакъ, сигары, листы бумаги и маиса, огонь въ жаровнѣ, въ бутылкахъ старый ромъ и водка, въ вазахъ шербетъ и мороженое, прошу оказать честь.

— Вы насъ смущаете, графъ... началъ было дон-Хезусъ.

— Ничего и слушать не хочу! съ живостью перебилъ Прекрасный Лоранъ:—извольте выбирать по вкусу; подано собственно для дорогихъ гостей.

— Вы осыпаете насъ ласками, замѣтилъ капитанъ.

— Развѣ это не старый нашъ кастильскій обычай, господа? Я съ своей стороны нахожу его отличнымъ въ томъ отношеніи, что каждый тотчасъ чувствуетъ себя свободнымъ и такимъ образомъ устраняется всякое стѣсненіе. Когда выпили вмѣстѣ и по-

курили, холодный этикетъ замѣняетъ довѣрчивость и разговоръ ведется откровеннѣе.

Два гостя поклонились, какъ бы признавая справедливость приведеннаго хозяиномъ довода, и безъ дальнихъ околичностей взяли каждый мороженаго и закурили по сигарѣ, настоящей гаванской регаліи. Прекрасный Лоранъ послѣдовалъ ихъ примѣру и спустя минуту продолжалъ:

— А теперь, господа, если вамъ угодно будетъ сообщить мнѣ, чему я обязанъ вашимъ любезнымъ посѣщеніемъ, то я готовъ слушать.

— Гмъ! прочистилъ горло дон-Хезусъ и улыбнулся: — хотя причина дѣйствительно очень важная, графъ, ее, признаться, чрезвычайно трудно сообщить.

— Полноте! засмѣялся молодой человѣкъ:—испанскій языкъ, благодаря Бога, одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ числѣ многихъ языковъ нашей старой Европы; если владѣть имъ какъ слѣдуетъ, можно сказать все, что̀ хочешь.

— Вы полагаете?

— Убѣжденъ въ этомъ.

— Во-первыхъ, графъ, сказалъ капитанъ:—не позволите ли вы мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ?

— Десять, если желаете, чортъ возьми!

— Нѣтъ, всего одинъ, но съ условіемъ, что вы отвѣтите откровенно.

— Это мой обычай, сеноръ; окольные пути ненавистны мнѣ во всемъ.

— Такъ все пойдетъ отлично. Какого вы мнѣнія, графъ, о контрабандѣ?

— Вы вѣдь желаете, чтобъ я говорилъ откровенно?

— Вполнѣ, разумѣется.

— Мы будемъ очень рады слышать о такомъ важномъ предметѣ мнѣніе человѣка такого просвѣщеннаго какъ вы, графъ, прибавилъ дон-Хезусъ.

— Да, вопросъ важенъ, господа. Еслибъ мы не были испанцы и находились во Франціи, Германіи или Англіи, гдѣ бы то

ни было, только не здѣсь, я отвѣтилъ бы вамъ, что нахожу контрабанду преступленіемъ, какъ кражу у государства безъ пользы для частныхъ лицъ, воображающихъ, что дешево получаютъ хорошій товаръ, а между тѣмъ по большей части платятъ гораздо дороже настоящей стоимости за товаръ плохой и даже бракъ.

— Да, графъ, возразилъ дон-Хезусъ:—такъ вы отвѣтили бы намъ во Франціи, въ Англіи или въ Голандіи, но я замѣчу вамъ, что мы испанцы и находимся въ Америкѣ.

— Отвѣтъ мой и будетъ совсѣмъ не такой, улыбаясь сказалъ хозяинъ.

— Ага! посмотримъ, каковъ онъ, съ живостью вскричали посѣтители въ одинъ голосъ и придвинулись ближе.

— Испанская Америка, продолжалъ молодой человѣкъ:—заключаетъ въ себѣ несмѣтныя богатства; къ нечастью, правительство захватило въ свои руки всю торговлю колоній и подъ опасеніемъ строжайшей пени отстраняетъ всѣ чужія страны. Это неполитичное запрещеніе, которое убиваетъ торговлю, такъ какъ существуетъ она только свободнымъ размѣномъ произведеній между народами, неполитичное запрещеніе это, повторяю, производитъ въ колоніяхъ болѣзненный застой, который по прошествіи извѣстнаго срока повергнетъ ихъ въ нищету, а тамъ уже ничто не будетъ въ состояніи заставить ихъ подняться.

— Это очевидно, вставилъ словцо капитанъ Сандоваль.

— Торговля, продолжалъ Лоранъ: — распространяется и процвѣтаетъ только конкуренціей; безъ нея она гибнетъ; колоніи вынуждены сбывать свои произведенія одной Испаніи, которая беретъ съ нихъ несоразмѣрные налоги и одна пользуется богатствами, пріобрѣтенными ею, такъ сказать, за ничто трудами населенія, которое она безжалостно раззоряетъ, тяготѣя надъ нимъ всею своею скаредностью и жадностью.

— Все это буквально справедливо, опять замѣтилъ капитанъ.

— Купецъ, у котораго одинъ покупатель, и то обязательный, долженъ принимать его условія какія бы ни были они, чтобъ

товаръ не сгнилъ у него на рукахъ и ему не подвергнуться чрезъ то раззоренію. Это къ несчастью, также фактъ неоспоримый.

— Увы! откликнулся дон-Хезусъ.

— Истинную правду изволите говорить, прибавилъ капитанъ:— а заключеніе ваше изъ всего этого, графъ?

— Боже мой! господа, заключеніе просто. Выводъ изъ фактовъ сдѣлать легко: съ одной стороны раззореніе вслѣдствіе несоразмѣрныхъ налоговъ и обязательства, продавать только въ пользу правительства; съ другой, контрабанда, поставленная роковымъ образомъ въ исключительныя условія, становится уже не преступленіемъ, но благодѣяніемъ, такъ какъ веденная въ большихъ размѣрахъ, она возстановляетъ равновѣсіе въ торговлѣ, облегчаетъ притѣсненное населеніе, создаетъ конкуренцію и въ извѣстной степени превращаетъ нищету въ довольство, отчасти избавляя колоніи отъ страшныхъ поборовъ правительства.

— Значитъ, вы не осуждаете контрабанды? спросилъ дон-Хезусъ.

— Кажется, я говорилъ ясно?

— Конечно, графъ, подтвердилъ капитанъ: — вы выразились какъ нельзя яснѣе.

— Я, отвѣтилъ откровенно, какъ вы просили.

— И мы отъ души благодаримъ васъ, графъ.

— Боже мой! вскричалъ молодой человѣкъ съ увлекательной искренностью и улыбаясь самымъ любезнымъ образомъ: — кто знаетъ, не защищалъ ли я свое собственное дѣло?

— О! о! съ любопытствомъ воскликнулъ ачіендеръ:— что вы разумѣете подъ этимъ?

— Ничего, любезный дон-Хезусъ; положите, что я ничего не говорилъ.

— Однако?

— Ничего, говорю вамъ; я сболтнулъ, что не слѣдовало.

Посѣтители значительно переглянулись.

Лоранъ наблюдалъ за ними изподтишка, прихлебывая изъ стакана отличный ромъ.

— Ей-Богу! графъ, вдругъ вскричалъ дон-Хезусъ, прикидываясь откровеннымъ: — случай такъ заманчивъ, что нельзя имъ не воспользоваться; угодно вамъ вести дѣло на чистоту?

— Позвольте вамъ замѣтить, господа, возразилъ Лоранъ тономъ обиженнымъ: — что я никогда иначе и не дѣйствую; впрочемъ я вовсе не понимаю васъ.

— Извините! съ живостью перебилъ дон-Хезусъ: — съ такою особою какъ вы, графъ, таиться нельзя, лучше говорить прямо, какъ вы сами сейчасъ подали тому примѣръ.

— А значитъ это что̀ именно?

— То, объявилъ капитанъ:—что говоря безъ обиняковъ, мой пріятель дон-Хезусъ Ордонецъ и я, мы занимаемся контрабандою.

— И вы воображаете, что это для меня новость? сказалъ Лоранъ съ улыбкой.

— Вы знали? вскричалъ ачіендеръ оторопѣвъ.

— Нѣтъ, но угадалъ.

— Угадали?

— По моему мнѣнію, между этимъ есть оттѣнокъ; помимо всего другого, одно устройство этого дома могло открыть мнѣ глаза.

— Гмъ! прочистилъ горло дон-Хезусъ, у котораго сохнуть стало во рту:—что-жъ вы думаете?

— Думаю, чортъ побери! что̀ думалъ и прежде, уважаемый гость мой, отвѣтилъ съ величайшей любезностью Лоранъ. — Кто же въ этомъ благословенномъ краю не занимается контрабандой?

— Да тѣ, казалось бы, которые воздерживаются отъ нея? наивно возразилъ дон-Хезусъ.

— Назовите мнѣ трехъ человѣкъ въ Панамѣ и я готовъ согласиться съ вами.

— Во-первыхъ, вы сами, графъ.

— Позвольте, я не въ счетъ.

— Отчего такъ?

*

— Оттого, чортъ побери! что я не здѣшній житель, а случайно въ Панамѣ, и наконецъ...

— Наконецъ что?

— Что? то же дѣлаю, что и вы!

— Вы занимаетесь контрабандой?

— А позвольте узнать, что другое дѣлать въ этомъ треклятомъ краю? Самъ губернаторъ занимается этимъ дѣломъ, если не ошибаюсь.

— Правда.

— Не говорилъ ли я вамъ, что почти бѣденъ?

— Дѣйствительно.

— Ну вотъ я и стараюсь также возстановлять равновѣсіе, только надъ вами имѣю громадное преимущество.

— Ага! Какое, позвольте узнать?

— Какъ племянникъ вице-короля Мексики, я ничего не боюсь. Предположивъ даже, чтобъ меня захватили съ поличнымъ, я выйду сухъ изъ воды. Моя каравела перевезла Богъ вѣсть сколько контрабанды; всѣ иностранные товары, которыми теперь наполненъ городъ, доставлены были ею; судно, которое я поджидаю въ Чагре, нагружено контрабандою съ низа до верха, потому-то я такъ и забочусь о немъ и требовалъ конвоя.

— Сообщеніе, которымъ вы насъ удостоили, графъ, совсѣмъ измѣняетъ вопросъ, сказалъ дон-Хезусъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Просто въ томъ, что мы желаемъ сдѣлать вамъ предложеніе.

— Посмотримъ, что это такое, любезный дон-Хезусъ; если мало-мальски есть возможность, я приму его съ радостью.

— Вступите въ товарищество съ нами.

— Нѣтъ, я всегда веду дѣло одинъ.

— А!

— Одно я сдѣлать могу.

— Что же?

— Помогать вамъ.

— Вотъ прекрасно!

— Съ условіемъ.

— Гмъ!

— Далеко не стѣснительнымъ. Вы мнѣ дадите шесть процентовъ съ вашего товара, все-равно будетъ ли онъ выгруженъ мною или нагруженъ.

— Вы дѣло знаете, графъ, какъ вижу, чортъ возьми!

— Все надо знать понемногу. Довольны вы моими условіями?

— Какъ нельзя болѣе, но...

— Пожалуйста безъ *но*; просто да или нѣтъ.

— Такъ пусть будетъ да.

— Значитъ, вы принимаете?

— Безспорно.

— И платить будете по сдачѣ товара?

— Это рѣшено.

— Моя каравела должна сняться съ якоря дней чрезъ семь или восемь. Есть у васъ товаръ?

— И даже чрезвычайно цѣнный.

— Тѣмъ лучше! мнѣ болѣе получать съ него придется, замѣтилъ Лоранъ смѣясь.—Въ чемъ онъ состоитъ?

— Во сколько тонъ ваша каравела?

— Въ двѣсти пятьдесятъ.

— Могу я зафрахтовать ее всю?

— Можете. Какой же будетъ грузъ?

— Жемчугъ, золото слитками и битая серебряная посуда, все въ Лондонъ.

— Отлично; позвольте минуту.

Онъ позвонилъ; вошелъ пажъ.

— Позвать сюда сейчасъ капитана дон-Мельхіора, приказалъ Лоранъ.

Пажъ вышелъ.

— Дон-Мельхіоръ капитанъ моей каравелы, объяснилъ Прекрасный Лоранъ.

— А! очень хорошо.

Явился Тихій Вѣтерокъ.

— Сеноры, честь имѣю представить вамъ капитана дон-Мельхіора; капитанъ, дон-Хезусъ Ордонецъ де-Сильва и Кастро, дон-Пабло Сандоваль, командиръ корвета *Перлъ*. Садитесь, любезный капитанъ, прошу выкушать стаканчикъ рома и закурить сигару.

— Покорно благодарю, ваше сіятельство, отвѣтилъ Тихій Вѣтерокъ, садясь.

— Скажите, капитанъ, судно ваше, кажется, въ двѣсти пятьдесятъ тонъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство, но по нуждѣ оно снесетъ тонъ пятьдесятъ или шестьдесятъ сверхъ того; все зависитъ отъ нагрузки.

— Очень хорошо; сколько тонъ составляютъ товары, принятые вами на мой счетъ сегодня и вчера?

— Около семнадцати, ваше сіятельство; я даже нарочно затѣмъ и пришелъ, чтобы поговорить на этотъ счетъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Вы понимаете, ваше сіятельство, что семнадцать тонъ товара для меня все-равно что ничего; барышъ не покроетъ затратъ; я не могу идти съ такимъ фрахтомъ.

— Вы правы, любезный дон-Мельхіоръ; къ счастью, я могу пополнить вашъ фрахтъ.

— Да благословитъ Богъ ваше сіятельство, гдѣ товары? Могу я сегодня же приступить къ нагрузкѣ?

— Какъ вы торопитесь, капитанъ!

— Простите, графъ, вы не морякъ, и требованій нашего ремесла не знаете.

— Не отрицаю этого.

— Я долженъ обогнуть мысъ Горнъ, чтобъ выйти въ Атлантическій океанъ, такъ какъ идти придется либо въ Англію, либо въ Голандію.

— Дальше что?

— Дальше? У насъ сегодня вторникъ, кажется?

— Ну, да.

— Мнѣ надо сняться съ якоря въ суботу, самое позднее.

Лоранъ обратился къ дон-Хезусу и его пріятелю.

— Что вы скажете на это? спросилъ онъ.

— Это невозможно, отвѣтили они въ одинъ голосъ.

— Товары сложены въ ачіендѣ дель-Райо, прибавилъ дон-Хезусъ: — надо по-крайней-мѣрѣ день на переѣздъ туда и три дня на обратный путь, что составляетъ четверо сутокъ, не считая непредвидѣнной потери времени.

— Кромѣ того мнѣ надо быть въ Чагре, что еще будетъ причиной замедленія; капитанъ, вамъ нельзя уйти ранѣе какъ чрезъ недѣлю.

— Гмъ! это очень ужъ долго, ваше сіятельство.

— Это самый меньшій срокъ, какой требуется.

— Я ручаюсь вамъ за вѣрныхъ 250 тонъ; съ живостью вскричалъ дон-Хезусъ.

— А я обязуюсь конвоировать васъ до острововъ Чилоэ, прибавилъ капитанъ.

— О, тогда дѣло другое! отвѣтилъ Тихій Вѣтерокъ съ видомъ ягненка:—признаться, я страшно боюсь хищниковъ-флибустьеровъ, особенно когда у меня цѣнный грузъ.

— Этотъ будетъ цѣненъ, замѣтилъ дон-Хезусъ.

— Тѣмъ лучше для васъ и для меня, сеноръ; и я и вы, мы поживимся порядкомъ; даете ли вы мнѣ слово конвоировать меня до острововъ Чилоэ, капитанъ?

— Клянусь честью дворянина!

— Такъ рѣшено, вотъ вамъ моя рука, сеноръ.

Тихій Вѣтерокъ пресеріозно протянулъ дон-Хезусу баранью лопатку, которая служила ему рукой; ачіендеръ не побрезгалъ пожать ее.

— Однако куда же я зафрахтованъ? освѣдомился Тихій Вѣтерокъ.

— Въ Англію и Голандію, капитанъ. Впрочемъ я снабжу васъ письмами къ лицамъ, которымъ посылается товаръ.

— Прекрасно, но видите ли, сеноры, дѣло надо вести какъ слѣдуетъ; пока не данъ задатокъ, условія не существуетъ.

— Вижу, что вы истый контрабандистъ, весело сказалъ дон-Хезусъ:—и дѣло знаете.

— Стараюсь знать, сеноръ; надо жить чѣмъ-нибудь.

Дон-Хезусъ вынулъ изъ кармана длинный кошелекъ, высыпалъ изъ него на руку небольшое количество золотыхъ унцій и разставилъ ихъ кучками на столѣ.

— Вотъ пятьдесятъ унцій задатка; пересчитайте, любезный капитанъ, сказалъ онъ.

Тихій Вѣтерокъ не торопясь пересчиталъ унціи.

— Вѣрно, объявилъ онъ.

— Довольны вы?

— Доволенъ, сеноръ.

— Стало быть, торгъ нашъ состоялся?

— Несомнѣнно, и отступиться никому нельзя; только такъ распорядитесь, чтобы все было нагружено въ понедѣльникъ вечеромъ, иначе условіе уничтожается и вы теряете вашъ задатокъ.

— Я признаю это справедливымъ, но куда же мнѣ сложить мои товары?

— Это дѣло ваше, сеноръ; мое взять ихъ, гдѣ вы укажете.

— Ничего проще быть не можетъ, сказалъ Прекрасный Лоранъ:—все будетъ сложено здѣсь, куда никто не посмѣетъ сунуть носъ.

— Ей-Богу! графъ, вы дѣла не дѣлаете вполовину.

— Развѣ я не обѣщалъ вамъ помощи? что̀ можетъ быть естественнѣе?

— Тысячу разъ благодарю, не умѣю выразить моей признательности.

— Полноте, сеноръ, подождите конца, чтобы благодарить, возразилъ Лоранъ съ странною улыбкой.

— Не правда ли, сеноры, началъ Тихій Вѣтерокъ:—что въ понедѣльникъ мнѣ сданъ будетъ весь товаръ и письма вручены заказчикамъ?

— Непремѣнно.

— Очень хорошо; стало быть, мы, сеноръ капитанъ, снимемся съ якоря во вторникъ утромъ.

— То-есть, снимете съ якоря вы, капитанъ, возразилъ дон-Пабло:—мнѣ надо соблюсти нѣкоторую осторожность; я выйду въ море только въ два часа пополудни; намъ нельзя вмѣстѣ выходить изъ порта.

— Лучше бы вамъ сняться съ якоря въ понедѣльникъ, капитанъ; это отстранитъ всякое подозрѣніе.

— Вы правы; дѣйствительно это будетъ еще благоразумнѣе; я выйду изъ гавани въ понедѣльникъ при заходѣ солнца.

Тихій Вѣтерокъ всталъ.

— Не будетъ ли еще какихъ приказаній, ваше сіятельство? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, любезный капитанъ.

— Такъ позвольте мнѣ раскланяться, я долженъ вернуться на каравелу.

— Какъ хотите, не стѣсняйтесь, дон-Мельхіоръ.

— Мое почтеніе, сеноры, я буду готовъ къ услугамъ.

Гости отвѣтили на его поклонъ.

Тихій Вѣтерокъ вышелъ.

— Этотъ молодецъ, повидимому, знаетъ свое дѣло, замѣтилъ дон-Хезусъ.

— Это истый морякъ, отвѣтилъ Лоранъ съ улыбкой: — онъ счастливъ только на своемъ кораблѣ.

— Я понимаю это, сказалъ дон-Пабло.

— Однако теперь надо условиться намъ, началъ Лорапъ.

— Дѣйствительно времени остается не много, согласился дон-Хезусъ.

— Когда отправляться?

— Завтра, если угодно.

— Положимъ завтра; но въ которомъ часу?

— Въ девять утра не рано?

— Нѣтъ, вовсе не рано.

— Я заѣду за вами.

— Буду готовъ; и вы съ нами, капитанъ?

— Нѣтъ, графъ; мнѣ необходимо остаться въ Панамѣ.

— Значитъ, мы будемъ путешествовать вдвоемъ?

— Моя дочь поѣдетъ съ нами, графъ.

— Дона Флора! вскричалъ молодой человѣкъ, который невольно вздрогнулъ.

— Да, ей наскучилъ городъ, она хочетъ вернуться въ ачіенду; но вы не опасайтесь, графъ, она отличная наѣздница и не задержитъ насъ на пути; мы какъ-разъ совершимъ переѣздъ.

— Мнѣ очень пріятно, сеноръ, путешествовать съ доной Флорой.

— Поручаю вашимъ попеченіямъ мою невѣсту, смѣясь сказалъ капитанъ:—но предупреждаю васъ, что она очень капризна.

— Полноте, капитанъ, въ свою очередь засмѣялся Лоранъ:—какъ можно жаловаться на то, что̀ не только недостатокъ, но еще достоинство въ женщинѣ?

— Особенно въ балованномъ ребенкѣ, какъ моя Флора, прибавилъ дон-Хезусъ съ добродушнымъ смѣхомъ.

Два испанца встали и простились съ хозяиномъ, который проводилъ ихъ до двора.

Посмотрѣвъ своимъ посѣтителямъ вслѣдъ, пока они не вышли изъ воротъ, Лоранъ пошелъ опять въ столовую.

Береговые Братья все еще находились тамъ.

— Ну что̀? спросилъ Тихій Вѣтерокъ, какъ только онъ показался:—какъ ты находишь, я сыгралъ свою роль.

— Великолѣпно; я былъ пораженъ, отвѣтилъ Лоранъ смѣясь:—ты не могъ отвѣчать лучше, еслибъ я подучилъ тебя.

— А все по моей милости! съ громкимъ хохотомъ вскричалъ Мишель Бискаецъ.

— Какъ такъ?

— Видишь ли, разговоръ вашъ что-то очень ужъ затянулся, я и пошелъ подслушивать.

— Вотъ блестящая-то мысль! Признаться, я не зналъ, какъ выйти изъ затрудненія, въ которое самъ поставилъ себя; такъ я и дрожалъ, что Тихій Вѣтерокъ отвѣтитъ мнѣ невпопадъ.

— Да я-то, не будь глупъ, предупредилъ его.

— Что же, развѣ въ самомъ дѣлѣ состоится дѣло? спросилъ Тихій Вѣтерокъ.

— Великолѣпное дѣло, золотое, въ четыреста тысячъ піастровъ слишкомъ!

— О, какой онъ достойный человѣкъ! воскликнулъ Тихій Вѣтерокъ съ покровительственнымъ видомъ.

— Да! крякнулъ Мишель: — онъ счастливо напалъ, надо сознаться; все-равно, клянусь честью, это дѣло мастерское, только бы довести его до конца!

— Я какъ на шильяхъ, сказалъ Лоранъ: — давно бы намъ слѣдовало имѣть извѣстія.

— Успокойся, возразилъ Тихій Вѣтерокъ:—еще времени прошло немного, тѣмъ болѣе, что дѣла у нихъ на рукахъ довольно.

— Положимъ, но я все-таки очень встревоженъ.

— Развѣ ты никого не посылалъ за извѣстіями?

— Четыре дня назадъ отправилъ Хозе въ Чагре.

— Такъ будьте покойны, графъ, сказалъ Мишель Бискаецъ.— Если Хозе живъ, онъ скоро вернется; это человѣкъ вѣрный и неустрашимый.

Въ ту самую минуту дверь отворилась и на порогѣ показался Хозе.

— Благодарю, Мишель, сказалъ онъ.

— Ахъ! мой честный Хозе, вскричалъ Лоранъ: — наконецъ-то ты вернулся! Добро пожаловать.

Онъ подвинулъ ему столъ, на который индіецъ скорѣе упалъ, чѣмъ сѣлъ, такъ онъ былъ изнуренъ.

— Позвольте минутъ десять перевести духъ, сказалъ онъ съ грустною улыбкой:—и я дамъ отчетъ въ возложенномъ на меня порученіи.

Всѣ окружили индійца; Береговые Братья полюбили его; въ немъ столько было врожденнаго величія и простоты, да и со временемъ ихъ прибытія въ Панаму, онъ оказалъ имъ такія важныя услуги.

IV.

ЗДѢСЬ НАЧИНАЕТЪ ОБРИСОВЫВАТЬСЯ КРАСНОКОЖІЙ ПРОВОДНИКЪ ХОЗЕ.

Полусознательное состояніе отъ истощенія силъ, въ которое повергнутъ былъ проводникъ, очень тревожило Лорана.

Не разъ онъ могъ оцѣнить всю энергію и самоотверженіе его великодушной натуры. На его глазахъ индіецъ совершалъ подвиги, требующіе такой силы и неустрашимости, что Лоранъ не могъ допустить въ глубинѣ души, чтобы одна усталость сломила его до притупленія всѣхъ чувствъ; страшное, сердце раздирающее горе одно могло сразить его такимъ образомъ.

Хотя красота Лорана не утратила своего обаянія, глаза его были такъ же ясны и блестящи, лобъ гладокъ и ротъ улыбался плѣнительно, но онъ вынесъ столько жестокихъ мукъ, столько разъ задыхался въ борьбѣ съ отчаяніемъ, что ошибиться въ признакахъ ему было нельзя.

Движеніемъ руки онъ удалилъ флибустьеровъ.

Тѣ немедленно вышли.

Въ столовой остались только неразлучные съ Лораномъ Тихій Вѣтерокъ, Мишель Бискаецъ и Бартелеми; для нихъ онъ тайнъ не имѣлъ.

Вслѣдствіе ли отдыха, или укрѣпляющихъ средствъ, которыя ему были даны, краснокожій сталъ немного приходить въ себя; онъ поднялъ голову, взоръ его пересталъ быть холодно неподвиженъ и снова заблисталъ лучомъ сознанія.

Хозе точно будто просыпался отъ глубокаго сна или отъ нравственнаго обморока, если такъ можно опредѣлить; времен-

ное прекращеніе мозговой дѣятельности, хотя тѣло повидимому сохраняетъ все свое механическое дѣйствіе.

— Вы должны презирать меня, сеноры, съ горечью сказалъ краснокожій.

— За что? кротко спросилъ Лоранъ.

— Вы считали меня сильнымъ, а я оказался слабъ какъ женщина.

— Мы жалѣемъ тебя, другъ; одно жестокое горе могло сломить такую могучую натуру, какъ твоя.

— Почему вы такъ думаете, сеноръ?

— Я вижу это, другъ мой, я чувствую сердцемъ; мы всѣ любимъ тебя и дѣлимъ твое страданіе; но тайны твои остаются неприкосновенными, никто изъ насъ не имѣетъ права стараться проникнуть въ нихъ.

— Плохой тотъ другъ, кто силой врывается въ довѣріе, замѣтилъ Бартелеми.

Хозе опустилъ голову на грудь и глубокій вздохъ вырвался изъ его груди.

Но онъ почти тотчасъ опять выпрямился и въ глазахъ его сверкнула молнія.

— Сеноры, сказалъ онъ твердымъ голосомъ: — настала минута, когда я долженъ открыть вамъ все.

— Не лучше ли, мой честный Хозе, перебилъ его Лоранъ:— отложить это до другого раза? ты очень еще слабъ.

— Ошибаетесь, сеноръ, я напротивъ силенъ; я поборолъ свое горе и уже не тряпка; время не терпитъ, я долженъ просить васъ объ услугѣ.

— Говори, Хозе, мы тебя слушаемъ.

— Только не здѣсь, а въ вашемъ тайномъ кабинетѣ.

— Такъ пойдемъ, другъ; просьбу же свою считай все-равно что исполненною.

— Благодарю, капитанъ. Пойдемте, господа.

Лоранъ придавилъ пружину въ стѣнѣ, отворилась потайная дверь и мгновенно захлопнулась за флибустьерами.

Они очутились въ довольно большой комнатѣ съ удобною мебелью, какъ и вездѣ въ домѣ.

Всѣ сѣли.

— Теперь, другъ Хозе, говори, мы тебя слушаемъ, сказалъ Лоранъ.

— Позвольте, капитанъ, ваши дѣла сперва, потомъ мои. Я принесъ вамъ вѣсти.

— Важныя вѣсти? вскричали въ одинъ голосъ флибустьеры.

— Вы сами увидите, господа. Знайте только, что я все бросилъ, все забылъ, чтобъ сообщить ихъ вамъ скорѣе. Сегодня въ полночь я отправился изъ Чагре и, поборовъ величайшія затрудненія, прошелъ перешеекъ въ десять часовъ. Самый быстрый курьеръ не былъ бы здѣсь ранѣе вечера, еслибъ еще прибылъ, заключилъ онъ съ странною улыбкой.

— О, о! товарищъ, ты сильно возбуждаешь мое любопытство, замѣтилъ Тихій Вѣтерокъ.

— Говори же скорѣе, мы всѣ открыли уши! съ живостью вскричали остальные.

— Слушайте же, сеноры. Городъ Порто-Бело былъ осажденъ тому три дня флибустьерскою эскадрою въ двадцать четыре корабля; городъ и форты были захвачены врасплохъ и, несмотря на упорное сопротивленіе, взяты въ четыре часа.

— Это вѣрно, Хозе? спросилъ Лоранъ въ порывѣ восторга.

— Я самъ видѣлъ, просто отвѣтилъ индіецъ.

— Такъ нечего и сомнѣваться, прибавилъ Тихій Вѣтерокъ.

— Кто командуетъ эскадрой? освѣдомился Бартелеми.

— Морганъ.

— Морганъ! радостно воскликнули флибустьеры.

— Онъ самъ. Послѣ взятія города я къ нему явился. Морганъ знаетъ меня и принялъ отлично; да я и былъ ему зарекомендованъ; отпустилъ онъ меня съ двумя письмами къ вамъ, капитанъ Лоранъ.

— Двумя письмами?

— Да; одно отъ Монбара, другое отъ него.

— И письма эти?

— Вотъ они, сказалъ Хозе, сорвавъ съ шеи кожаную сумку, которая висѣла у него на груди, и подавая ее капитану.

Лоранъ вынулъ изъ сумки два письма.

— Прочтите, сказалъ индіецъ.

— Одну минуту, возразилъ капитанъ: — каково бы ни было содержаніе этихъ писемъ, я обязуюсь отъ имени и своего и друзей присутствующихъ и отсутствующихъ, что̀ бы ты ни потребовалъ въ награду, исполнить немедленно, не задумываясь, безъ обиняковъ и проволочекъ, и клянусь тебѣ, Хозе, слово свое я сдержу во что бы ни стало.

— И мы клянемся! вскричали флибустьеры.

— Благодарю васъ, сеноры, сказалъ индіецъ съ просіявшимъ лицомъ: — я напомню вамъ ваше слово.

— Теперь слушайте, товарищи, продолжалъ Лоранъ.

Онъ развернулъ одно изъ писемъ и прочелъ подпись.

— Отъ Моргана, сказалъ онъ и сталъ читать:

«Любезный и дорогой Лоранъ,

«Я почти уже отчаявался, въ возможности дать вамъ о себѣ извѣстіе, хотя это было необходимо, когда случай, или вѣрнѣе счастливая звѣзда, заставила меня наткнуться на друга нашего Хозе, къ которому мы можемъ имѣть полное довѣріе; впрочемъ, чтобъ выразиться точнѣе, не я наткнулся на него, а онъ отыскалъ меня. Въ двухъ словахъ сообщу вамъ фактъ: Порто-Бело въ нашихъ рукахъ; я укрѣпляюсь въ немъ какъ можно сильнѣе, чтобъ намъ было гдѣ укрыться на случай неудачи нашего главнаго замысла и, слѣдовательно, отступленія; необходимо имѣть наготовѣ убѣжище для нашихъ кораблей и мѣсто снабженія запасами.

«Будьте же на сторожѣ, чтобы не дать маха, когда настанетъ ваша очередь дѣйствовать; теперь я прошу только объ одномъ, но это вопросъ первой важности: надо во что бы ни стало перехватывать гонцовъ, которыхъ испанцы навѣрно отправятъ въ Панаму съ извѣстіемъ о ихъ пораженіи и съ требованіемъ помощи.

«Вы понимаете, любезный Лоранъ, какъ необходимо, чтобъ удачное наше нападеніе оставалось втайнѣ.

«Набрасываю я эти строки второпяхъ; Хозе гонитъ и въ хвостъ и въ голову, справедливо утверждая, что потерянная минута можетъ причинить страшное бѣдствіе; подробнѣйшія свѣдѣнія вы найдете въ письмѣ Монбара, которое Хозе передастъ вамъ вмѣстѣ съ этимъ.

«Теперь можно надѣяться на лучшее, любезный Лоранъ; испанцы, кажется, не на шутку попались въ разставленныя имъ сѣти. Дружески пожмите отъ меня руку друзьямъ нашимъ, Тихому Вѣтерку, Бартелеми, Мишелю Бискайцу и всѣмъ другимъ. Пляска начата, испанцы заплатятъ за музыку. Простите, что несу вздоръ; отъ радости я совсѣмъ обезумѣлъ.

«Вашъ навсегда

«Морганъ.»

«Порто-Бело, апрѣль 1668.»

— О, о! вотъ такъ новость! вскричалъ Тихій Вѣтерокъ.

— Молодецъ Морганъ! сказалъ Мишель Бискаецъ.

— Онъ однако правъ, замѣтилъ Бартелеми: — надо наблюдать за гонцами.

— Но какъ? возразилъ Лоранъ.

— Не безпокойтесь на счетъ этого, сеноры, вмѣшался Хозе съ тонкою улыбкой: — я принялъ мѣры; ни одинъ гонецъ не проскачетъ. Что могли бы вы сдѣлать одни и въ неизвѣстномъ краю, тогда какъ для меня это было легко, и я исполнилъ.

— Но какъ же?

— Не безпокойтесь, повторяю, сеноры; на первый случай довольствуйтесь моимъ словомъ, а вскорѣ вы узнаете все.

— Пусть такъ, Хозе.

— Теперь читайте скорѣе письмо Монбара.

— И то правда. Слушайте же, братья.

Лоранъ развернулъ письмо Монбара и тотчасъ приступилъ къ чтенію.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Дорогой товарищъ матросъ,

«Когда ты получишь это письмо, Порто-Бело будетъ въ нашей власти.

«Морганъ сообщитъ тебѣ всѣ подробности о взятіи города, а мнѣ надо потолковать съ тобою о другомъ предметѣ не менѣе важномъ, то есть, о планѣ, который мы рѣшили привести въ исполненіе. Вотъ онъ: (Монбаръ тутъ излагалъ въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ планъ, который обсуждали и окончательно утвердили въ Порт-де-Пе; онъ давалъ Лорану отчетъ о числѣ судовъ, составляющихъ флотъ, какъ онѣ были распредѣлены, сколько человѣкъ назначалось къ высадкѣ, какія дѣйствія предписывались каждой эскадрѣ, наконецъ гдѣ назначался общій сборный пунктъ, и продолжалъ онъ слѣдующимъ образомъ):

«Когда всѣ эти различныя предписанія будутъ исполнены, Порто-Бело и Санта-Катарина взяты, Чагре блокированъ и флотъ собранъ у Сан-Хуана, тогда начнется твоя роль, матросъ; тутъ-то краснокожій проводникъ твой, Хозе, сдѣлается для тебя неоцѣненнымъ, не только по уму его и преданности намъ, которой нѣтъ предѣловъ, но еще и по вліянію его на своихъ соотечественниковъ. Вліяніе это громадно. Если онъ ничего еще не говорилъ тебѣ, я открою тайну, извѣстную мнѣ одному; насталъ часъ сорвать съ нея покровъ...»

Лоранъ остановился и взглянулъ на Хозе.

— Продолжать, другъ, спросилъ капитанъ:—или пропустить строки, очевидно касающіяся одного тебя?

— Что вамъ пишетъ Монбаръ, капитанъ? отвѣтилъ Хозе съ улыбкой:—я сейчасъ былъ намѣренъ разсказать; читайте, это сбережетъ дорогое время и меня избавитъ отъ длиннаго разсказа.

— Когда ты желаешь этого, то я продолжаю.

Капитанъ Лоранъ снова принялся читать:

«Я знаю Хозе лѣтъ пятнадцать, писалъ Монбаръ. При первой нашей встрѣчѣ онъ спасъ мнѣ жизнь; тогда Хозе назы-

вался Туш-и-Дур-Амгъ. Онъ былъ сынъ могущественнаго начальника многочисленнаго и грознаго племени индійцевъ Вала-Вагоэсъ, которые испанцамъ не покорялись никогда и одни изъ всѣхъ племенъ центральной Америки успѣли сохранить свою независимость. Туш-и-Дур-Амгъ былъ метисъ по матери, испанской креолки, похищенной ребенкомъ въ какую-то экспедицію, взрощенной въ племени и потомъ сдѣлавшейся женою отца его.

«Пробывъ около года у индійцевъ Вала-Вагоэсъ, которые обращались со мною прекрасно, я наконецъ нашелъ случай вернуться на Черепаху, и я воспользовался имъ; но разставаясь съ моимъ другомъ Туш-и-Дур-Амгъ, я размѣнялся съ нимъ клятвою въ дружбѣ по гробъ. Протекло пятнадцать лѣтъ; я не имѣлъ никакихъ извѣстій о моемъ другѣ и могъ только предполагать, что онъ вполнѣ счастливъ, когда мѣсяцевъ пять назадъ, возвратившись изъ экспедиціи въ Леоганъ, гдѣ сталъ на якорь съ своимъ кораблемъ, перваго человѣка, я встрѣтилъ на пристани, его. Я узналъ его съ перваго взгляда, увелъ къ себѣ и старался заплатить ему въ Леоганѣ за гостепріимство, оказанное мнѣ въ его племени....»

— У Монбара сердце великое какъ міръ, перебилъ индіецъ съ чувствомъ:—онъ ничего не забываетъ.

— Мы братья его, отвѣтилъ Лоранъ:—что обѣщаетъ онъ, то исполняемъ мы; другъ Монбара и нашъ другъ и братъ.

— Знаю и благодарю еще разъ; но прошу васъ читать, время дорого.

Лоранъ продолжалъ:

«... Много разныхъ событій произошло въ пятнадцать лѣтъ нашей разлуки; мой другъ былъ несчастливъ и нуждался теперь въ моей помощи; отецъ его умеръ; врагъ Туш-и-Дур-Амга по ревности возстановилъ противъ него всѣхъ негодяевъ племени и успѣлъ не только помѣшать его выбору въ главные начальники, подъ предлогомъ, что онъ метисъ и въ жилахъ его течетъ испанская кровь, но еще заставить приговорить его къ изгнанію съ женою и дочерью, прелестною, кроткою дѣвушкою, ко-

торую я видѣлъ мелькомъ, однако сохранилъ о ней неизгладимое воспоминаніе. Хотя и въ изгнаніи, Туш-и-Дур-Амгъ сохранилъ дружескія связи въ своемъ племени и съ моею помощью, говоритъ онъ, ему легко будетъ прогнать того, кто завладѣлъ его мѣстомъ, и занять положеніе, которое принадлежитъ ему по праву: индійцы Вала-Вагоэсъ ждутъ только случая перейти на его сторону и возмутиться.

«Что могъ я сдѣлать? Я былъ въ бѣшенствѣ отъ моего безсилія, и желая во что бы ни стало помочь другу, я пожалуй сдѣлалъ бы непоправимую глупость, когда ты, словно древній рокъ, внезапно доставилъ мнѣ средство, котораго я напрасно искалъ, предложивъ нашу пресловутую экспедицію въ Панаму, такъ счастливо теперь начатую; остальное тебѣ извѣстно. Настало время дѣйствовать рѣшительно; надо условиться съ Хозе, чтобы племя Вала-Вагоэсъ возстало одновременно съ нашими дѣйствіями; индійцы будутъ для насъ неоцѣненными союзниками по храбрости своей и знанію мѣстности, гдѣ мы должны будемъ дѣйствовать.

«Я вполнѣ полагаюсь на тебя и на Хозе относительно мѣръ, какія слѣдуетъ предпринять; что вы сдѣлаете, навѣрно будетъ хорошо; только надо устроить между тобою и моею главною квартирой постоянныя сношенія, чтобы обоюдно извѣщать другъ друга о каждомъ движеніи и дѣйствовать согласно, это единственное условіе успѣха.

«Даю тебѣ полномочіе поступать какъ заблагоразсудишь; все что ты сдѣлаешь, я одобряю заранѣе; итакъ иди впередъ безъ колебаній. Кстати, я встрѣтилъ и забралъ съ собою Олонеца съ твоимъ кораблемъ и узналъ отъ него о твоей благополучной высадкѣ. Все идетъ прекрасно до сихъ поръ и въ будущемъ можно разсчитывать на все хорошее.

«Поручаю твоимъ попеченіямъ нашихъ старыхъ друзей Мишеля Бартелеми и другихъ, въ особенности нашего друга индійца.

«Люби меня такъ, какъ я люблю тебя, товарищъ-матросъ.

«Монбаръ.»

*

«Въ морѣ, мартъ 1668, на адмиральскомъ кораблѣ.»

Лоранъ сложилъ письмо и обратился къ проводнику:

— Теперь ваша очередь говорить, Туш-и-Дур-Амгъ, сказалъ онъ улыбаясь:—мы готовы выслушать васъ и помогать вамъ изъ всей мочи.

— Продолжайте называть меня Хозе; подъ этимъ именемъ вы узнали меня, капитанъ, и потому оно мнѣ мило.

— Пожалуй, сказалъ Лоранъ, пожавъ ему руку.—Что ты съ своей стороны прибавишь къ этому письму; какъ оно не обстоятельно, однако нѣкоторые факты остаются во мракѣ; чрезвычайно важно, чтобы ты сообщилъ ихъ намъ.

— Вы правы, капитанъ; я тотчасъ и приступлю къ этому. Врагъ, который силился мнѣ вредить и увы! столько надѣлалъ зла, извѣстенъ.

— Мнѣ?

— Это презрѣнный Каскабель, змѣечаровникъ.

— О! человѣкъ этотъ просто отвратителенъ, онъ вполнѣ носитъ на лицѣ своемъ печать гнусныхъ свойствъ души.

— Не всегда онъ былъ таковъ; послѣ моего удаленія изъ племени, его прогналъ начальникъ, котораго избрали на мое мѣсто; тутъ онъ исчезъ на цѣлыхъ четыре года и никто не зналъ куда онъ дѣвался или что̀ дѣлалъ въ это время; по возвращеніи же его узнать нельзя было, такъ онъ изуродовалъ себя по причинѣ ему одному извѣстной и надо полагать, связанной съ какимъ-нибудь страшнымъ преступленіемъ. Вернулся онъ въ этотъ край почти одновременно съ дон-Хезусомъ Ордонецомъ; въ особенности же меня поразила эта странная случайность, когда я вскорѣ убѣдился, что два человѣка эти знаютъ другъ друга давно. Однажды Каскабель исчезъ опять; въ этотъ разъ его отсутствіе длилось еще дольше; но онъ вернулся наконецъ и съ ремесломъ—онъ сталъ змѣечаровникомъ.

— И даже очень ловкимъ; онъ показывалъ намъ страшные обращики своего искусства.

— Да, я видѣлъ.

— Какъ же ты-то узналъ его?

— Провести можно всѣхъ, капитанъ, только не врага. Чтобъ узнать его, мнѣ было достаточно одного взгляда, такъ я и сказалъ ему.

— Напрасно, этимъ ты заставилъ его быть на-сторожѣ.

— Вижу теперь, со вздохомъ согласился Хозе: — но поздно, какъ всегда.

— А ты не знаешь, видится ли онъ съ дон-Хезусомъ по возвращеніи?

— Часто; они имѣютъ постоянныя сношенія.

— Странно! Какая связь можетъ существовать между этими двумя людьми?

— Кто знаетъ, не преступленіе ли?

— Это возможно. Продолжай.

— Что-жъ мнѣ говорить вамъ еще, капитанъ? У меня сердце разбито, меня постигло ужаснѣйшее несчастье.

— Тебя? вскричалъ съ участіемъ Лоранъ.

— Увы! моя милая дочь, моя Аврора!..

— Что съ нею? договаривай, другъ!

— Назадъ тому два дня я вошелъ въ свою хижину и нашелъ одни изувѣченныя тѣла моихъ трехъ слугъ; дочь моя исчезла.

Индіецъ закрылъ руками лицо и зарыдалъ.

— Похищена! кто же презрѣнный похититель?

— Каскабель.

— Онъ!..

— Я увѣренъ, что онъ; цѣлыхъ пять часовъ я шелъ по его слѣдамъ; двѣсти человѣкъ моихъ одноплеменниковъ бросились за нимъ въ погоню. Увы! вернутъ ли они мнѣ моего ребенка?

— Надѣйся, братъ! Богъ за тебя. Но торопиться надо, ни минуты не терять. Ей-Богу! мы спасемъ бѣдняжку во что бы ни стало. Говори, что намъ дѣлать?

— Полно, Хозе, ласково сказалъ Мишель: — теперь не плакать надо; оставь слезы женщинамъ и будь мужчиной; мы всѣ станемъ грудью за тебя, если понадобится.

— Да, вы правы! вскричалъ онъ, вскакивая:—благодарю, что

вы заставили меня опомниться. Я отмщу! Капитанъ, можете выдать мнѣ пятнадцать человѣкъ?

— Всѣхъ, кто со мною здѣсь, если желаешь.

— Нѣтъ, пятнадцати довольно, и то я верну вамъ десять чрезъ двое сутокъ; скоро вы сами будете нуждаться во всѣхъ вашихъ людяхъ.

— Знаете, вѣдь завтра я ѣду въ ачіенду дель-Райо вмѣстѣ съ дон-Хезусомъ?

— Понятія не имѣлъ, но путешествіе это отлично совпадаетъ съ моими замыслами; это перстъ Божій! Надежда опять пробуждается въ моемъ сердцѣ; способствуя своимъ планамъ, вы содѣйствуете и моему дѣлу.

— Какимъ образомъ?

— Вала-Вагоэсы ждутъ одного моего прибытія къ нимъ, чтобы признать меня своимъ начальникомъ; тотъ, кто избранъ былъ на мое мѣсто, только и принялъ его съ тою цѣлью, чтобъ облегчить мнѣ способъ вернуться; это мой родственникъ; онъ любитъ меня.

— Не опрометчиво ли ты довѣрился ему? перебилъ Лоранъ.

— Нѣтъ, съ живостью возразилъ инціецъ: — я увѣренъ въ немъ; мы не бѣлые, чтобъ измѣнять другъ другу безъ важнаго повода. Самъ начальникъ этотъ настроилъ умы въ мою пользу и проложилъ мнѣ путь къ возвращенію; когда же онъ убѣдился, что успѣхъ несомнѣненъ, то лично сдѣлалъ первый шагъ, обратившись ко мнѣ съ предложеніемъ. Долго я колебался, но ему удалось-таки побороть наконецъ мое несогласіе и заставить меня вновь принять власть.

— Вотъ странная политика!

— Не правда ли? Тутъ я открылъ начальнику, разумѣется, съ величайшей осторожностью, что Монбаръ затѣваетъ экспедицію противъ испанцевъ. Я намекнулъ при этомъ, что не худо бы пользуясь случаемъ, который можетъ никогда не повториться, отмстить испанцамъ за старое и навѣкъ упрочить за нами независимость, которой они грозятъ. Начальникъ представилъ мое предложеніе на судъ большого совѣта.

— И что же?

— Союзъ заключенъ; я взялъ на себя обсудить и принять условія, актъ подписанъ; вотъ онъ.

Съ этими словами онъ досталъ изъ-за пазухи кусокъ очищенной отъ шерсти оленьей кожи, покрытой странными іероглифами въ родѣ кабалистическихъ знаковъ, которые служатъ индійцамъ письменами. Понять ихъ очень легко, когда имѣешь къ нимъ ключъ.

Хозе подалъ кожу Лорану, который тотчасъ подписался на ней и товарищамъ далъ подписаться.

— Что вы дѣлаете? спросилъ индіецъ.

— Какъ видите, подписываюсь; вотъ и готово.

Онъ отдалъ актъ.

— А условія?

— Когда ты принялъ ихъ, и мы принимаемъ; впрочемъ ты сообщишь намъ теперь.

— Вотъ они; я полагаю ихъ выгодными.

— А я въ томъ увѣренъ.

— Вала-Вагоэсы могутъ въ случаѣ войны выставить тысячу пятьсотъ воиновъ; сегодня же вы можете располагать тысячью воинами союзнаго войска; по моему распоряженію, послѣ взятія Порто-Бело, пятьсотъ Вала-Вагоэсовъ разсыпалось по всему перешейку, чтобъ перехватывать испанскихъ курьеровъ и не допускать ихъ до Панамы; будьте покойны, ни одинъ не проскользнетъ.

— Отлично; вотъ славное распоряженіе!

— Еще тридцать развѣдчиковъ, число которыхъ однако можетъ быть увеличено по нуждѣ, составятъ эстафетную цѣпь между пунктомъ, который вы займете, и Сан-Хуаномъ, гдѣ будетъ главная квартира Монбара. Вы убѣдитесь на дѣлѣ, какъ быстро будетъ совершаться сообщеніе.

— Очень хорошо; дальше.

— Остальные воины останутся подъ моею командою, наготовѣ исполнять ваши приказанія; довольны ли вы, капитанъ?

— Всѣ распоряженія превосходны; измѣнять рѣшительно нечего.

— Тѣмъ лучше! Теперь вотъ желанія моего племени.

— Говорите.

— Двѣ тысячи ружей съ двадцатью зарядами пороха и пуль на каждое, двѣ тысячи сабель и двѣ тысячи кинжаловъ.

— Согласенъ! Требованіе вполнѣ основательно. Вооруженные такимъ образомъ, ваши единоплеменники могутъ не опасаться испанцевъ.

— Правда; ихъ оружіе теперь вовсе не страшно бѣлымъ; желѣзо они ковать не умѣютъ, испанцы же остерегутся снабдить ихъ хорошимъ оружіемъ или наставленіемъ, какъ имъ воспользоваться.

— Понятно; все теперь?

— Нѣтъ еще; они желаютъ, чтобъ вы прислали на нѣсколько дней кого-нибудь изъ вашихъ учить ихъ обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

— И это условіе я принимаю; оно такъ естественно и справедливо, любезный другъ; нѣтъ ли еще чего?

— Есть, но они боятся, что вы откажетесь это исполнить.

— Все-таки скажите, мы увидимъ.

— Они говорятъ, видите ли, что не всегда же вы будете снабжать ихъ порохомъ и пулями; а когда ихъ запасъ истощится, ружья не могутъ имъ служить.

— Само собой разумѣется, но стоитъ имъ захотѣть и затрудненіе это будетъ отстранено.

— Какимъ образомъ?

— Пусть сами готовятъ порохъ и льютъ пули, чортъ возьми!

— Какъ! вы согласились бы, капитанъ?..

— Открыть имъ секретъ, очень охотно! съ живостью перебилъ Прекрасный Лоранъ:—развѣ они не будутъ пользоваться этими средствами обороны противъ нашихъ общихъ непріятелей испанцевъ? Напротивъ, это намъ на руку, засмѣялся капитанъ.—Къ тому же порохъ дѣлать легко; въ вашемъ краю все есть, что для этого нужно, то-есть сѣра, селитра и уголь;

только надо вамъ научиться смѣшивать эти три вещества; вы усвоите себѣ это, если увидите разъ, много два. А свинецъ, чтобы лить пули, вы будете брать у испанцевъ, вотъ и все. Желаете вы еще что-нибудь?

— Нѣтъ, капитанъ, мнѣ остается только благодарить васъ отъ души.

— Полноте, еще надо сперва все исполнить. Когда вы отправляетесь?

— Сейчасъ, если возможно; чѣмъ скорѣе я буду въ дорогѣ, тѣмъ скорѣй отыщу дочь.

— И то правда. Бартелеми, выбери четырнадцать изъ самыхъ смышленныхъ твоихъ товарищей, и всѣ пятнадцать отправляйтесь къ Хозе.

— Теперь выбрать?

— Конечно, нашъ другъ ждетъ.

— Мигомъ будетъ сдѣлано.

Онъ вышелъ.

— Ты увѣренъ, что никто васъ не подкараулитъ?

— Ручаюсь; мы пройдемъ большимъ подземельемъ.

— О! такъ я спокоенъ.

— Лошади у васъ есть?

— Я поставилъ шестнадцать въ тайныхъ конюшняхъ.

— Можете вы взять съ собою муловъ, не рискуя привлечь вниманіе?

— Очень можемъ.

— Въ такомъ случаѣ вы возьмете съ собой два ящика съ ружьями, саблями и кинжалами, словомъ человѣкъ на сто оружія, и кромѣ того два ящика съ порохомъ и пулями. Ты вѣдь знаешь, гдѣ все это?

— Знаю, капитанъ; вы поступаете хладнокровно.

— То есть, исполняю свой долгъ и болѣе ничего.

Онъ сѣлъ, написалъ письмо и запечаталъ его.

— Вотъ два слова къ Монбару; повидайся съ нимъ при первой возможности; дай ему подробный отчетъ въ томъ, что мы сдѣлали и что сдѣлалъ ты самъ; онъ выдастъ тебѣ все оружіе

и боевые снаряды, которые означены въ договорѣ; чрезъ недѣлю твои воины должны быть въ состояніи принять дѣятельное участіе въ экспедиціи.

— Положитесь на меня.

Спустя полчаса Хозе простился съ своими друзьями и уѣхалъ въ обществѣ Бартелеми и четырнадцати хорошо вооруженныхъ буканьеровъ.

События начинали слѣдовать одно за другимъ съ страшной быстротою, чтобъ привести наконецъ къ чудовищной катастрофѣ.

Испанцы же все не выходили изъ своей полной беззаботности.

V.

КАКЪ ЛОРАНЪ ВСТУПИЛЪ ВЪ ПЕРЕСТРѢЛКУ, КОГДА ВОВСЕ ЭТОГО НЕ ОЖИДАЛЪ.

По прибытіи въ Панаму Лоранъ поставилъ свой домъ на княжескую ногу. Молодой человѣкъ зналъ отлично высокомѣріе испанцевъ и потому не могъ сдѣлать такой ошибки, чтобы избрать скромный образъ жизни или напускною простотою во вкусахъ, заставить смотрѣть на себя косо.

Въ Испаніи, и еще болѣе въ испанскихъ колоніяхъ, наружность значитъ все.

Даже домъ губернатора, хотя славился во всей провинціи по своей роскоши, не могъ состязаться въ великолѣпіи съ Цвѣточнымъ домомъ.

Знатность налагаетъ извѣстныя обязанности. Графъ Кастель Морено, племянникъ вице-короля Новой Испаніи, долженъ былъ

съ честью нести имя своихъ благородныхъ предковъ. Двадцать лошадей стояло у него въ конюшнѣ, тридцать слугъ, лакеевъ, ѣздовыхъ, привратниковъ, поваровъ, садовниковъ, конюховъ и Богъ вѣсть кого еще, въ ливреяхъ съ галунами по всѣмъ швамъ, наполняли домъ.

Прислуга эта, снабженная сперва Тихимъ Вѣтеркомъ въ числѣ двадцати человѣкъ всего, при побѣгѣ изъ тюрьмы плѣнниковъ, захваченныхъ капитаномъ дон-Пабло, увеличилась на треть и вся состояла изъ флибустьеровъ, смѣлыхъ молодцовъ, на присутствіе которыхъ разсчитывалось на случай, если потребуется ихъ содѣйствіе.

Послѣ отъѣзда Бартелеми и его товарищей число прислуги въ графскомъ домѣ сократилось до двадцати человѣкъ.

Лоранъ бралъ съ собою десять, съ Мишелемъ Бискайцемъ во главѣ; остальные десять, подъ командою Данника, должны были сторожить въ отсутствіи капитана домъ, въ который конечно возбранялся входъ всѣмъ посѣтителямъ, кромѣ снабженныхъ извѣстнымъ знакомъ. Разумѣется, Тихій Вѣтерокъ и его экипажъ не подвергались этому условію и вольны были входить и выходить когда имъ угодно.

Данникъ удачно былъ выбранъ для соблюденія этого строгаго предписанія во всей точности; достойный исполнитъ принадлежалъ къ той расѣ вѣрныхъ бульдоговъ, которыхъ не возьмешь ни угрозою, ни лаской, а полученное ими приказаніе они исполняютъ во что бы ни стало буквально, безъ разсужденія.

На другое утро все было готово къ отъѣзду. Осѣданныхъ лошадей держали подъ уздцы на первомъ дворѣ; онѣ то и дѣло ржали отъ нетерпѣнія; десять человѣкъ слугъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, но въ блестящихъ ливреяхъ, ожидали только приказанія господина, чтобы вскочить въ сѣдло.

Изысканный завтракъ былъ поданъ въ гостиной, обставленной зеленью.

Часамъ къ восьми утра пеонъ дон-Хезуса Ордонеца прибѣжалъ объявить о скоромъ прибытіи своего господина.

Мишель Бискаецъ, уже получившій инструкціи, тотчасъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ на встрѣчу къ ачіендеру.

Мишелю было поручено пригласить его съ дочерью слегка закусить на дорогу, такъ какъ ѣхать придется весь день и даже до поздняго вечера.

Дон-Хезусъ, на великолѣпной лошади, съ четырьмя слугами также верхомъ и хорошо вооруженными, и съ четырьмя пеонами пѣшкомъ, съ достоинствомъ представлялъ креольскую аристократію; немного позади ѣхали на мулахъ-иноходцахъ, буквально погруженныя въ волны кисеи дона Флора и прелестная дочь губернатора дон-Рамона де ла-Круса, которая непремѣнно хотѣла ѣхать съ подругой; за ними также на мулахъ ѣхали три, четыре камеристки метисы, исключительно находившіяся при молодыхъ дѣвушкахъ.

Вообще этотъ поѣздъ имѣлъ величественный видъ.

Мишель Бискаецъ исполнилъ свое порученіе съ глубочайшей почтительностью.

Дон-Хезусъ было замялся для вида, но тотчасъ принялъ приглашеніе по просьбѣ дѣвушекъ, которымъ очень хотѣлось взглянуть внутри на домъ, прославившійся своею царской роскошью.

Весь поѣздъ въѣхалъ во дворъ Цвѣточнаго дома.

Лоранъ въ богатомъ костюмѣ любезно вышелъ на встрѣчу дамъ и подалъ имъ руку, чтобъ сойти съ муловъ; лошади, мулы и слуги ачіендера поступили въ вѣдѣніе Данника, а капитанъ повелъ своихъ гостей въ гостиную, гдѣ приготовили закуску.

Молодой человѣкъ пріятно былъ изумленъ при видѣ доны Линды. Онъ зналъ, что при ней свободно могъ говорить съ доной Флорой, которой она была повѣренная, и надѣялся, что ея присутствіе дастъ ему возможность чаще бесѣдовать во время пути съ своею возлюбленною.

Въ восторгѣ отъ любезнаго вниманія графа, молодыя дѣвушки выразили ему свою благодарность съ откровенностью креолокъ, которая съ первой же минуты вводитъ пріятную короткость между людьми равными по званію.

Закуска была подана по всѣмъ правиламъ строжайшаго эти-

кета; дона Флора и подруга ея кокетливо отвѣдали того и другого, увлекаясь удовольствіемъ настоящей минуты, онѣ совсѣмъ забыли о путешествіи и болтали взапуски, не думая о времени, которое летѣло быстро. Капитанъ разговаривалъ и смѣялся съ такой же беззаботностью, какъ его хорошенькія гостьи, и только упивался присутствіемъ доны Флоры, глаза которой говорили ему нѣжныя рѣчи, какихъ губы не рѣшались произносить вслухъ.

Плѣнительная бесѣда, по всему вѣроятію, продлилась бы весь день и время не показалось бы длинно этимъ молодымъ сердцамъ, еслибъ, къ счастью или къ несчастью, смотря по точкѣ зрѣнія, съ которой угодно будетъ читателю взглянуть, ачіендеръ съ своей стороны вовсе влюбленъ не былъ; напротивъ, какъ человѣкъ практическій, онъ сентиментальному вздору не поддавался и въ виду имѣлъ всегда одно только дѣло; а то, которое было на мази, онъ считалъ чрезвычайно важнымъ; конечно онъ, безъ малѣйшей пощады къ радости молодыхъ дѣвушекъ, рѣзко напомнилъ, что давно слѣдовало быть въ дорогѣ и имъ, не теряя минуты, надо отправиться въ путь, если онѣ хотятъ быть вечеромъ въ ачіендѣ дель-Райо и не проводить ночи подъ открытымъ небомъ.

Было около десяти часовъ и потеряно цѣлыхъ два часа; но дѣйствительно ли потеряно? Безспорно этого не думали въ глубинѣ души ни дона Флора, ни Лоранъ, ни даже сама дона Линда, хотя мнѣнія своего не высказывали и тотчасъ покорились требованію дон-Хезуса.

Лоранъ свиснулъ въ золотой свистокъ; на порогѣ явился Мишель.

— Чтобы въ десять минутъ все готово было къ отъѣзду, приказалъ капитанъ.

Мишель молча поклонился и вышелъ.

— У васъ отлично выдержана прислуга, дон-Фернандъ, сказалъ улыбаясь ачіендеръ.

— Все старые слуги нашего рода, небрежно отвѣтилъ молодой человѣкъ: — они усердны.

— Карамба! трудно бы найти лучшихъ.

— Полагаю, съ оттѣнкомъ легкой ироніи сказалъ Лоранъ.

— И всѣ они, ей-Богу! имѣютъ какой-то воинственный видъ. Весело смотрѣть на нихъ.

— Почти всѣ они были прежде солдатами; кротки какъ агнцы, но страшнѣе львовъ при случаѣ.

— Гмъ! не худо принять это къ свѣдѣнію. Вы вѣроятно берете нѣсколько съ собой?

— Человѣкъ десять не болѣе; сначала я было хотѣлъ, узнавъ, чтё дона Флора удостоитъ насъ своимъ обществомъ, просить конвой у его высокопревосходительства господина губернатора, но обдумавъ хорошенько, нашелъ приличнѣе самому справиться.

— Батюшка былъ бы очень радъ оказать вамъ услугу, графъ, съ улыбкой сказала дона Линда.

— Я увѣренъ, сенорита, но отрядъ войска, что не говори, всегда стѣсняетъ, я и предпочелъ не докучать дон-Рамону такою мелочью.

— Отлично сдѣлали, дон-Фернандъ, продолжалъ ачіендеръ:— что̀ меня касается, то я нисколько не боюсь нападенія бѣжавшихъ недавно воровъ-флибустьеровъ, которые вѣроятно бродятъ по окрестностямъ.

— Пока вы и ваша прелестная дочь будете находиться подъ моею охраною, вамъ нечего бояться ни отъ кого, сеноръ дон-Хезусъ.

— Я убѣжденъ въ этомъ и благодарю васъ, графъ.

— Стало быть, опасности подвергаюсь одна я! вскричала весело дона Линда. — Воже мой! Что̀ будетъ со мною, воскликнула она траги-комическимъ тономъ: — если нападутъ на насъ разбойники?

— Вы и дона Флора, сенорита, любезно сказалъ графъ: — въ мысляхъ моихъ составляете одно нераздѣльное лицо.

— Это немного успокоиваетъ меня; однако, для большей безопасности, предупреждаю васъ, графъ, что во все время пути вы почти неотлучно должны находиться при нашихъ особахъ.

Нельзя знать, что̀ можетъ случиться; что̀ ты думаешь объ этомъ душка Флора?

— Нахожу очень благоразумнымъ, тотчасъ отвѣтила подруга.

— Итакъ, графъ, извольте съ этимъ соображаться, если не хотите получать выговоры.

— Я покорюсь вашей волѣ, какъ велитъ мнѣ долгъ, сеньорита.

— Жалѣю я васъ, дон-Фернандъ! вскричалъ ачіендеръ, расхохотавшись во все горло. — Я знаю этихъ бѣсенятъ; что скажутъ, то и сдѣлаютъ.

— Мнѣ надо мириться съ моею долей, дон-Хезусъ.

Вошелъ Мишель.

— Все готово, ваше сіятельство, сказалъ онъ.

— Скорѣе въ путь! вскричалъ ачіендеръ.

Встали отъ стола и вышли изъ гостиной.

Уже слуги дон-Хезуса и Лорана сѣли на лошадей въ ожиданіи господъ.

Лоранъ помогъ дамамъ сѣсть и самъ вскочилъ въ сѣдло.

Спустя четверть часа, блистательный поѣздъ оставилъ городъ далеко позади себя и находился въ открытомъ полѣ.

Распредѣленіе было вполнѣ удачно; впереди, на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, ѣхало двое слугъ графа, потомъ еще двое слугъ графа и четверо слугъ дон-Хезуса, всѣ подъ командою Мишеля Бискайца.

За ними непосредственно ѣхали двѣ дѣвушки, такъ завернувшись, для огражденія отъ солнца, въ кисею, что на виду оставались одни глаза; возлѣ нихъ были, справа возлѣ доны Флоры, Лоранъ, а дон-Хезусъ слѣва.

За тѣмъ слѣдовали камеристки и пеоны, какъ обыкновенно, рысившіе пѣшкомъ.

Наконецъ, шаговъ на двадцать позади, ѣхало шесть слугъ графа, какъ арьергардъ.

Всѣ всадники имѣли при себѣ ружья и пистолеты въ чушкахъ.

Одинъ Лоранъ и дон-Хезусъ не были вооружены; ихъ ружья везъ, перекинувъ предъ собою поперекъ сѣдла, Юліанъ, который ѣхалъ позади своего господина въ двухъ шагахъ.

Всѣ ружья эти, правда, были испанской работы, но тѣмъ не менѣе отличныя.

Лошади приняли обычный свой алюръ, то-есть галопъ; испано-американскія лошади никогда не идутъ рысью, и рысь ихъ чрезвычайно тряска.

Этотъ длинный поѣздъ летѣлъ вскачь и быстро подвигался впередъ; мулы слѣдовали иноходью и не изобличали ни малѣйшихъ признаковъ усталости.

— Извините, дон-Фернандъ, вдругъ сказалъ ачіендеръ: — мнѣ кажется, я не вижу проводника индійца, который былъ съ вами, когда вы посѣтили меня въ ачіендѣ дель-Райо при вашемъ прибытіи въ этотъ край.

— Правда, сеноръ дон-Хезусъ, этого человѣка теперь нѣтъ со мною; я нанялъ его довести меня до Панамы, гдѣ и отпустилъ. Я не видалъ его съ-тѣхъ-поръ; развѣ вамъ онъ извѣстенъ?

— Мнѣ?

— Да.

— О! мало очень, какъ мнѣ извѣстно множество подобныхъ субъектовъ. Этотъ Хозе... вѣдь такъ его зовутъ, если не ошибаюсь?..

— Дѣйствительно Хозе.

— Слыветъ порядочнымъ негодяемъ; я никогда не хотѣлъ принимать его услугъ, несмотря на его усильныя просьбы.

— У него въ самомъ дѣлѣ дурная слава?

— Ничего особеннаго я про него не знаю, но вообще слухи идутъ о немъ очень невыгодные, почему полагаю, что доля истины должна крыться въ томъ, что̀ говорятъ.

— Это не всегда бываетъ, сеноръ дон-Хезусъ.

— Пожалуй, дон-Фернандъ, но въ сомнительномъ дѣлѣ человѣкъ благоразумный воздерживается.

— И вы воздерживались отъ того, чтобы дать работу этому бѣдняку?

— Признаться, да.

— Вы удивляете меня, такъ какъ въ Чагре мнѣ особенно хвалили его.

— Скажите пожалуйста! Впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть онъ исправился, чего отъ души ему желаю, хотя позволяю себѣ сомнѣваться.

— Почему же, дон-Хезусъ?

— Да какъ бы вамъ сказать... Знаете пословицу, немного пошлую, правда: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку?

— Что вы подъ этимъ разумѣете?

— Что хорошіе остаются хорошими, а дурные дурными.

— Полноте, дон-Хезусъ, вы очень ужъ строги къ этому бѣдняку.

— И вы не имѣли повода быть недовольны имъ во все время, пока онъ находился въ вашемъ распоряженіи?

— Ни малѣйшаго; напротивъ, не могъ нахвалиться.

— Такъ все хорошо.

Тутъ разговоръ перешелъ на другое, сдѣлался общимъ между четырьмя путешественниками и вскорѣ принялъ характеръ почти дружескій.

Время шло; было часовъ шесть пополудни и солнце уже стояло низко, когда дон-Хезусъ весело объявилъ, что ачіенды дель-Райо достигнутъ самое позднее черезъ часъ, то-есть къ семи, прежде чѣмъ совсѣмъ стемнѣетъ; ѣхали очень быстро и по дорогѣ самой прямой и удобной.

Наши путешественники все скакали, смѣясь и разговаривая, когда вдругъ одинъ изъ передовыхъ далъ шпоры лошади и ускакалъ вихремъ.

— Это что? вскричалъ Лоранъ: — что тамъ происходитъ?

Ачіендеръ поблѣднѣлъ.

— Не знаю, пробормоталъ онъ: — можетъ быть не худо бы освѣдомиться.

— Сейчасъ я и сдѣлаю это; Юліанъ, подай ружье; Мигуэль, становись въ главѣ, собери всѣхъ въ кружокъ около дамъ и сенора дон-Хезуса, и жди тутъ съ взведеннымъ курком. Ты отвѣтишь мнѣ головой за тѣхъ, кого я поручаю твоей охранѣ.

Слова эти произнесены были тѣмъ рѣзкимъ и повелительнымъ тономъ, который возраженія не допускаетъ.

Несмотря на естественный испугъ, дѣвушки не могли налюбоваться воинственнымъ выраженіемъ лица молодого человѣка, который точно преобразился.

— Будьте покойны, ваше сіятельство, хладнокровно отвѣтилъ Мишель.

— Ради Бога, не бросайте насъ, дон-Фернандъ! вскричала дона Флора.

— Такъ надо, возразилъ онъ глухо.

И не слушая ничего болѣе, помчался во весь опоръ и въ свою очередь мгновенно скрылся изъ глазъ.

Оставшись одинъ и видя, что нечего ждать помощи отъ ачіендера, который, блѣдный какъ смерть, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, Мишель Бискаецъ съ трудомъ поборолъ улыбку презрѣнія и рѣшился принять командованіе, которое поручилъ ему Лоранъ.

Онъ собралъ весь поѣздъ посреди дороги, помѣстилъ дамъ, дон-Хезуса и камеристокъ въ центрѣ групы, своихъ людей и слугъ ачіендера разставилъ вокругъ, а самъ отважно сталъ шагахъ въ четырехъ или пяти впереди.

— Держать ухо востро! приказалъ онъ.

Онъ сталъ храбро ждать опасности, какого бы рода ни была она.

Между тѣмъ Лоранъ несся во весь духъ и за нимъ, не отставая на пядь, Шелковинка, который ни за что не хотѣлъ бросить его одного. Вскорѣ Лоранъ увидѣлъ своего передового, который отбивался отъ четырехъ бѣглыхъ негровъ, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ.

Дон-Фернандъ былъ одинъ съ Юліаномъ; другому передовому онъ велѣлъ примкнуть къ групѣ, оставшейся позади; тѣмъ не менѣе безстрашный капитанъ ринулся очертя голову къ кучкѣ

сражавшихся, крикнувъ громовымъ голосомъ Береговому Брату, чтобъ онъ держался.

Однако, подскакавъ ближе къ мѣсту дѣйствія, онъ ясно увидалъ въ чемъ дѣло.

Оказывалось не четверо бѣглыхъ негровъ, какъ ему смутно представлялось издали, а по меньшей мѣрѣ пятнадцать, которые нападали на флибустьера, и трехъ индійцевъ, храбро имъ сопротивлявшихся. Два негра и одинъ краснокожій уже лежали мертвые на землѣ.

Этой шайкой разбойниковъ командовалъ Каскабель; женщина въ обморокѣ лежала распростертая у его ногъ.

Лоранъ все понялъ: женщина была Аврора, похищенная презрѣннымъ метисомъ; храбро же сражавшіеся индійцы, по всему вѣроятію, Вала-Вагоэсы, которые застигли похитителей и старались отбить дочь своего начальника.

— Впередъ, Шелковинка, чортъ поберн! Ударимъ на этихъ негодяевъ! вскричалъ Лоранъ, вонзивъ шпоры въ бока лошади.

Шелковинка могъ при случаѣ замѣнить взрослаго мужчину; и такъ они вдвоемъ ринулись въ ряды сражающихся.

Пора было подоспѣть помощи такъ храбро оборонявшимся флибустьеру и краснокожимъ.

Лоранъ и Шелковинка выстрѣлили разъ за разомъ въ самую чащу противниковъ сперва изъ ружей, потомъ изъ пистолетовъ, и наконецъ съ саблею въ рукѣ стали рубить направо и налѣво.

Негры, плохо вооруженные, огнестрѣльнаго оружія не имѣли вовсе; имъ и то жутко приходилось въ борьбѣ, гдѣ они брали числомъ; при внезапномъ же нападеніи новыхъ противниковъ, они увидали, что погибли, дрогнули, отступили и старались подойти ближе къ своимъ лошадямъ.

— Ей-Богу! пора вамъ было подоспѣть, капитанъ, со смѣхомъ сказалъ флибустьеръ.—Много ужъ очень ихъ оказывалось у насъ на рукахъ.

— Будь покоенъ, Гуляка, отвѣтилъ Лоранъ, заряжая вновь

ружье и пистолеты: — только дай лошадямъ перевести духъ и негодяи эти своихъ не узнаютъ.

Въ эту минуту, какъ бы по обоюдному соглашенію, въ схваткѣ произошелъ перерывъ отъ истощенія силъ и съ той и съ другой стороны; но противники отдыхали не долго.

На непонятномъ для флибустьеровъ языкѣ, Каскабель сказалъ нѣсколько словъ своимъ товарищамъ, и тѣ мгновенно, всѣ разомъ, бросились продолжать бой.

Ихъ встрѣтили энергично. Несмотря на всѣ ихъ усилія, негры должны были отступать шагъ за шагомъ, но тѣсно сплотившись и лицомъ къ врагу.

Лоранъ тотчасъ понялъ причину этой новой тактики, когда увидалъ, что Каскабель нагибается взять на руки Аврору, которая все лежала безъ чувствъ.

Метисъ хотѣлъ воспользоваться послѣднимъ отчаяннымъ нападеніемъ и въ суматохѣ скрыться съ своею добычей. Онъ поднялъ дѣвушку, передалъ ее одному изъ своихъ соучастниковъ, вскочилъ на лошадь и наклонился уже подхватить плѣнницу, которую подавалъ ему негръ, протянувъ руки.

Вдругъ два выстрѣла раздались одновременно: Лоранъ и Шелковинка прицѣлились каждый въ свою жертву и промаха не дали.

Каскабель испустилъ яростный ревъ отъ боли и ускакалъ во весь опоръ; пуля Юліана раздробила ему правую руку у плеча.

Негръ же свалился какъ снопъ; пуля Лорана размозжила ему черепъ. Въ паденіи своемъ убитый увлекъ и молодую дѣвушку, которая не приходила въ себя.

Тутъ схватка превратилась въ настоящую рѣзню; похитители, загнанные какъ дикіе звѣри, защищались отчаянно, но вскорѣ ихъ осталось не болѣе пяти, шести, по большей части раненыхъ; брошенные предводителемъ, и они ударились бѣжать по всѣмъ направленіямъ.

Лоранъ пренебрегъ погонею за ними. И къ чему? Развѣ молодая дѣвушка не была спасена, цѣла и невредима?

Онъ далъ Шелковинкѣ и Гулякѣ гнаться сколько душѣ угодно

за лошадьми бѣглецовъ, которыя бросались во всѣ стороны, а самъ соскочилъ на земь и приблизился къ Аврорѣ.

Индійцы уже подали помощь молодой дѣвушкѣ, которая лишилась чувствъ отъ одного испуга и теперь мало-по-малу приходила въ себя.

— Слава Богу! прошепталъ онъ: — мнѣ нечего здѣсь дѣлать болѣе, когда дочь моего друга спасена.

— Кто ты? спросилъ поднявшись одинъ изъ индійцевъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ чертахъ котораго была печать невыразимаго благородства и величія.

— Не принимаешь ли ты меня за врага? спросилъ Лоранъ съ добродушною улыбкой.

— Нѣтъ, ты сдѣлалъ для насъ то, на что не рѣшился бы даже преданный другъ. Тебѣ мы обязаны жизнью, честью и свободой дочери нашего возлюбленнаго начальника. Скажи мнѣ свое имя, чтобъ мы могли чтить его какъ имя благодѣтеля.

— Имя мое ничего тебѣ не скажетъ; ты не знаешь его; но я другъ Вала-Вагоэсовъ и братъ ихъ начальника Туш-и-Дур-Амга; я тотъ бѣлый воинъ, который заключилъ съ твоимъ племенемъ союзъ.

— Я знаю тебя, братъ; Вала-Вагоэсы благодарны; ты скоро увидишь, на что они способны, когда защищаютъ тѣхъ, кого любятъ.

— Сейчасъ я видѣлъ ихъ на дѣлѣ; ты и воины твои большіе храбрецы.

Индіецъ гордо улыбнулся.

— Благодарю! сказалъ онъ.

— Что ты намѣренъ дѣлать? продолжалъ Лоранъ:—дѣвушка приходитъ въ себя; скоро она въ силахъ будетъ сидѣть на лошади. Хочешь со мною ѣхать, или ты думаешь отвезти ее къ отцу?

— Туш-и-Дур-Амгъ оплакиваетъ возлюбленную дочь; онъ призываетъ ее съ рыданіями.

— Шон-Энг-и повезетъ ее къ нему.

— Развѣ начальникъ здѣсь близко?

— Едва въ двухъ часахъ ходьбы.

— И ты не боишься, чтобъ вернулся непріятель?

— Нѣтъ, возразилъ индіецъ съ улыбкой:—теперь у насъ лошади будутъ, а негры пѣшкомъ; впрочемъ они не вернутся, вѣдь они бѣгутъ въ страхѣ.

— Правда, лучше всего вернуть дѣвушку отцу.

Лоранъ снялъ при этихъ словахъ перстень съ руки и подалъ его индійцу.

— Пусть Шон-Энг-и отдастъ этотъ перстень начальнику; онъ узнаетъ его, прибавилъ онъ.

— Будетъ исполнено; блѣднолицый воинъ не хочетъ ли сказать доброе слово молодой дѣвушкѣ нашего племени?

— Нѣтъ, возразилъ Лоранъ: — первая улыбка ребенка принадлежитъ отцу; мы еще увидимся съ нею, но вотъ и лошади; выбери какія пожелаешь.

Возвращавшіеся флибустьеры дѣйствительно гнали предъ собою лошадей пятнадцать.

Шон-Энг-и сдѣлалъ знакъ одному изъ своихъ товарищей.

Тотъ отдѣлилъ пять лошадей.

— Теперь, продолжалъ Прекрасный Лоранъ: — тебѣ нечего здѣсь дѣлать болѣе; посади дѣвушку на лошадь и уѣзжайте; мой отрядъ, который на милю позади насъ, будетъ для тебя вѣрнымъ, хотя невидимымъ прикрытіемъ до асіенды дель-Райо, гдѣ я останавливаюсь; только поторопись; нѣтъ нужды, чтобы ѣдущіе со мною знали, что̀ тутъ происходило.

— Братъ мой говорилъ хорошо, отвѣтилъ краснокожій воинъ: — я повинуюсь ему.

Онъ и его спутники тотчасъ вскочили въ сѣдло.

Лоранъ бережно поднялъ на руки и посадилъ на сѣдло предъ индійцемъ молодую дѣвушку, которая еще не совсѣмъ очнулась и блуждала вокругъ дикимъ и мутнымъ отъ страданія взоромъ.

— До скораго свиданія! сказалъ онъ индійцамъ.

— До свиданія! отвѣтилъ начальникъ.

Размѣнявшись послѣднимъ поклономъ съ капитаномъ, пять

индійцевъ ускакали во весь духъ и почти мгновенно скрылись за поворотомъ дороги.

— Ни гугу обо всемъ случившемся, сказалъ Лоранъ.

— Очень хорошо, капитанъ.

— Что-жъ съ лошадьми-то дѣлать? спросилъ Гуляка: — кони добрые и красивые.

— Увести ихъ, чортъ побери! вскричалъ Лоранъ. — Продай ихъ, Гуляка; дон-Хезусъ вѣрно не откажется купить, а деньги ты раздѣлишь поровну съ товарищами.

— Благодаримъ, капитанъ, съ вами весело дѣло имѣть; хоть драться и приходится, но за то всегда перепадетъ.

— Надо спѣшить назадъ; наши, я думаю встревожены, что такъ долго насъ нѣтъ.

Они помчались во весь духъ.

VI.

КАКЪ ДОН-ХЕЗУСЪ ПРИЗНАЛСЯ ЛОРАНУ, ЧТО БОИТСЯ ЕГО, САМЪ НЕ ЗНАЯ ПОЧЕМУ.

Хотя Мишель Бискаецъ и кипятился въ душѣ и отчаянно кусалъ усы, онъ въ точности исполнилъ данную ему инструкцію, и оставался неподвиженъ, какъ каменная глыба, посреди дороги, которую зорко осматривалъ по всѣмъ направленіямъ, чтобъ не быть застигнутымъ врасплохъ.

По его примѣру, остальные девять флибустьеровъ, гордо подявъ голову, съ грознымъ блескомъ во взорѣ и держа ружья наготовѣ, не отводили отъ него глазъ, чтобъ повиноваться его малѣйшему знаку.

Своею гордою и воинственною осанкою безъ хвастовства, спо-

койствіемъ и строгою дисциплиною, эти десять человѣкъ представляли поразительную противоположность съ тѣми, которыхъ они должны были охранять. Бѣдняки пеоны дрожали всѣмъ тѣломъ и дико озирались вокругъ, готовые дать стречка при первомъ переполохѣ; дон-Хезусъ Ордонецъ, блѣдный какъ мертвецъ, дрожалъ сильнѣе всѣхъ, ударялъ себя въ грудь и бормоталъ молитвы, самъ не понимая что̀ дѣлаетъ.

Женщины вообще храбры, если опасность не вдругъ нагрянетъ; молодыя дѣвушки, опомнившись немного отъ перваго перепуга, осматривались съ любопытствомъ; онѣ невольно сравнивали жалкій видъ своихъ пеоновъ съ выраженіемъ безпечной отваги графскихъ слугъ и понимали, что въ случаѣ нападенія, могли разсчитывать только на ихъ защиту.

Трескъ доносившейся до нихъ ружейной пальбы еще усилилъ страхъ и смятеніе пеоновъ; нѣкоторые уже хитро готовились дать тягу; но Мишель, который дрогнулъ, заслышавъ перестрѣлку, какъ благородный конь, почувствовавъ шпоры, повернулся къ трусамъ, взвелъ курокъ пистолета и съ выраженіемъ во взорѣ, въ которомъ ошибиться нельзя было, вскричалъ грозно:

— Первому, который тронется, я всажу пулю въ лобъ!

Предостереженіе произвело свое дѣйствіе; пеоны не заставили повторять его и все пришло въ надлежащій порядокъ.

Спустя немного, человѣкъ восемь или шесть негровъ пробѣжали въ страхѣ и окровавленные въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги. Увидавъ, что они бѣгутъ въ ужасѣ, трусы вдругъ превратились въ храбрецовъ и хотѣли было по нимъ стрѣлять.

— Побѣжденныхъ не бьютъ, опять сказалъ Мишель Бискаецъ.

И великодушный флибустьеръ презрительно пожалъ плечами.

— Однако, другъ мой, обратилась къ нему дона Флора:—зачѣмъ же намъ оставаться здѣсь долѣе? Быть можетъ, вашъ господинъ подвергается опасности; лучше бы спѣшить къ нему на помощь.

— И въ-самомъ-дѣлѣ, прибавила дона Линда:—бѣдный графъ,

нельзя же оставить его такимъ образомъ одного; ради Бога, поѣдемте за нимъ вслѣдъ!

— Прелестнѣйшія сеньориты, возразилъ Мишель Бискаецъ съ поклономъ и сладкою улыбкою: — если его сіятельство въ опасности, какъ велика не была бы она, это его дѣло; онъ выпутается какъ знаетъ, это касается его; мнѣ же онъ приказалъ оставаться здѣсь и охранять васъ, что̀ я исполню хоть бы цѣлый легіонъ чертей налетѣлъ невзначай попытаться переломать намъ ребра.

— Однако, если онъ убитъ! вскричала дона Флора въ ужасѣ.

— Убитъ! Онъ-то? пожалъ плечами флибустьеръ: — видно, что вы не знаете его, сеньорита; онъ не такъ неловокъ.

— Все же онъ могъ быть раненъ, прибавила дона Линда.

— Раненъ! Онъ? это невозможно. Во-первыхъ, сраженіе это его стихія; онъ счастливъ только тамъ.

— Однако, все же! настаивали дѣвушки.

— Ну, что̀ я говорилъ? безцеремонно перебилъ Мишель: — Вотъ онъ возвращается такой же веселый и бодрый, какъ будто ѣздилъ прогуляться, посмотрите-ка, видѣнъ онъ вамъ?

— Да, да, это правда! съ живостью сказала дона Флора, которой блѣдное лицо вдругъ вспыхнуло.

— Дѣйствительно это онъ, прибавила дона Линда вполголоса. — Странно, докончила она про себя: — онъ совершенно преобразился; какая гордая осанка! Я совсѣмъ не знала его досихъ поръ!

Она вздохнула и отвернулась.

— Прости Господи! весело вскричалъ Мишель Бискаецъ: — его сіятельство графъ захватилъ еще и добычу, десять превосходныхъ лошадей; одинъ онъ способенъ на такія штуки.

Дѣйствительно Прекрасный Лоранъ возвращался мѣрнымъ галопомъ такой спокойный, какъ будто ровно ничего не случилось; за нимъ Шелковинка и Гуляка гнали захваченныхъ ими лошадей.

Когда прошла опасность, дон-Хезусу Ордонецу вернулось его обычное хладнокровіе и достоинство.

Онъ проѣхалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу молодого человѣка.

— Что тамъ происходило? спросилъ онъ съ живостью.

— Почти то, что̀ вы предполагали, сеноръ дон-Хезусъ, равнодушно отвѣтилъ Лоранъ, раскланиваясь въ то же время съ дамами.—Въ путь Мигуэль, надо спѣшить и вернуть, если возможно, потерянное время.

Група всадниковъ двинулась опять въ дорогу.

Лоранъ ѣхалъ по-прежнему возлѣ доны Флоры.

Шелковинка и Гуляка, сдавъ пеонамъ лошадей, также вернулись на свои мѣста.

— Какъ, графъ, вскричалъ ачіендеръ:—это были флибустьеры?

— Да, отвѣтилъ Лоранъ:—съ помощью человѣкъ пятнадцати бѣглыхъ негровъ, они подготовили намъ премиленькую засаду; еслибъ не замѣтилъ ихъ случайно одинъ изъ моихъ передовыхъ, мы провели бы очень непріятный часокъ, я полагаю.

— О, о! и вы совершенно увѣрены, графъ, что черти эти убрались?

— Какъ нельзя болѣе, дон-Хезусъ, будьте покойны; остается еще нѣсколько...

— Что̀ вы говорите? въ испугѣ перебилъ ачіендеръ.

— Но такъ какъ они мертвые, продолжалъ графъ: — то не очень страшны..

— Это дѣло другое!

— Сколько ихъ было, графъ? спросила дона Линда дрожащимъ голосомъ.

— Признаться, сенорита, засмѣялся Лоранъ: — мнѣ некогда было считать; быть можетъ человѣкъ двадцать, а пожалуй и больше, въ точности опредѣлить не могу.

— Здѣсь пробѣжало человѣкъ десять, замѣтила дона Флора.

— А! они бѣжали въ эту сторону?

— Да, тамъ, поодаль отъ дороги.

— Вы сейчасъ увидите за поворотомъ почти такое же число убитыхъ, слѣдовательно, я не ошибался, что ихъ было человѣкъ двадцать.

— А васъ всего двое да ребенокъ? съ удивленіемъ возразила дона Линда.

— Извините, сеньорита, ребенокъ этотъ мужчина, когда надо защищать меня; онъ храбро сражался, стало быть насъ было трое.

— Трое противъ двадцати! вскричала дона Флора восторженно.

— Насъ вполнѣ было достаточно, когда мы обратили ихъ въ бѣгство.

— Просто баснословно, вскричалъ донъ-Хезусъ, чуть не съ благоговѣніемъ: — о! прибавилъ онъ съ чувствомъ: — мы испанцы львы.

— Подъ часъ, договорилъ молодой человѣкъ, улыбаясь.

— Но вы ранены! вдругъ вскричала дона Флора въ ужасѣ.

— Ошибаетесь, сеньорита, я не раненъ.

— Вѣдь вся одежда ваша въ крови.

— Виноватъ, сеньорита, мнѣ просто совѣстно того, что случилось. Благодарю васъ за участіе, которымъ вы удостоиваете меня; но не тревожьтесь, это кровь не моя.

— Вы увѣрены въ томъ, сеноръ донъ-Фернандъ?

— Какъ нельзя болѣе, сеньорита, засмѣялся Лоранъ: — меня забрызгалъ падая какой-нибудь олухъ; чортъ побери неуча!

— Онъ достаточно поплатился за свою неловкость, съ невольною улыбкою сказала дѣвушка:—зачѣмъ бранить его въ придачу? Великодушному врагу этого дѣлать не слѣдуетъ.

— Правда, сеньорита, но онъ же получилъ только по заслугамъ.

Дона Линда ничего не говорила, она углубилась въ свои мысли.

Молодая дѣвушка испытывала странное волненіе; сердце сжималось у нея, глаза полны были слезъ, она не понимала, что съ нею и какое невѣдомое чувство наполняло ей душу; жадно вслушивалась она въ каждое слово Лорана и по временамъ бросала на него украдкой загадочные взоры.

Достигли мѣста, гдѣ происходила схватка. Труповъ двѣнад-

цать, съ страшно искаженными лицами, разбросано было какъ попало въ лужахъ крови.

— Вотъ гдѣ было сраженіе, прошептала дона Линда.

— О! сенорита, это пустая схватка.

— Какое побоище! вскричалъ дон-Хезусъ съ удивленіемъ:— ей Богу! графъ, вы герой!

— Это вы снисходительны, скромно возразилъ молодой человѣкъ.

— Мы обязаны вамъ жизнью.

— Полноте, сеноръ дон-Хезусъ, вы не обязаны мнѣ ничѣмъ за то, что я проучилъ негодяевъ; напротивъ счастьемъ было для меня оказать вамъ такую пустую услугу.

— Пустую услугу!

— Кстати, вдругъ сказалъ Лоранъ, чтобъ перемѣнить предметъ разговора, который все вертѣлся около одного и начиналъ ему надоѣдать: — знаете ли сеноръ дон-Хезусъ, кого я увидалъ въ числѣ этихъ разбойниковъ?

— Какъ мнѣ знать, графъ, когда я никого изъ нихъ въ лицо не видывалъ.

— Ошибаетесь, сеноръ дон-Хезусъ, одного по-крайней-мѣрѣ видѣли.

— Я? Вѣрно вы шутите.

— Ничуть, напротивъ говорю очень серіозно, клянусь вамъ.

— И вы утверждаете, что я знаю одного изъ презрѣнныхъ этихъ воровъ?

— Отлично знаете.

— Это мнѣ нравится!

— А тѣмъ не менѣе справедливо.

— Впрочемъ я столькихъ знаю!

— Хотите я назову его?

— Сдѣлайте милост , графъ.

— Это индіецъ, змѣечаровникъ по ремеслу, нѣкто...

— Каскабель! вскричалъ ачіендеръ блѣднѣя.

— Вы сами назвали его, сеноръ дон-Хезусъ, стало быть знаете.

— Очень мало, возразилъ ачіендеръ, въ очевидномъ смущеніи.

— Что вы говорите, батюшка, наивно остановила его дона Флора:—вы очень хорошо знаете этого гадкаго человѣка; недѣли не проходитъ, чтобъ онъ не приходилъ раза два, три въ ачіенду.

— Это возможно, пробормоталъ ачіендеръ, растерявшись отъ такого неожиданнаго изобличенія и потому самъ не зная что говорить:—но что же это доказываетъ?

— Ровно ничего, вмѣшался Лоранъ, который узналъ что хотѣлъ вывѣдать.

— Убитъ онъ? спросилъ дон-Хезусъ.

— Къ несчастью нѣтъ.

— Но вѣрно тяжело раненъ?

— Да, Юліанъ, мой пажъ, раздробилъ ему ружейнымъ выстрѣломъ руку у самаго плеча.

— Скажите пожалуйста, какой молодецъ! покровительственнымъ тономъ сказалъ ачіендеръ: — признаться, еслибъ онъ и убилъ его, то потеря для свѣта была бы не велика.

— И я такъ думаю; но не сѣтуйте очень на моего пажа, сеноръ дон-Хезусъ, продолжалъ онъ улыбаясь: — мальчикъ сдѣлалъ что могъ и если не убилъ его, то въ недостаткѣ усердія винить его нельзя.

— Мнѣ сѣтовать на прелестнаго ребенка, такъ горячо преданнаго своему господину, вскричалъ съ живостью дон-Хезусъ:— вы не можете предполагать этого, графъ; и въ доказательство, прибавилъ ачіендеръ, снявъ съ себя великолѣпную бриліантовую булавку:—я прошу его принять эту бездѣлицу на память отъ меня и въ награду за храбрость, оказанную имъ сегодня.

Пажъ колебался и взглянулъ на своего господина.

— Можешь принять, Юліанъ, сказалъ ему тотъ: — отказомъ ты оскорбишь сепора дон-Хезуса.

Шелковинка взялъ булавку и съ жаромъ сталъ благодарить ачіендера.

— Да, да, говорилъ между тѣмъ дон-Хезусъ: — слугъ я вознаградить могу, но господина ихъ ничѣмъ.

— Господинъ, отвѣтилъ флибустьеръ съ видомъ серіознымъ: — знатнаго рода, сеноръ дон-Хезусъ, такъ что и рѣчи не можетъ быть о какомъ либо вознагражденіи, тѣмъ болѣе, что онъ только исполнилъ долгъ дворянина.

— Боже мой! графъ, наивно вскричалъ ачіендеръ: — я такъ недавно имѣю честь знать васъ, а между тѣмъ не перечту всего, чѣмъ вамъ обязанъ.

— Тише! сеноръ дон-Хезусъ, остановилъ Лоранъ, бросивъ на него значительный взглядъ: — не говорите этого; сперва надо короче узнать другъ друга, а потомъ ужъ и произносите обо мнѣ рѣшительное сужденіе.

— О! васъ-то, графъ, благодареніе Богу, я знаю хорошо!

— Можетъ вы и ошибаетесь на мой счетъ и перемѣните свое мнѣніе?

— Это невозможно.

— Кто знаетъ?

— Вы странный человѣкъ, любезный графъ, сказалъ ачіендеръ, немного помолчавъ.

— Я не понимаю васъ, сеноръ дон-Хезусъ, возразилъ Лоранъ, съ легкимъ оттѣнкомъ надменности.

— Видите ли, то что я хочу сказать, довольно трудно выразить.

— Вы сильно возбуждаете мое любопытство этими вступительными оговорками, сеноръ дон-Хезусъ.

— Простите вы мнѣ, если я буду вполнѣ откровененъ?

— Вамъ прощено заранѣе, сеноръ; итакъ говорите смѣло.

— Вотъ что, графъ; самъ не знаю, отчего мною порой овладѣваетъ престранное чувство въ вашемъ присутствіи; разумѣется, я питаю къ вамъ живѣйшее сочувствіе, я столькимъ вамъ обязанъ...

— Дальше, дальше.

— Однако иногда въ разговорѣ съ вами, вотъ какъ теперь напримѣръ, я совсѣмъ теряюсь, такое грозное выраженіе мно-

венно принимаетъ лицо ваше, такъ сверкаетъ молніею вашъ взоръ!

— Ужъ будто я очень страшенъ?

— Для меня очень.

— Благодарю, сеноръ.

— Что прикажете, графъ, это не въ моей власти! И наконецъ даже рѣчь ваша...

— Ну вотъ! и разговоръ мой страшенъ?

— Да какъ бы вамъ сказать, у васъ тонъ такой, что придаетъ особенное значеніе каждому слову; насмѣшливая улыбка то и дѣло мелькаетъ у васъ на губахъ; когда вы говорите мнѣ любезность, она звучитъ въ моихъ ушахъ точно угроза; оказываете ли вы услугу, такъ вотъ и сдается мнѣ, наперекоръ очевидности, что услуга превратится для меня въ смертельную обиду; въ эти минуты...

— Что-жъ въ эти минуты?

— Вы наводите на меня такой страхъ, что кровь застываетъ въ жилахъ.

— Ужъ не предчувствіе ли это, сеноръ дон-Хезусъ? отвѣтилъ Лоранъ даже не сморгнувъ: — а вѣдь предчувствія Богомъ посылаются, ими пренебрегать нельзя.

— Вотъ опять насмѣхаетесь, страшный вы человѣкъ!

— Какъ насмѣхаюсь? Нисколько. Я вовсе не шучу.

— То-то меня и огорчаетъ, графъ, что я никогда не знаю, врагъ вы мнѣ или другъ.

— Зачѣмъ мнѣ быть вашимъ врагомъ, сеноръ дон-Хезусъ? возразилъ Лоранъ, взглянувъ на него такъ пристально, что тотъ вздрогнулъ и невольно опустилъ глаза...

— Этотъ-то вопросъ я и задаю себѣ; мы познакомились только нѣсколько дней назадъ; никогда прежде мы не встрѣчались. Одинъ случай свелъ насъ, когда мы оба не ожидали этого вовсе.

— Случай иногда такъ удачно сводитъ.

— Я и не жалуюсь на него; наши сношенія съ самаго начала были самыя дружескія.

— Согласенъ; но что же вы заключаете изъ этого стеченія обстоятельствъ, сеноръ дон-Хезусъ?

— Ничего не заключаю, напротивъ доискиваюсь.

— Можно подать вамъ совѣтъ?

— Любезный графъ, совѣтъ отъ васъ мнѣ всегда пріятенъ.

— Вы очень милостивы! не ищите; повѣрьте, это будетъ напрасно.

— А почему?

— Боже мой! причина простая; доискиваются только того, что существуетъ; вы же хотите отыскать то, что создано однимъ вашимъ воображеніемъ.

— Ваши слова доставляютъ мнѣ величайшую отраду и сваливаютъ тяжелое бремя...

— Съ вашей совѣсти, подсказалъ Лоранъ улыбаясь.

— Вовсе нѣтъ! вскричалъ ачіендеръ: — моя совѣсть совершенно спокойна.

— Разумѣется, когда въ жизнь свою не дѣлалъ никому вреда, насмѣшливо согласился капитанъ.

Ачіендеръ покосился на него, потомъ, въ внезапномъ порывѣ гнѣва, хлеснулъ лошадь такъ, что та помчалась со всѣхъ ногъ.

— Что съ моимъ отцомъ, дон-Фернандъ? спросила съ безпокойствомъ дона Флора.

— Не знаю, сеньорита, это вдругъ съ нимъ сдѣлалось; еслибъ не подъ вечеръ было, я приписалъ бы это дѣйствію солнца.

Но дон-Хезусъ уже успѣлъ побороть свой гнѣвъ и вернулся на прежнее мѣсто возлѣ молодого человѣка.

— Простите, дон-Фернандъ, сказалъ онъ:—моя лошадь споткнулась и я вообразилъ, что она понесла.

— Я видѣлъ, вѣжливо поддакнулъ флибустьеръ.

— Итакъ вы говорили?

— Ничего не говорилъ, сеноръ, могу васъ увѣрить; по-крайней-мѣрѣ не помню.

— А! мнѣ показалось.

— Скоро мы доѣдемъ до ачіенды?

— Вы устали?

— Признаться, да; я не привыкъ къ большимъ переѣздамъ, а путь этотъ, не во гнѣвъ будь сказано, довольно длиненъ; я не такой желѣзный какъ вы, дон-Хезусъ, меня все утомляетъ.

— Это съ непривычки, когда всегда пользуешься удобствами жизни...

— Именно, сеноръ; я очень избалованъ удобствами.

— Такъ утѣшьтесь, дон-Фернандъ, мы близко къ цѣли; когда мы обогнемъ этотъ густой кустарникъ, что̀ виднѣется слѣва во ста шагахъ впереди, останется всего четверть мили до ачіенды, которая очутится у насъ предъ глазами.

— Во всемъ величіи своего великолѣпія, напыщенно произнесъ Лоранъ.

— Ни минуты безъ насмѣшки!

— Что прикажете? Такая натура! Я смѣюсь надъ всѣмъ, самымъ грустнымъ и самымъ смѣшнымъ; надо брать меня какъ я есть. Однако благодарю васъ за свѣдѣніе, сеноръ дон-Хезусъ; откровенно говоря, я не прочь доѣхать скорѣе до мѣста; совсѣмъ разбитъ.

— Гмъ! я считалъ васъ бодрѣе.

— Обманулись, какъ видите; воля у меня есть, силъ не хватаетъ; наконецъ то подумайте, что я еще далеко не у цѣли!

— Какъ?

— Да вѣдь я ѣду въ Чагре.

— Знаю, но не сегодня же, надѣюсь?

— Нѣтъ, разумѣется, хоть бы все мое состояніе отъ того зависѣло. Я увѣренъ, что остался бы въ дорогѣ.

— Ну вотъ! завтра вы будете какъ встрепанный, увидите.

— Дай-то Богъ!

Разговаривая такимъ образомъ безъ особенной послѣдовательности, они быстро приближались къ ачіендѣ дель-Райо.

Стало темнѣть и человѣкъ пятдесятъ пеоновъ, съ факелами въ рукахъ, бѣгомъ спускались съ горы и привѣтствовали возвращеніе господина громкими кликами.

Люди эти, которые бѣжали въ темнотѣ, размахивая зажженны-

ми факелами, придавали картинѣ поражающій, фантастическій характеръ.

Спустя двадцать минутъ путешественники въѣзжали въ ачіенду.

Капелянъ и майордомъ ждали у большихъ воротъ и поздравили прибывшихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Сошли съ лошадей.

Хотя Лоранъ и жаловался на усталость, однако онъ проворно соскочилъ на земь и подбѣжалъ къ дамамъ помочь имъ сойти.

— Поручаю тебѣ слугъ его сіятельства графа дон-Фернанда Кастель Морено, обратился ачіендеръ къ майордому: — смотри, чтобы имъ было хорошо.

Майордомъ почтительно поклонился.

Дон-Хезусъ Ордонецъ вошелъ въ домъ и за нимъ двѣ дѣвушки, графъ и отецъ Санчесъ, который завидѣвъ Лорана, по своему обыкновенію, тотчасъ опустилъ капишонъ на лобъ.

Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, чтобъ къ ужину привести въ порядокъ свой туалетъ, очень нуждавшійся въ этомъ послѣ продолжительнаго переѣзда.

Графу отвели ту же комнату, гдѣ онъ былъ въ предыдущій разъ.

Мишель Бискаецъ и пажъ ждали его тамъ.

Лоранъ переодѣлся; платье на немъ было въ крови и во многихъ мѣстахъ разорвано.

— Схватка была не на шутку, ваше сіятельство? спросилъ Мишель, помогая капитану одѣваться.

— Пустяшная, отвѣтилъ молодой человѣкъ на бискайскомъ нарѣчіи, которое въ отчаяніе приводитъ ученыхъ: — сущій вздоръ: шайка негровъ, съ безобразнымъ Каскабелемъ во главѣ, похитили дочь нашего друга Хозе.

— Ага!

— Нѣсколько индійцевъ кинулись имъ вслѣдъ и догнали; хотя въ очень небольшомъ числѣ сравнительно съ неграми, они отважно бросились на нихъ и легли бы всѣ, не подоспѣй мы, на ихъ счастье, какъ разъ во время; дѣвушку мы выручили, а мерзавцевъ перебили; Юліанъ выстрѣломъ раздробилъ руку Ка-

скабелю, и тотъ съ ревомъ ударился въ бѣгство; за нимъ разбѣжались и остальныя ночныя птицы. Вотъ вся исторія.

— Бѣдный Хозе! Я радъ за него, что дѣло приняло такой хорошій оборотъ.

— И я также; разумѣется я не заикнулся о немъ дон-Хезусу. Я сочинилъ ему цѣлую исторію о засадѣ свирѣпыхъ флибустьеровъ, бѣжавшихъ изъ Панамы, прибавилъ къ моему разсказу ожесточенный бой и угодилъ въ его мнѣніи прямо въ герои. Онъ меня боится теперь какъ чорта, что̀ мнѣ на руку; надо поддерживать его въ этомъ пользительномъ настроеніи.

— Не трудно будетъ, съ гримасой пренебреженія отвѣтилъ Мишель:—рѣдко мнѣ приходилось видѣть такого подлаго труса. Все время вашего отсутствія онъ билъ себя въ грудь и бормоталъ молитвы, дрожа какъ осиновый листъ.

— Да, я не считаю его храбрымъ.

— Назовите его презрѣннымъ трусишкой, ваше сіятельство, и вы все-таки смягчите истину.

— А молодыя дѣвушки?

— О! тѣ ничего не боялись, просто молодцы! Представьте себѣ, онѣ хотѣли скакать къ вамъ на помощь, какъ только заслышали перестрѣлку. Сколько мнѣ стоило труда удерживать ихъ! И то, еслибъ вы не вернулись, право мнѣ пришлось бы уступить ихъ настоятельному требованію ѣхать впередъ.

— Добрыя души! пролепталъ молодой человѣкъ съ чувствомъ.

— Да, добрыя, капитанъ, и преданныя вамъ души, увѣряю васъ.

Лоранъ вздохнулъ, поникъ головой и задумался.

— Спасетъ ли ангелъ демона? пробормоталъ онъ про себя:— увы! это въ рукахъ Божіихъ! я только орудіе роковой судьбы.

Въ эту минуту явился майордомъ доложить, что ужинъ поданъ.

Лоранъ тотчасъ прошелъ въ столовую.

Капелянъ ждалъ только его, чтобы прочесть молитву.

VII.

ПРЕКРАСНЫЙ ЛОРАНЪ ГОТОВЪ ВѢРИТЬ ВЪ КОЛДОВСТВО.

Послѣ ужина вскорѣ разошлись.

Дамы, утомленныя путешествіемъ, едва отвѣдали кой чего за ужиномъ и, вставъ отъ стола, сейчасъ ушли къ себѣ.

По уходѣ доны Флоры и подруги ея, капитана конечно также ничего не удерживало. Несмотря на убѣжденіе ачіендера провести съ нимъ еще нѣсколько минутъ, онъ выказалъ себя совсѣмъ разбитымъ усталостью. Глаза его вполнѣ естественно такъ и смыкались, онъ точно будто съ величайшимъ трудомъ подавлялъ зѣвоту, разумѣется хозяину нельзя было долѣе удерживать его.

Свободой своей молодой человѣкъ воспользовался съ восторгомъ, и вышелъ изъ столовой въ сопровожденіи своего пажа и камердинера.

— Ахъ! любезный отецъ Санчесъ, вскричалъ ачіендеръ, когда за Лораномъ затворилась дверь: — какой замѣчательный человѣкъ графъ Кастель Морено!

— Вы находите, сеноръ дон-Хезусъ? равнодушно спросилъ монахъ.

— Развѣ вы моего мнѣнія не раздѣляете?

— Я очень мало знаю графа, сеноръ, двухъ словъ не говорилъ съ нимъ.

— Правда, онъ оставался такъ недолго здѣсь въ первый свой пріѣздъ.

— Развѣ теперь нопоръ будетъ долѣе?

— Не смѣю надѣяться, отецъ Санчесъ, хотя сильно желаю. Ему по дѣламъ надо немедля отправиться въ Чагре.

— А!

— Но по возвращеніи, надѣюсь, онъ остановится опять здѣсь.

— Повидимому вы очень интересуетесь этимъ молодымъ человѣкомъ, сказалъ монахъ, поднявъ голову и пристально поглядѣвъ на ачіендера.

— Дѣйствительно очень; я счетъ потерялъ услугамъ, которыя онъ оказалъ мнѣ; даже сегодня, часа два назадъ, безъ него мы всѣ были бы умерщвлены разбойниками, засѣвшими поджидать нашего проѣзда.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Несмотря на мои просьбы, даже требованія, можно сказать, онъ бросился одинъ на разбойниковъ и положилъ ихъ всѣхъ. Что̀ за человѣкъ! Какая храбрость! Вы также восхищались бы, отецъ Санчесъ, еслибъ какъ я видѣли его въ пылу сраженія.

— Боже мой! Развѣ дѣло было такое жаркое?

— Не можете представить себѣ; насъ окружило болѣе сорока человѣкъ разбойниковъ-флибустьеровъ, бѣжавшихъ изъ Панамы, гдѣ они содержались въ ожиданіи приговора.

— Я полагалъ, что этихъ разбойниковъ, какъ вы ихъ называете, не болѣе десяти было всего на все?

— Дѣйствительно такъ, сказалъ ачіендеръ, прикусивъ губу:— но они собрали вокругъ себя индійцевъ и бѣглыхъ негровъ, которыхъ не мало въ этихъ мѣстахъ.

— Увы! хозяева къ нимъ безжалостны; бѣднякамъ кромѣ бѣгства исхода нѣтъ.

— Вы жалѣете такихъ злодѣевъ, отецъ Санчесъ?

— Жалѣю всѣхъ страждущихъ, сеноръ; итакъ они были вынуждены отступить?

— Послѣ упорнаго сопротивленія.

— Слава Богу, что вы спаслись отъ такой опасности; вы теперь въ священномъ долгу у графа.

— Который, боюсь, никогда не буду въ состояніи уплатить, отецъ мой; графъ не такой человѣкъ, какъ всѣ.

— Положимъ, однако поблагодарить его вамъ бы слѣдовало, возразилъ монахъ слегка насмѣшливымъ тономъ.

— О! что этого касается, то я конечно не премину.

— Хорошо сдѣлаете, сеноръ; кстати, не раненъ ли графъ?

— Нѣтъ; почему этотъ вопросъ, отецъ Санчесъ?

— Просто потому, что онъ мнѣ показался очень блѣденъ, даже слабъ, и очевидно нуждался въ отдыхѣ.

— Я и самъ понять этого не могу. Что онъ не раненъ, въ этомъ можете быть увѣрены; но меня крайне удивляетъ, что молодой человѣкъ, рослый и превосходно сложенный, который сегодня еще доказалъ невообразимую энергію и громадную силу, тотчасъ послѣ сраженія сталъ жаловаться на усталость, на жаръ, Богъ знаетъ на что, и вдругъ сдѣлался слабъ какъ женщина. Вы сами видѣли его съ минуту назадъ. Что̀ думать о такомъ странномъ сложеніи?

Отецъ Санчесъ пристально поглядѣлъ на ачіендера, какъ будто хотѣлъ проникнуть въ глубину его души, потомъ всталъ и поклонившись сказалъ тономъ значительнымъ:

— Это доказываетъ, что не слѣдуетъ полагаться на наружный видъ, почти всегда обманчивый. Доброй ночи, сеноръ донъ-Хезусъ, да бодрствуетъ надъ вашимъ изголовьемъ ангелъ хранитель и навѣваетъ вамъ сладкій сонъ!

Потомъ онъ медленно вышелъ изъ залы.

«Что̀ хочетъ сказать этотъ старый монахъ?» пробормоталъ про себя ачіендеръ, оставшись одинъ. «Вѣчно онъ говоритъ такими загадками, что ничего не поймешь! Ахъ! еслибъ я могъ избавиться разъ навсегда отъ его присутствія!.. Но терпѣніе...» прибавилъ онъ, нахмуривъ брови: «быть можетъ»...

Онъ остановился и опять заговорилъ вполголоса:

«Къ чему мнѣ ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что̀ взбредетъ въ глупую башку полусумасшедшаго монаха, и допскиваться разрѣшенія загадокъ!.. Когда всѣ гости бросили меня, и я пойду спать; это лучше будетъ, чѣмъ тревожиться на счетъ химеръ и

сумасбродствъ, безъ малѣйшаго основанія... Ха, ха, ха! презрительно засмѣялся онъ: «меня не такъ легко напугать, какъ полагаютъ! Вотъ увидимъ!»

Онъ прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ взадъ и впередъ и наконецъ рѣшился уйти въ свою спальню.

Спустя десять минутъ дон-Хезусъ уже лежалъ и спалъ. Ачіенда была погружена въ мракъ и безмолвіе; всѣ обитатели ея повидимому наслаждались отдыхомъ; однако, еслибъ нескромный глазъ могъ проникнуть сквозь стѣны плотно затворенныхъ комнатъ, онъ увидалъ бы совершенно противное.

Мы оставимъ дон-Хезуса, единственнаго, быть можетъ, изъ всѣхъ обитателей ачіенды, который спалъ или старался заснуть, и войдемъ въ комнату, занимаемую тремя Береговыми Братьями. Флибустьеры не думали спать. Сидя вокругъ стола, они пили и съ жаромъ разговаривали вполголоса; съ воинственнаго лица Лорана исчезъ всякій слѣдъ утомленія.

Эти три человѣка ломали себѣ голову, чтобъ напасть на счастливую мысль; но она не давалась имъ и они негодовали на свою неудачу.

Лоранъ уѣхалъ изъ Панамы не для того, чтобы попасть въ Чагре, гдѣ ему дѣлать нечего было, но чтобы пробраться до устьевъ Сан-Хуана и переговорить съ Монбаромъ, или по-крайней-мѣрѣ съ Медвѣжонкомъ Желѣзная Голова, младшимъ командиромъ экспедиціи, какія мѣры будутъ дѣйствительнѣе, чтобъ захватить Чагре, овладѣть фортомъ Св. Лаврентія, который защищалъ городъ, и оттуда идти на Панаму сухимъ путемъ чрезъ перешеекъ.

Къ несчастью, прежде всего Лорану и его товарищамъ надо было добраться до рѣки Сан-Хуанъ, которой точное положеніе никто изъ нихъ не зналъ. Правда, что рѣка не могла быть очень далеко отъ того мѣста, гдѣ они находились; однако чрезвычайно важный вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы не ошибиться и не смѣшать одной рѣки съ другою; это повлекло бы за собой громадную потерю времени и пожалуй гибель всей экспедиціи.

Въ страшномъ недоумѣніи были три флибустьера, на какомъ

рѣшеніи остановиться. Невозможно было попытаться дойти однимъ, отыскать проводника не менѣе трудно.

Подъ какимъ предлогомъ заставятъ они проводника вести ихъ къ устьямъ Сан-Хуана, вмѣсто того чтобы идти прямо въ Чагре?

— Я вижу одно только средство, сказалъ наконецъ Мишель Бискаецъ съ торжествующимъ видомъ:—оно просто и вѣрно.

— Не хвастай, болтунъ, ни къ селу, ни къ городу, а говори скорѣй! съ нетерпѣніемъ вскричалъ Лоранъ.

— Вотъ мое средство: завтра утромъ мы беремъ проводника, кого бы ни попало, это для меня безразлично.

— Очень пріятно слышать, шутливо отвѣтилъ Лоранъ.

— Мы съ нимъ уговариваемся, чтобы онъ довелъ насъ до Чагре.

— Однако...

— Подождите; дорогой мы говоримъ ему, что передумали и, прежде чѣмъ ѣхать въ Чагре, желаемъ видѣть устье Сан-Хуана. Если онъ согласится исполнить наше желаніе, очень хорошо; если же онъ упрется, мы заставимъ его идти, приставивъ къ горлу дуло пистолета; такъ или иначе окончательный результатъ выйдетъ одинъ и тотъ же. Достигнувъ мѣста стоянки нашего флота, мы свяжемъ молодца и останется только выбрать средство оградить себя отъ нескромности; мы вольны бросить его въ море съ камнемъ на шеѣ, или сдать на руки товарищамъ, которые продержатъ его у себя плѣнникомъ и, пожалуй, позднѣе также воспользуются его услугами, какъ проводника. Вотъ мое средство; что вы скажете о немъ, ваше сіятельство?

— Оно очень недурно и въ особенности просто; за неимѣніемъ лучшаго, я думаю, надо будетъ прибѣгнуть къ нему; завтра съ разсвѣтомъ мы отправимся въ путь; насъ вѣрно ждутъ съ нетерпѣніемъ; малѣйшая задержка можетъ быть гибельна. Ахъ! зачѣмъ нѣтъ съ нами Хозе, вѣдь онъ далъ мнѣ слово?

— Я тутъ, капитанъ, отозвался тихій голосъ.

Не смотря на свою испытанную храбрость, флибустьеры вздрогнули и быстро оглянулись, схватившись за рукоятки пистолетовъ.

Хозе стоялъ спокойный и улыбающійся въ двухъ шагахъ отъ нихъ.

— Сквозь стѣну что ли ты пролѣзъ, дружище? весело вскричалъ Мишель:—мы не слыхали ни малѣйшаго шума.

— Какое дѣло гдѣ бы я ни прошелъ, лишь бы оказывался на лицо?

— Правда.

— Когда вы видѣли, чтобы я измѣнялъ своему слову, капитанъ?

— Никогда, начальникъ, я признаю это съ удовольствіемъ; итакъ простите мнѣ, мой добрый другъ, что я усомнился, не въ васъ, сохрани Боже! но въ возможности для васъ войти въ этотъ домъ.

На лицѣ индійца мелькнула кроткая улыбка.

Онъ точно переродился, такъ все измѣнилось въ немъ отъ лица до одежды; теперь онъ былъ въ своемъ національномъ костюмѣ. Его тонкая холщевая рубашка, открытая на груди, стягивалась въ поясѣ широкимъ кушакомъ изъ рыжеватой кожи; короткіе штаны, также холщевые, едва покрывали колѣни; къ поясу была прицѣплена, съ одной стороны, короткая сабля съ широкимъ клинкомъ, съ другой топоръ, котораго острое лезвее заканчивалось на оборотѣ заостреннымъ угломъ, какъ на интрепелѣ, а рукоятка имѣла фута полтора длины; мѣшочекъ съ пулями и бычачій рогъ съ порохомъ прицѣплены были возлѣ сабли; мокасины изъ оленьей шкуры, украшенные алмазами, привязывались красными узенькими полосками, которые безконечно скрещивались, обвиваясь вокругъ его сильныхъ ногъ, до колѣна; длинные черные волосы съ проборомъ посреди лба придерживались золотымъ ободкомъ, въ который было воткнуто орлиное перо, и падали свободно по плечамъ; большой пестрый плащъ изъ льямовой шерсти, съ золотыми застежками висѣлъ до самой земли.

Въ этомъ костюмѣ и съ ружьемъ въ рукѣ, краснокожій имѣлъ нѣсколько дикій и вмѣстѣ величественный видъ, внушавшій уваженіе.

Мишель подвинулъ ему стулъ; Хозе сѣлъ и обмакнулъ губы въ стаканъ, который ему налили.

— Вотъ вашъ перстень, капитанъ, сказалъ онъ съ чувствомъ.

— Уже! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Вала-Вагоэсы летятъ какъ на крыльяхъ, когда надо служить любимому начальнику. Благодаря вамъ, капитанъ, дочь моя была со мною до заката солнца. Не словами платятъ за такія услуги, а дѣломъ; надѣюсь не долго быть у васъ въ долгу.

— А я желалъ бы противное, начальникъ, возразилъ Лоранъ, пожимая ему руку. — Но какими судьбами пробрались вы сюда такъ неслышно и невидимо?

— Съ давнихъ поръ мнѣ извѣстны всѣ тайны этого дома, капитанъ, и потому ничего не могло быть легче.

— Однако въ мое первое посѣщеніе...

— Я не достаточно еще зналъ васъ, капитанъ, съ живостью перебилъ индіецъ: — мнѣ слѣдовало такъ говорить. Чѣмъ былъ я тогда въ вашихъ глазахъ? Бѣднымъ пеономъ, пожалуй, немного менѣе безсмысленнымъ чѣмъ остальные, вотъ и все.

— Я неправъ, бросимъ это, другъ мой, и потолкуемъ о нашихъ дѣлахъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Что вы исполнили?

— Все то, въ чемъ мы условились; капитанъ Бартелеми и его товарищи учатъ моихъ воиновъ владѣть оружіемъ; дѣти и женщины собираютъ сѣру и селитру; старики жгутъ цѣлыя деревья, чтобъ добыть уголь; вскорѣ мы будемъ въ состояніи снабжать васъ порохомъ, если вамъ недостанетъ, прибавилъ онъ улыбаясь.

— Нельзя знать впередъ, что понадобится, тѣмъ же тономъ отвѣтилъ ему Лоранъ.

— Сегодня утромъ я видѣлся съ Монбаромъ; почти весь флотъ въ сборѣ у Сан-Хуана, чтобъ приступить къ дѣйствіямъ, ждутъ только прибытія семи, восьми кораблей эскадры Пьера Леграна и Моргана.

— Отлично! вскричалъ молодой человѣкъ, потирая руки: — вотъ славныя-то вѣсти!

— Это не все, сказалъ Хозе.

— Посмотримъ, что̀ еще.

— До нападенія Моргана, губернаторъ Порто-Бело отправилъ, по разнымъ дорогамъ, пять курьеровъ въ Панаму съ требованіемъ помощи..

— И...

— Всѣ пять были перехвачены развѣдчиками и повѣшены.

— Славное дѣло. Такъ въ Панамѣ и теперь ничего не знаютъ?

— Ровно ничего.

— Ба! философически сказалъ Мишель Бискаецъ: — тѣмъ лучше для бѣдняковъ испанцевъ! Пусть ихъ себѣ наслаждаются покоемъ на послѣдяхъ; и то ихъ ожидаетъ довольно непріятное пробужденіе.

Выходка эта, особенно при полунасмѣшливомъ, полудобродушномъ тонѣ, который былъ свойственъ знаменитому флибустьеру, вызвала общій смѣхъ.

— Вы не говорили съ Монбаро́мъ? спросилъ Лоранъ.

— Напротивъ, мы долго говорили; много было рѣчи также о васъ.

— Добрый товарищъ! сказалъ Лоранъ:—я горю нетерпѣніемъ увидѣться съ нимъ.

— Я обѣщалъ адмиралу, что завтра въ девять часовъ вы и ваши два товарища будете на его кораблѣ.

— Намъ придется выѣхать очень рано въ такомъ случаѣ!

— Зачѣмъ, капитанъ? возразилъ Хозе, улыбаясь:—намъ предстоитъ переѣздъ въ три мили всего; если отправиться въ путь въ восемь часовъ утра, мы вò время будемъ на мѣстѣ; адмиралъ приглашаетъ къ завтраку, предупреждаю васъ.

— Чортъ возьми! съ живостью вскричалъ Мишель Бискаецъ: — хоть бы пришлось положить на дорогѣ цѣлую сотню испанцевъ, я не премину явиться на подобное приглашеніе.

— Такого страшнаго побоища не попадобится.

— Тѣмъ хуже! это было бы забавно.

— Вотъ бѣда-то! вдругъ вскричалъ Лоранъ, ударивъ себя по лбу.

— Что такое, капитанъ? спросилъ Хозе.

— Если флотъ стоитъ такъ близко отсюда, какъ вы говорите, надо держать ухо востро; того и гляди, что дон-Хезусъ, трусливый какъ заяцъ, но хитрая бестія, случайно какъ-нибудь откроетъ, что происходитъ возлѣ его ачіенды.

— Ужъ приняты мѣры.

— Очень хорошо, но объясните мнѣ, начальникъ, какія именно; признаться, я не покоенъ.

— Я понимаю это, но повторяю, нѣтъ ни малѣйшаго повода къ безпокойству.

— Все-таки скажите лучше.

— Пожалуй, и говорить-то немного приходится. Я просто окружилъ ачіенду живою цѣпью.

— То-есть какою?

— Съ захода солнца пятьсотъ воиновъ сторожатъ каждый клокъ земли на двѣ мили въ окружности; кто бы ни попытался пройти за цѣпь, немедленно будетъ взятъ и повѣшенъ.

— Все одна и та же система.

— Почему не держаться ея, когда она хороша?

— Тѣмъ болѣе, что чрезвычайно проста.

— Вотъ именно. Что ачіенды касается, то она уже съ часъ какъ снабжена порядочнымъ гарнизономъ.

— Гарнизонъ, здѣсь?

— Боже мой! да, здѣсь. Я имѣю право утверждать это, прибавилъ Хозе, улыбаясь:—когда я же служилъ ему проводникомъ и наконецъ помѣстилъ, могу увѣрить васъ, довольно удобно.

— Просто баснословно! вскричалъ Лоранъ: — а какъ великъ гарнизонъ?

— Угадайте, капитанъ.

— Какъ мнѣ знать? Вы меня мучите, точно на шильяхъ держите.

— Какой вы нетерпѣливый человѣкъ!

— Простите, любезный другъ, но вы понимаете же...

— Понимаю и повинуюсь. Сколько васъ въ ачіендѣ дель-Райо Береговыхъ Братьевъ?

— Тринадцать, какъ полагаю по крайней-мѣрѣ; я право теперь самъ не увѣренъ, во снѣ я вижу или на яву.

— Благодарю, капитанъ; вы не чуть ли пожаловали меня въ колдуны.

— Не скрою, что есть тотъ грѣхъ.

— По счастью священная инквизиція не имѣетъ надо мною власти, возразилъ краснокожій смѣясь: — а то чего добраго по вашей милости, любезный капитанъ, меня какъ разъ сожгли бы на кострѣ.

— Ей-Богу! вы заслужили бы это за то, что терзаете меня неизвѣстностью.

— Вы заблуждаетесь, любезный капитанъ.

— Какъ заблуждаюсь?

— Вашъ разсчетъ невѣренъ.

— Какой разсчетъ?

— Да тотъ, что вы сдѣлали. Васъ не тринадцать Береговыхъ Братьевъ въ ачіендѣ, а, позвольте, чтобъ не ошибиться, цѣлыхъ триста четырнадцать.

— Триста четырнадцать! чортъ возьми! что это за шутка, начальникъ!

— Я никогда не шучу, когда рѣчь идетъ о вопросахъ такихъ важныхъ, какіе мы обсуждаемъ въ настоящую минуту. Часа полтора назадъ, пока вы спокойно ужинали въ столовой со всѣми обитателями ачіенды, я ввелъ въ домъ триста Береговыхъ Братьевъ подъ командою одного изъ лучшихъ вашихъ друзей, который очень радуется, что увидитъ васъ и пожметъ вамъ руку.

— О комъ вы говорите, начальникъ?

— Объ Олонецѣ.

— Олонецъ здѣсь! вскричалъ Мишель Бискаецъ.— Ого! дѣло загорится. Знаю я этого голубчика, онъ не любитъ сидѣть сложа ручки.

— Съ какого чорта посылаетъ Монбаръ Олонеца, вѣдь онъ Монбаромъ присланъ?

— Самимъ Монбаромъ, который завтра самъ объяснитъ вамъ свои планы, какъ онъ мнѣ сказалъ.

— И вы ничего не знаете?

— Ровно ничего; но предположенія не воспрещены и потому...

— Что вы предположили, говорите?

— Вѣдь вы съ Монбаромъ братья-матросы?

— Правда; вотъ уже шесть лѣтъ, какъ все у насъ общее.

— Слѣдовательно, васъ онъ считаетъ такимъ же начальникомъ экспедиціи какъ и себя, тѣмъ болѣе, что вамъ принадлежитъ первая мысль.

— Это возможно тѣмъ болѣе, что Монбаръ настолько имѣетъ душевнаго величія, что не будетъ стараться товарища держать въ тѣни.

— Особенно когда товарищъ этотъ его братъ-матросъ, слѣдовательно избранный другъ.

— Разсужденіе это не лишено логичности.

— Теперь предположимъ—замѣтьте, капитанъ, что я ничего не утверждаю, только предполагаю.

— Хорошо, хорошо! продолжайте, другъ мой.

— Предположимъ, говорю, что Монбаръ, желая удѣлить вамъ крупную долю славы въ экспедиціи задуманной вами, хотя по самоотверженію вы стали временно на задній планъ, съ своей стороны рѣшился поручить вамъ командованіе въ смѣломъ нападеніи, на какое одни вы способны, какъ напримѣръ, занятіе форта Св. Лаврентія, который защищаетъ Чагре и слыветъ непобѣдимымъ; Александръ Рокъ и самъ Морганъ осаждали его поочередно въ эти послѣдніе годы, однако взять не могли.

— А я возьму, ей-Богу! вскричалъ кипучій молодой человѣкъ.

— Если это намѣреніе Монбара, что мнѣ однако неизвѣстно, онъ должно быть также вѣритъ въ возможность вашего успѣха; въ числѣ окружающихъ его начальниковъ, адмиралъ особенно

можетъ полагаться на преданность одного, который и васъ любитъ; вы ему поручили вашъ корабль, когда высадились на берегъ нѣсколько дней назадъ.

— Олонецъ, чортъ возьми! мой добрый старый товарищъ.

— Быть можетъ адмиралъ, отъ котораго ничего не ускользаетъ, и выбралъ Олонеца въ убѣжденіи, что между вами будетъ полное согласіе.

— О! это вѣрно. Я полагаюсь на Олонеца какъ на самаго себя.

— Позвольте опять замѣтить вамъ, что я не говорю ничего положительнаго; адмиралъ ничего мнѣ не довѣрялъ, только...

— Только что?

— Онъ мнѣ казался очень озабоченъ количествомъ гарнизона въ фортѣ Св. Лаврентія, который положеніемъ своимъ защищаетъ не только городъ и море, но и рѣчку съ окрестностями.

— Гмъ! сильно онъ вооруженъ?

— Тамъ двѣсти пятьдесятъ орудій на валахъ и гарнизонъ въ три тысячи человѣкъ, все старыхъ обстрѣленныхъ солдатъ, подъ командою генерала Сантьяго Вальдеса, слава котораго извѣстна всему міру.

— Проклятіе! три тысячи человѣкъ; по десяти на одного! и еще за толстыми стѣнами!

— И прочными каменными, въ двѣнадцать футовъ толщины наверху и въ двадцать пять въ основаніи; я знаю фортъ, какъ будто прожилъ тамъ весь вѣкъ.

— Ей-Богу! если это мысль Монбара, спасибо ему, что онъ подумалъ обо мнѣ; это будетъ самою смѣлою и доблестною попыткою всей экспедиціи.

— Позвольте, капитанъ, вѣдь я ничего не утверждаю, это одно предположеніе.

— Что жъ, если Монбару эта мысль не приходила, я подскажу ему, любезный Хозе; ни за какія блага въ свѣтѣ, даже лучшему другу моему, исключая Монбара разумѣется, я не уступлю чести этого блистательнаго подвига.

— Вы знаете въ нихъ толкъ.

— Еще бы! клянусь честью, начальникъ, со смѣхомъ прибавилъ Лоранъ:—вы отличнѣйшій товарищъ, какого мнѣ не приходилось встрѣчать.

— А знаете ли, что̀ сдѣлаю я, если вамъ дадутъ это порученіе?

— Ей-Богу, знаю! вы со мной пойдете, не правда ли, другъ мой?

— Правда.

— По рукамъ, товарищъ, дѣло рѣшено.

И онъ протянулъ ему руку.

— Хотите теперь побесѣдовать съ Олонецомъ? Онъ горитъ нетерпѣніемъ увидѣться съ вами.

— Хочу-ли? Тотчасъ, если возможно.

— А я-то, заворчалъ Мишель:—развѣ меня тутъ одного оставятъ?

— Нѣтъ, возразилъ Хозе:—только дверь заприте такъ, чтобъ нельзя было войти; отсутствіе ваше можетъ продлиться часть ночи.

Юліанъ заперъ дверь на задвижку.

— Готовъ, сказалъ онъ.

— Такъ слѣдуйте за мною.

Хозе подошелъ къ стѣнѣ и нажалъ пальцемъ незамѣтную кнопочку; одна филенка стала скользить медленно, безъ малѣйшаго шума, и вскорѣ открыла свободный проходъ.

Индіецъ взялъ фонарь, который оставилъ тутъ по приходѣ, засвѣтилъ его и потомъ тщательно задвинулъ филенку.

Тогда четыре человѣка очутились въ довольно узкомъ коридорѣ, въ которомъ однако двое могли идти въ рядъ.

VIII.

ЧѢМЪ МОЖНО ЗАНИМАТЬСЯ НОЧЬЮ, ЕСЛИ СПАТЬ НЕ ХОЧЕШЬ.

Индійскій начальникъ, которому повидимому суждено было безконечно служить проводникомъ Береговымъ Братьямъ, исполнялъ свою обязанность, надо сознаться, съ замѣчательною ловкостью и вмѣстѣ знаніемъ дѣла.

Онъ велъ своихъ спутниковъ по коридорамъ, которые то и дѣло перекрещивались другими, точно мотокъ нитокъ, которымъ играла кошка; то поднимались наверхъ, то внизъ спускались, то назадъ шли, то сворачивали направо, то налѣво, и проводникъ ни на минуту не колебался, не останавливался, даже шага не замедлялъ, только развѣ, чтобъ затворить за собою дверь.

Флибустьеры были поражены такою замѣчательною памятью, которая не измѣняла ни раза въ настоящемъ лабиринтѣ, какимъ былъ этотъ, можно сказать, двойной и даже тройной домъ.

Шли молча около трехъ четвертей часа, когда Хозе наконецъ остановился, и спутники его также.

Проводникъ обратился къ Лорану.

— Мы у цѣли, сказалъ онъ.

— Это видно, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Какъ видно?

— Слышно, хотѣлъ я сказать; наши товарищи порядкомъ шумятъ.

— Забавляются.

— Чортъ побери! я знаю ихъ забавы наизустъ; но не боитесь ли вы, чтобы этотъ адскій содомъ разбудилъ спящихъ наверху?

— Во первыхъ, капитанъ, я замѣчу вамъ, что мы на двадцать пять футъ ниже уровня ачіенды; существованіе этого подземелья даже не подозрѣвается настоящимъ владѣльцемъ, вообще очень мало посвященнымъ, какъ вы имѣли случай замѣтить, въ внутреннее устройство принадлежащихъ ему домовъ.

— Ей Богу! я не понимаю подобнаго невѣдѣнія.

— А между тѣмъ объясняется оно легко. Кромѣ этой ачіенды и дома, въ которомъ вы живете, построенныхъ людьми, вѣроятно имѣвшими свои причины строиться такимъ образомъ, во всей Америкѣ, быть можетъ, не найдется ни одного дома съ подвалами. Разумѣется дон-Хезусъ не могъ предполагать, чтобы два купленные имъ дома составляли исключеніе изъ общаго правила. Естественнѣе было ему думать, что они заканчиваются въ немногихъ футахъ отъ поверхности земли, насколько требуетъ того фундаментъ.

— Я не сообразилъ этого, хотя конечно это просто.

— Итакъ продолжаю объясненіе: подвалы эти имѣютъ двѣнадцать футовъ высоты; спускаются въ нихъ тридцатью-пятью ступенями, что можно опредѣлить среднимъ числомъ въ пятнадцать футъ; пятнадцать, двѣнадцать, да двадцать-пять, составляютъ въ итогѣ пятьдесятъ-два фута; залпъ батареи въ пятьдесятъ орудій не можетъ быть услышанъ на поверхности земли, изъ такой глубины, особенно съ пустыми промежутками, которые, какъ вамъ извѣстно, поглощаютъ звукъ.

— Ваше превосходное объясненіе вполнѣ успокоило меня, начальникъ; теперь отворяйте скорѣй, мнѣ такъ хочется видѣть добрыхъ друзей.

Хозе придавилъ пружину и отворилась дверь.

Удивительное зрѣлище, не лишенное мрачнаго величія, представилось тогда изумленному взору Береговыхъ Братьевъ.

Въ громадной залѣ со сводами, освѣщенной смоляными факелами, воткнутыми въ желѣзныя руки, которыя выдавались изъ стѣны на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, волновалась и кишѣла толпа субъектовъ съ грязными лицами и взорами хищныхъ птицъ; вооруженные съ ногъ до головы, люди эти драпи-

ровались въ жалкіе лохмотья, гдѣ болѣе оказывалось дыръ, чѣмъ ткани.

Субъекты эти были буканьеры Олонеца. Одни играли въ кости на опрокинутыхъ бочкахъ, другіе пили, третьи наконецъ, и въ довольно большомъ числѣ, спали крѣпкимъ сномъ, растянувшись на землѣ, нисколько не обращая вниманія на адскій содомъ вокругъ отъ говора, споровъ и смѣха товарищей.

Въ богатой одеждѣ, Олонецъ сидѣлъ у стола, на которомъ стояли жбанъ и оловянный кубокъ; прислонившись къ спинкѣ стула, вытянувъ ноги, съ трубкою въ зубахъ и скрестивъ руки на груди, знаменитый авантюристъ присутствовалъ съ спокойнымъ достоинствомъ при этой оргіи.

Надъ головами пестрой толпы дымъ отъ факеловъ стлался подъ сводомъ черными клубами съ рыжеватымъ отливомъ.

Это была настоящая картина Калò, гравированная Альбрехтомъ Дюреромъ; никогда однако этимъ двумъ геніальнымъ художникамъ, еслибъ они жили въ ту эпоху, не удалось уловить такой своеобразной сцены на мѣди или полотнѣ, и съ досады они сломили бы гравчики, карандаши и кисти; даже Сальваторъ Роза не создалъ бы ничего подобнаго.

Лоранъ поглядѣлъ на нее секунду, съ участіемъ, въ которомъ самъ не давалъ себѣ отчета, и переступилъ чрезъ порогъ. Вмѣстѣ съ спутниками своими онъ сталъ пробираться въ толпѣ игроковъ и пьющихъ, до того занятыхъ собственнымъ дѣломъ, что они ничего не видали вокругъ, и подошелъ къ Олонецу. Весь погруженный въ наблюденіе спиралей, какія описывалъ дымъ, поднимаясь изъ его трубки къ потолку, буканьеръ не замѣтилъ входа товарищей.

Лоранъ тихо опустилъ руку на его плечо.

Какъ ни было легко прикосновеніе, оно мгновенно прервало глубокую задумчивость наблюдателя.

Съ быстротою ягуара онъ вскочилъ и обернулся, держа по пистолету въ каждой рукѣ.

*

— Что ты, братъ! на кого такъ напустился? вскричалъ Лоранъ.

— Громъ и молнія! Это ты, братъ! и Олонецъ захохоталъ во все горло. — Какъ я тебѣ радъ!

— Здравствуй, Олонецъ.

— Э! и ты, Мишель, старый дружище! Добро пожаловать! И Шелковинка тутъ, и Хозе! Чортовы рога! полный праздникъ! Садитесь и потолкуемъ за трубкой и стаканомъ вина. Мнѣ надо передать тебѣ кое-что, Лоранъ.

— И мнѣ тоже, улыбаясь отвѣтилъ тотъ.

— Эй! вина, стаканы, живо, громъ и молнія!

Бѣднякъ съ болѣзненнымъ блѣднымъ лицомъ, худой, какъ говорится, одна кожа, да кости, поспѣшилъ подать на столъ, чего требовалъ хозяинъ.

— На, выпей, постная рожа, это тебѣ полезно, сказалъ Олонецъ, подавая ему полный до краевъ стаканъ.

Поблагодаривъ улыбкой, похожей на гримасу, данникъ залпомъ осушилъ стаканъ и отошелъ, отирая ротъ оборотомъ руки.

— Этому бѣднягѣ не суждено повидимому долго мыкаться по бѣлу свѣту, сказалъ Лоранъ съ состраданіемъ.

— И не говори, возразилъ Олонецъ, пожавъ плечами: — онъ полумертвый и теперь. Кажется, онъ изъ богатаго семейства въ Гасконіи; его захватили вербовщики и силой отправили сюда. Онъ созданъ быть буканьеромъ, какъ я папой. Курица сильнѣе его. Къ тому же ему посчастливилось, тотчасъ по прибытіи, схватить лихорадку и отвязаться отъ нея не можетъ. Тихъ онъ и скроменъ какъ дѣвушка, преданъ какъ собака, а храбрости необычайной.

— Въ его положеніи нечего бояться смерти; она скорѣй облегченіе для него.

— Отчасти это лежитъ въ основѣ, но онъ дворянинъ въ придачу; его фамилія де-Марсенъ или что-то въ этомъ родѣ.

— Затѣмъ ты купилъ его, такого больного?

— По добротѣ, мнѣ его жаль стало. Когда бѣднаго малаго выставили на продажу вмѣстѣ съ другими, я замѣтилъ, что къ

нему присматривается Красивая Голова; ты знаешь, что онъ не слыветъ нѣжнымъ къ своимъ работникамъ. Мнѣ и захотѣлось спасти этого, котораго онъ убилъ бы въ двѣ недѣли.

— Ты хорошо поступилъ, Олонецъ, я тебя узнаю въ этомъ.

— Что прикажешь? Вѣдь я также былъ проданъ въ неволю и не забываю этого.

— Правда; ты принадлежалъ Монбару.

— Именно.

— Но тебѣ не слѣдовало брать съ собою бѣдняги, при его слабости.

— Это мнѣ нравится; видно, что ты не знаешь его. Онъ ни за что не хотѣлъ отставать отъ меня, да и сказалъ мнѣ слово, которое тронуло меня по своей искренности.

— Какое?

— Дайте мнѣ съѣхать съ вами на берегъ, сказалъ онъ; можетъ мнѣ и удастся схватить пулю, а лучше такъ умереть, чѣмъ отъ лихорадки.

— И ты согласился?

— Что сдѣлалъ бы ты на моемъ мѣстѣ?

— Точно то же, что ты. Бѣдняга!

— За твое здоровье, братъ, и полно объ этомъ.

— За твое! А весело встрѣтиться, когда не зналъ разставались, увидишься ли опять въ этой жизни.

— Повѣрь, старый товарищъ, моя радость не менѣе твоей.

— Знаю и мнѣ отъ этого еще веселѣе. Но здѣсь отъ гама ничего не слышно; постой, я мигомъ угомоню ихъ всѣхъ.

Онъ взялъ свистокъ, который носилъ на шеѣ на золотой цѣпочкѣ, и пронзительно свиснулъ.

Мгновенно въ залѣ водворилась мертвая тишина.

— Спать во всю носовую завертку! крикнулъ Олонецъ зычнымъ голосомъ: — поздно, а завтра тревога съ разсвѣтомъ. Да мнѣ и нужно переговорить на свободѣ съ Лораномъ и Мишелемъ Бискайцемъ. Марсенъ, читай молитву.

Береговые Братья тотчасъ стали на колѣни и благоговѣйно

повторяли за данникомъ слова молитвы, потомъ легли въ повалку и чрезъ пять минутъ храпѣли словно трубы органа.

— Вотъ мы избавились отъ нихъ, сказалъ Олонецъ, возвращаясь къ своему мѣсту у стола:—поговоримъ теперь.

— Охотно.

— Предупреждаю тебя, любезный другъ, что Монбаръ отдалъ меня подъ твою команду; я твой лейтенантъ.

— Монбаръ ничѣмъ не могъ мнѣ сдѣлать болѣе удовольствія; завтра я самъ поблагодарю его. О чемъ рѣчь?

— Понятія не имѣю; адмиралъ никому не хочетъ говорить кромѣ тебя, что̀ и справедливо, когда экспедиціею командуешь ты. Будь покоенъ, впрочемъ я увѣренъ, что дѣло предстоитъ жаркое.

— Почему ты это думаешь?

— Видишь ли, Монбара я знаю какъ свои пять пальцевъ, потому что служилъ ему; какъ онъ не финти, а мнѣ замашки его извѣстны вдоль и поперекъ. Когда онъ говоритъ мнѣ что-нибудь, я тотчасъ знаю въ чемъ дѣло; итакъ когда онъ грызетъ ногти, можно быть благонадежнымъ, что дѣло будетъ ай люли какое жаркое.

— А пока говорилъ съ тобою, онъ грызъ себѣ ногти?

— Все время, не переставая ни на минуту. Вотъ я и сказалъ себѣ, видно пляска будетъ на славу.

— Твоими бы устами да медъ пить!

— И то я сообразилъ, что Монбаръ не сталъ бы отвлекать тебя отъ твоихъ дѣлъ изъ-за вздора; хорошо тутъ жить?

— Жаловаться не могу, живу отлично.

— Скажите на милость, экій нѣженка! Тѣмъ лучше, тысячу чертей! я хотѣлъ бы уже быть тамъ. А Тихій Вѣтерокъ что̀ дѣлаетъ?

— Нельзя сказать, чтобы много въ настоящую минуту.

— Дѣло не въ работѣ; я думаю, онъ скучаетъ до смерти; земля ему не по душѣ, онъ истый морякъ. Итакъ ты завтра повидаешься съ адмираломъ.

— Въ девять часовъ утра; какъ скоро вернусь, я передамъ тебѣ все, что будетъ сказано между нами.

— Это хорошо.

— Можетъ случиться, что я получу приказаніе двинуться немедленно.

— Не безпокойся, буду готовъ.

— Во всякомъ случаѣ ты будешь имѣть время обернуться; прежде ночи я не соглашусь ни подъ какимъ видомъ вывести отсюда нашихъ людей.

— Это лучше, такъ мы выйдемъ безопасно; никто насъ не увидитъ и мы не можемъ выдать себя въ глупой схваткѣ.

— Скажите, начальникъ, въ какомъ направленіи находится выходъ изъ этого подземелья?

— Ихъ нѣсколько, капитанъ Лоранъ, отвѣтилъ Хозе.—Тотъ, которымъ пришли мы, примыкаетъ почти къ самому Сан-Хуапу; кромѣ того есть два, изъ которыхъ одинъ оканчивается въ пятидесяти шагахъ отъ дороги изъ Чагре въ Панаму.

— О, о! если предчувствіе не обманываетъ меня, я думаю, мы выйдемъ этимъ путемъ.

— И я тоже думаю! весело вскричалъ Олонецъ, потирая руки.

— Сеноры, сказалъ Хозе: — позвольте вамъ замѣтить, что ночь на исходѣ и пора отдохнуть.

— Прошу покорно, засмѣялся Олонецъ:—Хозе насъ лелѣетъ, какъ нѣжныхъ молодыхъ дѣвушекъ; спать насъ посылаетъ, прости Господи!

— На разсвѣтѣ капитанъ Лоранъ уже долженъ быть въ дорогѣ.

— Правда, еще послѣдній стаканчикъ и доброй ночи! Вотъ скучно-то будетъ мнѣ и моимъ людямъ весь убійственный завтрашній день!

— Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ, капитанъ.

— Еще бы, другъ Хозе, всѣ ваши совѣты превосходны.

— Вѣрно вы замѣтили, когда шли сюда, полѣнницу въ двадцати шагахъ отъ входа?

— Разумѣется замѣтилъ; что же изъ этого?

— Послушайте, велите каждому изъ вашихъ людей обтесать и заострить съ одного конца по пятнадцати кольевъ толщиною съ руку и длиною въ десять футъ. Это доставитъ четыре тысячи пятьсотъ кольевъ, которые въ данную минуту окажутся вамъ очень полезными.

— Понимаю вашу мысль и нахожу ее отличною; только не на спинѣ же прикажете людямъ тащить съ собой эти пятнадцать кольевъ?

— И не думаю. Чего не въ состояніи сдѣлать люди, то вьючныя животныя исполнятъ. Завтра вечеромъ приведутъ двадцать муловъ, чтобъ перевезти колья куда вы назначите.

— Если такъ, все приготовимъ, будьте покойны. Не море выпить эта работа, и мои молодцы по-крайней-мѣрѣ за дѣломъ проведутъ день.

Олонецъ налилъ всѣмъ вина, взялъ въ руки свой стаканъ и поднялъ его.

— За успѣхъ нашей экспедиціи и предстоящей намъ попытки! вскричалъ онъ.

Другіе повторили тостъ, какъ говорится въ наше время, чокнулись стаканами и осушили ихъ до дна.

— Прощай, братъ, завтра увидимся, сказалъ Олонецъ, протягивая Лорану руку.

Потомъ онъ пожалъ руку Мишелю Бискайцу и Хозе.

— Доброй ночи, братъ, отвѣтили флибустьеры.

— Ахъ! спохватился вдругъ Олонецъ:—надо же мнѣ разставить нѣсколько часовыхъ.

— Не трудитесь, капитанъ, возразилъ индіецъ съ веселою улыбкою: — я уже поставилъ своихъ.

— Такъ я спать пойду.

Еще перекинулись нѣсколькими словами, потомъ Олонецъ закутался въ плащъ и растянулся на соломѣ, пока Лоранъ съ своими спутниками выходилъ изъ залы вслѣдъ за проводникомъ.

Еще они не затворили за собою двери, какъ уже Олонецъ храпѣлъ во всю ивановскую.

Возвращались тѣмъ же путемъ, какимъ пришли, и послѣ безконечныхъ, поворотовъ теперь въ обратную сторону, поднялись до верхняго этажа ачіенды.

Они вернулись въ занимаемую ими комнату ровно послѣ трехъ часовъ отсутствія.

Все находилось въ такомъ же видѣ, какъ они оставили; никто не пытался входить.

— Позволите вы мнѣ войти къ вамъ на минуту? спросилъ Хозе. — Признаться, я не прочь перевести духъ.

— Войдите, войдите, другъ; меня вовсе не клонитъ ко сну; мы побесѣдуемъ, если хотите.

— Рѣшено, вхожу.

Онъ сѣлъ, но проходъ въ стѣнѣ оставилъ открытымъ.

— Что ты? спросилъ Лоранъ у Мишеля, который также сѣлъ.

— Какъ видите, сажусь выжидать, пока вамъ заблагоразсудится лечь.

— Ты съ ума сошелъ, старый дружище; я никакой надобности въ тебѣ не имѣю; у тебя же и глаза смыкаются.

— Говоря по правдѣ, смерть спать хочу. Я сознаюсь въ этомъ безъ зазрѣнія совѣсти.

— Поди ложись, старина; завтра тебѣ надо быть бодрымъ и свѣжимъ какъ розанъ.

— Вы не разсердитесь на меня?

— Въ умѣ ли ты? Ступай, говорю, и возьми съ собой бѣднаго мальчика, вѣдь онъ стоя спитъ, точно цапля.

— У васъ, ей-Богу! желѣзное тѣло; васъ не сломить ничѣмъ.

— Полно, ты шутишь! Я пятнадцатью годами моложе тебя, вотъ и вся штука! Ступай ложись, дружище и выспись хорошенько; прощай!

— Что-жъ, если вы позволяете, я пойду! За мной, мальчуганъ!

И онъ увелъ Юліана, который носомъ клевалъ, въ смежную комнату, гдѣ для нихъ приготовлены были двѣ кровати.

Спустя немного минутъ, громкое храпѣніе удостовѣрило Лорана, что его товарищи плыли на всѣхъ парусахъ въ плѣнительной и цвѣтистой странѣ грезъ.

Тогда онъ обратился къ индійцу.

— Теперь я весь къ вашимъ услугамъ, любезный другъ, сказалъ онъ: — говорите, я готовъ выслушать, что вы хотите мнѣ сообщить.

— Почему вы думаете, что я хочу сообщить вамъ что-нибудь?

— Я хитрая лисица, начальникъ, меня провести нельзя; такой человѣкъ какъ вы безъ повода ничего не дѣлаетъ; когда же ему приходится искать предлога, онъ всегда нападаетъ на самый невѣроятный.

— Вы, стало быть, не вѣрите моей усталости, однако очень естественной?

— Нисколько, какъ не чувствую ни малѣйшей самъ. Мишель правду сказалъ, а онъ знатокъ по этой части: мы съ вами желѣзные, насъ ничто не сломитъ.

— Видно отъ васъ также ничего не скроешь.

— Счастливо для меня, что вы это усматриваете; этимъ отстранится впредь всякое недоразумѣніе. Говорите же, чего вы отъ меня хотите?

— Увести васъ съ собой?

— Далеко?

— На разстояніе немногихъ шаговъ.

— Значитъ въ этомъ же домѣ?

— И въ этомъ же этажѣ.

— Къ кому вы меня ведете?

— Я далъ слово не говорить вамъ этого.

— Чортъ возьми! Тайна какая-то!

— Сами видите.

— Можете ли вы мнѣ сказать по-крайней-мѣрѣ, къ мужчинѣ я долженъ идти или къ дамѣ?

— Я думаю, что вы встрѣтитесь съ дамой, хотя поведу я васъ къ мужчинѣ.

— Гмъ! вы сильно возбуждаете мое любопытство. Можете ли вы хоть на причину намекнуть такого полуночнаго посѣщенія?

— Положительно нѣтъ.

— А почему такъ, любезный другъ?

— Потому, что самъ не знаю.

— Заключенія какія-нибудь вы уже навѣрно вывели? замѣтилъ Лоранъ съ тонкою улыбкой.

— Ровно никакихъ, капитанъ.

— Это невозможно.

— Однако такъ.

— И вы ничего не знаете?

— Ничего рѣшительно, честное слово.

— Я вѣрю вамъ, другъ мой, но что же случилось?

— Обстоятельство самое незначительное: лицо, о которомъ рѣчь, просило меня привести васъ; это лицо изъ числа тѣхъ немногихъ, которымъ я ни въ чемъ отказать не могу; итакъ я далъ слово, вотъ и все.

— Странно.

— Я долженъ прибавить, что получилъ приказаніе, какъ только введу васъ, тотчасъ уйти и ждать снаружи въ тайномъ коридорѣ.

— Ничего въ этомъ не понимаю.

— И я не болѣе вашего; но за одно поручусь.

— А именно?

— Что вы не подвергаетесь никакой опасности.

— Ужъ не думаете ли вы, любезный другъ, что я подозрѣваю васъ въ намѣреніи разставить мнѣ сѣти?

— Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать.

— Что же тогда?

— Я убѣдился, что на васъ не имѣютъ никакихъ злыхъ умысловъ.

— Да какое мнѣ дѣло, хоть было бы и противное? вскричалъ онъ, гордо поднявъ голову. — Развѣ я не въ силахъ защищаться?

— Осторожность никогда не лишнее. Жизнью я пренебре-

гаю не менѣе вашего, капитанъ; но когда приносишь ее въ жертву, надо по-крайней мѣрѣ, чтобъ жертва эта имѣла цѣну и служила нашимъ цѣлямъ. Хотя я бѣдный невѣжественный индіецъ, однако повѣрьте, былъ бы въ отчаяніи умереть глупо; дать убить себя подъ кустомъ, какъ бѣшенную собаку, или изъза угла, въ гнусной разставленной мнѣ ловушкѣ.

— Сужденіе ваше совершенно справедливо, другъ мой; я раздѣляю ваше мнѣніе вполнѣ; ничто не можетъ быть нелѣпѣе глупой смерти.

— Такъ вы согласны идти со мною въ комнату того, кто васъ зоветъ?

— Надо же, чортъ побери, когда вы слово дали!

— Благодарю, капитанъ.

— Не скрою однако отъ васъ, что таинственность эта мнѣ непріятна, самъ не знаю почему.

— Если такъ, то проще всего не идти; я отвѣчу, что вы не согласились.

— Какъ же, и вы останетесь пустымъ хвастуномъ, человѣкомъ, который даетъ слово, не зная, въ состояніи ли сдержать его; этого я не хочу, любезный другъ. Идемте!

— Вы хорошо обдумали?

— Я никогда не передумываю, любезный начальникъ; я принимаю или отвергаю предложеніе просто и прямо. Я согласился и готовъ идти; ступайте впередъ, я слѣдую за вами.

— Такъ пойдемте.

Они вышли, но на этотъ разъ Хозе задвинулъ за собою подвижную филенку.

Коридоромъ они шли около четверти часа, потомъ повернули направо, поднялись на нѣсколько ступеней, сдѣлали еще десятокъ шаговъ и наконецъ Хозе остановился.

— Здѣсь, сказалъ онъ.

— Не длиненъ былъ путь. Но какъ же мнѣ поступить, когда я захочу вернуться?

— Не безпокойтесь, меня предупредятъ.

— Прекрасно, такъ войдемте.

Индіецъ стукнулъ три раза въ стѣну и снова открылъ подвижную филенку.

— Пройдите, шепнулъ онъ Лорану.

Капитанъ храбро вошелъ.

Филенка опустилась за нимъ мгновенно.

Индіецъ, какъ и предупредилъ флибустьера, оставался снаружи.

IX.

ДВѢ ВСТРѢЧИ, КОТОРЫХЪ ПРЕКРАСНЫЙ ЛОРАНЪ НИКАКЪ НЕ ОЖИДАЛЪ.

Нѣсколько мгновеній капитанъ Лоранъ оставался неподвиженъ у порога потаенной двери.

Онъ слышалъ, что за нимъ опустилась филенка, въ которую онъ прошелъ; но предупрежденный краснокожимъ, что долженъ войти одинъ, онъ нисколько не смутился одиночествомъ, къ которому былъ приготовленъ. Гордо подбоченившись и откинувъ назадъ голову, онъ осматривался вокругъ, чтобъ дать себѣ отчетъ, если возможно, гдѣ находится.

Не рѣдко внимательный обзоръ мѣста, куда попадешь невзначай, даетъ возможность угадать приблизительно, съ какого рода людьми предстоитъ имѣть дѣло, и рядомъ выводовъ почти всегда дойдешь до вѣрнаго заключенія, какіе у нихъ вкусы, какія привычки, чего слѣдуетъ опасаться или на что надѣяться.

Здѣсь изученіе мѣстности не представляло ни малѣйшаго затрудненія.

Комната была длинная и узкая, обшитая вездѣ дубовыми филенками рѣдкой рѣзной работы; богатая библіотека занимала

цѣликомъ одну стѣну; освѣщалась комната четырьмя сводчатыми окнами съ цвѣтными стеклами, гдѣ изображались предметы духовнаго содержанія, точно въ церкви; тяжелыя занавѣски коричневой матеріи были на каждомъ окнѣ; шесть большихъ картинъ изъ жизни святого Августина висѣли на стѣнахъ.

Эти картины неизвѣстныхъ мастеровъ, но не лишенныя художественнаго достоинства, отличались нѣсколько наивною живописью, мрачною и сухою, свойственною кисти бо̀льшей части испанскихъ живописцевъ эпохи Возрожденія.

Между двумя окнами, подъ громаднымъ распятіемъ, окруженнымъ всѣми принадлежностями Страданія Христова, былъ дубовый налой для моленія; въ одномъ изъ угловъ скромная кровать съ тощимъ тюфякомъ, волосяною подушкою и шерстянымъ одѣяломъ. Стулья, табуретки и кресла разставлены были тамъ и сямъ; масивный столъ, заваленный книгами и разными рукописями, занималъ средину комнаты.

Въ угольной нишѣ, мадонна съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ, въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ и драпированная золотымъ глазетомъ, казалась геніемъ хранителемъ этого мирнаго убѣжища; предъ нею горѣло съ десятокъ тоненькихъ свѣчей длиною съ руку, воткнутыхъ на желѣзные шипы; ниша эта могла задергиваться занавѣской.

Серебряная лампа въ три рожка висѣла съ потолка надъ столомъ фута на два отъ него и распространяла пріятный полусвѣтъ въ этой комнатѣ, очень похожей на келью; кромѣ тайнаго хода въ ней были двѣ створчатыя двери на противоположныхъ стѣнахъ.

«Не чуть ли я у почтеннаго отца Санчеса, капеляна ачіенды, пробормоталъ про себя Лоранъ. «Я не прочь познакомиться наконецъ съ этимъ святымъ мужемъ, котораго даже лица еще разсмотрѣть не могъ. Звукъ его голоса всегда вызываетъ во мнѣ невольный трепетъ, точно отдаленное воспоминаніе чего-то слышаннаго въ дѣтствѣ. Какое въ этомъ правдоподобіе?» грустно заключилъ онъ, покачавъ головой.

Спустя минуту онъ прибавилъ:

«Да что-жъ это, я одинъ здѣсь? Куда дѣвался почтенный капелянъ?»

Эти слова точно будто имѣли силу вызывать духовъ, потому что внезапно отворилась дверь и на ея порогѣ явился отецъ Санчесъ.

Капишонъ его коричневой рясы опущенъ былъ на лицо; онъ скрестилъ руки у пояса и ихъ не было видно подъ широкими рукавами.

Минуту онъ оставался неподвиженъ, потомъ подошелъ къ столу и поклонившись посѣтителю сказалъ своимъ густымъ голосомъ:

— Добро пожаловать, графъ; признаться, я ожидалъ вашего прихода съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ.

— Почему, отецъ капелянъ? спросилъ молодой человѣкъ, отвѣтивъ на поклонъ.

— Я опасался, что вы не согласитесь навѣстить меня въ такой поздній часъ ночи, а поговорить съ вами имѣлъ сильное желаніе.

— Прежде всего, отецъ капелянъ, возразилъ молодой человѣкъ улыбаясь:—надо вамъ признаться, что я вовсе не зналъ, куда меня ведутъ.

— Правда, я запретилъ Хозе говорить.

— Позвольте замѣтить вамъ, что вы были неправы.

— Быть можетъ, графъ; но вообще говоря, военные не питаютъ большого уваженія къ духовнымъ лицамъ, и я опасался...

— Правда, я военный, преподобный отецъ, перебилъ съ живостью капитанъ:—но всегда уважалъ духовныхъ; ваше имя еще напоминаетъ мнѣ человѣка, который почти воспиталъ меня и къ которому я сохранилъ въ душѣ глубокую преданность; память о его добротѣ, запечатлѣнная неизгладимыми чертами въ моемъ сердцѣ, была бы лучшимъ ходатайствомъ за васъ.

— Простите, графъ, сказалъ отецъ Санчесъ съ чувствомъ, которое тщетно силился скрывать:—благодарю за благосклонныя слова; не угодно ли вамъ будетъ садиться? прибавилъ онъ, по-

двигая кресло.—Такъ удобнѣе разговаривать, а я долженъ сообщать вамъ много.

Капитанъ слегка отстранилъ предложенное кресло.

— Отецъ капелянъ, сказалъ онъ съ почтительнымъ поклономъ:—я стою предъ вами съ непокрытой головой и не пряча лица; вы знаете кто я; васъ я еще не видалъ ни раза, и не знаю даже, дѣйствительно ли теперь предо мною преподобный отецъ Санчесъ, капелянъ ачіенды дель-Райо; ровна ли партія между нами? Не окажете ли вы мнѣ чести откинуть вашъ капишонъ, чтобъ я могъ удостовѣриться, дѣйствительно ли вы то лицо, за которое выдаете себя?

— Развѣ моя ряса не говоритъ кто я?

— У насъ военныхъ есть поговорка, немного пошлая правда, но тѣмъ не менѣе справедливая: «не всякъ монахъ, на комъ клобукъ.»

— Не стану теперь обсуждать съ вами этотъ вопросъ, графъ; я ограничусь замѣчаніемъ, что часто лучше замаскировываются съ открытымъ лицомъ, чѣмъ подъ маскою.

— Что вы хотите сказать, отецъ капелянъ?

— Не болѣе того, что говорю, графъ. Еслибъ я въ свою очередь спросилъ васъ, дѣйствительно ли вы графъ Кастель Морено, кто знаетъ, не были ли бы вы въ затрудненіи отвѣтить мнѣ.

Лоранъ прикусилъ губу и вспыхнулъ отъ гнѣва при такомъ неожиданномъ и мѣткомъ нападеніи.

— Всѣ знаютъ меня подъ этимъ именемъ, отвѣтилъ онъ уклончиво.

— Здѣсь... безспорно, сказалъ значительно монахъ: — но въ другихъ мѣстахъ?

— То-есть, какъ въ другихъ мѣстахъ?

— Да въ Европѣ напримѣръ, въ Испаніи, на Сан-Доминго, на Черепахѣ, и я не знаю гдѣ еще, развѣ вы извѣстны подъ этимъ именемъ?

— Подобныя слова, произнесенныя такимъ тономъ, требуютъ

немедленнаго объясненія, вскричалъ молодой человѣкъ, гордо поднявъ голову.

— Какое объясненіе могу я дать, графъ? Вы какъ будто сомнѣваетесь во мнѣ, я въ васъ, мы и квиты. Я только хотѣлъ вамъ доказать, что спрашивать всегда легко, но отвѣчать бываетъ часто трудно.

— Не уклоняйтесь отъ прямого отвѣта, отецъ капелянъ; говорите открыто, какъ подобаетъ человѣку честному. Не я отыскалъ васъ, вы изъявили желаніе говорить со мною; слѣдовательно, вы и должны подать примѣръ откровенности.

— Съ этимъ я согласенъ, графъ, вы правы. Если же я подамъ вамъ примѣръ откровенности, послѣдуете вы ему?

— Не будемъ тратить времени на пустыя слова, отецъ капелянъ; вы знаете меня, я въ этомъ убѣжденъ; вы могли даже открыть причину, которая привела меня въ эти края; какъ видите, я просмотрѣлъ васъ насквозь; оспаривать это будетъ напрасный трудъ.

— Сознаюсь, что...

— Я угадалъ вѣрно! Простите, преподобный отецъ, я человѣкъ военный и говорю коротко. Странное положеніе, въ которомъ я нахожусь, требуетъ величайшей осторожности; я не могу согласиться погубить или даже подвергнуть риску очень важные интересы, которые я поставилъ себѣ цѣлью жизни.

— Месть, хотите вы сказать! тихо произнесъ монахъ.

— Быть можетъ месть, продолжалъ Лоранъ съ легкимъ содроганіемъ:—вы видите, что я молодъ, можете предполагать меня тщеславнымъ и легкомысленнымъ, но это заблужденіе съ вашей стороны, отецъ мой. Горе рано старитъ человѣческое сердце, а я смолоду узналъ, что значитъ страдать; мнѣ двадцать восемь лѣтъ, по чувствамъ же пятьдесятъ. Я не знаю васъ, не знаю кто вы, однако угадываю, не понимая причины, что вы принимаете во мнѣ участіе. Тѣмъ не менѣе пока мы будемъ въ настоящихъ отношеніяхъ, разговоръ между нами ни къ чему не поведетъ, такъ какъ обмѣнъ мыслей невозможенъ. Итакъ оста-

новимтесь на этомъ и дайте мнѣ уйти. Я убѣжденъ, что вы зла мнѣ не желаете и не требую отъ васъ даже слова хранить мою тайну, которую вы открыли Богъ вѣсть какъ. Прощайте, отецъ мой, да хранитъ васъ Господь!

— Постойте! съ живостью вскричалъ монахъ: — такъ разойтись намъ нельзя! Долго ждалъ я минуту свиданія, и не могу потерять васъ опять. Вы требуете, чтобъ я открылся вамъ? Пусть будетъ по вашему. Смотрите, графъ, врагъ ли я вашъ?

Быстрымъ движеніемъ монахъ откинулъ капишонъ, и свѣтъ прямо упалъ на спокойное и прекрасное лицо его, немного блѣдное отъ внутренняго волненія.

— Вы! это вы, отецъ мой! вскричалъ Лоранъ съ крикомъ, который напоминалъ рычаніе: — сердце не обмануло меня! О, Господь долженъ былъ послать мнѣ эту неизъяснимую радость послѣ всей скорби, какую я вынесъ!

— Возлюбленный сынъ мой! воскликнулъ монахъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы.—Наконецъ!

Онъ раскрылъ объятія и молодой человѣкъ упалъ къ нему на грудь.

Долго оставались они такимъ образомъ, сердцемъ къ сердцу, молча проливая слезы.

Дама въ траурѣ и въ длинномъ креповомъ покрывалѣ, съ блѣднымъ, какъ у покойницы, матовымъ лицомъ, но чертами красоты замѣчательной, остановилась у двери и съ выраженіемъ безграничной нѣжности смотрѣла на эту сцену, не думая удерживать слезъ, которыя струились по ея лицу.

Лоранъ опустился въ кресло, монахъ сѣлъ возлѣ и взялъ его за руку.

— Милое дитя, сказалъ старикъ съ чувствомъ, которое такъ и рвалось наружу:—я не могу насмотрѣться не тебя, не могу налюбоваться; ты именно таковъ, какимъ представляла мнѣ тебя память сердца, прекрасный, гордый и храбрый.

— Отецъ мой, зачѣмъ вы такъ долго скрывались отъ меня? Я былъ бы счастливъ знать, что вы вблизи, говорить съ вами о моей матери, святой страдалицѣ, которая теперь на небѣ мо-

лится за сына, о бѣдномъ дѣдушкѣ, также сраженномъ горемъ!

— А твоего отца, дитя, ты развѣ вспоминать не хочешь?

Молодой человѣкъ вскочилъ, весь помертвѣвъ; грозно нахмурилъ онъ брови, стиснулъ зубы и смотрѣлъ точно ангелъ истребитель.

— Отецъ мой! вскричалъ онъ шипящимъ голосомъ: — полноте, развѣ былъ у меня когда-нибудь отецъ? Я ненавижу это чудовище, которое холодно, изъ одного гнуснаго разсчета, стало палачомъ цѣлаго семейства! Хотѣлъ бы я держать его сраженнаго, дрожащаго у моихъ ногъ, молящаго о пощадѣ со слезами стыда и раскаянія, и съ наслажденіемъ медленно вонзилъ бы ему въ сердце мой кинжалъ, чтобы долѣе продлить его муки!

— О сынъ мой! воскликнулъ монахъ со скорбью.

Но Лоранъ въ порывѣ того холоднаго гнѣва, который былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше былъ сдерживаемъ, продолжалъ, не замѣтивъ восклицанія:

— Къ несчастью онъ для меня недосягаемъ; но если онъ внѣ моей власти, я покараю его въ одноплеменникахъ! Клянусь въ неумолимой ненависти къ корыстнымъ и кровожаднымъ испанцамъ, которые стали убійцами цѣлаго рода! Клянусь въ войнѣ безъ жалости, отдыха и пощады съ низкими палачами! При свѣтѣ пожаровъ, которые поглотятъ ихъ города, при крикахъ отчаянія ихъ женъ и дѣтей, умерщвленныхъ безъ милосердія, я начертаю кровавыми и огненными буквами эту грозную месть всему народу, раболѣпному соучастнику презрѣннаго, который отрекся отъ меня... меня! своего сына!..

Неистовый гнѣвъ молодого человѣка походилъ на сумасшествіе. Въ эту минуту его пламенная душа вся выливалась наружу, страсть прорвала всѣ плотины противопоставленныя благоразумiемъ; гордый капитанъ уже былъ не человѣкъ, но какой-то бѣсноватый, почти демонъ.

— О, Боже мой! прошепталъ монахъ съ унынiемъ безсилія: — что дѣлать? Какъ заставить его очнуться?

Но вдругъ Лоранъ провелъ рукой по влажному лбу, его блѣд-

ныя губы дрогнули отъ раздирающей улыбки, и голосомъ тихимъ, почти дѣтскимъ, который поражалъ рѣзкимъ переходомъ отъ недавняго неистовства, онъ сказалъ:

— Простите, отецъ мой; я не правъ, что увлекся, но совладать съ собою не имѣлъ силъ. Ради Бога! не говорите мнѣ болѣе о чудовищѣ, которое называете моимъ отцомъ; никогда не упоминайте о немъ, если не хотите свести меня съ ума. Только два страшныхъ чувства во мнѣ и сохранилось — ненависть и месть! Они точатъ мнѣ сердце денно и нощно.

Онъ почувствовалъ на плечѣ руку и нѣжный голосъ шепнулъ ему на ухо:

— А любовь!

Лоранъ вздрогнулъ и быстро оглянулся.

Женщина, о которой мы упоминали выше, стояла предъ нимъ блѣдная и улыбающаяся.

— Боже мой! пробормоталъ онъ, закрывая руками лицо: — сонъ это? или я помѣшался? такое сходство!

— Ты ошибаешься только на половину, дитя, нѣжно продолжала дама, заставивъ его опустить руки и поглядѣть ей прямо въ лицо: — я сестра твоей матери!

— Вы! вскричалъ онъ: — вы живы! о!

Но душевное сотрясеніе было слишкомъ сильно; оно сломило могучую натуру; молодой человѣкъ пошатнулся какъ пьяный, машинально протянулъ впередъ руки какъ бы для того, чтобы удержаться, и вдругъ грохнулся на земь, точно дубъ сломанный яростнымъ порывомъ урагана.

Онъ лишился чувствъ.

Очнулся онъ уже на кровати отца Санчеса; трое лицъ вокругъ него ждали съ напряженнымъ вниманіемъ, когда онъ откроетъ глаза.

Сперва онъ ничего не помнилъ, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

— Громъ и молнія! пробормоталъ онъ:—что со мною? Я совсѣмъ разбитъ! Ужъ не упалъ ли я? Эй! Мишель, Шелковинка, сони!..

Глаза его вдругъ остановились на Хозе.

— А! это вы, другъ мой, сказалъ онъ съ усиліемъ.—Помню теперь! Помню! вскричалъ онъ раздирающимъ голосомъ и закрылъ руками лицо.

Онъ зарыдалъ.

Отецъ Санчесъ приложилъ палецъ къ губамъ, чтобъ предписать молчаніе.

Прошло около четверти часа.

— Эй! капитанъ, вдругъ окликнулъ Лорана индіецъ, предварительно переглянувшись съ монахомъ: — вѣдь Монбаръ ожидаетъ васъ.

При этомъ имени нервное содроганіе потрясло все тѣло молодого человѣка; страшнымъ усиліемъ воли онъ поборолъ свою скорбь и вскочилъ.

— Монбаръ! вскричалъ онъ: — я готовъ!

— Вѣдь вамъ извѣстно, что мы должны отправиться къ нему, возразилъ проводникъ.

— Да, да, любезный Хозе, мы отправимся.

Тутъ глаза его упали на монаха и даму, которые на колѣняхъ стояли у его изголовья.

— О! какъ вы заставили меня страдать, уныло прошепталъ онъ.—Но благодарю Бога за великую радость, что увидалъ васъ, тогда какъ, увы! давно уже считалъ умершими.

— Господь сжалился надъ нами, сказала дама съ грустною улыбкой.

— Итакъ я не ошибся, продолжалъ Лоранъ:—свѣдѣніе, сообщенное мнѣ незнакомымъ почеркомъ, было справедливо?

— Это я писалъ, сказалъ монахъ. — Я также далъ клятву отыскать несчастную сестру вашей бѣдной матери, увы! еще болѣе достойную сожалѣнія, потому что она была жива и во власти гнуснаго похитителя.

— О, я убью этого человѣка! пробормоталъ глухимъ голосомъ Лоранъ.—Останьтесь, Хозе, не уходите, другъ мой, прибавилъ онъ, обращаясь къ индійцу, который скромно отошелъ

въ сторону:—для васъ я не хочу имѣть тайнъ; продолжайте, отецъ мой.

— Увы! бѣдное дитя, когда мнѣ удалось наконецъ отыскать несчастную, было уже поздно и нельзя спасти ее. Презрѣнный похититель насильно вступилъ въ нею въ бракъ; она была матерью. Не имѣя возможности спасти ее, я посвятилъ ей себя на вѣкъ и не разставался уже съ нею. Напрасно мужъ ея старался избавиться отъ меня; ни просьбы, ни угрозы, ничто не помогло; я владѣлъ его тайной, онъ былъ въ моихъ рукахъ.

— Отчего бы раньше не предупредить меня? съ укоризной возразилъ Лоранъ.

Монахъ уныло покачалъ головой.

— Развѣ я зналъ, гдѣ вы, сынъ мой, наконецъ живы ли? Не только вы скрылись, но даже имя перемѣнили. Гдѣ искать васъ? Какъ собрать свѣдѣнія?

— А получили же?

— Да, въ роковой день!

— Что вы хотите сказать?

— Помните, сынъ мой, разграбленіе Гранады?

— Помню ли! вскричалъ молодой человѣкъ, взоръ котораго вдругъ сверкнулъ огнемъ: —и день этотъ вы называете роковымъ, отецъ мой? Нѣтъ, нѣтъ, онъ былъ напротивъ дивнымъ днемъ! Это я завладѣлъ городомъ; онъ былъ взятъ приступомъ и сожженъ; гарнизонъ весь перебитъ; цѣлыхъ пять дней рѣзали и грабили. Ахъ, славно я тогда отмстилъ! Шпага моя, окровавленная до эфеса, согнулась отъ постоянныхъ ударовъ по гнуснымъ испанцамъ; тысяча пятьсотъ храбрецовъ подъ моею командой сдѣлали чудеса! Ей-Богу! отецъ мой, великій король испанскій долженъ былъ содрогнуться отъ ярости и позора, когда узналъ, что одна изъ цвѣтущихъ его колоній предана огню и мечу и онъ все-таки безсиленъ противъ смѣлыхъ титановъ, которыхъ клеймитъ презрительнымъ названіемъ разбойниковъ.

— Увы! сынъ мой, ваша месть была ужасна, безжалостна; не щадили ни пола, ни возраста. Случайно я находился въ Грана-

дѣ, по дѣламъ моего ордена и еще болѣе священнымъ для меня интересамъ, когда спустя немного дней по моемъ прибытіи городъ вдругъ былъ взятъ. Въ пылу сраженія и пожара я увидѣлъ демона, всего въ крови, со взоромъ искрившимся ненавистью, который мчался чрезъ трупы и кричалъ хриплымъ голосомъ:

«Бейте! бейте!» Этотъ демонъ были вы, сынъ мой, вы, грозный мститель!

— Да, святой отецъ, правду вы сказали, грозный мститель.

— Васъ называли Прекраснымъ Лораномъ и я узналъ, кто вы. Я хотѣлъ броситься къ вашимъ ногамъ съ мольбою пощадить несчастное населеніе, но не посмѣлъ, мною овладѣлъ страхъ.

— Послушайте, отецъ мой, отвѣтилъ капитанъ и лицо его выразило непоколебимую волю:—Богъ мнѣ свидѣтель, что я люблю васъ и сестру моей матери болѣе кого-либо на свѣтѣ; клянусь же вамъ памятью святой страдалицы, предъ которою благоговѣю, что если когда представится такой же случай и вы рѣшитесь заступиться за презрѣнныхъ испанцевъ...

— Что вы тогда сдѣлаете, дитя мое? кротко спросила дама, наклоняясь къ нему.

— Что сдѣлаю?

— Да.

— Чтобы не обагрить моей шпаги вашею кровью, я вонзилъ бы ее въ собственное сердце! вскричалъ онъ.

Слушатели содрогнулись отъ этихъ словъ, произнесенныхъ съ выраженіемъ страшной искренности и неумолимой ненависти.

— О, сынъ мой! прошепталъ монахъ:—вспомните, что Спаситель простилъ на крестѣ своимъ палачамъ.

— Спаситель былъ Богъ, отецъ мой, а я только человѣкъ; онъ умиралъ добровольно, искупая все человѣчество, жертва его была возвышенная. Прекратимъ этотъ разговоръ, отецъ мой; я далъ ужасную клятву и сдержу ее во что бы ни стало. Да судитъ меня Господь, источникъ благости; я уповаю на его правосудіе. Продолжайте вашъ разсказъ, отецъ мой; время уходитъ;

мнѣ скоро надо разстаться съ вами. Ужъ въ окнахъ свѣтъ; близокъ часъ нашей разлуки.

— Итакъ, сынъ мой, по желанію вашему, я заключу мой разсказъ. Сестра вашей матери имѣла мужество жить для своего ребенка; она до конца исполнила высокую обязанность, которую возложила на себя; но когда дочь ея достигла двѣнадцати лѣтъ и могла обойтись безъ ея постоянныхъ заботъ, силы и твердость покинули бѣдную женщину; она рѣшилась сбросить иго жизни и хотѣла умереть. Я былъ единственнымъ ея повѣреннымъ, единственнымъ другомъ; она созналась мнѣ въ своемъ рѣшеніи. Долго я боролся противъ него, но подъ конецъ сдѣлалъ видъ, будто сдаюсь мало-по-малу на ея убѣжденія; я обманулъ ее, чтобъ не дать ей совершить страшное преступленіе, посягнувъ на свою жизнь.

— Боже мой! прошепталъ флибустьеръ.

— Однажды, въ отсутствіе ея мужа, я далъ ей выпить стаканъ черноватой жидкости, продолжалъ монахъ:—она повѣрила, что это ядъ, и выпила залпомъ. Когда очнулась, она была мертвою для всѣхъ, кромѣ дочери и меня. Съ той поры она живетъ, скрываясь отъ всѣхъ, въ подземельяхъ этого дома, и единственная ея отрада, это поцѣлуи дочери.

— О! моя благородная тетка, вскричалъ молодой человѣкъ съ чувствомъ:—какое геройское самоотверженіе! Кончайте, святой отецъ.

— Мнѣ нечего болѣе говорить, сынъ мой.

— Какъ! а имя презрѣннаго похитителя?

— Вы не угадали развѣ?

— Боюсь, что угадалъ это проклятое имя; но пока не знаю навѣрно, все надѣюсь, что ошибся.

— Лучше для васъ, сынъ мой, не знать его никогда.

— Отецъ Санчесъ, вѣдь вы призвали меня къ себѣ? Вы же снабдили меня свѣдѣніями, чтобъ вѣрнѣе достигнуть мести.

— Увы! простите мнѣ, сынъ мой, я безумствовалъ; не требуйте, чтобъ я открылъ вамъ это имя.

Капитанъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, возразилъ онъ:—такъ я этого не оставлю; я откликнулся на вашъ призывъ, поборолъ величайшія опасности, чтобъ прибыть сюда; теперь я здѣсь и требую, чтобъ вы мнѣ назвали его.

— Боже мой!

— Скорѣе имя это!

— Вы непремѣнно хотите знать?

— Требую этого.

— Увы!

— Берегитесь, отецъ Санчесъ; если вы откажете, я пойду спросить это имя у самаго дон-Хезуса Ордонеца.

— Сынъ мой!

— Вѣдь это онъ? Отвѣчайте!

— Да, онъ, прошепталъ монахъ въ унынiи.

— Хорошо же!

— Что-жъ вы хотите сдѣлать?

— Я?

— Да.

— Убью его! вскричалъ онъ съ страшною усмѣшкой.

— И тѣмъ же ударомъ убьете ту, которая васъ любитъ!

— О, я проклятъ! вскричалъ Лоранъ съ яростью.—Пойдемъ, Хозе, въ крови надо мнѣ окунуться, чтобъ забыть эту роковую ночь!

— Такъ правда, сынъ мой, вскричалъ съ глубокой скорбью монахъ:—что вы замышляете новую и страшную экспедицію?

— Вы вѣдь помните Гранаду, отецъ Санчесъ? сказалъ капитанъ, пристально взглянувъ на монаха.

— Увы! какъ не помнить!

— Разгромъ Гранады ничто, вскричалъ онъ, стиснувъ зубы и съ страшною усмѣшкой:—въ сравненіе съ тѣмъ, что произойдетъ чрезъ недѣлю! До свиданія, отецъ Санчесъ; до свиданія, тетушка; вы, избранные Господа, молитесь за тѣхъ, кто скоро будетъ лежать въ кровавой могилѣ.

Повелительнымъ движеніемъ онъ приказалъ Хозе открыть

тайный проходъ и вышелъ, оставивъ капеляна и дону Люцію въ глубокомъ отчаяніи.

X.

О ПОСѢЩЕНІИ ПРЕКРАСНЫМЪ ЛОРАНОМЪ МОНБАРА И ЧТО ИЗЪ ТОГО ПОСЛѢДОВАЛО.

Лоранъ вошелъ въ свою комнату и опустился на стулъ въ изнеможеніи.

— Какая ночь! пробормоталъ онъ.

Поникнувъ головой, онъ оставался нѣсколько мгновеній мрачный и задумчивый; вдругъ глухое шипѣніе часовъ предъ боемъ коснулось его слуха; онъ вздрогнулъ и очнулся.

— Который часъ, Хозе? спросилъ онъ.

— Половина пятаго, капитанъ; вамъ слѣдовало бы заснуть.

— Я сейчасъ это и сдѣлаю; меня сломили душевныя сотрясенія. Въ которомъ часу надо отправляться въ путь?

— Не ранѣе восьми.

— Мнѣ болѣе времени на отдыхъ, чѣмъ даже нужно. Двухъ часовъ сна весьма достаточно, чтобъ я сдѣлался опять самимъ собою. Кстати, Хозе, а вы что теперь сдѣлаете?

— Уйду отъ васъ, капитанъ, приготовить необходимое для нашей небольшой развѣдки.

— Надо сговориться, какъ намъ сойтись. Гдѣ я васъ найду?

— Не заботьтесь, я явлюсь, когда настанетъ пора; только не забывайте, что для всѣхъ здѣсь вы ѣдете въ Чагре; должны видѣть, что вы отправляетесь по той дорогѣ; это весьма важно.

— Трудно было бы мнѣ поступить иначе, когда я другой не знаю.

— Самъ не соображу, съ чего я взялъ говорить вамъ такую чушь.

— А я понимаю, Хозе, ласково возразилъ Лоранъ:—вы меня любите и мое горе совсѣмъ васъ разстроило.

— Когда плачетъ мужчина, особенно вашего закала, капитанъ, онъ долженъ выносить жестокую пытку; мнѣ тяжело, что я не въ состояніи облегчить ее.

Капитанъ всталъ.

— Спасибо, Хозе! сказалъ онъ, подавая ему руку.

— Теперь вы овладѣли собою и потому я ухожу спокойнѣе.

— Да, съ горечью сказалъ Лоранъ:—я стараюсь убить горе.

Индіецъ пожалъ его руку и направился къ подвижной филенкѣ, скрывавшей тайный проходъ.

— Постойте! вдругъ вскричалъ Лоранъ.

Хозе вернулся.

— Чего вы хотите отъ меня, другъ мой? спросилъ онъ.

— Вы вѣрно теперь отправитесь къ вашимъ развѣдчикамъ?

— Да, прямо отсюда.

— И важная причина призываетъ васъ къ нимъ?

— Видите ли что̀: я уже говорилъ вамъ, что глубоко уважаю отца Санчеса, и благоговѣю предъ нимъ, какъ истиннымъ пастыремъ по духу Евангелія.

— Съ какой стати тутъ отецъ Санчесъ?

— Сейчасъ увидите; я исключилъ его и дону Люцію изъ общаго предписанія не пропускать никого, кто бы захотѣлъ выйти изъ ачіенды по дорогѣ въ Панаму или Чагре.

— Ну такъ что̀ же?

— Никогда я не могъ предположить, чтобъ намъ пришлось опасаться ихъ обличеній; но послѣ того, что̀ произошло между вами и ими, я поступилъ бы какъ дуракъ, еслибъ не перемѣнилъ этого распоряженія; не только большія затрудненія могутъ выйти изъ-за этого, но и всѣ наши планы рушиться. Напротивъ, я теперь отдамъ приказаніе, чтобъ за отцомъ Санчесомъ наблюдали зорко, если онъ захочетъ пробраться въ городъ.

Флибустьеръ покачалъ головой.

— Другъ мой, сказалъ онъ съ грустною улыбкой: — не измѣняйте ничего въ вашихъ первыхъ распоряженіяхъ.

— Какъ! вы не хотите? вскричалъ индіецъ съ изумленіемъ.

— Васъ удивляютъ мои слова и подобная просьба съ моей стороны? съ горечью замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Признаться, пробормоталъ Хозе:—я вовсе не понимаю такого страннаго рѣшенія.

— Дѣйствительно, оно странно и даже очень; но выслушайте меня, другъ. Монбару даютъ прозвище Истребителя, меня называютъ бичомъ Америки; по разнымъ причинамъ, однако, мы оба стремимся къ одной цѣли—неумолимой жестокости къ испанцамъ: Монбаръ изъ безграничной жалости къ бѣднымъ индійцамъ, безпощадно приносимымъ въ жертву жадности свирѣпыхъ ихъ тирановъ; я по ненависти, которой причину вы теперь знаете, ко всему испанскому народу. Но сознаюсь, слова святого мужа проникли мнѣ въ сердце какъ огненная стрѣла; оно дрогнуло, мысли зароились въ умѣ, сомнѣніе проникло въ душу.

— Сомнѣніе?

— Да, сомнѣніе, мой другъ; я спрашиваю себя, имѣлъ ли я право поступать такъ, какъ поступалъ; мстя за бѣдную мою мать и несчастье всѣхъ моихъ родныхъ, пострадавшихъ по винѣ одного, не повиновался ли я скорѣе кровожаднымъ наклонностямъ, которыя мнѣ были прирожденны? Я хотѣлъ бы убѣдиться, Богъ или дьяволъ вселилъ мнѣ въ сердце эту ненависть, которая гложетъ его. Если я дѣйствительно орудіе воли Господней, ничто не возстанетъ противъ меня и не остановитъ моей карающей руки; если же, напротивъ, я только повинуюсь внушеніямъ демона и поддаюсь злымъ наклонностямъ—о! тогда Богъ поразитъ меня и я паду, благоговѣя предъ его божественнымъ правосудіемъ.

Индіецъ смотрѣлъ на молодого человѣка съ удивленіемъ, котораго не скрывалъ.

— О, это возвышенно! прошепталъ онъ.

— Нѣтъ, только справедливо, холодно возразилъ Лоранъ:—вѣроятно, Господь внушилъ мнѣ эту мысль, чтобъ явно выразить свою волю; не станемъ же пытаться идти наперекоръ путямъ Божіимъ. Онъ высшая благость, какъ и неумолимое правосудіе; предоставимъ тѣмъ, на кого мы готовимся напасть, этотъ послѣдній способъ къ спасенію; если отецъ Санчесъ выйдетъ изъ ачіенды и направится къ Панамѣ, не задерживайте его, пусть онъ будетъ воленъ поступать какъ заблагоразсудитъ; не помогайте ему, но и не ставьте ему преградъ.

— Однако, если отецъ Санчесъ предупредитъ испанцевъ объ угрожающей имъ страшной опасности, они примутъ мѣры; силы ихъ значительны и войско состоитъ изъ старыхъ, храбрыхъ солдатъ.

— Что значитъ все это, другъ мой? Кого Господь захочетъ покарать, у того онъ отниметъ разумъ. Развѣ не знаете вы этого сами? Если суждено свыше, чтобъ они погибли, къ чему послужитъ и оружіе ихъ, и крѣпости, и войско? Ровно ни къ чему! Одинъ Богъ всемогущъ; Его никто не одолѣетъ. Согласны вы исполнить мою просьбу?

— Развѣ не преданъ я вамъ и тѣломъ и душою, капитанъ? Ваша просьба для меня приказаніе. Клянусь повиноваться вашей волѣ.

— Благодарю! Болѣе мнѣ говорить нечего; а теперь, другъ мой, возвращаю вамъ свободу; идите.

— По-крайней-мѣрѣ, дайте себѣ отдыхъ.

— Обѣщаю вамъ это; я и самъ принялъ рѣшеніе во что бы ни стало хоть сколько-нибудь успокоиться. До свиданія!

Индіецъ вышелъ.

— Какъ Богъ велитъ! прошепталъ Лоранъ.

Онъ бросился на кровать не раздѣваясь и вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Въ исходѣ восьмого слуги графа, уже на лошадяхъ и совсѣмъ готовые къ отъѣзду, выстроились въ наилучшемъ порядкѣ во дворѣ ачіенды.

Шелковинка держалъ подъ уздцы лошадь своего господина;

Мишель Бискаецъ, неподвижный какъ бронзовая статуя, стоялъ во главѣ своей небольшой команды.

Любопытныя и прелестныя личики доны Флоры и подруги ея выглядывали изъ окна.

Раздался шумъ шаговъ и звонъ шпоръ; капитанъ появился на крыльцѣ, сопровождаемый дон-Хезусомъ Ордонецомъ.

Прекрасное лицо Лорана не сохраняло никакого слѣда страшныхъ душевныхъ потрясеній прошедшей ночи; онъ былъ спокоенъ и бодръ, хотя немного блѣденъ; великолѣпный нарядъ еще болѣе возвышалъ его красоту.

Онъ почтительно поклонился молодымъ дѣвушкамъ.

— Я не смѣлъ надѣяться на такое счастье, сеньориты, любезно обратился онъ къ нимъ:—ваше присутствіе для меня счастливое предзнаменованіе.

— Мы помолимся, чтобъ предзнаменованіе не было обманчиво, графъ, отвѣтила дона-Флора съ кроткою улыбкой.

— И за скорое ваше возвращеніе, прибавила дона Линда не безъ намѣренія.

— Я выжду васъ здѣсь, чтобъ вмѣстѣ вернуться въ Панаму, дон-Фернандъ, сказалъ въ свою очередь ачіендеръ.

— Рѣшено, сеньоръ; впрочемъ, я ни минуты не пробуду долѣе въ Чагре, чѣмъ окажется необходимо; дня четыре, много пять.

— Намъ останется еще цѣлыхъ три дня впереди; это болѣе чѣмъ сколько нужно.

— Только будьте готовы.

— Даю вамъ слово.

— Очень хорошо; мнѣ пора ѣхать; до свиданія, сеньоръ дон-Хезусъ.

— Не смѣю задерживать васъ долѣе, время не терпитъ; добраго пути, графъ.

— Благодарю, дон-Хезусъ; надѣюсь, что онъ дѣйствительно будетъ благополученъ.

Онъ мигомъ вскочилъ въ сѣдло и поклонился дамамъ.

— Молитесь за путешественника, сеньориты.

— Уѣзжайте, сеньоръ, чтобы скорѣе вернуться, весело сказала дона Линда.

— До скораго свиданія, прошептала Флора, выпустивъ изъ руки носовой платокъ, который Лоранъ подхватилъ на лету.

— Я тщательно сохраню этотъ талисманъ, обратился онъ къ ней: — и возвращу его вамъ, когда вернусь.

Раскланявшись въ послѣдній разъ, онъ ускакалъ во весь опоръ и вслѣдъ за нимъ слуги его.

— Жалѣю я тѣхъ, кому пришла бы несчастная мысль напасть на него, пробормоталъ себѣ подъ носъ ачіендеръ: — какой удалой ѣздокъ!

Послѣ этого основательнаго разсужденія онъ вернулся въ домъ.

Флибустьеры ѣхали скоро. Они были внѣ себя отъ радости, что увидятъ наконецъ старыхъ товарищей, съ которыми разстались такъ давно; что могутъ сбросить съ себя личину, которая ихъ тяготила, пить, распѣвать и говорить открыто, не опасаясь ненавистнаго взора какого-нибудь шпіона, спрятаннаго въ кустахъ.

Особенно Мишель Бискаецъ, врагъ по темпераменту твердой земли, только и служившей ему тѣмъ, что доставляла овощи, хохоталъ во всю глотку самъ съ собою при одной мысли какъ славно онъ погуляетъ.

Всѣ жестоко ошибались въ разсчетѣ. Что имъ готовилось, вовсе не имѣло такого розоваго оттѣнка, какъ воображали они.

Минутъ съ двадцать наши молодцы летѣли вскачь и потеряли ачіенду изъ вида; они только что въѣзжали въ ущеліе между двумя высокими горами, когда увидали человѣкъ десять краснокожихъ воиновъ, которые скакали къ нимъ навстрѣчу.

Эти индійцы были Вала-Вагоэсы, всѣ вооруженные ружьями, какъ съ удовольствіемъ замѣтили флибустьеры.

Они узнали тѣ самые ружья, которыя сами отдали Хозе нѣсколько дней назадъ.

Самъ Хозе, вооруженный какъ спутники его и въ самомъ бо-

гатомъ своемъ воинственномъ нарядѣ, ѣхалъ на нѣсколько шаговъ впереди этого небольшого отряда.

Узнали другъ друга, два отряда слились и вскорѣ короткость водворилась между ними.

— Здравствуйте, Хозе, сказалъ Лоранъ:—я не ожидалъ встрѣтиться съ вами такъ скоро, любезный другъ.

— Мы на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ намъ слѣдовало сойтись, возразилъ Хозе, отвѣтивъ на поклонъ капитана:—въ концѣ этого ущелія дорога дѣлится на двѣ вѣтви: одна подается вправо, по направленію къ Чагре, тогда какъ другая круто сворачиваетъ влѣво къ рѣкѣ Сан-Хуанъ, куда мы и направляемся.

— Вижу, что всѣ ваши распоряженія превосходны; во сколько времени мы будемъ на мѣстѣ?

— Мы на полдорогѣ; минутъ чрезъ двадцать мы достигнемъ якорной стоянки флота.

— Нѣтъ здѣсь ничего новаго?

— Насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ; повѣсили только двухъ шпіоновъ испанскихъ.

— Не важная бѣда; имѣете ли вы вѣсти объ отцѣ Санчесѣ?

— Никакихъ, а вы?

— Не видалъ его; онъ не присутствовалъ при нашемъ отъѣздѣ изъ ачіенды.

— Вѣрно замышляетъ что-нибудь.

— Вы думаете? Я не раздѣляю вашего мнѣнія. Отецъ Санчесъ можетъ рѣшиться на попытку мольбами спасти презрѣнныхъ испанцевъ отъ моей мести, какъ ни мало надежды разжалобить меня, но выдать экспедицію губернатору Панамы совсѣмъ иное дѣло; цѣлая бездна лежитъ между тѣмъ и другимъ.

— Какъ вы это понимаете, капитанъ? Признаться, я совсѣмъ не могу уловить вашей мысли.

— А вѣдь просто, другъ мой; отецъ Санчесъ, такъ сказать, членъ нашего семейства; онъ почти воспиталъ мою мать и тетку, присутствовалъ при моемъ рожденіи и любитъ меня безгранично. Его положеніе чрезвычайно тяжело отъ нерѣшимости, пожертвовать ли спасеніемъ города изъ любви ко мнѣ, или своею

привязанностью для невѣрнаго спасенія города? Вы понимаете, что онъ не можетъ быть увѣренъ въ спасеніи города, еслибъ даже предупредилъ испанцевъ; а меня, котораго любитъ какъ сына, онъ погубилъ бы неминуемо безъ пользы для людей, къ которымъ въ глубинѣ души питаетъ очень мало сочувствія. Понимаете теперь?

— Конечно понимаю, капитанъ, и согласенъ, что положеніе отца Санчеса чрезвычайно затруднительно.

— Одному Богу извѣстно, что̀ онъ сдѣлаетъ; я предоставляю ему полную свободу дѣйствій.

Путешественники проѣзжали теперь довольно густой лѣсокъ.

— Вотъ мы и близко цѣли; минутъ чрезъ десять мы пріѣдемъ.

Едва Хозе договорилъ, какъ громкое: Кто идетъ? раздалось въ немногихъ шагахъ отъ него.

— Береговой Братъ, Прекрасный Лоранъ! отвѣтилъ капитанъ немедленно.

Изъ кустарника вышелъ человѣкъ.

— И вправду, побери меня чортъ съ руками и ногами! весело вскричалъ онъ:—я думалъ, что ослышался; добро пожаловать, капитанъ.

— Здравствуй, Питріанъ дружище; ты не на часахъ ли чего добраго?

— Я-то? Вздоръ какой! Просто гуляю, ожидая васъ. Послышался мнѣ подозрительный шорохъ, я и крикнулъ: Кто идетъ? Чортъ меня побери съ руками и съ ногами! какая мнѣ выпала удача замѣтить васъ прежде всѣхъ!

Онъ со всѣхъ ногъ, ударился бѣжать, бросивъ капитана безъ дальнихъ околичностей.

— Куда его понесла нелегкая? вскричалъ Лоранъ, захохотавъ:—какая муха укусила его?

— Вѣрно объявить хочетъ ваше прибытіе товарищамъ, отвѣтилъ Хозе.

Спустя пять минутъ они выѣхали изъ перелѣска и величест-

венное зрѣлище, которое внезапно представилось ихъ взору, вырвало у Лорана восклицаніе восторга.

На разстояніи не болѣе пистолетнаго выстрѣла отъ того мѣста, гдѣ они находились, рѣка Сан-Хуанъ широко раскинулась въ своемъ глубокомъ руслѣ исполинскою серебряною лентой, которую солнце испещряло рубинами и сафирами; на волнахъ тихо качались, подобно громаднымъ библейскимъ левіаѳанамъ, безчисленные корабли флибустьерскаго флота, около половины которыхъ самаго меньшаго размѣра стояло у берега.

Въ центрѣ флота, адмиральскій корабль стоялъ немного поодаль отъ остальныхъ; его можно было отличить по трехцвѣтному флагу, который развѣвался на кормѣ, и по четырехъугольному значку, поднятому на вершину большой мачты; его окружало множество лодокъ.

На берегу флибустьеры разбили на скорую руку столъ, вѣроятно для наблюденія окрестностей, и множество бѣлыхъ палатокъ, разбросанныхъ по равнинѣ, представляли самое живописное зрѣлище...

На рѣкѣ царствовало величайшей оживленіе, пирòги то и дѣло сновали взадъ и впередъ, и на берегу буканьеры суетились за приготовленіями завтрака.

Кучка Береговыхъ Братьевъ, предупрежденныхъ Питріаномъ, ждала прибытія Лорана; посреди нихъ онъ узналъ нѣсколько знакомыхъ лицъ, между прочими Польте, Питріана, Филипа д'Ожерона и много другихъ.

Молодой человѣкъ соскочилъ съ лошади и буквально упалъ въ объятія друзей; поднялись крики радости, восклицанія, хохотъ, шумъ и гамъ, которые способны были внушить зависть любому настоящему законодательному собранію; всѣ говорили разомъ, не давая себѣ труда слушать отвѣты.

Не скоро водворилась нѣкоторая тишина, такъ какъ всѣ Береговые Братья очень обрадовались и Лорану и Мишелю Бискайцу и ихъ спутникамъ, однако Филипу наконецъ удалось заставить себя слушать.

— Любезный Лоранъ, сказалъ онъ:—адмиралъ ждетъ тебя съ

нетерпѣніемъ также Мишеля Бискайца, и нашего друга начальника Вала-Вагоэсовъ; не угодно ли вамъ слѣдовать за мною?

— Очень охотно, братъ, отвѣтилъ Лоранъ:—но мнѣ сперва надо позаботиться, чтобъ храбрые товарищи мои, которые служили мнѣ такъ преданно, ни въ чемъ недостатка не терпѣли.

— Не безпокойся о нихъ, Лоранъ, возразилъ Польтэ:—я беру на себя снабдить ихъ всѣмъ.

— Ну, такъ я озабоченъ о нихъ пуще прежняго, засмѣялся Лоранъ.

— Это почему?

— Я знаю твое радушіе, чортъ возьми! Ты мнѣ напоишь ихъ мертвецки пьяными, чего я вовсе не желаю.

— Ступай себѣ преспокойно; будутъ они только на первомъ взводѣ, чтобъ на душѣ веселѣе стало. Теперь напиваться нельзя, когда ты тутъ и мы вѣроятно долѣе капители тянуть не станемъ.

Лоранъ пожалъ руку Польтэ, поклонился друзьямъ, и приказавъ Шелковинкѣ быть на сторожѣ и предупредить товарищей, чтобъ они были на готовѣ отправиться въ путь при первомъ знакѣ, пошелъ вслѣдъ за Филиппомъ д'Ожероном и Питріаномъ, вмѣстѣ съ Мишелемъ Бискайцемъ и Хозе.

Они сѣли въ пирогу, которая ихъ ждала, и въ нѣсколько ударовъ веселъ достигли адмиральскаго корабля. Монбаръ встрѣтилъ своего брата-матроса у трапа.

Они обнялись.

Размѣнявшись первыми привѣтствіями, они сошли въ адмиральскую каюту и прошли въ столовую, гдѣ завтракъ былъ уже поданъ.

Почти немедленно къ нимъ присоединились Медвѣжонокъ Желѣзная Голова, какъ обыкновенно, сопровождаемый собаками и кабанами, Пьеръ Легранъ, Морганъ и наконецъ всѣ главные начальники флота, кромѣ тѣхъ разумѣется, которые находились въ отсутствіи по разнымъ возложеннымъ на нихъ порученіямъ.

Тотчасъ сѣли за столъ; флибустьеры не такого были десятка, чтобъ попусту тратить время на глупыя приличія.

Монбаръ посадилъ возлѣ себя Лорана по правую руку, Хозе по лѣвую и далъ сигналъ къ нападенію на кушанья, разставленныя на столѣ. Завтракъ былъ превосходный, весело ѣли и пили, говоря обо всемъ кромѣ дѣла.

Береговые Братья занимались важными вопросами только послѣ десерта, когда кофе былъ налитъ, ликеры поданы, табакъ и трубки подъ рукою.

Дождавшись этой минуты, Монбаръ сдѣлалъ знакъ слугамъ уйти и обратился къ Лорану:

— Теперь, братъ, намъ не помѣшаютъ; разскажи-ка, что ты подѣлывалъ съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались, и какъ лавировалъ между знатными гидальго.

Лоранъ не заставилъ себя просить; это же и было приказаніе, которому онъ обязанъ былъ повиноваться. Въ мельчайшихъ подробностяхъ передалъ онъ все, что съ нимъ случилось со времени отплытія изъ Порт-де-Пе на собственномъ кораблѣ подъ командою Олонеца, до той минуты, когда онъ выѣхалъ изъ ачіенды по требованію адмирала.

Разумѣется, молодой человѣкъ тщательно избѣгалъ въ своемъ отчетѣ всего, что относилось лично къ нему, стало быть его одного и касалось.

— Вотъ что я сдѣлалъ, заключилъ онъ свой разсказъ: — положеніе было опасное и трудное; я старался вести дѣло какъ только могъ лучше, чтобъ не заслужить большихъ укоровъ.

— Что ты толкуешь, братъ? вскричалъ съ живостью Монбаръ.—Ты заслужилъ однѣ похвалы, ей-Богу!

— Ты велъ себя какъ человѣкъ храбрый и умный, сказалъ Медвѣжонокъ Желѣзная Голова, пожимая ему руку.

— Чорта въ ступѣ! вскричалъ Морганъ съ плѣнительною улыбкой:—еслибъ не любилъ я такъ Лорана, зависть обуяла бы меня.

— И ты былъ бы неправъ, весело возразилъ молодой человѣкъ:—кромѣ Монбара здѣсь никто столько не дѣлалъ для флибустьерства, какъ ты, Морганъ.

— Тысяча возовъ чертей! гаркнулъ Пьеръ Легранъ, такъ

сильно ударивъ по столу стаканомъ, что онъ разлетѣлся вдребезги:—послѣ чудесъ, патворенныхъ Прекраснымъ Лораномъ, чтобъ проложить намъ путь, если мы не возьмемъ Панамы въ часъ времени, я торжественно объявлю насъ всѣхъ олухами и собаки испанцы будутъ въ правѣ повязать намъ тряпки въ видѣ хвостовъ, чтобъ издѣваться надъ нами.

При такой оригинальной выходкѣ Пьера Леграна неудержимый хохотъ овладѣлъ присутствующими; но такъ какъ въ сущности, хотя и въ странной немного формѣ, храбрый адмиралъ выразилъ чувство общее всѣмъ, то восторженныя рукоплесканія посыпались со всѣхъ сторонъ.

— Наливайте свои стаканы, распорядился Монбаръ.

Всѣ повиновались.

Адмиралъ всталъ и мгновенно состольники послѣдовали его примѣру.

— Товарищи, сказалъ Монбаръ своимъ зычнымъ басомъ: — пью за здоровье Лорана, моего брата-матроса, который доставилъ намъ въ руки Панаму, самый богатый складъ короля испанскаго въ Америкѣ! За здоровье Лорана! вскричалъ онъ, чокаясь съ капитаномъ.

— Братья, отвѣтилъ Лоранъ:—я сдѣлалъ только то, что̀ каждый изъ васъ исполнилъ бы точно такъ же на моемъ мѣстѣ. Вы доказали чего стоите, и еще какъ доказали-то! Но вы любите меня, я знаю, и потому снисходительны, благодарю васъ изъ глубины души. Ваше одобреніе радуетъ меня болѣе чѣмъ я могу выразить; но я не считаю, чтобы заслуживалъ его въ такой мѣрѣ, какъ говорите вы; мнѣ приходится теперь просить васъ дать мнѣ случай для такого дѣйствія, которое оправдывало бы ваши восторженныя и чрезчуръ высокія похвалы.

Монбаръ улыбнулся и сдѣлалъ знакъ, чтобъ сѣли опять.

— Мой товарищъ-матросъ правъ, братья! вскричалъ онъ весело:—мы къ нему дѣйствительно пристрастны; съ какой стати осыпать его похвалами, что-жъ онъ сдѣлалъ такого удивительнаго? Ничего, или почти ничего; вы вѣдь сами тому свидѣтели.

— Да, да, разумѣется! со смѣхомъ отвѣтили Береговые Братья.

— Мы только любимъ его, какъ онъ самъ это сказалъ, прибавилъ Медвѣжонокъ Желѣзная Голова.

— Извѣстное дѣло, онъ лѣнтяй, сказалъ Пьеръ Легранъ и разразился хохотомъ.

— Лѣнтяй, вотъ именно настоящее выраженіе, Пьеръ, замѣтилъ Монбаръ, все улыбаясь:—онъ задумалъ эту величавую экспедицію, одна мысль о которой пугала самыхъ храбрыхъ. Такъ что-жъ? Ничего это не значитъ! Съ однимъ Мишелемъ Бискайцемъ, такимъ же лѣнтяемъ....

— Никуда негоденъ этотъ чортъ Мишель, это вещь извѣстная, перебилъ Пьеръ Легранъ, который такъ и катался со смѣха.

— Только вдвоемъ, безъ друзей, безъ всякой поддержки, безъ надежды на помощь откуда бы ни было, они смѣло высадились на берегъ, отправились въ Панаму и такъ неловко вели дѣла, что, прости Господи! мы войдемъ въ городъ, я думаю, безъ выстрѣла. Но все это, разумѣется, ничего.

— Ей-Богу, ничего! вскричали флибустьеры, которые забавлялись какъ отпущенные школьники: — ровно ничего, совершенные пустяки.

— Итакъ, продолжалъ Монбаръ:—мой братъ-матросъ совсѣмъ смущенъ; онъ стыдится своего бездѣйствія до-сихъ-поръ, тогда какъ мы сдѣлали все; ну такъ будемъ же пристрастны къ нему еще разъ, товарищи, доставимъ ему случай оправдаться въ нашихъ глазахъ.

— Онъ очень въ этомъ нуждается, замѣтилъ Пьеръ Легранъ съ такою комичною серіозностью, что всѣ схватились за бока.

Когда стихъ взрывъ хохота, Монбаръ продолжалъ:

— Завтра съ восходомъ солнца флотъ войдетъ въ Чагре; тебѣ же, Лоранъ, не для того, чтобы дать случай отличиться, но въ знакъ высокаго уваженія, товарищи поручаютъ взять съ берега фортъ св. Лаврентія; онъ слыветъ неприступнымъ и никто изъ насъ еще овладѣть имъ не могъ. Доволенъ ли ты, мой матросъ?

Находишь ли, что мы съумѣли выбрать то, чего достойна твоя неодолимая храбрость, и по заслугамъ наградить тебя?

Послѣднее произнесено было съ такимъ величіемъ и такимъ глубокимъ чувствомъ, что флибустьеры не нашли ни слова, чтобъ выразить ихъ восторгъ.

Лоранъ всталъ; онъ былъ блѣденъ, глаза его сверкали страшнымъ огнемъ.

— Братья, сказалъ онъ хриплымъ голосомъ:—завтра фортъ св. Лаврентія нашъ или я буду мертвъ! Благодарю, руки ваши!

Мгновенно всѣ протянули къ нему руки.

— Не могу обнять всѣхъ васъ, продолжалъ онъ:—я обойму моего брата-матроса.

Они обнялись при изступленныхъ рукоплесканіяхъ товарищей.

— Отдавайте теперь приказанія, адмиралъ, сказалъ Лоранъ немного погодя.

— Отправляться чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, отвѣтилъ Монбаръ.

— Не пройдетъ часа, какъ я буду въ дорогѣ.

— Быть у форта на восходѣ солнца.

— Буду.

— Двѣсти Вала-Вагоэсовъ, отборныхъ воиновъ изъ этого храбраго племени, подъ командою Хозе, примкнутъ къ твоему отряду, какъ и Бартелеми съ остальными Береговыми Братьями, отряженными къ индійцамъ.

— Тѣмъ лучше, съ ихъ содѣйствіемъ я отвѣчаю за успѣхъ.

— Не открывать огня по форту, пока не завяжется жаркаго сраженія со стороны моря.

— Относительно же остального?

— Дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію.

— Спасибо! сказалъ онъ и гордая улыбка озарила его лицо.

— Ты видно уже составилъ себѣ планъ, замѣтилъ Монбаръ!

— Быть можетъ.

— И мнѣ сообщишь?

— Если ты потребуешь, но предпочелъ бы ничего не говорить. Ты навѣрно сдѣлаешь мнѣ возраженія, которыя поколе-

блять мою вѣру въ успѣхъ. Знай только, что я хочу захватить фортъ обманомъ.

— Гмъ! это трудно, когда флотъ будетъ бомбардировать городъ.

— На это именно я и разсчитываю.

— Я уже сказалъ, что ты воленъ дѣйствовать какъ хочешь.

— Смотри, не засни въ сраженіи, пошутилъ Пьеръ Легранъ и засмѣялся.

— Приложу все стараніе, чтобъ не случилось этого со мною, возразилъ Лоранъ тѣмъ же тономъ и, наклонившись къ уху Монбара, прибавилъ шепотомъ:—мнѣ надо сообщить тебѣ кое-что глазъ на глазъ.

— Когда хочешь, братъ?

— Сейчасъ, если можно.

— Пойдемъ.

Они оставили за столомъ товарищей, которые продолжали пить и курить, и прошли въ смежную комнату.

XI.

КАКОЙ ПЛАНЪ СОСТАВИЛЪ ЗНАМЕНИТЫЙ ФЛИБУСТЬЕРЪ, ЧТОБЫ ОВЛАДѢТЬ ФОРТОМЪ СВ. ЛАВРЕНТІЯ, КОТОРЫЙ СЛЫЛЪ НЕПРИСТУПНЫМЪ.

Въ тотъ же день вечеромъ, часу въ девятомъ, громадная зала со сводами, въ которую мы уже имѣли случай вводить читателя, представляла еще страннѣе и необычайнѣе зрѣлище, чѣмъ въ первый разъ, когда мы описывали ее.

Множество индійцевъ Вала-Вагоэсовъ переносили въ подземелье длинные колья, обтесанные въ теченіе дня буканьерами;

другіе индійцы навьючивали эти колья на муловъ, которыхъ уводили по мѣрѣ того, какъ ноша была полна, чтобы на ихъ мѣсто ставить другихъ.

Хозе лично наблюдалъ за этою работой; онъ и руку прилагалъ, и голосомъ подгонялъ, чтобъ дѣло шло живѣе.

Въ залѣ, освѣщенной какъ для пира, множество испанскихъ солдатъ и офицеровъ красовалось въ блестящихъ своихъ мундирахъ. Но по странной особенности, достойной замѣчанія, солдаты эти бережно и съ величайшимъ тщаніемъ складывали жалкіе лохмотья, засаленные, отвратительные, къ которымъ точно благоговѣли. А страннѣе всего было, что люди эти говорили по-французски и ни одного испанскаго слова между ними произнесено не было.

Еслибъ приподнять широкія поля ихъ шляпъ съ перьями, увидали бы загорѣлыя лица съ рѣзкими чертами и огненнымъ взоромъ, которыя принадлежать могли только буканьерамъ, накапунѣ такъ беззаботно убивавшимъ время въ этой самой залѣ.

Впрочемъ, еслибъ сохранять малѣйшее сомнѣніе, дѣйствительно ли это Береговые Братья, стоило подойти къ круглому столу, покрытому зеленымъ сукномъ, у котораго сидѣло нѣсколько офицеровъ въ богатыхъ мундирахъ, и сомнѣніе это разсѣялось бы мгновенно; офицеры не надѣвали шляпъ и потому, не смотря на перемѣну одежды, легко было узнать въ нихъ Прекраснаго Лорана, Олонеца, Мишеля Бискайца, Бартелеми, Гуляку и много другихъ.

Скажемъ теперь причину этого маскарада и какимъ способомъ были добыты испанскіе мундиры.

Часамъ къ пяти вечера, Прекрасный Лоранъ прибылъ въ подземелье, ведя съ собою двѣсти воиновъ Вала-Вагоэсовъ подъ начальствомъ Хозе, и пятнадцать буканьеровъ, отряженныхъ нѣсколько дней назадъ подъ командою Бартелеми для обученія краснокожихъ, какъ сказано выше; сверхъ того, за Лораномъ слѣдовали нѣсколько муловъ, навьюченныхъ тяжелыми тюками.

Эти тюки заключали все необходимое для полной обмундиро-

вки испанскихъ солдатъ и офицеровъ, десять барабановъ и столько же рожковъ.

Лоранъ взялъ эти вещи у Монбара, который, ничего не разспрашивая, тотчасъ исполнилъ его требованіе; впрочемъ, онъ вѣроятно угадывалъ мысль Лорана, хотя тотъ не высказывался.

Когда флибустьеры предпринимали экспедиціи противъ испанцевъ, они всегда запасались извѣстнымъ количествомъ разной одежды, военныхъ мундировъ, монашескихъ рясъ, костюмовъ купца, дворянина и т. д., которые при случаѣ могли быть очень полезны.

На адмиральскомъ кораблѣ былъ огромный запасъ подобныхъ предметовъ.

Капитанъ выбралъ что̀ наиболѣе соотвѣтствовало его цѣли, велѣлъ уложить, перевезти на берегъ и навьючить на муловъ.

Вотъ какимъ образомъ триста тридцать буканьеровъ, включая отрядъ Бартелеми, превратились въ испанское войско.

Вскорѣ мы узнаемъ, съ какою цѣлью была придумана эта маскарадная потѣха.

По знаку Прекраснаго Лорана, Гуляка всталъ и вышелъ. Чрезъ минуту онъ вернулся съ индійскимъ начальникомъ.

— Кончили вы тамъ, другъ Хозе? спросилъ Лоранъ.

— Все готово, капитанъ; мулы навьючены и отправлены.

— Прекрасно. Во сколько времени, полагаете вы, мы достигнемъ форта св. Лаврентія?

— Въ три часа съ половиною, самое большое, четыре.

— Столько однако!

— Вотъ почему, капитанъ: мы сперва должны идти прямикомъ на дорогу, которая ведетъ отъ Чагре къ Панамѣ. Весьма важно, если наткнемся, какъ полагать и надо, на патрули, разосланные для рекогносцировки въ окрестностяхъ форта, чтобъ патрули эти убѣдились собственными глазами, что мы дѣйствительно пришли изъ Панамы чрезъ перешеекъ.

— Вы правы, любезный начальникъ. Который часъ, Мишель?

— Безъ двадцати минутъ десять, отвѣтилъ тотъ немедленно.

— Хорошо. И такъ, продолжалъ капитанъ, если мы выйдемъ въ десять часовъ?

— То будемъ не позже двухъ часовъ утра у подошвы гласиса.

— Именно этого я и желаю. Садитесь возлѣ меня, Хозе.

Начальникъ повиновался.

Прекрасный Лоранъ извлекъ изъ золотого свистка пронзительный звукъ.

Мгновенно затихли всѣ разговоры и Береговые Братья молча собрались вокругъ стола, за которымъ сидѣли ихъ предводители.

Капитанъ всталъ и съ минуту окидывалъ взоромъ эти выразительныя лица, эти грозные глаза, направленные на него съ жаднымъ любопытствомъ; потомъ онъ поклонился и заговорилъ голосомъ твердымъ и звучнымъ:

— Господа, настала пора дѣйствовать; радуйтесь, чрезъ нѣсколько часовъ мы сразимся съ непримиримыми врагами нашими.

Гулъ, подобный отдаленному грому, пробѣжалъ по рядамъ флибустьеровъ и тотчасъ замеръ; онъ доказалъ капитану, какое живое сочувствіе вызвало его вступленіе.

— Узнайте, господа, продолжалъ Лоранъ:—какое порученіе возложено на насъ и какимъ путемъ я намѣренъ исполнить его. Вы не изъ тѣхъ наемныхъ солдатъ, отъ которыхъ начальники вынуждены скрывать ожидающія ихъ опасности, чтобъ не лишить ихъ послѣдней бодрости. Нѣтъ, вы люди храбрые, Береговые Братья, которые одного только на свѣтѣ и опасаются, чтобъ опасность не соотвѣтствовала ихъ неодолимому мужеству. На этотъ разъ, полагаю, вы останетесь довольны; что̀ мы попытаемся исполнить, до того безумно и неосуществимо, опасность, которой мы будемъ подвергаться, до того грозна и велика, что одни Береговые Братья въ состояніи взглянуть на нее хладнокровно и надѣяться на успѣхъ, который въ глазахъ каждаго человѣка здравомыслящаго просто невозможенъ. Какъ видите, я говорю съ вами откровенно и какъ нельзя положительнѣе. Полумѣры, предписываемыя необходимостью съ людьми другого закала, льстивая ложь и официальный обманъ въ отношеніи къ вамъ были бы обидою кровною. Чтобъ дѣлу отдаться всею ду-

шой, безъ затаенной мысли, вы требуете отъ вашихъ начальниковъ не только добросовѣстности, но и полнаго довѣрія. Въ эту ночь я нуждаюсь въ подобномъ самоотверженномъ содѣйствіи вашемъ, безъ колебанія, безъ слабости, безъ минутнаго унынія; могу ли на него разсчитывать?

— Да, да, можете! крикнули въ одинъ голосъ флибустьеры.

— Намъ приказано взять фортъ св. Лаврентія, продолжалъ Прекрасный Лоранъ: — фортъ слыветъ неприступнымъ; онъ обнесенъ двойною оградой и вооруженъ двумя стами орудій большого калибра; кромѣ того, въ немъ гарнизонъ въ три тысячи человѣкъ отборнаго войска, подъ командою одного изъ самыхъ храбрыхъ и опытныхъ испанскихъ генераловъ; фортъ этотъ дѣйствительно можетъ назваться ключомъ къ Панамѣ. Какъ скоро онъ будетъ въ нашей власти, мы завладѣемъ перешейкомъ и Панамою, складомъ всѣхъ богатствъ короля испанскаго; но если мы потерпимъ пораженіе, нашъ флотъ не возьметъ Чагре и мы будемъ вынуждены отплыть со стыдомъ, чтобъ вернуться съ пустыми руками въ Порт-де-Пе, гдѣ наше возвращеніе вызоветъ одинъ насмѣшливый хохотъ. Что-жъ вы сдѣлаете?

— Возьмемъ фортъ! крикнули флибустьеры, размахивая оружіемъ.

— Вы твердо рѣшились?

— Да, да!

— Подумайте, что Монбаръ намъ даетъ два часа всего на исполненіе подвига. Съ восходомъ солнца знамя наше уже должно развѣваться на гордомъ оплотѣ испанцевъ или мы всѣ лежать мертвые во рвахъ; я не отступлю, клянусь вамъ!

— Въ путь! Въ путь! неистово закричали Береговые Братья.

— Хорошо, хладнокровно отвѣтилъ Лоранъ: — пусть будетъ по вашему, мы сейчасъ выступимъ. Вслушайтесь только въ послѣднее важное предостереженіе, прибавилъ онъ: — помните, что мы испанское войско, посланное на помощь форта; соображайтесь съ этимъ; ни одного французскаго слова не должно быть произнесено между вами, пока я самъ не провозглашу нашего

доблестнаго, браннаго крика: въ путь, господа, и да поможетъ намъ Богъ!

Флибустьеры немедленно выстроились по ротно и по взводно подъ наблюденіемъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ; они молча вышли изъ подземелья, предшествуемые барабанщиками и горнистами, рожки и барабаны которыхъ, правда, были безмолвны, однако въ данную минуту съумѣютъ подражать игрѣ горнистовъ и барабанному бою испанскихъ войскъ.

Одни штабъ-офицеры ѣхали верхомъ впереди этого импровизованнаго полка; оберъ-офицеры были на своихъ мѣстахъ, держа шпагу въ лѣвой рукѣ.

Спустя десять минутъ подземелье опустѣло и длинная черная змѣя раскинулась темными изгибами по равнинѣ.

Краснокожіе шли впереди и по бокамъ колоны, чтобъ оберегать ее отъ нечаяннаго нападенія.

Ночь была великолѣпна; миріады звѣздъ на тверди небесной блестѣли какъ бриліантовая пыль и разливали нѣжный и таинственный свѣтъ; луна плыла въ голубомъ эѳирѣ и бѣловатые лучи ея бросали рѣзкія и выдающіяся тѣни, придавая странныя очертанія деревьямъ и кустамъ, на которые падали, и налагая печать какого-то фантастическаго величія на пустынную и безмолвную мѣстность, гдѣ по временамъ вдали мелькали темные силуэты дикихъ звѣрей, внезапно встревоженныхъ въ своихъ ночныхъ странствіяхъ.

Уже болѣе трехъ часовъ шла колона и вскорѣ должна была достигнуть цѣли своего пути; давно уже флибустьеры направлялись по берегу рѣки Чагре, чрезъ которую переправились въ лодкахъ, заранѣе приготовленныхъ всегда предосмотрительнымъ Хозе.

Лорапъ приказалъ сдѣлать привалъ, чтобъ люди перевели духъ. Не привыкшіе къ продолжительнымъ переходамъ, особенно по непроходимымъ почти дорогамъ, флибустьеры сильно утомились; каждый радъ былъ отдохнуть и, не выходя изъ строя, кто легъ, кто сѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановился.

Вдругъ раздалось громко: — Кто идетъ?

Это окликнулъ патруль.

— Испанія! отвѣтили ему немедленно.

Лоранъ тотчасъ послалъ развѣдчиковъ узнать, что̀ такое впе реди.

Вскорѣ Мишель, которому поручена была рекогносцировка, вернулся въ сопровожденіи испанскаго офицера.

Это былъ молодой человѣкъ благородной наружности, очевидно дворянинъ и въ чинѣ капитана.

— Добро пожаловать, милостивый государь, привѣтствовалъ его Прекрасный Лоранъ: — кто вы и по какому случаю наткнулись на меня?

— Господинъ полковникъ, отвѣтилъ офицеръ, почтительно кланяясь флибустьеру, который дѣйствительно былъ въ мундирѣ полковника: — мое имя дон-Хуанъ де-Сальмарина, я капитанъ третьяго егерскаго королевскаго полка, который теперь стоитъ въ фортѣ св. Лаврентія. Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Я полковникъ дон-Хусто Бустаменте де-Бенавидесъ и отряженъ дон-Рамономъ де-ла-Крусомъ отъ гарнизона въ Панамѣ съ тремя стами пятидесятью человѣками изъ полка инфанты, которымъ имѣю честь командовать, идти форсированнымъ маршемъ на помощь Чагре. До свѣдѣнія дон-Рамона де-ла-Круса дошло, что городу угрожаютъ разбойники флибустьеры, которые уже овладѣли Порто-Бело и предали его огню и мечу. Кромѣ того, со мною двѣсти человѣкъ союзниковъ Вала-Вагоэсовъ.

— Помощь, которую вы намъ приводите, полковникъ, чрезвычайно цѣнна въ настоящую минуту; чрезъ рыбака, который чудомъ спасся изъ Порто-Бело и успѣлъ благополучно пробраться чрезъ весь флибустьерскій флотъ, до насъ дошли слухи, хотя очень неопредѣленные, даже можно сказать, смутные, о плачевныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ этомъ несчастномъ городѣ. Говорятъ, разбойники доходили до неслыханныхъ неистовствъ и городъ превратился въ груду развалинъ.

— Такая дерзость и жестокость заслуживаютъ примѣрнаго наказанія, отвѣтилъ Лоранъ съ жаромъ: — надѣюсь, что виновные будутъ наказаны по заслугамъ за свои преступленія!

— Дай-то Богъ! мы твердо рѣшились сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы такъ и было. Вѣроятно, дон-Рамонъ де-ла-Крусъ получилъ депеши, отправленныя къ нему генераломъ Вальдесомъ съ двумя курьерами дней съ пять назадъ.

— Развѣ былъ бы я иначе здѣсь, капитанъ? отвѣтилъ Лоранъ съ великолѣпнѣйшимъ самообладаніемъ: — генералъ требовалъ помощи такъ настоятельно, что дон-Рамонъ отдалъ мнѣ приказаніе выступить немедленно и пойти форсированнымъ маршемъ, что̀ я и сдѣлалъ; дня чрезъ два вы получите подкрѣпленіе болѣе значительное.

— Мы въ немъ очень нуждаемся.

— Развѣ городъ не укрѣпленъ?

— Къ несчастью, почти вовсе нѣтъ.

— Это плохо; а фортъ?

— О! тотъ укрѣпленъ какъ нельзя лучше; ему и нападенія опасаться нечего, такъ какъ съ берега, благодаря Бога, нашихъ враговъ ждать не приходится.

— По счастью для насъ.

— Генералъ Вальдесъ приказалъ сдѣлать насыпь и вооружить батареи на берегу рѣки; четверо сутокъ половина гарнизона работаетъ надъ этими укрѣпленіями, которыя ростутъ быстро и вскорѣ будутъ закончены настолько, что могутъ оказать большую пользу; вообще, сравнительно говоря, наше положеніе довольно выгодно; если не окажется обстоятельства непредвидѣннаго, чего предполагать нельзя, намъ легко безъ особенныхъ усилій продержаться недѣли двѣ.

— Этого съ избыткомъ достаточно, чтобъ подоспѣла помощь. Но по какому случаю встрѣчаю я васъ, капитанъ, въ этотъ поздній часъ ночи такъ далеко отъ форта?

— Генералъ приказалъ мнѣ произвести рекогносцировку на разстояніе двухъ пушечныхъ выстрѣловъ отъ форта, чтобъ удостовѣриться, если возможно, не идетъ ли помощь, которой онъ ожидаетъ; я возвращался уже домой, полковникъ, когда завидѣлъ вашъ отрядъ.

— Признаться, я радъ слышать, что у васъ все въ такомъ

хорошемъ положеніи; я сильно безпокоился, насъ испугали въ Панамѣ. Вся эта тревога, надѣюсь, кончится лучше, чѣмъ предполагали сначала. Отправьтесь съ вашимъ патрулемъ впередъ, капитанъ, и предупредите о моемъ прибытіи генерала Вальдеса, которому прошу засвидѣтельствовать почтеніе полковника дон-Хусто Бустаменте де-Бенавидеса, командира стрѣлковъ инфанты; скажите еще, что я везу письмо къ нему отъ его превосходительства дон-Рамона де-ла-Круса и что это подкрѣпленіе только авангардъ болѣе значительныхъ силъ, которыя прибудутъ вскорѣ.

— Сейчасъ иду, полковникъ; это самыя пріятныя свѣдѣнія для генерала. Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

— До скораго свиданія, любезный капитанъ!

Офицеръ отошелъ и быстро удалился съ своимъ небольшимъ отрядомъ, дабы успѣть предупредить генерала Вальдеса о прибытіи подкрѣпленія, присланнаго изъ Панамы.

— Вотъ славныя вѣсти-то, какъ вы полагаете, господа? обратился Лоранъ къ своимъ офицерамъ.

— Превосходныя, отвѣтилъ Олонецъ, потирая руки.

— Надо признаться, что испанцы невѣроятно глупы, засмѣялся Мишель Бискаецъ: — наивны они какъ молодыя дѣвушки; клянусь честью, обманывать такихъ олуховъ и Богъ велитъ!

— Вотъ увидите, что мы войдемъ въ фортъ безъ выстрѣла.

— Не разсчитывайте на это, господа, возразилъ Лоранъ: — генералъ Вальдесъ не наивенъ и не глупъ; онъ старый и опытный солдатъ, недовѣрчивый до нельзя; съ нимъ еще дѣло не кончено.

— Гмъ! сѣть однако хорошо разставлена, пробормоталъ Бартелеми:—трудно ему будетъ выпутаться изъ нея.

— По-крайней-мѣрѣ, онъ попытается, будьте увѣрены; этотъ старый служака почуетъ военную хитрость, какъ вороны порохъ; вотъ увидите.

— Ну тогда пробьемся! весело вскричали флибустьеры.

— По правдѣ говоря, замѣтилъ Мишель Бискаецъ: — скучно

было бы войти такимъ образомъ руки въ карманахъ въ этотъ грозный фортъ.

— Я предчувствую, что генералъ Вальдесъ избавитъ тебя отъ этой скуки, шутникъ.

— Вашими бы устами, да медъ пить, полковникъ.

— Впрочемъ будетъ что будетъ! Въ путь, господа, мы и то много потеряли времени.

Горнисты проиграли сигналъ; флибустьеры, признанные испанцами и почти подъ выстрѣлами форта, не должны были долѣе скрываться, напротивъ.

— Маршъ! раздалась команда.

Колона дружно двинулась впередъ.

Береговые Братья уже забыли свою усталость; приближалась минута борьбы и весь воинственный ихъ пылъ пробудился вновь. Скука и утомленіе продолжительнаго почного перехода и строго предписаннаго молчанія, все было предано забвенію въ виду предстоящаго боя.

Послѣ двадцати минутъ ходьбы авантюристы увидали наконецъ въ небольшомъ разстояніи предъ собою на вершинѣ довольно крутого возвышенія грозный фортъ, который рѣзко выдавался темною масою на ярко голубомъ фонѣ небеснаго свода, усыпаннаго бриліантовыми звѣздочками.

Было ровно два часа утра.

Авантюристы, достигнувъ подошвы возвышенія, стали подниматься по высѣченной въ скалѣ тропинкѣ, едва достаточной ширины, чтобы два человѣка могли идти рядомъ; тропинка шла зигзагами до гласиса.

Дойдя до него, флибустьеры остановились; ровъ въ тридцать футъ ширины и пятдесятъ глубины, на половину наполненый водою, вдругъ преградилъ имъ путь.

Лорапъ свернулъ свой отрядъ въ сомкнутую колону и приказалъ горнистамъ дать сигналъ. Изъ крѣпости ему отвѣтили такимъ же сигналомъ и почти мгновенно генералъ въ полной формѣ съ небольшой свитой офицеровъ показался на оконеч-

ности бастіона при свѣтѣ факеловъ, которые держали нѣсколько солдатъ, то и дѣло встряхивая ими, чтобъ они горѣли ярче.

Генералъ этотъ былъ Сантіаго Вальдесъ.

— Кто идетъ? крикнулъ онъ.

— Испанія! немедленно отвѣтилъ Лоранъ, который вышелъ впередъ до края рва.

— Какой полкъ? спросилъ генералъ.

— Стрѣлки инфанты.

— Вы полковникъ Бустаменте?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— И вы пришли изъ Панамы?

— Прямымъ путемъ, съ подкрѣпленіемъ, которое присылаетъ его превосходительство губернаторъ дон-Рамонъ де-ла-Крусъ.

Настало непродолжительное молчаніе; генералъ задумался.

— А кто мнѣ поручится, что вы не обманываете меня? продолжалъ онъ спустя минуту въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

Очевидно, комендантъ смутно чуялъ ловушку.

— Какъ могу я обманывать васъ, генералъ? Впрочемъ при мнѣ письмо отъ губернатора.

— И вы говорите, сказалъ комендантъ, не отвѣчая прямо на слова Лорана:—что намъ угрожаетъ нападеніе флибустьеровъ?

— Въ самомъ скоромъ времени, ваше превосходительство.

— Я послалъ нѣсколько лодокъ на рекогносцировку и буду ждать ихъ возвращенія.

— Вы то развѣ хотите сказать, что пока не получите свѣдѣній отъ разосланныхъ вами рыбаковъ, отказываете мнѣ во входѣ въ фортъ?

— Осторожность предписываетъ мнѣ это; измѣна грозитъ намъ повсюду.

— Пришлите за письмомъ адъютанта, ваше превосходительство; когда прочтете его, вы узнаете кто я.

— Подождите еще немного, полковникъ.

— Ваше превосходительство, дальнѣйшая задержка только усилитъ непростительное оскорбленіе, нанесенное вами войску его величества и штабъ-офицеру, которому дано важное порученіе;

я ухожу и возлагаю на одного васъ отвѣтственность за послѣдствія. Пойдемте, господа, обратился онъ къ своимъ офицерамъ и солдатамъ:—насъ принимаютъ за измѣнниковъ и шайку воровъ; намъ здѣсь дѣлать болѣе нечего.

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ по направленію къ своему отряду.

Однако на бастіонѣ между тѣмъ испанскіе офицеры горячо разсуждали съ генераломъ.

— Постойте, полковникъ, окликнулъ Лорана генералъ: — я сейчасъ пришлю за письмомъ.

— Поздно теперь, ваше превосходительство, вы уже отказались принять его, и къ чему наконецъ? Развѣ не можетъ оно быть подложнымъ?

— Полковникъ, и это вы говорите мнѣ?

— Положимъ, что я неправъ, ваше превосходительство, употребивъ такія выраженія; простите меня, но въ моемъ лицѣ вы нанесли кровную обиду храбрымъ воинамъ, которыми я имѣю честь командовать; развѣ такъ награждаете вы насъ за подъятые труды и утомленіе?

— Дайте письмо, полковникъ.

— Письмо это, ваше превосходительство, я вамъ вручу въ главѣ своихъ солдатъ въ самомъ фортѣ, которымъ вы командуете; я требую этого удовлетворенія.

— Вы требуете?

— Требую, ваше превосходительство. Даю вамъ десять минутъ на размышленіе; если по прошествіи этого срока ворота не будутъ отворены, я уйду и, повторяю, на васъ однихъ возлагаю отвѣтственность за послѣдствія.

Генералъ не отвѣтилъ.

Спустя минуту флибустьеры примѣтили большое волненіе на бастіонахъ; суетились, бѣгали взадъ и впередъ; по всему вѣроятію, внезапное безпокойство овладѣло офицерами и самимъ генераломъ.

Вдругъ послѣдній наклонился чрезъ край бастіона, снялъ шля-

пу и, вѣжливо раскланявшись съ офицерами и солдатами, все стоявшими неподвижно и безмолвно на гласисѣ, сказалъ:

— Господа, ворота сейчасъ отворятъ; простите мое долгое колебаніе и будьте увѣрены, что я очень вамъ радъ; ваша помощь нужна мнѣ до крайности.

Вотъ что произошло и было причиною внезапной перемѣны въ обращеніи генерала.

Нѣсколько рыбаковъ, которыхъ онъ послалъ развѣдчиками, вернулись блѣдные, испуганные и дрожащіе; они увидали громадный флибустьерскій флотъ, который выходилъ изъ рѣки Сан-Хуанъ и направлялся къ Чагре въ боевомъ порядкѣ.

Въ виду такой страшной опасности, въ которой удостовѣряли очевидцы, офицеры стали настаивать, чтобъ генералъ принялъ мѣру рѣшительную; они представили ему, что осторожность внѣ извѣстнаго предѣла становилась бездѣйствіемъ и что въ такомъ критическомъ положеніи, въ какомъ находились они, никакъ не слѣдовало возбуждать неудовольствіе войска и дурно располагать его къ себѣ, выказывая недовѣріе, которое ничѣмъ не оправдывалось.

Имя полковника дон-Хусто Бустаменте было хорошо извѣстно; онъ слылъ за человѣка находчиваго, храбраго и предпріимчиваго, отличнаго военнаго, но высокомѣрнаго гордеца, который никогда не прощалъ обиды, сверхъ того онъ пользовался большою милостью при испанскомъ дворѣ; разумѣется слѣдовало какъ можно скорѣе дать ему требуемое удовлетвореніе.

Тѣснимый со всѣхъ сторонъ и опасаясь громадной отвѣтственности, которую бралъ на себя, еслибъ медлилъ долѣе, генералъ наконецъ уступилъ требованіямъ и согласился, хотя очень неохотно, ввести подкрѣпленіе въ фортъ.

Старый опытный воинъ чуялъ измѣну; нравственно онъ былъ убѣжденъ въ ней, хотя по наружности ничего не оправдывало его убѣжденія; и такъ онъ долженъ былъ склонить голову и молчать.

— Хорошо, господа, сказалъ онъ:—велите разбудить гарнизонъ, а потомъ мы отопремъ ворота.

— Разбудить гарнизонъ? вскричалъ полковникъ Пальмеро,

второй комендантъ форта: —къ чему тратить дорогое время, генералъ? Караула будетъ достаточно, чтобъ отдать военныя почести нашимъ друзьямъ; я пойду встрѣтить ихъ.

— Мы всѣ пойдемъ, вскричали офицеры.

— Такъ пойдемте, господа, и да хранитъ насъ Господь! тихо сказалъ Вальдесъ, подавивъ вздохъ.

Тогда то генералъ подошелъ къ краю бастіона и крикнулъ Прекрасному Лорану, что ворота отворятъ немедленно.

Дѣйствительно почти въ ту же минуту опустили подъемный мостъ.

Послѣ обычныхъ вопросовъ и отвѣтовъ отворились ворота форта и флибустьеры вступили въ отличномъ порядкѣ съ барабаннымъ боемъ, музыкою и развѣвающимся штандартомъ.

Занимался день, вдали на морѣ множество черныхъ точекъ росли съ страшною быстротой и всѣ направлялись ко входу въ портъ Чагре; эти черныя точки были суда флибустьерскаго флота.

Караулъ, построенный въ двѣ шеренги, отдалъ честь новоприбывшимъ, которые быстро прошли мимо и чрезъ другой подъемный мостъ, у котораго стоялъ караулъ человѣкъ въ пятдесятъ, вошли вторыми въ самый фортъ.

Тамъ ихъ радостно привѣтствовали кучки солдатъ, которые сбѣгались со всѣхъ сторонъ на встрѣчу товарищей. Внезапный звонъ оружія, крики и топотъ снаружи, заглушены были восторженными восклицаніями солдатъ, игрою горнистовъ и барабаннымъ боемъ; зловѣщіе звуки мгновенно снова замолкли и никто ихъ не замѣтилъ.

Окруженный многочисленнымъ штабомъ, генералъ Вальдесъ ждалъ полковника внизу лѣстницы своей квартиры.

Мнимый полковникъ остановилъ отрядъ, оставилъ его подъ командою Олонеца, сошелъ съ лошади и направился къ генералу въ сопровожденіи человѣкъ десяти офицеровъ.

— Это не полковникъ Бустаменте! съ живостью вскричалъ генералъ Вальдесъ, обнаживъ шпагу: — измѣна! измѣна!

— Клацъ! скомандовалъ Лоранъ.

Всѣ дула ружей опустились разомъ.

Испанскіе офицеры и солдаты, по большей части обезоруженные, содрогнулись при восклицаніи своего начальника; тѣ, при которыхъ были шпаги, выхватили ихъ изъ ноженъ и храбро кинулись впередъ.

— Господа, сказалъ Лоранъ: — сопротивленіе напрасно; подъемные мосты въ нашихъ рукахъ; вы окружены со всѣхъ сторонъ. Сдайтесь, не пробуйте невозможной борьбы.

— Къ оружію! крикнули офицеры: — измѣна, измѣна!

— Впередъ! вскричалъ генералъ, размахивая шпагой.

— Пли! неистово крикнулъ Олонецъ.

Грянулъ страшный залпъ и повѣялъ смертью на ряды испанцевъ.

— Ура! загрохотали авантюристы: — наша взяла! Жечь все, бить собакъ испанцевъ!

— Господа, здѣсь надо лечь костьми! громко крикнулъ генералъ.

— Мы готовы! геройски отвѣтили офицеры и ринулись очертя голову на грозныхъ противниковъ.

Началась ужасъ наводящая рѣзня, схватка грудь съ грудью, безъ жалости, безъ пощады, между едва вооруженными, врасплохъ застигнутыми защитниками форта и сильными ихъ врагами.

Сраженіе мало-по-малу принимало исполинскіе размѣры; солдаты, вскочивъ со сна при трескѣ ружейной пальбы, крикахъ ярости и стонахъ нападавшихъ и защищавшихся, прибѣгали едва вооруженные и отважно вступали въ бой.

На ихъ несчастье, безъ офицеровъ, которые руководили бы ими, и введенные въ обманъ испанскимъ мундиромъ, который видѣли повсюду, они не понимали, что происходитъ, недоумѣвали и дѣлались жертвами своей преданности, не оказывая пользы товарищамъ.

Среди кучки храбрецовъ, хотя и окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, генералъ отбивался какъ левъ, съ твердымъ рѣшеніемъ умереть, но не отдавать обломки шпаги, который былъ у него еще въ рукахъ.

Лоранъ дѣлалъ все, чтобы спасти его, но старый воинъ ничего слушать не хотѣлъ; залпъ въ упоръ положилъ на мѣстѣ непобѣдимыхъ героевъ; всѣ они испустили духъ лицомъ къ врагу и крича сквозь предсмертное хрипѣніе: да здравствуетъ Испанія!

Смерть генерала Вальдеса и почти всѣхъ его офицеровъ, павшихъ возлѣ него, склонила побѣду на сторону флибустьеровъ.

Видя, что бо́льшая часть изъ товарищей перебита и дальнѣйшее сопротивленіе просто безумство, солдаты наконецъ бросили оружіе и просили пощады.

Лоранъ даровалъ имъ на первый случай жизнь. Надо было скорѣе кончать; другіе вопросы величайшей важности призывали все вниманіе смѣлаго флибустьера.

XII.

КАКЪ ИСПАНЦЫ ЗАЩИТИЛИ ГОРОДЪ ЧАГРЕ.

Прекрасный Лоранъ не ошибался, когда говорилъ своимъ друзьямъ, что генералъ Вальдесъ не такъ легко дастся въ ловушку; еслибъ испанскіе офицеры, подъ вліяніемъ непостижимаго ослѣпленія, такъ сказать, насильно не заставили своего начальника поступить противъ убѣжденія, никогда флибустьеры, несмотря на всю свою храбрость, не могли бы войти въ фортъ; даже и при томъ искусномъ обманѣ, благодаря которому они проникли въ него и захватили непріятеля врасплохъ, имъ стоило большихъ усилій удержать свою позицію и не разъ они подвергались опасности быть вытѣсненными въ безпорядкѣ и сброшенными въ рвы.

Они потерпѣли значительный уронъ: шестьдесятъ-пять чело-

вѣкъ убитыми и сорокъ раненными, болѣе или менѣе опасно; цыфра громадная въ сравненіи съ числомъ осаждающихъ, но понятная, когда сообразишь, что сраженіе, съ обѣихъ сторонъ ожесточенное, было преимущественно испанскою дуэлью на холодномъ оружіи.

Въ бою пали Гуляка и два, три другихъ Береговыхъ Брата, которые пользовались извѣстностью; Олонецъ, Прекрасный Лоранъ и Мишель Бискаецъ получили скорѣе царапины, чѣмъ раны, однако тѣмъ не менѣе эти знаки доказывали геройское сопротивленіе побѣжденныхъ.

Индійцы также не щадили себя и сильно пострадали; у нихъ оказывалось человѣкъ сорокъ убитыхъ и опасно раненныхъ.

При такихъ невыгодныхъ условіяхъ мало солдатъ оказали бы упорное сопротивленіе храбрымъ защитникамъ форта; еслибъ гарнизонъ былъ въ полномъ составѣ, флибустьеровъ постигла бы неминуемая гибель; они сами сознавались въ этомъ откровенно.

Осматривая фортъ, Лоранъ въ одно и тоже время приходилъ и въ ужасъ и въ восторгъ отъ своей побѣды; теперь, когда онъ видѣлъ, какими громадными средствами обороны онъ располагалъ, ему почти не вѣрилось въ собственный успѣхъ.

Побѣжденные, гораздо многочисленнѣе побѣдителей, крѣпко были перевязаны и заперты подъ тройные запоры въ казематы.

Крытые ходы вели отъ форта къ батареямъ, недавно воздвигнутымъ генераломъ Вальдесомъ на берегу моря и вдоль рѣки.

Эти батареи, построенныя прочно, защищались только со стороны непріятеля. Чего имъ было опасаться отъ форта, который напротивъ при случаѣ былъ обязанъ доставлять имъ необходимое подкрѣпленіе людьми и боевыми снарядами, не говоря о томъ, что представлялъ собою убѣжище?

Прекрасный Лоранъ принялъ согласно тому свои мѣры, потомъ онъ разставилъ своихъ людей по валамъ, навелъ орудія и ждалъ.

Было около пяти часовъ утра.

Испанскій флагъ все еще горделиво развѣвался надъ фортомъ по приказанію Прекраснаго Лорана.

Велѣвъ людямъ раздать съѣстныхъ припасовъ, онъ самъ перекусилъ на скорую руку и сталъ на шпицѣ бастіона съ главными изъ своихъ помощниковъ; разговаривая съ ними, онъ навелъ подзорную трубу на море и внимательно сталъ всматриваться въ движенія флота, который при свѣжемъ вѣтрѣ быстро приближался ко входу рейда.

Вдругъ капитанъ обернулся къ Хозе, который стоялъ возлѣ него.

— Какъ вы думаете, начальникъ, нельзя ли достать лодку?

— Ничего нѣтъ легче, отвѣтилъ индіецъ.

— Можетъ ли человѣкъ смѣлый добраться до флота въ простой ладьѣ?

— Нѣтъ, это невозможно; весь берегъ усѣянъ рифами, ладья неминуемо была бы пробита.

— Правда, пробормоталъ Лоранъ, сердито топнувъ ногою.

— Какая же у васъ мысль?

— Къ чему излагать ее, когда вы сами соглашаетесь, что исполненіе невозможно?

— Я не говорилъ этого.

— Какъ не говорили?

— Сказалъ я только то, капитанъ, что ладья должна разбиться о рифы.

— Ну вотъ!

— Чего нельзя исполнить на лодкѣ, то можетъ быть сдѣлано безъ нея; флотъ едва въ двухъ миляхъ. Прежде чѣмъ посланный достигнетъ берега, корабли уже будутъ въ одной милѣ, а такое разстояніе ничего не значитъ для хорошаго пловца.

— Положимъ, но такого пловца надо отыскать, и мнѣ кажется...

— Что это очень легко, перебилъ Хозе: — напишите два слова адмиралу; я спрячу вашу записку въ мѣшечекъ изъ крокодиловой кожи и даю вамъ слово доставить ее въ собственныя руки Монбара.

— Вы сдѣлаете это, начальникъ?

— Сейчасъ же; пишите, капитанъ.

— Но вамъ грозитъ девяносто девять случаевъ противъ одного, чтобъ погибнуть въ дорогѣ.

— Такъ что-жъ, капитанъ? Погибну, такъ и все тутъ. Не теряйте больше времени, пишите.

— Хорошо! вскричалъ Прекрасный Лоранъ, пожимая ему руку.

Онъ вырвалъ листокъ изъ записной книжки, набросалъ на него второпяхъ нѣсколько словъ и вручилъ его индійцу.

Тотъ сложилъ листокъ, спряталъ его въ кожаный мѣшечекъ, который носилъ на шеѣ, и весело удалился послѣ того, какъ каждый изъ присутствующихъ Береговыхъ Братьевъ крѣпко обнялъ его на прощаніе; вскорѣ онъ былъ на лошади и, въ сопровожденіи одного только спутника, вскачь умчалъ изъ форта по направленію къ прибрежью, переправившись чрезъ рѣку въ бродъ.

Едва достигнувъ морского берега, Хозе спрыгнулъ на земь, отдалъ свою лошадь спутнику и приказалъ ему вернуться въ фортъ; потомъ онъ духомъ раздѣлся, свернулъ узелкомъ свою одежду, крѣпко привязалъ ее себѣ на голову, вошелъ въ воду и продолжалъ идти, пока могъ достать ногами дна; наконецъ онъ бросился вплавь и сильно поплылъ по направленію къ флоту, который дѣйствительно, какъ онъ и предвидѣлъ, находился теперь на разстояніи одной мили, самое большое.

Согласно условію съ Лораномъ, Монбаръ въ три часа утра далъ сигналъ сняться съ якоря и двинуться изъ рѣки Сан-Хуанъ.

На зарѣ флотъ былъ уже въ виду Чагре, къ которому шелъ на всѣхъ парусахъ.

Съ подзорною трубою въ рукахъ, Монбаръ въ волненіи расхаживалъ взадъ и впередъ по шканцамъ адмиральскаго судна; онъ ежеминутно останавливался, чтобъ навести трубу на городъ и фортъ св. Лаврентія, качалъ головой и вновь начиналъ съ задумчивымъ видомъ и нахмуренными бровями.

Приближался часъ грозной и рѣшительной борьбы; отъ смѣлой попытки, предпринимаемой теперь Лорапомъ, зависѣлъ успѣхъ экспедиціи, вся тяжелая отвѣтственность которой лежала на одномъ главномъ предводителѣ экспедиціи.

Чѣмъ ближе флотъ подходилъ къ берегу, тѣмъ Монбаръ явственнѣе усматривалъ положеніе дѣла и становился безпокойнѣе.

Дѣйствительно, не имѣя карты и направляясь только по свѣдѣніямъ болѣе или менѣе точнымъ, которыя доставили его шпіоны и нѣсколько перебѣжчиковъ, адмиралъ не зналъ, что фортъ св. Лаврентія, построенный на устьѣ рѣки Чагре, неприступный со стороны моря и соединенный съ берегомъ сильными батареями, положительно ключъ къ позиціи; что прежде всего свѣдовало овладѣть имъ, а тамъ уже дѣлать приступъ къ городу, входъ къ которому онъ защищалъ.

Адмиралъ раскаивался, что приказалъ Лорану напасть на фортъ только тогда, когда сраженіе уже будетъ завязано; оно должно было начаться именно взятіемъ форта; Монбаръ этого не зналъ, такъ какъ все время думалъ, что фортъ за чертою города и защищаетъ его со стороны земли; только теперь доказательство противнаго было у него предъ глазами.

Онъ находился въ большомъ недоумѣніи, что дѣлать.

Бомбардировать фортъ было крайнимъ безуміемъ: подобная попытка успѣхомъ увѣнчаться не могла, а между тѣмъ легко повлекла бы за собой гибель флота и окончательную неудачу всѣхъ плановъ Береговыхъ Братьевъ. Лучше было во-время повернуть назадъ, стать внѣ выстрѣловъ форта и прибѣгнуть къ какому-нибудь способу овладѣть имъ, не подвергаясь риску потерпѣть постыдное и непоправимое пораженіе.

Монбаръ остановился на этомъ рѣшеніи и, хотя къ величайшему сожалѣнію, однако уже готовъ былъ скомандовать поворотъ назадъ, когда внезапно на носу корабля поднялась суматоха и почти обнаженный человѣкъ, съ котораго струилась вода, вскочилъ на палубу и немедленно былъ окруженъ флибустьерами.

Онъ тщетно выбивался изъ рукъ, которыя держали его, и только кричалъ, что долженъ видѣть адмирала; когда же Монбаръ, привлеченный странною суматохою, вскорѣ подошелъ, онъ отстранилъ матросъ движеніемъ руки и приказалъ человѣку идти за нимъ.

Онъ узналъ Хозе.

Тотъ поднялъ свой узелокъ, который упалъ къ ногамъ адмирала, и стряхнувъ съ себя воду раза два, три, послѣдовалъ за Монбаромъ.

Когда они остались глазъ-на глазъ на шканцахъ, Монбаръ вскричалъ:

— Какъ! ты тутъ?

— Самолично, адмиралъ.

— Но какимъ способомъ прибылъ ты?

— Вплавь.

— Гмъ! ловкій же ты пловецъ, сказалъ Монбаръ съ улыбкой.

— Какъ всѣ индійцы, адмиралъ, я получеловѣкъ, полурыба.

— Правда, но ты вѣроятно не для того приплылъ сюда, чтобъ пожать мою руку, которую я съ такою дружбою всегда протягиваю тебѣ.

— Не отвергаю этого, адмиралъ, сказалъ индіецъ, отвѣчая на горячее пожатіе руки Монбара.

— Что-жъ привело тебя?

— Порученіе.

— Оно должно быть важно, клянусь честью!

— Чрезвычайно важно, по-крайней-мѣрѣ я такъ полагаю.

— Полагаешь?

— Да, я долженъ вручить вамъ письмо и не знаю его содержанія.

— Ага! отъ кого же оно?

— Отъ вашего брата-матроса Прекраснаго Лорана.

— Чортъ возьми! да вѣдь оно превратилось въ кашу?

— Ни чуть! будьте покойны.

— Давай же его скорѣе.

— Съ удовольствіемъ, но съ меня еще вода струится потоками.

— Ты, ей-Богу! правъ.

Адмиралъ махнулъ рукой и двое матросъ, по приказанію Монбара, подошли съ швабрами и принялись такъ усердно вытирать ими индійца, что онъ въ одну минуту сталъ совершенно сухъ.

— Спасибо, сказалъ онъ.

Тутъ онъ развязалъ кожаный мѣшечекъ, вынулъ изъ него письмо и подалъ Монбару, который съ живостью взялъ его и мигомъ пробѣжалъ глазами. Письмо состояло изъ немногихъ строкъ, но вѣсти вѣроятно заключало хорошія, потому что лицо флибустьера сіяло радостью.

— Видно, вы очень довольны, адмиралъ, замѣтилъ Хозе, который спокойно между тѣмъ одѣвался.

— Самъ суди; вотъ что пишетъ мнѣ Лоранъ.

— Къ чему мнѣ читать письмо, адмиралъ?

— Чтобъ ты дополнилъ его объясненіями.

— Въ такомъ случаѣ читайте, я слушаю.

— Вотъ оно, сказалъ Монбаръ и сталъ читать:

«Братъ-матросъ,

«Прибывъ на указанное мѣсто, я увидалъ, что свѣдѣнія тебѣ сообщили ошибочныя; буквально послѣдовать твоимъ инструкціямъ было подвергать тебя вѣрному пораженію, себя неудачѣ, а флотъ пожалуй и совершенной гибели.

«Я взялъ на себя измѣнить предначертанный тобою планъ и дѣйствовать немедленно. Фортъ въ моей власти; теперь ты можешь войти въ рейдъ безъ опасенія; испанскій флагъ я оставляю на фортѣ, чтобъ обмануть и вѣрнѣе уничтожить ихъ батареи. Хозе дастъ тебѣ самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, что произошло; онъ велъ себя примѣрно, какъ и всегда.

«Если я виновенъ въ томъ, что взялъ на себя измѣнить твое предначертаніе, то предоставляю себя твоему справедливому суду. Какъ предводители войска, мы должны подавать примѣръ повиновенія и субординаціи.

«Потери наши велики, но какое торжество!

«Пожимаетъ тебѣ руку всѣмъ сердцемъ твой

«Лоранъ.»

«Фортъ св. Лаврентія, 5 часовъ утра.»

— Честная душа! невольно шепотомъ вырвалось у Монбара, когда онъ кончилъ читать: — онъ опять выручилъ насъ. Слѣдуй за мною, Хозе.

— Куда это, адмиралъ?

— Въ мою комнату, чортъ возьми! Ты проголодался, думаю, отъ усиленнаго движенія, а не мало видно пришлось тебѣ вынести утомленія со вчерашняго дня.

— Признаться довольно таки.

— Пойдемъ со мною закусить, а между тѣмъ ты поразскажешь, что у васъ тамъ творилось.

Они сошли въ адмиральскую каюту, гдѣ дѣйствительно уже поданъ былъ завтракъ.

— Скорѣе за столъ! весело сказалъ Монбаръ:—за твое здоровье, Хозе.

— За ваше, адмиралъ!

— Ну теперь говори, какъ вы тамъ порѣзались съ испанцами, да не забывай, смотри, интересныхъ подробностей.

— Очень охотно, адмиралъ, передамъ все.

Въ эту минуту вошелъ Медвѣжонокъ Желѣзная Голова.

— Адмиралъ, обратился онъ къ Монбару: — не пройдетъ получаса какъ мы будемъ подъ огнемъ форта св. Лаврентія; что прикажете?

— Сѣсть къ этому столу, завтракать съ нами и внимательно слушать, что будетъ разсказывать нашъ другъ Хозе; теперь еще ровно нечего дѣлать, любезный ты мой Медвѣжонокъ, клянусь тебѣ честью.

Медвѣжонокъ зналъ своего друга какъ нельзя короче; ему ни минуты не приходило въ голову, чтобъ онъ поднималъ его на смѣхъ или безъ важнаго повода могъ шутить въ ихъ настоящемъ опасномъ положеніи. Предполагать первое было въ высшей степени невѣроятно, послѣднее же казалось довольно правдоподобно при внезапномъ появленіи Хозе, и еще такимъ страннымъ образомъ. Не трудно было угадывать, что случилось нѣчто важное, и Монбаръ сейчасъ сообщитъ ему это.

Итакъ онъ поклонился съ улыбкой, ввелъ свою неизмѣнную свиту, собакъ и кабановъ, сѣлъ къ столу, приказалъ животнымъ лечь у его ногъ, и придвинувъ къ себѣ блюдо, принялся усердно ѣсть, чтобъ догнать опередившихъ его состольниковъ.

Монбаръ взглянулъ на него украдкой, досталъ письмо изъ кармана и молча подалъ его Медвѣжонку.

Тотъ взялъ и прочелъ его, не отрывая глазъ, съ явными признаками живѣйшей радости.

— Чортъ побери! весело вскричалъ онъ, возвращая листокъ Монбару: — молодецъ Лоранъ!

— Не правда ли? ласково подтвердилъ Монбаръ.

— Онъ собаку съѣлъ; если такъ все пойдетъ, намъ и дѣла не останется.

— Да, хорошо работаетъ мой братъ-матросъ; не правда ли, какъ онъ славно смастерилъ это дѣльцо?

— Просто чудо сдѣлалъ.

— И вывелъ же онъ насъ изъ западни, откровенно сознался Монбаръ:—безъ него я право самъ не знаю, какъ мы тутъ выпутались бы.

— Да, положеніе было невыгодное.

— Скажите отчаянное, дружище; вѣдь мы прямо шли въ адскую локушку, гдѣ схоронили бы весь нашъ флотъ.

— Если не весь, то по-крайней-мѣрѣ цвѣтъ его. Ей-Богу! Лоранъ истинный Береговой Братъ.

— И лучшій изъ нихъ. А еще боится упрековъ, просто смѣхъ, честное слово! Онъ храбръ какъ левъ и наивенъ какъ ребенокъ.

— Это настоящій мужчина, съ убѣжденіемъ сказалъ Медвѣжонокъ:—но какъ вы думаете, адмиралъ, не лучше ли вмѣсто того, чтобы болтать какъ старыя бабы, дать Хозе разсказать намъ, какъ все произошло?

— Ей-Богу! вы правы, Медвѣжонокъ; Хозе долженъ все знать подробно; ну разсказывай, другъ сердечный, мы слушаемъ тебя.

Индіецъ очень охотно приступилъ къ разсказу. Чувство къ Лорану воодушевило его, и пользуясь случаемъ, онъ увлекся

восхваленіемъ друга, не упуская между тѣмъ ни одного глотка; онъ проголодался какъ волкъ послѣ такого сильнаго тѣлеснаго упражненія, какое вынесъ онъ. Береговые Братья выслушали его благоговѣйно, не перебивая ни раза, такъ они были сильно заинтересованы удивительнымъ подвигомъ.

Когда наконецъ индійскій начальникъ кончилъ, настала минута молчанія, самая лестная похвала со стороны знаменитыхъ флибустьеровъ отважной экспедиціи капитана.

— Ей-Богу! это чудо смѣлости и ума! вскричалъ наконецъ Монбаръ. — О! хитрецъ, вотъ на что ему понадобились испанскіе мундиры, которые онъ у меня спросилъ!

— Да, да! засмѣялся Медвѣжонокъ:—представляю себѣ глупыя рожи испанцевъ, когда они увидали волковъ подъ красивой овечьей шкурой!

— Рѣшительно Провидѣніе покарало теперь по заслугамъ этихъ истребителей индійцевъ!

Вошелъ Филипъ д'Ожеронъ.

— Что вамъ надо, капитанъ? спросилъ Монбаръ.

— Мы въ двухъ пушечныхъ выстрѣлахъ отъ форта. Адмиралъ Пьеръ Легранъ, котораго эскадра въ авангардѣ, даетъ знать сигналами, что фортъ св. Лаврентія повидимому биткомъ набитъ людьми, адмиралъ спрашиваетъ, надо ли останавливаться, или все идти впередъ.

— Отвѣтьте ему, чтобъ онъ сталъ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ форта.

— Адмиралъ!..

— Что прикажете, милостивый государь?

— Виноватъ, адмиралъ, я боюсь, что ослышался.

— Очень жаль, такъ какъ я никогда не повторяю своихъ приказаній. Извольте идти.

Филипъ растерянно взглянулъ на улыбающагося Медвѣжонка и вышелъ съ трудомъ попавъ въ дверь.

— Надо пойти посмотрѣть что тамъ дѣлается наверху, сказалъ Монбаръ, осушивъ свой стаканъ.

Всѣ трое встали и вышли на верхнюю палубу.

Флотъ былъ уже очень близко отъ берега, который раскинулся широко. На всемъ его протяженіи красивые загородные дома утопали въ зелени позади масивнаго форта, который отсюда имѣлъ величественные, исполинскіе размѣры. На устьѣ рѣки пріютился городъ Чагре; небрежно расползся онъ вдоль берега, усѣяннаго хорошенькими бѣлыми домиками въ живописномъ безпорядкѣ.

Тамъ и сямъ, у самой воды, сильныя батареи, вооруженныя пушками, направляли свои грозныя жерла на море; возлѣ нихъ стояли артилеристы съ зажженными фитилями.

Внутри порта виднѣлись снасти испанскихъ судовъ, которыя искали тамъ убѣжища при видѣ флибустьеровъ.

Дѣйствительно это зрѣлище, вмѣстѣ грозное и величественное, способно было сильно поражать воображеніе и въ то же время исполнить ужаса малодушныхъ.

На цѣлыхъ двѣ мили протяженія флибустьерскій флотъ раскинулъ свою боевую линію и шелъ на всѣхъ парусахъ прямо къ берегу.

— Ну, пробормоталъ сквозь зубы Пьеръ Легранъ, когда получилъ отвѣтъ адмирала на свои сигналы:—видно старый кайманъ хочетъ, чтобъ насъ искрошили. Хорошо, тысяча возовъ чертей! я докажу ему, что не отступаю. Ребята, къ орудіямъ! Сейчасъ начнется пляска на славу. Рулевой, прямо къ берегу! Мы посмѣемся!

Но тутъ произошло нѣчто, чего флибустьеры не могли ожидать никакъ: фортъ внезапно охватило огненнымъ поясомъ, грянулъ оглушительный залпъ и на батареи посыпался градъ ядръ; онъ произвелъ въ нихъ страшныя опустошенія.

Потомъ испанскій флагъ, развѣвавшійся надъ фортомъ, вдругъ опустили и на его мѣсто былъ поднятъ трехцвѣтный флагъ Береговыхъ Братьевъ.

За первымъ залпомъ послѣдовалъ второй и третій; испанцы просто оторопѣли.

Фортъ не переставалъ громить батареи и вскорѣ превратилъ ихъ въ груду развалинъ.

Только флибустьеры поняли суть того, что происходило предъ ихъ глазами: Лоранъ овладѣлъ фортомъ и орудія его обратилъ на городъ.

Итакъ флотъ вошелъ безпрепятственно въ рѣку и сталъ на половину пушечнаго выстрѣла отъ города, который тотчасъ засыпалъ бомбами и ядрами.

Вскорѣ показалось нѣсколько пожаровъ; пороховой погребъ взорвало съ оглушительнымъ трескомъ и громомъ.

Несчастный городъ, въ предсмертной агоніи между двухъ огней, все однако не сдавался.

Защитники батарей, согнанные съ своихъ постовъ, гдѣ нельзя было долѣе держаться, бросились въ городъ, гдѣ съ помощью нѣсколькихъ жителей устроили на скорую руку нѣчто въ родѣ отчаянной обороны противъ страшныхъ и лютыхъ враговъ.

Городской гарнизонъ, включая солдатъ, отряженныхъ генераломъ Вальдесомъ для вооруженія батарей, представлялъ еще довольно значительную силу; число его доходило до четырехъ тысячъ солдатъ и двухъ тысячъ гражданъ, мгновенно примкнувшихъ къ нимъ.

Солдаты были люди опытные въ военномъ дѣлѣ, старые воины, обстрѣленные въ европейскихъ войнахъ и жаждавшіе блистательно отплатить за пораженіе вслѣдствіе нечаяннаго нападенія на фортъ.

Граждане, всѣ купцы и богатые собственники, буквально отстаивали свои пепелища и пуще всего опасались попасть въ руки флибустьеровъ; жестокость ихъ они знали съ давнихъ поръ и дали себѣ клятву не принимать капитуляціи и костьми лечь всѣ до послѣдняго скорѣе чѣмъ сдаться.

Геройскій духъ воодушевлялъ всѣхъ защитниковъ города до единаго. Быстрѣе чѣмъ можно описать, городъ буквально окруженъ былъ, какъ щетинами, жерлами орудій, на рукахъ перевезенныхъ съ батарей подъ постояннымъ огнемъ форта.

Въ домахъ устроили бойницы, улицы были заложены бари-

кадами, даже набросали земляныя насыпи; словомъ, городъ внезапно превратился въ крѣпость; дѣти, женщины и старики, всѣ работали съ лихорадочною поспѣшностью, чтобъ укрѣпить городъ; это оказывалось тѣмъ возможнѣе, что фортъ, построенный на защиту города противъ внѣшнихъ враговъ, едва могъ направить на него ядро, другое, а большая часть залетали вдаль.

Когда весь флотъ наконецъ прошелъ баръ на рѣкѣ и суда стали въ боевую линію, они открыли жестокой огонь по городу, на который тотъ отвѣтилъ храбро.

Борьба эта продолжалась нѣсколько часовъ; наконецъ адмиралъ подалъ сигналъ къ высадкѣ, нетерпѣливо ожидаемой флибустьерами; имъ надоѣлъ этотъ обмѣнъ выстрѣловъ, которыхъ дѣйствіе они не могли опредѣлить даже приблизительно.

По данному сигналу куча лодокъ отчалила отъ судовъ и на веслахъ пошли къ городу.

Высадное войско доходило до трехъ тысячъ человѣкъ.

Испанцы дали флибустьерамъ войти въ портъ, подпустили ихъ на половину ружейнаго выстрѣла, вдругъ открыли батареи и встрѣтили нападающихъ смертоноснымъ огнемъ, который заставилъ ихъ смѣшаться.

Два раза флибустьеры пытались высадиться и два раза были отброшены.

Испанцы точно выростали изъ земли, они поспѣвали всюду и сражались съ ожесточеніемъ, доходившимъ до изступленія.

Вдругъ длинная пирога смѣло стала впереди нападающихъ, не болѣе какъ во ста шагахъ отъ берега.

Въ этой пирогѣ стояли хладнокровные и съ улыбкой на лицахъ Монбаръ и Медвѣжонокъ Желѣзная Голова.

— Неужели вы броситe вашего адмирала, ребята? крикнулъ звучнымъ голосомъ Монбаръ. — Впередъ, Береговые Братья!

— Къ Монбару! къ Монбару! вскричали флибустьеры, усильно гребя, чтобъ не отстать отъ легкой ладьи предводителя.

Опять противники схватились съ неистовою яростью въ рукопашномъ бою.

*

Четверть часа длилась страшная рѣзня; наконецъ испанцы должны были отступить, но только шагъ за шагомъ и не переставая обороняться.

Пока Монбаръ съ отчаянною отвагою пытался высадиться въ центрѣ боевого фронта, Морганъ, Пьеръ Легранъ, Польтэ, Александръ и Петръ Прямой храбро становились въ главѣ самыхъ неустрашимыхъ своихъ матросовъ и также, послѣ неимовѣрныхъ усилій, успѣли наконецъ высадиться на берегъ направо и налѣво отъ города.

Тутъ ужъ флибустьеры ринулись впередъ съ неудержимою силою, оттѣснили и стали гнать предъ собою защитниковъ несчастнаго Чагре.

Изъ общаго, сраженіе распалось на множество отдѣльныхъ групъ; каждая улица, каждый домъ были взяты приступомъ, и все ожесточенные испанцы пощады не просили.

Побоище приняло подъ конецъ такіе колосальные размѣры, что душа содрогалась.

Только къ пяти часамъ вечера, изнемогая отъ усталости, истощивъ до послѣдняго зерна запасъ пороха, и послѣ того какъ всѣ солдаты или пали на ихъ глазахъ, или убили другъ друга скорѣй чѣмъ сдаться, немногіе оставшіеся въ живыхъ жители города волей неволей вынуждены были просить побѣдителя о помилованіи; не мужество измѣнило этимъ честнымъ людямъ, но безъ пороха и пуль дальнѣйшая оборона становилась физически невозможна; несчастный же городъ давно уже превратился въ груду развалинъ.

XIII.

ЗДѢСЬ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО СТРАХЪ ПЛОХОЙ СОВѢТНИКЪ.

Въ ачіендѣ дель-Райо сильно безпокоились.

Несмотря на мѣры, принятыя флибустьерами, чтобъ экспедиція сохранялась втайнѣ, истина мало-по-малу выходила наружу и становилась извѣстна, такъ какъ ничто не можетъ долго оставаться скрытымъ; разумѣется къ истинѣ примѣшивалось много лжи, но тѣмъ страшнѣе она и представлялась.

По взятіи форта св. Лаврентія индійцы Вала-Вагоэсы понемногу оставляли окрестности ачіенды, находя лишнимъ караулить ихъ долѣе.

Бѣглецы изъ Чагре и фермъ, разбросанныхъ по берегамъ Сан-Хуана, въ страхѣ бросились въ ачіенду искать убѣжища и распространили тамъ своимъ появленіемъ невыразимый ужасъ.

Разсказы о неслыханныхъ жестокостяхъ, совершенныхъ флибустьерами, раздирали душу; завладѣвъ всѣми приморскими городами на протяженіе тридцати миль, они сожгли ихъ до основанія, пытками исторгали у жителей сознаніе, гдѣ ихъ богатства, и безъ милосердія вѣшали всѣхъ испанскихъ солдатъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Несчастные же купцы и мѣщане, которые чудомъ спаслись отъ общаго побіенія, женщины, дѣти, старики и молодыя дѣвушки, всѣ были согнаны какъ стадо животныхъ и раздѣлены между побѣдителями; женщины и молодыя дѣвушки подверглись насиліямъ въ тысячу разъ ужаснѣе самой страшной смерти.

Ничто не спаслось отъ ожесточеннаго изступленія торжествующихъ враговъ.

Когда же все это разсказывалось при отдаленномъ гудѣніи пушекъ, громившихъ Чагре, и при багровомъ заревѣ на краю небосклона отъ широко раскинувшагося пожара, каждый крестился блѣднѣя и дрожалъ отъ страха.

Дон-Хезусъ совсѣмъ растерялся; отъ трусости онъ сталъ дуракъ дуракомъ и бѣгалъ взадъ и впередъ безъ цѣли, безъ опредѣленнаго намѣренія, складывая въ кучи свои богатства, завязывая въ тюки бриліанты, золото и драгоцѣнности, словомъ одно имѣя въ виду: при первой тревогѣ навьючить все на муловъ и бѣжать. Но куда бѣжать-то? Вопросъ былъ затруднительный. Съ одной стороны, если справедливъ былъ распространившійся слухъ, что флибустьеры намѣрены идти въ Панаму, ачіенда, которая находилась на половинѣ дороги къ этому городу, неминуемо будетъ первымъ ихъ этапомъ; не ждать же ихъ было тамъ.

И Панама представляла убѣжище невѣрное, еслибъ тамъ укрыться; очевидно флибустьеры завладѣютъ ею, какъ остальными городами, которые взяли приступомъ.

Достойный ачіендеръ, по натурѣ своей далеко не герой, трусилъ жестоко и совсѣмъ терялъ голову при неожиданной катастрофѣ, къ которой такъ внезапно и совершенно противъ воли оказывался причастнымъ.

Вдругъ счастливая мысль озарила его умъ и онъ поспѣшно направился въ комнаты дочери.

Дона Флора и подруга ея дона Линда, сильно напуганныя страшными вѣстями, которыя то и дѣло доходили до нихъ, заперлись въ молельной, гдѣ бесѣдовали съ преподобнымъ отцомъ Санчесомъ. Почтенный пастырь напрасно силился внушить имъ бодрость, говоря въ утѣшеніе, хотя самъ не думалъ этого, что отчаяваться нѣтъ еще основанія, что въ числѣ флибустьеровъ должны же быть и жалостливые, не похожіе на описываемыхъ изверговъ, что эти-то жалостливые навѣрно окажутся сострадательными къ нимъ, и наконецъ дорога свободна, никто не мѣшаетъ искать спасенія въ бѣгствѣ и скрыться въ Панамѣ; много еще подобныхъ же утѣшеній говорилъ онъ дѣвушкамъ, и тѣ

слушали его съ грустью на лицѣ, и недовѣрчиво покачивая головой.

Вдругъ дверь отворилась и вошелъ ачіендеръ.

Онъ былъ блѣденъ, разстроенъ, взволнованъ; безпорядокъ въ его одеждѣ свидѣтельствовалъ объ умственномъ смятеніи.

При его видѣ дѣвушки вскрикнули отъ испуга.

Онъ въ изнеможеніи тяжело опустился на кресло.

— Я пугаю васъ, съ горечью сказалъ онъ: — увы! что̀ станется со мною теперь, когда подступаютъ флибустьеры.

— Флибустьеры подступаютъ? въ ужасѣ вскричали дѣвушки.

— Говорятъ и къ несчастью это довольно правдоподобно. Я разослалъ пеоновъ на развѣдки и тѣ сейчасъ вернулись, увѣряя, что видѣли вдали громадное облако пыли, среди котораго сверкало оружіе. Увы! я погибъ! Надо ѣхать.

— Ѣхать! вскричала Флора, не замѣтивъ эгоизма и характера, чисто личнаго, восклицаній, исторгаемыхъ у отца ея страхомъ.—Ѣхать, сеноръ, какъ же это можно?

— Такъ можно, что я уже велѣлъ навьючивать муловъ и сѣдлать лошадей; чрезъ полчаса я буду далеко надѣюсь.

— Бѣжать, малодушно бѣжать, продолжала дона Флора, не скрывая своего негодованія:—бѣжать такимъ образомъ не дождавшись друга, которому назначили здѣсь свиданіе и который пріѣхать можетъ съ минуты на минуту?

— Это только затруднитъ наше положеніе еще болѣе; нѣтъ, нѣтъ, Флора, своя рубашка къ тѣлу ближе.

— И вы говорите это о человѣкѣ, которому столько обязаны? Не онъ ли спасъ вамъ жизнь?

— Если онъ спасъ ее, тѣмъ лучше разумѣется для меня, я очень благодаренъ ему; но такъ какъ нѣтъ его здѣсь теперь, чтобъ вторично спасти ее, я постараюсь устроить свои дѣла одинъ и выпутаться изъ западни, куда увязъ по колѣни.

— Такъ вы ждать возвращенія графа не станете?

— Ни одного часа за цѣлое состояніе; жизнь мнѣ дороже всего.

— Вы совсѣмъ это рѣшили?

— Мое рѣшеніе неизмѣнно.

— Хорошо же, сеноръ, возразила дѣвушка съ ледянымъ презрѣніемъ:—уѣзжайте, спасайте вашу драгоцѣнную жизнь; измѣните всѣмъ правиламъ чести позорнымъ бѣгствомъ; отправляйтесь же, чего вы ждете? кто васъ держитъ?

— Да развѣ вы не послѣдуете за мною? Ваша безопасность, кажется, требуетъ, чтобъ вы уѣзжали отсюда чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, сеноръ, я не ѣду и подруга моя также.

— Я не разстанусь съ тобой! вскричала съ живостью дона Линда.

— Мы останемся здѣсь съ отцомъ Санчесомъ, который вѣрно не броситъ насъ.

— О, никогда! сказалъ капелянъ: — мое мѣсто возлѣ васъ, дочь моя, и я не сойду съ него, что бы ни случилось.

— Благодарю, батюшка, я заранѣе была увѣрена въ вашемъ великодушіи; мы втроемъ выждемъ здѣсь возвращенія графа, который теперь долженъ быть скоро, такъ какъ онъ обѣщалъ вернуться сегодня.

— Да вѣдь это просто безуміе?

— Быть можетъ, сеноръ, но это честность; спросите у моей подруги, или у отца Санчеса, не раздѣляютъ ли они моего мнѣнія?

— Графъ не давалъ намъ о себѣ никакого извѣстія со времени отъѣзда; можетъ быть его и въ живыхъ нѣтъ больше?

— Еслибъ онъ умеръ, я знала бы это, возразила дѣвушка съ странною улыбкой:—нѣтъ, онъ живъ, я убѣждена въ томъ, и скоро будетъ здѣсь.

Ачіендеръ всталъ и заходилъ по комнатѣ въ волненіи.

— Безумство! бормоталъ онъ про себя:—одно дурачество!

Вдругъ онъ остановился предъ дочерью.

— Вы рѣшительно не хотите ѣхать со мною? спросилъ онъ съ накипающимъ гнѣвомъ.

— Не настаивайте, сеноръ, будетъ напрасно; я отвѣчу вашими же словами: мое рѣшеніе неизмѣнно.

— Очень хорошо! вскричалъ онъ, стиснувъ зубы:—пусть по вашему будетъ; вамъ одной и быть въ отвѣтѣ за такое упорство; я умываю руки, когда ничѣмъ убѣдить васъ не могъ.

— Уповаю на благость Божію, сеноръ; онъ не оставитъ насъ, я увѣрена.

— Да, да, полагайтесь на вмѣшательство свыше и будьте благополучны; вы ангелъ, Богъ обязанъ помочь вамъ; мнѣ же, прибавилъ онъ посмѣиваясь: — мнѣ, великому грѣшнику, надо разсчитывать на одни вещественныя средства къ спасенію. Итакъ я ѣду сію же секунду; прощайте, дочь моя; прощайте, дона Линда, и вы, отецъ капелянъ; молитесь Богу, когда возлагаете на него такое упованіе; что̀ меня касается, то я удираю, прощайте!

Онъ нервно захохоталъ и почти выбѣжалъ изъ компаты, оставивъ находившихся тамъ трехъ особъ въ ужасѣ отъ его словъ и его богохульства, но почти облегченныхъ тѣмъ только, что избавились отъ его присутствія.

Не теряя ни минуты, дон-Хезусъ приступилъ къ исполненію своего позорнаго намѣренія; какое дѣло было ему, что онъ погубитъ дочь, къ которой питалъ втайнѣ чувство враждебное, лишь бы самъ спасся и свои сокровища успѣлъ сложить въ мѣсто безопасное.

При выходѣ изъ комнатъ Флоры онъ на-скоро кончилъ приготовленія къ отъѣзду. Подгоняемый страхомъ, онъ придалъ такую лихорадочную дѣятельность пеонамъ и слугамъ, которые безъ устали работали подъ его надзоромъ, что менѣе чѣмъ въ полчаса навьючили муловъ — все самое драгоцѣнное давно было уложено — и дон-Хезусъ оказался готовымъ въ путь.

При тридцати мулахъ находилось около сотни хорошо вооруженныхъ пеоновъ и слугъ, что̀ составляло достаточное прикрытіе и для ачіендера. Онъ бросилъ взглядъ сожалѣнія на то, что̀ былъ вынужденъ бросить, радостный взглядъ на то, что̀ увозилъ, и вскочилъ въ сѣдло.

Къ нему съ поклономъ подошелъ майордомъ.

— Извините, сеноръ, сказалъ онъ: — развѣ сеньориты не предупреждены?

— Онѣ не ѣдутъ, грубо сказалъ ачіендеръ: — дома оставлять не хотятъ.

Майордомъ поклонился опять и сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Ну же, скорѣй на лошадь, но-Галего, по-пусту мѣшкать нельзя; станьте во главѣ конвоя, и въ путь, много времени ушло и такъ, заключилъ ачіендеръ съ нетерпѣніемъ.

— Простите, сеноръ, холодно отвѣтилъ майордомъ: — мнѣ долгъ велитъ не бросать того, что̀ ввѣрено было моему надзору; ваши собственныя выгоды требуютъ, чтобъ я оставался здѣсь.

— Да развѣ ты захочешь дать зарѣзать себя, несчастный? вскричалъ дон-Хезусъ въ волненіи, бросая вокругъ себя растерянные взгляды.

— Ѣдетъ ли съ вашимъ превосходительствомъ сенорита дона Флора?

— Я сказалъ, что нѣтъ, провалъ тебя возьми! тысяча разъ нѣтъ; она не хочетъ, упрямица!

— Такъ я останусь при моей госпожѣ, охранять ее или умереть, защищая.

— Сумасшедшій, только того и добьешься, что зарѣжутъ тебя какъ собаку!

— Что̀ Богу угодно, то и будетъ.

— Богъ! Богъ! забормоталъ про себя ачіендеръ съ глухой яростью: — эти скоты только одно и твердятъ. Дѣлай какъ знаешь, дуракъ, презрительно обратился онъ къ майордому: — умѣстная преданность, нечего сказать! Вотъ увидишь, что ею выиграешь!

— Никогда не раскаяваешься, если исполнишь свой долгъ, что̀ бы ни случилось; да хранитъ васъ Богъ, сеноръ!

— Богъ или сатана! вскричалъ дон-Хезусъ, чуть не скрежеща зубами.—Эй! вы, тамъ, трогайте! и драть во всѣ лопатки! Клянусь, голову прострѣлю первому, кто запнется!

Весь караванъ двинулся разомъ, словно ураганъ пронесся въ

ворота и быстро удалился отъ ачіенды по направленію къ Панамѣ.

Но-Галего стоялъ, прислонившись плечомъ къ косяку двери, и хладнокровно крутилъ между пальцевъ пахитоску; презрительно насмѣшливымъ взоромъ глядѣлъ онъ каравану вслѣдъ, пока было возможно; но когда тотъ скрылся вдали среди безчисленныхъ изгибовъ дороги, майордомъ повелъ плечами и пробормоталъ сквозь зубы:

— Мой благородный господинъ дон-Хезусъ Ордонецъ де-Сильва и Кастро богатъ и знатенъ; нужды нѣтъ, за всѣ его богатства, не хотѣлъ бы я, ничтожный червь, сдѣлать то, что онъ въ эту минуту дѣлаетъ; честное слово, одинъ негодяй и подлый трусъ способенъ изъ-за горсти золота бросить дочь въ такой опасности. Тфу! заключилъ но-Галего съ отвращеніемъ:—гадко подумать!

Онъ взялъ огниво, высѣкъ огня, закурилъ пахитоску и, окруживъ себя облакомъ дыма, пытливымъ взоромъ сталъ всматриваться вдаль по всѣмъ направленіямъ.

День клонился къ вечеру, часъ былъ пятый; лучи солнца, утративъ весь свой зной, падали на землю все болѣе и болѣе косвенно, легкій вѣтерокъ, пробѣгая по кудрявымъ вершинамъ деревьевъ, освѣжалъ атмосферу, накалившуюся въ теченіе дня.

Природа представляла обаятельное зрѣлище мирной тишины и оживленнаго уединенія; птички порхали съ вѣтки на вѣтку, весело оглашая воздухъ своими бойкими и мелодичными трелями; животныя, которыхъ видъ нельзя было опредѣлить съ точностью, рыскали въ высокой травѣ, волновавшейся отъ ихъ стремительнаго бѣга; у берега въ рѣкѣ играли кайманы по шею въ тинѣ, испуская пронзительные крики, порой похожіе на человѣческіе; словомъ, все дышало веселіемъ, спокойствіемъ и совершенною беззаботностью.

Вдругъ майордомъ, который зорко и не отрывая глазъ наблюдалъ за всей чертою небосклона, замѣтилъ маленькое, но густое облако пыли по направленію къ морю; облачко росло

быстро и вскорѣ изъ него стала сверкать словно молнія; потомъ пыльная завѣса разорвалась и открыла довольно многочисленный отрядъ; спустя немного онъ уже сталъ видѣнъ явственно и распался на двѣ неровныя кучки: первая состояла изъ человѣкъ шести верхомъ, которые продолжали скакать къ ачіендѣ во весь опоръ; другая, изъ однихъ пѣшихъ, остававшихся позади всадниковъ, такъ что съ каждою минутою увеличивалось разстояніе ихъ отдѣлявшее.

— Кто бы это могъ ѣхать? шепотомъ сказалъ себѣ майордомъ.—Вѣрно бѣглецы! Бѣдные люди, не пойти ли мнѣ къ нимъ на встрѣчу? Нѣтъ впрочемъ, почти немедленно возразилъ самъ себѣ но-Галего: — пусть лучше они сюда придутъ, если ищутъ убѣжища; мы ихъ примемъ какъ только съумѣемъ.

При этомъ философскомъ, но въ особенности доброжелательномъ разсужденіи, почтенный майордомъ не только не заперъ воротъ, но еще настежъ распахнулъ обѣ половинки; потомъ сталъ на прежнее свое мѣсто, прислонился къ косяку и курилъ пахитоску въ ожиданіи, что̀ сдѣлаютъ незнакомые путники, которые все болѣе приближались съ каждою минутой; онъ твердо рѣшился сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ ихъ движеніями.

Всадники скакали какъ люди, которые торопятся пріѣхать; вскорѣ они достигли подножія пригорка, на верху котораго стояла ачіенда, и не замедляя бѣга лошадей, поднялись по отлогому склону до обширной площадки предъ домомъ.

Но-Галего вскрикнулъ отъ радости. Между прибывшими онъ узналъ графа дон-Фернанда Кастель Морено, который ѣхалъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди остальныхъ.

Графъ сдержалъ свое слово и явился на третій день вечеромъ, въ назначенный имъ часъ.

Только свита его состояла всего изъ пяти человѣкъ въ истерзанномъ видѣ, съ пятнами крови на порванной одеждѣ, которая явно свидѣтельствовала, что они сейчасъ храбро исполнили свой долгъ въ кровавой борьбѣ; нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и самъ графъ, были ранены.

Съ радушнымъ усердіемъ бросился но-Галего на встрѣчу къ пріѣзжающимъ.

— Вы ранены, ваше сіятельство! вскричалъ онъ озабоченно.

— Сущій вздоръ, отвѣтилъ молодой человѣкъ смѣясь: — это царапина, которая уже зажила.

— Такъ дѣло видно жаркое было?

— Не шуточное, отвѣтилъ Мишель, значительно гмыкнувъ.

— Любезный но-Галего, сказалъ Лоранъ, сходя съ лошади: — сдѣлайте мнѣ удовольствіе и поѣзжайте скорѣе съ нѣсколькими пеонами на помощь къ бѣднымъ людямъ, которые видны тамъ на дорогѣ; между ними есть женщины, дѣти и старцы; они попались мнѣ на дорогѣ, успѣвъ, Богъ вѣсть какъ, спастись изъ Чачре; но они изнемогаютъ отъ усталости и голода, и едва на ногахъ держатся.

— Сейчасъ отправлюсь, ваше сіятельство.

— Одно слово, все у васъ благополучно?

— Такъ-себѣ! замѣтилъ майордомъ, странно заморгавъ.

— Надѣюсь, не случилось несчастья? встревожился графъ.

— Еще нѣтъ, ваше сіятельство.

— Дон-Хезусъ, дона Флора...

— Пожалуйте на половину сеноріты, ваше сіятельство; тамъ вы найдете тѣхъ, кого желаете видѣть, и получите всѣ свѣдѣнія.

— Вы говорите это странно какъ-то, любезный другъ.

— Простите, ваше сіятельство, но вѣдь я человѣкъ маленькій; мнѣ нельзя позволить себѣ выражать мнѣніе о томъ, что дѣлается въ домѣ моихъ господъ.

— Правда, но-Галего; займитесь моими бѣдняками, а я сейчасъ иду къ дон-Хезусу.

Майордомъ не отвѣтилъ; онъ наклонился, скорчилъ гримасу и сдѣлалъ видъ, будто очень занятъ попеченіями о слугахъ, которые направлялись съ лошадьми къ конюшенному двору.

Прекрасный Лоранъ сдѣлалъ знакъ Мишелю и Шелковинкѣ слѣдовать за нимъ, и вошелъ въ домъ, нѣсколько встревоженный недомолвками майордома.

— Есть что-то, пробормоталъ онъ: — но что̀ именно? Вотъ узнаемъ.

Между тѣмъ Флора, услыхавъ топотъ прискакавшихъ во дворъ лошадей, бросилась къ окну и первая узнала дон-Фернанда.

— Это онъ! вскричала она.—Я знала, что онъ вернется, какъ обѣщалъ.

Говоря это, молодая дѣвушка уже спѣшила на встрѣчу къ графу.

Отецъ Санчесъ и дона Линда не спросили, о комъ говоритъ Флора, а послѣдовали за нею, угадавъ тотчасъ, кто пріѣзжій.

Флора встрѣтила графа въ ту самую минуту, кода онъ взялся за ручку двери.

— Наконецъ вы тутъ, графъ! вскричала она съ плѣнительною улыбкой:—добро пожаловать.

— Сенорита, я очень торопился, чтобы поспѣть сюда; съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ, произошло много важныхъ событій, о которыхъ мнѣ необходимо переговорить съ вашимъ отцомъ.

— Войдите, войдите, дон-Фернандъ; удобнѣе будетъ бесѣдовать у меня въ комнатѣ.

— Позвольте мнѣ сперва немного прибраться.

— Боже мой! что̀ это значитъ? Вы сражались?

— Кажется, съ улыбкою отвѣтилъ онъ.

— Вы ранены, графъ! вскричала дона Линда въ испугѣ.

Отецъ Санчесъ подошелъ поспѣшно.

— Боже мой! воскликнулъ онъ.

— Успокойтесь, весело отвѣтилъ молодой человѣкъ:—это сущій вздоръ, менѣе булавочнаго укола.

— Идите же, дон-Фернандъ, идите! сказала Флора въ волненіи.

— Однако...

— Да что̀ намъ въ нарядѣ? Рѣчь идетъ о вашей ранѣ!

Она насильно ввела его въ дверь.

— Ступайте ждать меня въ моей комнатѣ, обратился Лоранъ къ Мишелю и пажу.

Тѣ ушли.

Прежде всего молодыя дѣвушки хотѣли убѣдиться, что рана

графа не опасна; онѣ легче перевели духъ, когда удостовѣрились собственными глазами, что дѣйствительно ударъ скользнулъ вдоль передней части руки и проложилъ длинную, но совсѣмъ не глубокую кровавую борозду.

Какъ скоро онѣ успокоились на этотъ счетъ и слуга принесъ полдникъ, дѣвушки попросили графа разсказать со всѣми подробностями, что произошло въ Чагре.

Лоранъ достаточно имѣлъ времени приготовить исторію, въ которой хотя собственную свою роль измѣнилъ совсѣмъ, однако передалъ съ величайшей точностью событія, въ которыхъ принималъ участіе.

— Итакъ, сказалъ отецъ Санчесъ:—французскіе авантюристы овладѣли не только несчастнымъ Чагре, но и Порто-Бело со всѣмъ прибрежіемъ?

— Да, отецъ мой.

— Развѣ число ихъ очень велико?

— Да, значительно; они рѣшились на смѣлую попытку и собралось девять тысячъ человѣкъ.

— Пресвятая Дѣва! вскричала дона Флора, остолбенѣвъ.

— Мы погибли! прибавила дона Линда, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Какая же у нихъ цѣль? холодно спросилъ капелянъ.

— Взять Панаму, рѣзко отвѣтилъ графъ.

— Гмъ! предпріятіе не легко, возразилъ монахъ, грустно покачавъ головой: — не смотря на невѣроятные ихъ успѣхи, эта цѣль отъ нихъ въ дальнемъ еще полѣ; Панама сильно укрѣпленный городъ, войска тамъ много, и хорошаго.

— Все знаю, отецъ Санчесъ, возразилъ молодой человѣкъ съ оттѣнкомъ сухости.

— Ваше мнѣніе какое же?

— Они будутъ имѣть успѣхъ.

— Сомнѣваюсь, но относительно насъ вопросъ состоитъ не въ томъ. Какой совѣтъ дадите вы этимъ молодымъ дѣвушкамъ?

— Я предпочелъ бы переговорить объ этомъ съ дон-Хезусомъ.

— Это невозможно, графъ.

— Почему же, отецъ Санчесъ?

— Донъ-Хезусъ уѣхалъ, съ горечью отвѣтилъ монахъ.

— Уѣхалъ, не дождавшись меня, когда я долженъ былъ вернуться сегодня же?

— Да, онъ малодушно бѣжалъ въ Панаму и увезъ съ собой бо̀льшую часть своего достоянія, оставивъ безъ защиты въ ачіендѣ, открытой для всѣхъ грабителей, и свою дочь, и дочь пріятеля своего дон-Рамона.

— Да вѣдь это немыслимо, отецъ Санчесъ, просто гнусность!

— Нѣкоторымъ людямъ гнусность легче дается, чѣмъ доброе дѣло, строго возразилъ монахъ. — Донъ-Хезусъ трусъ и скряга; онъ опасался за себя и за свое достояніе; объ остальномъ, включая дочь, онъ заботился мало. Онъ предлагалъ ей уѣхать съ нимъ, но когда дона Флора замѣтила ему, что вы должны вернуться сегодня же и приличія требуютъ дождаться васъ, онъ пожалъ плечами и ушелъ, а чрезъ минуту ускакалъ во весь опоръ съ бо̀льшею частью своихъ пеоновъ и слугъ. Это произошло за часъ до вашего прибытія, графъ.

— О, какая возмутительная черта бросить такимъ образомъ свою дочь! Этотъ человѣкъ чудовище и подлецъ!

— А вы не знали его развѣ? насмѣшливо спросилъ монахъ.

— Ну, конечно! И онъ отправился въ Панаму?

— Да, въ Панаму.

— Тамъ онъ скоро встрѣтитъ враговъ, отъ которыхъ бѣжитъ съ такою поспѣшностью, сказалъ молодой человѣкъ съ страшною улыбкой: — и тяжелый отчетъ придется ему дать Богу въ своей жизни, полной преступленій и гнусныхъ низостей.

Водворилось молчаніе.

Молодыя дѣвушки задрожали при послѣднихъ словахъ Лорана; онѣ не могли понять грознаго ихъ смысла и переглядывались съ безпокойствомъ, видя, какъ блѣдно и строго его лицо.

— Не больны ли вы, дон-Фернандъ? спросила Флора погодя минуту.

— Нѣтъ, сеньорита, я только очень утомленъ, что же касается моихъ страданій, то они чисто нравственныя; но, кажется, вы желали спросить моего совѣта.

— Какъ же, сеньоръ! съ живостью вскричала дона Линда.

— Говорите, сеньорита.

— Въ безопасности ли мы здѣсь?

— На первый случай въ безопасности.

— Что вы этимъ хотите сказать? спросила дона Флора.

— Разбойники, какъ вы называете ихъ, съ горечью отвѣтилъ графъ: — не въ состояніи будутъ пойти на Панаму ранѣе какъ чрезъ четыре дня по меньшей мѣрѣ; я знаю это изъ вѣрнаго источника; до-тѣхъ-поръ достаточно времени принять рѣшеніе.

— А вы, дон-Фернандъ, что намѣрены дѣлать? спросила молодая дѣвушка.

— Я, сеньорита, если позволите, завтра же чуть свѣтъ отправлюсь въ Панаму, гдѣ важныя дѣла требуютъ моего немедленнаго присутствія.

— А! только отозвалась молодая дѣвушка, впавъ въ задумчивость.

Въ эту минуту во дворѣ поднялся большой шумъ.

— Боже мой! это еще что такое? вскричала дона Линда.

Лоранъ быстро наклонился къ окну.

— Не бойтесь; сеньорита, это бѣдные люди, которые бѣжали изъ Чагре; они попались мнѣ на дорогѣ; въ числѣ ихъ женщины и дѣти; уѣзжая, я обѣщалъ имъ помощь, и вотъ ихъ теперь ведутъ вашъ майордомъ и нѣсколько вашихъ пеоновъ, которыхъ я послалъ къ намъ по пріѣздѣ сюда.

— Бѣдные люди! вскричалъ отецъ Санчесъ. — Пойдемте, сеньориты, нашъ долгъ довершить доброе дѣло, такъ хорошо начатое графомъ.

Онъ быстро вышелъ и вслѣдъ за нимъ дона Линда; Флора уже готова была пойти въ свою очередь, когда Лоранъ остановилъ ее почтительно.

— Сеньорита, съ волненіемъ произнесъ онъ: — мнѣ надо ска-

зать вамъ одно только слово, но отъ слова этого зависитъ мое счастье, быть можетъ, самая жизнь.

— Я васъ слушаю, отвѣтила дѣвушка, вся трепещущая.

— Всѣмъ я пренебрегъ, чтобы вернуться къ вамъ, сенорита; всѣмъ пренебрегу, всѣмъ пожертвую, чтобы спасти васъ. Любите вы меня?

— Да, люблю, дон-Фернандъ; вы знаете это, отвѣтила дѣвушка съ достоинствомъ.

— Докажите мнѣ свою любовь.

— Какимъ образомъ, дон-Фернандъ?

— Довѣріемъ самымъ полнымъ и безграничнымъ; довѣріе это не должно быть поколеблено ничѣмъ, что бы я въ вашемъ присутствіи ни дѣлалъ; болѣе того вы не должны ни разспрашивать меня, ни требовать отчета въ моихъ поступкахъ, которые часто покажутся вамъ странными; если сдѣлаете мнѣ вопросъ, я не буду имѣть духа не отвѣчать вамъ—и тѣмъ погублю себя, быть можетъ, и васъ съ собой.

— Дон-Фернандъ! шепотомъ произнесла дѣвушка.

— Извините, сенорита, мои слова для васъ непонятны, но я не могу говорить яснѣе. Только въ одномъ будьте увѣрены; я люблю васъ, какъ никогда женщина не бывала любима; за одинъ вашъ взглядъ, за одно слово, я дамъ убить себя у вашихъ ногъ. Но болѣе васъ еще, если возможно, мнѣ дорога ваша честь; чтобъ оградить ее отъ малѣйшаго пятна или порицанія, я пожертвую всѣмъ. Итакъ довѣрьтесь мнѣ, чтобы охраняя и защищая васъ, я могъ охранять свою невѣсту и будущую жену. Впрочемъ, говорятъ утро, вечера мудренѣе, прибавилъ онъ съ грустною улыбкой: — я оставляю аченду только завтра.

— Такъ что-жъ?

— Вотъ что сенорита: посовѣтуйтесь въ эту ночь съ вашей матерью.

— Моей матерью! вскричала Флора съ изумленіемъ и ужасомъ.

— Успокойтесь, сенорита, я все знаю, но тайна глубоко хранится въ моемъ сердцѣ вмѣстѣ съ моею любовью къ вамъ. По-

совѣтуйтесь съ матушкой, сеньорита, и что бы ни рѣшила она, я безусловно покорюсь ея волѣ.

— Хорошо, сказала дѣвушка немного погодя: — я исполню ваше желаніе, дон-Фернандъ; я должна это сдѣлать и переговорю съ матерью; но какъ рѣшиться высказать ей...

— Нашу любовь? Милое, кроткое дитя, глаза матери зорки, и давно уже тайна вашего сердца угадана; если же вамъ ничего не было говорено до-сихъ-поръ, то это доказываетъ только одобреніе съ ея стороны.

— Боже мой! возможно ли?

— Будемте уповать, дона Флора, на безпредѣльную благость Божію; да и сердце матери, какъ вы знаете, неисчерпаемый источникъ доброты и геройскаго самоотверженія.

— О! дон-Фернандъ, какъ хорошо я знаю это! вскричала дѣвушка съ глазами полными слезъ: — моя добрая, нѣжная мать!

Она улыбнулась сквозь слезы.

— Вы правы, дон-Фернандъ, надо надѣяться.

Она граціозно махнула ему рукой и порхнула въ дверь точно птичка.

— Милое, кроткое существо! прошепталъ Лоранъ, оставшись одинъ: — я люблю ее такъ, что готовъ всѣмъ пожертвовать для нея, даже местью моею! заключилъ онъ глухимъ голосомъ.

Тутъ онъ вышелъ и направился въ глубокой задумчивости въ ту комнату, гдѣ его ждали Мишель Бискаецъ и Шелковинка.

*

XIV.

КАКЪ ДОН-ФЕРНАНДЪ ВОЗВРАТИЛСЯ ВЪ АЧІЕНДУ ДЕЛЬ-РАЙО.

Тотчасъ послѣ взятія Чагре, когда, благодаря сильнымъ мѣрамъ, принятымъ главными предводителями экспедиціи, сравнительная тишина водворилась въ городѣ, Прекрасный Лоранъ выѣхалъ изъ форта и сталъ отыскивать своего брата-матроса Монбара.

Мы не безъ намѣренія употребили выраженіе «сравнительная тишина,» потому что одно оно приблизительно передаетъ нашу мысль.

Сраженіе правда прекратилось, но частныя схватки, не менѣе ожесточенныя, все еще продолжались въ темнотѣ между жителями, которые голову потеряли отъ ужаса и разсвирѣпѣвшими отъ встрѣченной ими геройской обороны *флибустьерами*, по большей части пьяными, такъ какъ первою ихъ заботою по прекращеніи боя было напиться, и въ состояніи опьянѣнія они, точно лютые звѣри, совершали неслыханныя злодѣйства съ криками просто не человѣческими.

Городъ былъ преданъ огню и мечу, дома и зданія стояли въ пламени, женщинъ и дѣтей, успѣвшихъ скрыться въ церквахъ и монастыряхъ, насильно оттуда вытаскивали разъяренные побѣдители и подъ предлогомъ заставить несчастныхъ сознаться, гдѣ они скрыли свои драгоцѣнности, ихъ подвергали ужасъ наводящимъ пыткамъ.

Со всѣхъ сторонъ раздавались вопли, предсмертное хрипѣніе, стоны и мольбы при выстрѣлахъ, трескѣ обрушивавшихся горѣвшихъ зданій, хохотѣ и веселыхъ пѣсняхъ флибустьеровъ, ко-

торые выкатили на главныя городскія площади бочки съ водкой, пьянствовали и плясали вокругъ, принуждая подъ страхомъ смерти своихъ несчастныхъ жертвъ пить и плясать вмѣстѣ съ ними.

По мѣрѣ того какъ отыскивали золото, серебро, дорогія ткани и драгоцѣнные каменья, все это безъ разбора складывалось въ кучу и вскорѣ цѣлыя груды лежали на главной площади, куда каждый былъ обязанъ нести свою добычу.

При этихъ несмѣтныхъ богатствахъ не было даже караула; онъ оказывался лишнимъ. Флибустьеры соблюдали между собой честность и добросовѣстность, доведенныя до крайней степени; никто не рѣшился бы украсть одинъ піастръ до раздѣла добычи.

Къ Моргану, Монбару и другимъ главнѣйшимъ предводителямъ приводили самыхъ богатыхъ жителей, изъ которыхъ можно было надѣяться выжать хорошій выкупъ, и несчастныхъ запирали толпами въ зловонныя темницы.

Тѣмъ не менѣе отъ нихъ не легко было добиться, велико ли ихъ достояніе; по бо́льшей части приходилось прибѣгать къ сильнымъ средствамъ, т. е. жечь имъ ноги, сдавливать большіе пальцы или виски, или наконецъ вдергивать на дыбу, къ величайшему наслажденію зрителей, которые за бока держались отъ криковъ отчаянія при невыносимой боли злосчастныхъ жертвъ.

Начальники флибустьерскихъ полчищъ оставались невозмутимо холодны и къ крикамъ, и къ отрицаніямъ страдальцевъ, которыхъ пытали; они вели дѣло хладнокровно и методически, съ равнодушіемъ негоціантовъ, которые математически соображаютъ торговый оборотъ.

Это флибустьеры называли правильнымъ устройствомъ грабежа ужасъ наводящее устройство, отъ котораго цѣлый городъ издавалъ предсмертные стоны и блѣднѣли всѣ неистовства, совершенныя самыми свирѣпыми шайками разбойниковъ въ средніе вѣка. Грозное судилище засѣдало въ ратушѣ подъ предсѣдательствомъ Монбара, Моргана, Польтэ и пяти, шести человѣкъ еще.

Губернаторъ, подъ карауломъ двухъ флибустьеровъ, долженъ былъ, каждый разъ какъ приводили новое лицо, называть его

по имени и опредѣлять состояніе, къ чему разумѣется его вынуждали только жестокими муками, которымъ онъ подвергался отъ своихъ палачей при малѣйшемъ колебаніи.

Страхъ смерти однако такъ силенъ въ сердцѣ человѣка, даже самаго храбраго, особенно когда она представляется въ образѣ наводящемъ ужасъ, что бѣднякъ покорялся волѣ побѣдителей.

Лоранъ отыскалъ посреди этой страшной бойни Монбара. Грозный истребитель испанцевъ, какъ всегда холодный и невозмутимый, тихимъ и пріятнымъ голосомъ отдавалъ приказанія или подвернуть плѣнника пыткѣ, или вести его въ тюрьму.

Факелы, воткнутые въ желѣзные стѣнные подсвѣчники и зажженыя восковыя свѣчи на столѣ, за которымъ сидѣли самозванные судьи, освѣщали залу красноватыми облесками и придавали ей видъ еще страшнѣе.

Какъ только Монбаръ замѣтилъ Лорана, онъ протянулъ ему руку.

— А! товарищъ, и ты тутъ? Что привело тебя?

— Во-первыхъ, любезный другъ, я хочу поздравить тебя съ блистательною побѣдой.

— Ну, старина, мою-то блистательную побѣду, улыбаясь возразилъ Монбаръ:—не лучше ли назвать *нашею?* Кому же мы обязаны побѣдою, если не тебѣ, на сколько мнѣ извѣстно? Что вы скажете на это, господа?

— По правдѣ говоря, Лоранъ, замѣтилъ Польтэ:—намъ безъ тебя было бы плохо.

— Чорта въ ступѣ! что за крикъ, разсвирѣпѣлъ Морганъ: — ничего не слыхать. Заткните глотку этому крикуну.

Крикуномъ оказывался несчастный гражданинъ, которому подъ предлогомъ, будто онъ ложно выдаетъ себя за бѣдняка, виски сжимали до того, что черепъ готовъ былъ треснуть.

— Постой! вскричалъ Монбаръ.

Онъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ, прицѣлился въ бѣднягу и убилъ его наповалъ.

— Вотъ и готово, сказалъ онъ.

Потомъ онъ снова обратился къ Лорану, который на все

смотрѣлъ съ такимъ видомъ, какъ будто ему пріѣлось это донельзя.

— Ну-ка, дружище, тихо спросилъ Монбаръ: — вѣдь ты не безъ цѣли пришелъ сюда? Что тебѣ надо?

— Переговорить съ тобою.

— Сейчасъ?

— Да, сейчасъ.

— Такъ дѣло спѣшное?

— Очень даже.

— Хорошо, постой минуту.

Монбаръ всталъ и обратился къ Польтэ.

— Займи мое мѣсто, намъ надо переговорить съ Лораномъ; но смотри, братъ, будь построже; ты иногда до отчаянія слабъ, клянусь честью!

Этотъ выговоръ одному изъ самыхъ свирѣпыхъ флибустьеровъ, участвовавшихъ въ экспедиціи, поражалъ оригинальностью.

Пристыженный Польтэ склонилъ голову и въ душѣ далъ себѣ слово не подвергаться болѣе такому выговору.

Монбаръ и Прекрасный Лоранъ прошли въ смежную комнату; ихъ бесѣда длилась долго и вѣроятно была занимательна, такъ какъ ни тотъ, ни другой изъ собесѣдниковъ не сталъ бы терять времени на пустую болтовню.

По прошествіи по меньшей мѣрѣ двухъ часовъ они вернулись въ залу.

— Рѣшено, сказалъ Монбаръ:—завтра батареи будутъ уничтожены, пушки потоплены и дома, которые мѣшаютъ выстрѣламъ съ форта разрушены; я пошлю четыреста человѣкъ для усиленія гарнизона. Что тебя касается, старина, то скажу какъ всегда, поступай какъ заблагоразсудишь.

— Ты знаешь, что первымъ условіемъ я ставлю то, о чемъ просилъ тебя.

— Я далъ слово, другъ, будь спокоенъ; волоса ихъ не коснутся.

— Спасибо, дружище, и прощай теперь!

— Нѣтъ, до свиданія!

— Правда, до свиданія въ Панамѣ!

— Да, въ Панамѣ.

— Пришли же ко мнѣ Хозе; ты совсѣмъ завладѣлъ имъ, а онъ мнѣ нуженъ до крайности.

— Пришлю, завистникъ; ты ужъ безъ него какъ безъ рукъ теперь, прости Господи!

— Онъ славный товарищъ. Съ Богомъ, желаю успѣха!

— Прощай!

Еще разъ флибустьеры пожали другъ другу руку и разстались.

На другое утро, сдавъ командованіе фортомъ Олонецу, сильно опечаленному тѣмъ, что остается одинъ, Прекрасный Лоранъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ въ сопровожденіи лишь немногихъ товарищей въ ачіенду дель-Райо; остальные были кто убитъ, кто раненъ.

Мы видѣли, какъ прибылъ въ ачіенду капитанъ около часа послѣ отъѣзда дон-Хезуса и какъ его тамъ встрѣтили.

Первою заботою Лорана, когда онъ вошелъ въ свою комнату, было переодѣться съ ногъ до головы.

Хотя и флибустьеръ, Лоранъ однако остался дворяниномъ до мозга костей; онъ всегда одѣвался тщательно. На дуэль ли онъ шелъ, на любовное ли свиданіе, или на сраженіе, иначе какъ въ бриліантахъ, кружевахъ, шелку и бархатѣ онъ не появлялся, куда бы ни призывали его удовольствіе, долгъ или прихоть.

Майордомъ пришелъ въ обычное время ужина, но вмѣсто того, чтобъ по обыкновенію пойти впереди гостя, онъ почтительно поклонился и ждалъ.

— Вѣрно вы хотите сказать мнѣ что-нибудь, но-Галего? спросилъ Лоранъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство, отвѣтилъ майордомъ съ новымъ поклономъ:—сеньориты измучились и не въ силахъ сойти въ столовую, онѣ приказали подать имъ ужинъ на ихъ половинѣ.

— Не больны ли онѣ? съ живостью вскричалъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, это только послѣдствіе всего, что случилось сегодня... Молодыя барышни, извѣстное дѣло, хрупки.

Лоранъ улыбнулся странному выраженію достойнаго дворецкаго, но не сказалъ ни слова; тотъ продолжалъ:

— Преподобный отецъ Санчесъ проситъ ваше сіятельство избавить его отъ скуки кушать одному и удостоить чести отужинать съ нимъ въ его комнатѣ.

— Съ удовольствіемъ. А мои люди, любезный но-Галего, гдѣ же они ѣсть будутъ?

— Со мною, ваше сіятельство, величественно отвѣтилъ майордомъ:—и поужинаютъ они оттого не хуже, смѣю надѣяться.

— Я убѣжденъ, но-Галего, улыбаясь сказалъ Лоранъ: — потрудитесь же вести меня къ отцу капеляну.

— Къ услугамъ вашего сіятельства, отвѣтилъ майордомъ съ почтительнымъ поклономъ.

И онъ пошелъ впереди молодого человѣка до самой комнаты отца Санчеса, гдѣ и оставилъ его послѣ того какъ торжественно провозгласилъ о его приходѣ.

— Вы, надѣюсь, извините, любезный графъ, что я обезпокоилъ васъ, ласково сказалъ капелянъ, идя на встрѣчу посѣтителя и протягивая ему руку.

— Это не безпокойство, но удовольствіе; я радъ нашему свиданію глазъ-на-глазъ.

— Старики эгоисты, какъ вамъ извѣстно, графъ; я люблю васъ, вотъ мнѣ и захотѣлось побесѣдовать съ вами откровенно.

— Вы меня одолжили, отецъ Санчесъ.

— Въ сторону церемоніи, садитесь, графъ; увы! отчего нельзя намъ воскресить одинъ изъ тѣхъ уютныхъ ужиновъ въ Торменарѣ, когда...

— Умоляю васъ, отецъ Санчесъ, перебилъ молодой человѣкъ, глубоко взволнованный:—не пробуждайте этихъ милыхъ и грустныхъ воспоминаній; моя рана все еще не зажила и кровью обливается, какъ въ самый первый день.

Старые друзья, какъ мы уже можемъ называть ихъ теперь, сѣли другъ противъ друга и принялись за ѣду, бесѣдуя о пос-

тороннихъ предметахъ въ присутствіи лакея, который прислуживалъ имъ; но когда десертъ поставили на столъ и слуга вышелъ, разговоръ круто перешелъ на другое и принялъ характеръ серіозный.

Отецъ Санчесъ всталъ, порылся въ ящикѣ и вернулся на свое мѣсто, бросивъ предъ приборомъ Лорана горсть сигаръ.

— Вы вѣдь знаете, графъ, улыбаясь сказалъ монахъ: — что здѣсь вы у себя; итакъ не стѣсняйтесь. Вотъ отличныя сигары, воспользуйтесь ими; можете даже, если угодно, злоупотребить. Хотя самъ я не курю, но запахъ табаку мнѣ вовсе не непріятенъ. Вотъ и ликеры, выбирайте по вкусу.

Отецъ Санчесъ придвинулъ къ себѣ кофейникъ на канфоркѣ.

— Я нарочно сварилъ для васъ кофе, который, надѣюсь, заслужитъ ваше одобреніе, сказалъ онъ:—и я выпью, вамъ для компаніи.

— Вы кажется принялись за старое, отецъ Санчесъ, баловать меня.

— Такъ отрадно баловать, кого любишь! тихо возразилъ монахъ.

— Разумѣется, со смѣхомъ отвѣтилъ молодой человѣкъ, выбирая сигару: — я даже подозрѣваю васъ въ намѣреніи подкупить меня.

— Тсъ! тонко пошутилъ отецъ Санчесъ:—не говорите этого; пожалуй вы напали на больное мѣсто.

— Прошу покорно! Стыдно вамъ, духовному лицу, такія козни строить!

— Что дѣлать, графъ, каждый заботится о себѣ какъ можетъ.

— Вы должны знать, что со мною вамъ нечего прибѣгать къ хитростямъ; скажите откровенно, чего желаете, и если есть возможность, это будетъ исполнено.

— Дѣло трудное, предупреждаю васъ, графъ.

— Все-таки говорите.

— Вотъ это что: цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ я живу здѣсь и привязался всею душой къ бѣднымъ пеонамъ, прикрѣпленнымъ

къ ачіендѣ; они такіе страдальцы! Мнѣ хотѣлось бы остаться посреди нихъ, чтобъ охранять ихъ отъ всякаго насилія и покровительствовать имъ, когда придутъ ваши товарищи.

— Только-то! сказалъ капитанъ усмѣхнувшись.

— Развѣ это не много?

— Не очень, отецъ Санчесъ; во всякомъ случаѣ я предвидѣлъ ваше желаніе. Возьмите это письмо; оно подписано Монбаромъ, начальникомъ экспедиціи. Вотъ и моя печать, прибавилъ онъ, снимая съ мизинца правой руки большой перстень: — когда придутъ сюда Береговые Братья, покажите первому попавшемуся это письмо и этотъ перстень, и вы будете подъ двойнымъ покровительствомъ Монбара и Лорана; никто не посмѣетъ переступить чрезъ порогъ ачіенды; она теперь будетъ священна для моихъ товарищей; пальцемъ не коснутся ни до чего; словомъ, вы будете такъ же безопасны здѣсь, хотя бы всѣ двери стояли настежъ, какъ были бы во Франціи или на островѣ Черепаха.

— Какъ, дитя мое, вы сами напали на эту добрую мысль? вскричалъ тронутый старикъ.

— И это удивляетъ васъ, отецъ Санчесъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, простите, сынъ мой; меня удивлять не можетъ, что вы поступаете благородно и великодушно. Увы! зачѣмъ...

— Ни слова объ этомъ, святой отецъ, съ живостью перебилъ графъ: — развѣ вы забыли, каковъ я, забыли что ничего не забываю, ни зла, ни добра. Я люблю васъ, вы мнѣ все-равно, что отецъ; исполнилъ я только-то, что̀ слѣдовало. Итакъ бросимъ этотъ разговоръ, если вы хотите сдѣлать мнѣ удовольствіе.

— Какъ желаете, сынъ мой.

— Говорила ли дона Флора, продолжалъ молодой человѣкъ, чтобъ перемѣнить разговоръ:—что я совѣтовалъ ей отправиться въ Панаму?

— Она сказала мнѣ это мимоходомъ; но не полагаете ли вы, что ей лучше бы остаться здѣсь со мною?

— Не знаю, святой отецъ. Впрочемъ, я далъ ей совѣтъ переговорить съ матерью.

— Въ этомъ вы правы, графъ; а скажите-ка мнѣ, вы все еще думаете уѣхать завтра?

— Не могу поступить иначе.

— Мнѣ хотѣлось спросить васъ объ одномъ, сынъ мой, но я боюсь возбудить ваше неудовольствіе.

— Говорите безъ опасенія, отецъ Санчесъ, улыбаясь отвѣтилъ Лоранъ: — съ какимъ бы вопросомъ вы ко мнѣ ни обратились, я выслушаю васъ почтительно.

— И отвѣтите?

— Постараюсь.

— Вы любите дону Флору? внезапно спросилъ монахъ.

— Болѣе жизни, откровенно отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— И намѣреніе ваше...

— Жениться, какъ этого и слѣдуетъ ожидать отъ меня.

— Я зналъ это. Ахъ! ваше сердце мнѣ хорошо извѣстно. Но теперь я затрудняюсь еще болѣе, не съумѣю даже и приступить къ вопросу...

— Что я намѣренъ сдѣлать съ ея отцомъ, не правда ли? перебилъ молодой человѣкъ съ усмѣшкой слегка насмѣшливой.

— Вы угадали, сынъ мой; я дѣйствительно желалъ бы знать, какъ вы намѣрены поступить относительно этого презрѣннаго негодяя.

— Выслушайте меня, святой отецъ; отъ васъ я таиться не хочу и отвѣчу вамъ такъ же откровенно, какъ вы спрашиваете. Этотъ, по вашему же выраженію, презрѣнный негодяй, котораго и назвать иначе нельзя, совершилъ самыя ужасныя преступленія; онъ былъ неумолимымъ палачомъ моей близкой родственницы, которой всю жизнь отравилъ и счастье разрушилъ навсегда. Еще сегодня онъ низко бросилъ дочь безъ сожалѣнія, безъ угрызеній совѣсти на произволъ перваго разбойника, который явился бы въ ачіенду. Еслибъ въ вашихъ рукахъ не было всесильной охраны, эта невинная и чистая дѣвушка, достойная

любви и уваженія, была бы погублена безвозвратно, осуждена на позоръ или даже смерть; съ этимъ надѣюсь вы согласитесь?

— Увы! сынъ мой, это вполнѣ справедливо.

— Виновный долженъ быть наказанъ, холодно продолжалъ молодой человѣкъ:—и наказанъ страшно примѣрно.

Отецъ Санчесъ поблѣднѣлъ и невольно содрогнулся при этой рѣзко произнесенной угрозѣ.

— Успокойтесь, отецъ мой, продолжалъ капитанъ:—я не убью его; ваши слова заставили меня задуматься; онъ не умретъ.

— Слава Богу! вскричалъ монахъ, воздѣвъ руки съ горячею благодарственною мольбой.

— Погодите, отецъ мой, съ страшною ироніею продолжалъ капитанъ:— что значитъ смерть для человѣка утомленнаго борьбою жизни?—это сонъ и отдыхъ; для солдата—это вѣнецъ славы; для несчастнаго—прекращеніе скорби; для преступника—тяжелая минута, но одна единственная и потомъ всему конецъ. Смерть ни въ какомъ случаѣ не искупленіе: этотъ человѣкъ будетъ жить, чтобъ искупать прошлое.

Холодный потъ сталъ выступать на лбу отца Санчеса; онъ жадно глоталъ каждое слово капитана; и безотчетный ужасъ овладѣвалъ имъ, когда онъ угадывалъ, что презрѣнному готовится кара въ тысячу разъ ужаснѣе самой смерти.

Лоранъ продолжалъ невозмутимо и холодно:

— Я хочу, чтобы онъ жизнью искупалъ свои преступленія, чтобы каждый его день былъ постоянной скорбью безъ отдыха безъ облегченія, безъ надежды. Онъ богатъ, я превращу его въ бѣдняка, у него друзья, льстецы—я поставлю его одного глазъ на глазъ съ его злодѣяніями. Когда Панама будетъ въ нашей, власти, донъ-Хезусъ Ордонецъ, лишенный всего своего достоянія, отправится на принадлежащей мнѣ каравелѣ въ Индійскій океанъ и будетъ высаженъ на пустынный островъ; но такъ какъ я хочу чтобъ онъ остался живъ и дѣйствительно искупилъ всѣ свои злодѣянія, то его снабдятъ съѣстными припасами, разными орудіями и сѣменами, словомъ всѣмъ необходимымъ, чтобы трудами рукъ поддерживать свое жалкое существованіе; потомъ ка-

равела уйдетъ, и человѣкъ этотъ, или скорѣе чудовище въ человѣческомъ образѣ, исключенный изъ списка живыхъ, останется одинъ предъ лицомъ Бога. Для него и надежды существовать не будетъ; но какъ трусъ онъ всего болѣе боится смерти и станетъ волочить жизнь почти противъ собственной воли, побуждаемый однимъ инстинктомъ самохраненія и проклиная ежечасно и ежеминутно существованіе, котораго не будетъ имѣть ни духу, ни силъ лишить себя, чтобъ положить конецъ своимъ невыносимымъ мукамъ. Какъ видите, отецъ Санчесъ, прибавилъ онъ съ горечью:—я соображаюсь съ вашими словами, не мщу болѣе, но караю.

— Быть можетъ милосерднѣе было бы съ вашей стороны сынъ мой, вонзить ему кинжалъ въ сердце.

— Судья прилагаетъ законъ, палачъ исполняетъ его; я не хочу быть палачомъ этого человѣка, не хочу марать рукъ въ его крови.

— Но вы становитесь его судьею и произносите надъ нимъ приговоръ, тогда какъ намѣрены жениться на его дочери.

— Ошибаетесь, отецъ Санчесъ, не я буду судить его; Береговое Братство управляется грозными и неумолимыми постановленіями, въ основаніи которыхъ лежитъ справедливѣйшій изъ естественныхъ законовъ: око за око, зубъ за зубъ. Судилище, составленное изъ главныхъ членовъ нашего товарищества имѣетъ обязанностью блюсти правосудіе между нами; это судилище исполняетъ долгъ свой, вездѣ куда ни забросили бы его событія, въ морѣ или пустынѣ, подъ открытымъ небомъ, въ глубинѣ лѣсовъ или въ подземельяхъ, въ городахъ или деревушкахъ, словомъ гдѣ бы ни прибѣгали къ его справедливому суду. Тогда члены собираются, выслушиваютъ жалобы, по совѣсти взвѣшиваютъ изложенные предъ ними факты, и оправдываютъ или осуждаютъ обвиняемаго, не поддаваясь никакому вліянію посторонннихъ соображеній, только руководясь тѣмъ что имъ кажется справедливо. Эти приговоры неизмѣнны.

Отецъ Санчесъ молчалъ съ минуту въ задумчивости, потомъ поднялъ голову и съ грустною улыбкою на губахъ сказалъ:

— Вы влюблены въ дону Флору и хотите на ней жениться, разумѣется, вы отстраняете отъ себя неблагопріятную тѣнь, которую набросилъ бы на васъ въ глазахъ любимой дѣвушки, приговоръ произнесенный вами надъ ея отцомъ. Но вы обманываете себя одною тонкою уловкой, дитя мое; страшная отвѣтственность падетъ во всякомъ случаѣ на однихъ васъ.

— На меня, отецъ Санчесъ! Какую тѣнь можетъ дѣло это набросить на меня, желалъ бы я знать?

— Вы не будете въ немъ судьею, я согласенъ съ этимъ; не будете палачомъ, допускаю и это, но...

— Но что? договаривайте, отецъ мой!

— Вы будете доносчикомъ, то-есть ваша роль, наименѣе благородная изъ всѣхъ, что бы ни говорили вы, все-таки останется ролью человѣка, который мститъ.

— У васъ сжатая логика, отецъ Санчесъ, возразилъ улыбаясь молодой человѣкъ:—разсуждать съ вами просто наслажденіе.

— Напрасно вы уклоняетесь отъ вопроса, сынъ мой, шутка не отвѣтъ.

— Разумѣется нѣтъ, я и не уклоняюсь отъ предмета разговора, клянусь вамъ; это послѣдній вашъ доводъ противъ меня, мой отецъ?

— Послѣдній; и вмѣстѣ неотразимый; я посмотрю, какъ вы опровергнете его.

— Не торопитесь предрѣшать, отецъ Санчесъ, возразилъ молодой человѣкъ, все улыбаясь:—развѣ вы забыли, что я сознался вамъ въ сильномъ вліяніи, произведенномъ на меня вашими словами, и какъ я взвѣшивалъ ихъ въ умѣ?

— Очень помню, но это не отвѣтъ, сынъ мой, почему я и заключаю, что вы сознаете себя побѣжденнымъ. За ваше здоровье, графъ, и послушайтесь меня, предоставьте Богу наказать виновнаго.

Молодой человѣкъ всматривался съ минуту или двѣ въ игру вина, приподнявъ свой стаканъ, потомъ залпомъ осушилъ его, и медленно снова опустилъ на столъ.

— Не торопитесь заключать, отецъ мой, сказалъ онъ улы-

баясь: — а главное, не провозглашайте громкой побѣды; никогда вы не бывали ближе къ полному пораженію.

— О, о! хотѣлъ бы я видѣть это!

— Если я представлю вамъ убѣдительный доводъ, сознаетесь ли вы откровенно?

— Даю честное слово, сынъ мой. Но и съ вашей стороны, если доводы ваши односторонни и ничего не доказываютъ неопровержимо, откажетесь ли вы отъ вашей мести?

— Гмъ! вы быстро шагаете, отецъ Санчесъ. Что-жъ! я согласенъ, даю вамъ слово! Видите, какъ я уважаю васъ и какъ высоко цѣню ваши совѣты и просьбы.

— Я признаю это и благодаренъ вамъ, сынъ мой; говорите; мнѣ любопытно услышать то, что въ пухъ и прахъ должно сокрушить доводы представленные мною.

Отецъ Санчесъ прикидывался спокойнымъ и беззаботнымъ, хотя далеко не испытывалъ такой увѣренности; въ душѣ онъ трепеталъ, полное убѣжденіе молодого человѣка пугало его.

— Выслушайте же меня внимательно, отецъ мой, такъ какъ надо покончить съ этимъ, продолжалъ капитанъ: — я понимаю, что вы, какъ святой мужъ, стоите за прощеніе обидъ и евангельское ученіе платить добромъ за зло; все это прекрасно, не спорю; но вы сами сознаетесь, что держаться его буквально было бы отдать весь міръ во власть злодѣевъ и разбойниковъ, которыхъ честные люди сдѣлались бы ни менѣе, ни болѣе какъ рабами. Новаго пренія съ вами заводить не стану; оно завело бы насъ слишкомъ далеко; я предпочитаю пройти молчаніемъ всѣ разсужденія, болѣе или менѣе основательныя, и приступлю прямо и просто къ дѣлу, о которомъ между нами рѣчь.

— Да, сынъ мой, скорѣе къ дѣлу.

— Я не буду ни судьей, ни палачомъ, ни доносчикомъ, не буду даже присутствовать когда станутъ судить этого человѣка; скажу болѣе, если потребуютъ моего свидѣтельства, я откажусь давать его на основаніи, что слова мои могутъ казаться подозрительными и повліять на судей въ такомъ смыслѣ; надѣюсь, что это ясно.

— Очень даже, но въ такомъ случаѣ я не вижу...

— Позвольте, отецъ мой, вы не видите потому, что упорно держите глаза закрытыми; мнѣ надо заставить васъ открыть ихъ, что̀ я исполню немедленно. Обвинителемъ того, кого вы называете дон-Хезусомъ, не я буду, могу васъ увѣрить; два другихъ лица возьмутъ на себя эту обязанность, и вамъ два лица эти хорошо извѣстны, отецъ Санчесъ: первое, Мишель Бискаецъ, сынъ кормилицы доны Христіаны, моей покойной матери, и доны Люціи, моей тетки; Мишель Бискаецъ, отецъ котораго убитъ былъ, защищая дону Люцію и дону Марію Долоресъ, ея мать, которыхъ злодѣй похитилъ; второе наконецъ, котораго свидѣтельство уничтожитъ презрѣннаго—это будетъ сама дона Люція; она возстанетъ изъ могилы, въ которую заживо схоронила себя, чтобъ требовать наказанія своего палача; что̀ вы отвѣтите на это, отецъ мой?

— Да, что̀ вы отвѣтите? повторилъ какъ грозное эхо тихій женскій голосъ съ выраженіемъ непреклонной рѣшимости.

Собесѣдники быстро подняли головы; дона Люція была возлѣ нихъ, блѣдная и прекрасная какъ всегда; яркій блескъ свѣтился въ ея глазахъ и придавалъ имъ молніеносные лучи.

У отца Санчеса помутилось въ головѣ, его мысли смѣшались и на мигъ разсудокъ его заколыхался, словно огонекъ лампадки подъ могучимъ дуновеніемъ бури; онъ испустилъ тяжелый вздохъ и съ унынiемъ склонилъ голову на грудь.

— Судъ Господень совершается надъ этимъ человѣкомъ, едва слышно пробормоталъ монахъ: — теперь онъ погибъ безвозвратно.

Водворилось продолжительное молчаніе.

— О! дона Люція, продолжалъ наконецъ капелянъ тономъ кроткаго укора:—неужели вы становитесь обвинительницею вашего мужа?

— Я обвиняю палача моей дочери, отецъ мой, отвѣтила она съ холодною рѣшимостью:—время милосердія миновало; я простила ему мою испорченную жизнь; мои постоянныя страданія,

мое убитое счастье; я все вынесла, всему покорилась безъ жалобъ. Но человѣкъ этотъ осмѣливается посягать на жизнь моей дочери; онъ бѣжитъ, бросая ее, въ надеждѣ, что преступленіе, на которое онъ самъ не рѣшается, исполнятъ другіе, и вотъ я пробуждаюсь; что̀ отказывалась дѣлать для себя, то сдѣлаю для моего ребенка. Кто станетъ отрицать право матери защищать свою дочь?

— Я побѣжденъ; увы! Эта послѣдняя низость переполняетъ мѣру. Да будетъ воля Божія!

Дона Люція взяла руку монаха и поцѣловала ее.

— Благодарю, отецъ мой, сказала она: — благодарю, что вы не настаиваете долѣе на этомъ грустномъ предметѣ; все и было бы напрасно, вы поняли это: львица не можетъ съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ защищать своихъ дѣтенышей отъ опасности, чѣмъ буду я отстаивать мое дитя, увы! единственное благо, которое мнѣ остается въ этой жизни, заключила она мрачно.

Потомъ, обратившись къ капитану, она спросила:

— Можете вы дать намъ вѣрное убѣжище, мнѣ и Флорѣ, племянникъ?

— Могу предложить вамъ убѣжище совершенно недоступное въ самомъ домѣ, гдѣ я живу.

Дона Люція задумалась.

— Вы уѣзжаете завтра?

— Завтра, сенора.

— Я полагаюсь на вашу честь и на ваше благородство, сказала она, протягивая ему руку. — Вы мой единственный родственникъ, я довѣрюсь вамъ; дочь созналась мнѣ во всемъ; завтра мы послѣдуемъ за вами.

Молодой человѣкъ почтительно поцѣловалъ прекрасную протянутую къ нему руку.

XV.

ВЪ КАКОМЪ ПОРЯДКѢ МОНБАРЪ ПОВЕЛЪ СВОИ ВОЙСКА НА ПАНАМУ.

Прошло двѣ недѣли послѣ взятія Чагре. Страхъ царствовалъ въ Панамѣ.

Губернаторъ дон-Рамонъ де-ла-Крусъ и генералъ Альбацейте, командиръ гарнизона, съ неутомимымъ рвеніемъ принимали необходимыя мѣры не только для огражденія города отъ внезапнаго нападенія, но и для защиты окрестностей и дорогъ чрезъ перешеекъ.

Флотъ галіоновъ, состоявшій изъ двадцати-пяти судовъ, уже съ недѣлю вошелъ въ портъ. Экипажи съ галіоновъ и другихъ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, были высажены и сформированы въ полки для содѣйствія общей оборонѣ.

Именитые граждане, купцы и богатые собственники созваны были во дворецъ губернатора и имъ выдали оружіе съ предписаніемъ раздать своимъ слугамъ и неонамъ; укрѣпленія были исправлены и вооружены грозною артилеріей.

Три дня назадъ отрядъ, въ восемь тысячъ человѣкъ съ кавалеріей и пушками, подъ командою самого генерала Альбацейте, вышелъ изъ города отыскивать флибустьеровъ.

Воинственный пылъ и жителей городскихъ, и войска доходилъ до крайнихъ предѣловъ; они поклялись лечь подъ развалинами города скорѣе чѣмъ сдаться.

Драгоцѣнныя вещи были зарыты въ землю, церкви и монастыри открыты какъ убѣжища для неспособныхъ участвовать въ

*

сраженіи, съѣстные припасы собраны въ большомъ количествѣ и наконецъ всѣ мѣрѣ приняты со смысломъ, а въ особенности съ быстротой, рѣдкимъ явленіемъ для испанцевъ; положеніе было очень опасное, но и городъ укрѣпленъ какъ только можно было желать.

Вѣсть о высадкѣ флибустьеровъ и взятіи Порто-Бело и Чагре не была привезена въ Панаму дон-Хезусомъ Ордонецомъ, какъ могъ бы предположить читатель; достойный ачіендеръ остерегся поднять тревогу; напротивъ, часовъ въ семь вечера, на другой день по выѣздѣ изъ ачіенды, не доѣхавъ до города на разстояніе мили, онъ остановился, отослалъ обратно конвой, въ которомъ болѣе не нуждался, и оставилъ при себѣ только двухъ погонщиковъ, людей ему преданныхъ и всегда служившихъ при перевозѣ контрабанды; потомъ, давъ пеонамъ настолько удалиться, чтобы они не могли подсматривать за ними, онъ продолжалъ свой путь и подземнымъ ходомъ, извѣстнымъ ему, вошелъ въ Цвѣточный домъ.

Намѣреніе дон-Хезуса было переодѣться, и, скрываясь подъ какимъ-нибудь костюмомъ, тотчасъ пойти предупредить о своемъ прибытіи капитана каравелы.

Однако, къ большому его удовольствію, прибѣгать къ такой рискованной попыткѣ не понадобилось.

Тихій Вѣтерокъ ждалъ его, спокойно ужиная съ другомъ своимъ Данникомъ.

— Вотъ и вы, сказалъ Тихій Вѣтерокъ, увидавъ дон-Хезуса:— вы поспѣли вò-время, тѣмъ лучше.

— Вы меня ждали?

— Еще бы! Иначе чтò бы мнѣ здѣсь дѣлать. Товары готовы?

— Мулы еще не развьючены.

— Ладно, ихъ и развьючивать не надо; время выиграемъ.

Ачіендеръ тяжело опустился на стулъ и выпилъ стаканъ вина, который налилъ ему флибустьеръ.

— Вы правы, сказалъ онъ:—тѣмъ болѣе, чтò время не терпитъ.

— Чтò съ вами? Вы какъ-будто взволнованы.

— И есть отъ чего! Вы не знаете, что происходитъ?

— Теперь не знаю, но вы скажете мнѣ и тогда я буду знать.

— Флибустьеры высадились на перешеекъ! вскричалъ донъ-Хезусъ дрожащимъ голосомъ:—они сожгли и ограбили Портъ-Бело и Чагре; быть можетъ, въ эту минуту они идутъ на Панаму.

— Чортъ возьми! отозвался Тихій Вѣтерокъ совершенно хладнокровно, украдкой перемигнувшись съ Данникомъ, который курилъ съ видомъ невозмутимымъ:—вы увѣрены въ этомъ?

— Вполнѣ увѣренъ; я видѣлъ ихъ; я едва успѣлъ захватить съ собою самое цѣнное и спастись бѣгствомъ, чтобы не попасть въ ихъ руки.

— Если такъ, дѣйствительно нельзя терять ни минуты, продолжалъ флибустьеръ, вставая:—мы сейчасъ пойдемъ принять товаръ и приступимъ къ нагрузкѣ его на судно.

— Любезный капитанъ, окажите мнѣ услугу, за которую я останусь вамъ признателенъ на вѣкъ.

— Очень охотно, сеноръ. Что прикажете?

— У меня здѣсь двадцать-пять навьюченныхъ муловъ; въ этомъ заключатся почти все мое достояніе; перевезите его на свой корабль и сохраните для меня; тюки съ товарами съ одинаковымъ штемпелемъ, ихъ отличить легко. Храните у себя мое состояніе, пока не минуетъ всякая опасность; на вашемъ суднѣ ему ничего грозить не можетъ.

— Правда, согласился капитанъ:—но вы возлагаете на меня тяжелую отвѣтственность, любезный сеноръ. Почему бы вамъ не дать этого порученія скорѣе капитану Сандовалю? Онъ оказалъ бы вамъ эту услугу очень охотно, я увѣренъ.

— Возможное дѣло, живо возразилъ ачіендеръ съ гримасою, которую налету, такъ сказать, подмѣтилъ хитрый флибустьеръ:—но я не хочу ставить себя въ зависимость отъ донъ-Пабло Сандоваля.

— Вы развѣ подозрѣваете...

— Ничего ровно; но повторяю, мнѣ пріятнѣе имѣть дѣло съ вами, капитанъ; не откажите въ услугѣ.

— Если вы непремѣнно требуете, я согласенъ, хотя признаюсь, мнѣ это не по душѣ.

— Пожалуйста!

— Я уже сказалъ, что не хочу идти наперекоръ вашему желанію; итакъ приступимъ къ перевозу всего на корабль; въ полчаса дѣло будетъ въ шляпѣ.

Онъ свиснулъ.

Появилось человѣкъ восемь матросовъ.

— На работу! приказалъ Тихій Вѣтерокъ.—Гдѣ вы говорите товары?

— Въ подземельѣ.

— Слышите, ребята? ступайте туда и живо перетаскайте все на лодки; чтобъ въ десять минутъ не оставалось ничего болѣе.

Матросы вышли.

— Вѣроятно, вы со мной отправитесь на каравелу, дон-Хезусъ? обратился къ нему флибустьеръ, садясь опять.

— Нѣтъ, капитанъ, я остаюсь здѣсь, на первое время покрайней-мѣрѣ.

— Чортъ возьми! берегитесь; говорятъ, разбойники эти свирѣпы.

— Я и не буду выжидать ихъ здѣсь.

— Что-жъ вы намѣрены дѣлать?

— Вернусь въ ачіенду дель-Райо, если возможно, спасти остальное мое достояніе.

— Гмъ! дѣло рискованное; пожалуй вы попадете въ лапы къ этимъ чертямъ, а вамъ извѣстно, какъ они нѣжны.

— Надо подвергнуться этому риску, капитанъ; я оставилъ тамъ еще много драгоцѣнныхъ вещей, которыхъ никакъ лишиться бы не хотѣлъ.

— Понятно; но я на вашемъ мѣстѣ тотчасъ сѣлъ бы на корабль. Впрочемъ поступайте какъ знаете; говорю я только изъ участія къ вамъ, сеноръ, опасаясь, какъ бы не случилось съ вами несчастья.

— Благодарю за ваше участіе, капитанъ.

— Что-жъ рѣшено? вы со мною ѣдете?

— Не могу, со вздохомъ отвѣтилъ ачіендеръ и прибавилъ съ лицемѣрнымъ видомъ:—вѣдь дочь моя еще тамъ; бѣдняжка съ нетерпѣніемъ ожидаетъ моего возвращенія, нельзя же мнѣ бросить ее.

— О! въ такомъ случаю, сеноръ, я не говорю ни слова; это совсѣмъ другое дѣло; разумѣется, вы должны спѣшить назадъ. Но вотъ что мы сдѣлаемъ, вслушайтесь хорошенько. Вы знаете утесъ Мертвеца, не правда ли?

— Въ трехъ миляхъ отсюда?

— Да.

— Такъ что-жъ?

— Если въ недѣлю вы устроите свои дѣла, отправьтесь къ этому утесу съ вашей дочерью на восьмой день, считая отъ нынѣшняго, въ девять часовъ вечера; заберите съ собой и то, что вамъ удастся спасти изъ вашего достоянія; зажгите потомъ на вершинѣ утеса костеръ и я пріѣду за вами на шлюпкѣ менѣе чѣмъ въ четверть часа; весь этотъ день я буду лавировать въ виду утеса.

— Вы сдѣлаете это, капитанъ?

— Сдѣлаю, чортъ меня побери! Вы славный человѣкъ и мнѣ понравились; честные люди такая рѣдкость! заключилъ онъ съ благодушнымъ видомъ.

— Хорошо, капитанъ, я принимаю ваше дружеское предложеніе! съ живостью вскричалъ ачіендеръ:—вѣрьте мнѣ, вы не окажете услуги неблагодарному, даю вамъ слово.

— Штъ! дон-Хезусъ, не говорите объ этомъ теперь; еще достаточно будетъ времени на это и позднѣе. Итакъ рѣшено, чрезъ недѣлю въ девять часовъ вечера мы сойдемся у подножія утеса Мертвеца.

— Я не премину явиться, капитанъ.

— И прекрасно; а теперь, когда все условлено, позвольте мнѣ проститься съ вами, любезный дон-Хезусъ. Я долженъ сейчасъ ѣхать на судно; дѣла, какъ вамъ извѣстно, не ждутъ.

— Поѣзжайте, капитанъ, и вѣрьте моей искреннѣйшей благодарности.

— До свиданія, дон-Хезусъ.

— До свиданія, капитанъ.

На другое утро каравела снялась съ якоря съ утреннимъ приливомъ.

Корветъ *Перлъ* распустилъ паруса въ два часа пополудни.

А дон-Хезусъ Ордонецъ, котораго никто въ городѣ не видалъ, такъ какъ онъ не выходилъ изъ Цвѣточнаго дома, своимъ отсутствіемъ не возбудилъ ничьего удивленія; всѣ полагали его въ ачіендѣ дель-Райо. Тотчасъ послѣ того, какъ перенесли его тюки на лодки, онъ вышелъ тѣмъ же подземнымъ ходомъ и уѣхалъ изъ Панамы, забравъ съ собой муловъ съ двумя довѣренными погонщиками.

Спустя два дня, часа въ четыре пополудни, въ городъ прибылъ Прекрасный Лоранъ. Не имѣя повода прятаться, онъ открыто въѣхалъ въ Панаму, остановился на мгновеніе у своего дома и, въ сопровожденіи всего двухъ вооруженныхъ слугъ, проводилъ дону Линду къ отцу.

Молодая дѣвушка, всегда веселая и оживленная, казалась грустна и задумчива; она была блѣдна и дрожала.

— Вы нездоровы, сенорита? съ участіемъ спросилъ капитанъ.—Я напрасно не попросилъ васъ войти ко мнѣ и отдохнуть немного; вы, должно быть, утомились отъ продолжительнаго переѣзда.

— Какъ вы торопитесь избавиться отъ меня, дон-Фернандъ! отвѣтила она съ улыбкой, исполненной горечи.

Оторопѣвъ отъ такого неожиданнаго обвиненія, молодой человѣкъ съ живостью поднялъ на нее глаза и вскричалъ съ изумленіемъ:

— Я, сенорита? Не знаю, какъ понять васъ!

— Никогда мужчины ничего не понимаютъ, прошептала дона Линда:—я страдаю, сеноръ.

— Страдаете, Боже мой! сенорита, я въ отчаяніи отъ того, что случилось; я вообразилъ, что вы стремитесь увидѣть скорѣе вашего отца, и...

— Не прочь были скорѣе спихнуть меня ему на руки; очень благодарна, сеноръ.

— Какимъ тономъ вы мнѣ говорите это, дона Линда! Чѣмъ имѣлъ я несчастье прогнѣвить васъ?

— Меня прогнѣвить! повторила она съ насмѣшливою улыбкою: — ничѣмъ, сеноръ; только вы ровно ничего не замѣчаете, такъ какъ видите одну свою возлюбленную дону Флору; это въ порядкѣ вещей, на что же мнѣ-то претендовать?

— Что значатъ эти слова, смыслъ которыхъ ускользаетъ отъ меня, упреки наконецъ, незаслуженные мною? Умоляю васъ, сенорита, объяснитесь.

— Извините, сеноръ, я разстроена, нервна, сама не знаю, что со мною. Мнѣ кажется, я какъ будто въ жару. Вы совершенно хладнокровны, итакъ остановимтесь на этомъ; мы никогда не поймемъ другъ друга.

— Однако, сенорита, я желалъ бы знать...

— Что? спросила она, взглянувъ ему прямо въ глаза.

— Причину состоянія, въ которомъ вы находитесь; не скрою, что оно сильно тревожитъ меня.

— Благодарю за состраданіе, надменно возразила дѣвушка:— но поберегите его для другихъ, которые болѣе достойны сожалѣнія чѣмъ я; мнѣ оно не нужно. Впрочемъ вотъ я и дома.

— Ради Бога, сенорита, не разставайтесь со мной такимъ образомъ, скажите мнѣ...

— Тайну мою, не правда ли? вскричала она со смѣхомъ, похожимъ на рыданіе. — Молодая дѣвушка, донъ-Фернандъ, позволяетъ иногда угадывать свою тайну, но не открываетъ ее никогда. Надо понять, что она хочетъ сказать, изъ того, что говоритъ. Прощайте, донъ-Фернандъ, благодарю!

Она прыгнула на земь съ легкостью птички и скрылась въ дверяхъ дома, прежде чѣмъ капитанъ опомнился отъ удивленія: такъ поразили его, даже испугали, странныя слова, похожія на сознаніе въ любви.

«Неужели она любитъ меня?» пробормоталъ онъ про-себя.

Онъ бросилъ поводъ слугѣ, вошелъ въ домъ и велѣлъ доложить о себѣ дон-Рамону де-ла-Крусу.

Тотчасъ же онъ былъ принятъ.

Когда онъ входилъ въ одну дверь гостиной, гдѣ ждалъ его губернаторъ, дона Линда выбѣжала въ другую.

По обыкновенію своему, дон-Рамонъ сталъ разсыпаться въ изъявленіяхъ раболѣпной вѣжливости и горячо благодарить дон-Фернанда, что онъ любезно проводилъ его дочь до дома.

Капитанъ далъ ему истощить весь свой запасъ восторженныхъ похвалъ; когда же онъ наконецъ, за недостаткомъ матеріала къ дальнѣйшему краснорѣчію, перевелъ духъ, Лоранъ заговорилъ въ свою очередь.

Не скрывъ ничего, онъ разсказалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ страшныя событія въ Порто-Бело и Чагре, раззореніе этихъ двухъ городовъ и предполагаемое движеніе флибустьеровъ на Панаму; наконецъ постыдный побѣгъ дон-Хезуса, когда онъ бросилъ дочь и дону Линду однѣхъ и безъ защиты въ ачіендѣ дель-Райо, и какимъ образомъ онъ, Лоранъ, былъ такъ счастливъ, что могъ сопровождать дону Линду и возвратить ее отцу.

Губернаторъ буквально былъ сраженъ страшными вѣстями, которыхъ не подозрѣвалъ. Поступокъ дон-Хезуса исполнилъ его негодованія; онъ поклялся, что заставитъ его дорого поплатиться за такую низость; но теперь нельзя было терять ни минуты. Тотчасъ онъ велѣлъ созвать именитыхъ гражданъ и отправилъ человѣка вѣрнаго къ генералу Альбацейте съ просьбою пожаловать къ нему.

— А вы, графъ, сказалъ онъ капитану: — какую роль возьмете себѣ въ этой кровавой трагедіи?

— Самую скромную, сеноръ дон-Рамонъ, отвѣтилъ молодой человѣкъ: — здѣсь я большой пользы принести вамъ не могу; кажется мнѣ лучше объѣхать сосѣдніе города просить о помощи, которая вѣрно вамъ понадобится.

— Мысль не дурная дѣйствительно и вы согласились бы...

— Очень охотно, дон-Рамонъ; развѣ я не обязанъ служить отечеству?

— Ваше имя, ваше высокое положеніе придадутъ вѣсъ порученію, которое вы берете на себя, и будутъ ручательствомъ успѣха. Когда вы ѣдете?

— Меня ничто не удерживаетъ здѣсь, сеноръ; я съ этой же минуты въ вашемъ распоряженіи.

— Благодарю, графъ; принимаю ваше содѣйствіе съ величайшею признательностью; сегодня же вы получите вѣрющія письма къ губернаторамъ городовъ, которые объѣдете.

— Получивъ ихъ, я немедленно отправлюсь въ путь.

Капитанъ раскланялся и поѣхалъ домой.

Мишель Бискаецъ, по распоряженію Лорана, помѣстилъ дону Люцію съ дочерью и двумя довѣренными служанками въ потайномъ отдѣленіи Цвѣточнаго дома, гдѣ никто присутствія ихъ подозрѣвать не могъ.

Согласно своему обѣщанію, губернаторъ прислалъ Лорану четыре вѣрющихъ письма къ губернаторамъ ближайшихъ отъ Панамы городовъ.

При посланномъ же дон-Рамона капитанъ сѣлъ на лошадь и выѣхалъ изъ города съ шестью хорошо вооруженными слугами; но менѣе чѣмъ чрезъ часъ онъ уже возвращался въ свой домъ подземнымъ ходомъ и приказывалъ доложить о себѣ донѣ Люціи.

Экспедиція противъ Панамы была не чуть ли самою смѣлою и необычайною изъ всѣхъ предпринятыхъ флибустьерами. Теперь, когда мѣсто дѣйствія нашего разсказа почти исключительно сосредоточится на Панамѣ, мы не можемъ устоять противъ желанія поставить читателю на видъ извлеченіе изъ дневника, въ которомъ описывается походъ флибустьеровъ отъ Чагре чрезъ перешеекъ; дневникъ этотъ велъ Оливье Эксмелинъ, флибустьеръ самъ и участникъ въ экспедиціи, которую описываетъ съ строгой точностью, а главное съ восхитительной наивностью.

Надѣюсь, читатели останутся намъ благодарны за наше заимствованіе у очевидца.

«Въ тотъ же день они сдѣлали около шести испанскихъ миль и греблею, и на парусахъ, а къ ночи достигли мѣста, называемаго Ріо-де-лос-Бразосъ. Тамъ они промѣшкали нѣсколько часовъ, такъ какъ идти далѣе въ темнотѣ не могли; къ тому же, по ихъ соображенію, тутъ должны бы быть дома, слѣдовательно и съѣстные припасы. Въ этомъ ожиданіи они обманулись. Испанцы все разрушили, все уничтожили, повырвали всѣ корни, даже незрѣлые плоды срѣзали, не говоря о томъ, что увели скотъ. Авантюристы нашли одни опустѣлые дома, но и тѣ послужили имъ для ночлега; они такъ были стѣснены на судахъ, что сидѣть не могли. Вмѣсто пищи имъ пришлось въ эти дни довольствоваться трубкой табаку, что̀ сначала ихъ не встревожило, напротивъ сильнѣе еще подстрекнуло храбро сразиться съ испанцами, при встрѣчѣ, чтобъ добыть себѣ съѣстныхъ припасовъ.

«Девятнадцатаго числа, и второй день похода, авантюристы двинулись далѣе съ зарею; около полудня они пришли въ мѣстечко, называемое Крус-де-Хуан-Галего. Тутъ они были вынуждены бросить свои легкіе фрегаты, отчасти потому, что рѣка обмѣлѣла вслѣдствіе засухи, отчасти потому, что она завалена была упавшими деревьями; очищать отъ нихъ рѣку взяло бы много времени и не мало труда стоило.

«Проводники сказали, что тремя милями далѣе можно идти частью вдоль рѣки, частью въ ладьяхъ; однако переходы приходилось дѣлать два раза, такъ какъ ладьи, полныя людей, сначала должны были высадить ихъ въ упомянутомъ мною мѣстечкѣ,а потомъ вернуться за тѣми, которые находились на фрегатахъ; послѣднимъ отдали приказаніе простоять тутъ два, три дня, на тотъ конецъ, еслибъ испанцы оказались слишкомъ сильны и было необходимо отретироваться до этого мѣста, чтобы посредствомъ орудій оттѣснить и разбить непріятеля.

«Также оставшимся на фрегатахъ людямъ было запрещено сходить на землю, чтобъ не застигли ихъ въ лѣсу испанцы и не захватили въ плѣнъ, тѣмъ обнаружились бы незначительныя силы авантюристовъ. Рзсумѣется, испанцы содержали большое

количество шпіоновъ для наблюденія за флибустьерами, но такого рода люди сражаться не любятъ, и чтобы начальники не вели ихъ на бой, они обыкновенно утроивали число авантюристовъ.

«Двадцатаго числа, то-есть въ третій день похода, Монбаръ послалъ одного изъ проводниковъ съ нѣсколькими авантюристами, отыскивать дорогу, но когда тѣ вошли въ лѣсъ, то никакой не нашли, даже не оказалось средства проложить дорогу, потому что это было болото, частью покрытое водою и Монбару снова пришлось перевозить свой отрядъ въ два пріема до мѣста, называемаго Седро-Буэно.

«Голодъ давалъ чувствовать себя авантюристамъ; они сильно желали встрѣчи съ испанцами, потому что ослабѣли, оставаясь безъ пищи со времени выступленія, и не имѣли возможности подстрѣлить дичь. Нѣкоторые жевали листья, но не всякіе годны были въ пищу. Стемнѣло прежде чѣмъ успѣли переправиться и пришлось ночевать на берегу рѣки съ большими неудобствами, такъ какъ люди плохо были одѣты, а ночи холодны.

«Двадцать-перваго числа, то-есть на четвертый день похода, авантюристы нашли средство подвигаться впередъ одновременно одни берегомъ, другіе въ ладьяхъ, и тѣ и другіе съ проводникомъ. Проводники эти шли въ двухъ ружейныхъ выстрѣлахъ впереди съ тридцатью человѣками или порой двадцатью, чтобы развѣдывать засады испанцевъ безъ шума, если возможно захватить плѣнныхъ и такимъ способомъ узнать велики ли ихъ силы; но испанскіе шпіоны перехитрили авантюристовъ и, зная отлично дороги, предупреждали о томъ что̀ произойдетъ за полдня до прибытія авантюристовъ.

«Около полудня двѣ ладьи, которые шли на веслахъ впереди, повернули назадъ и дали знать, что завидѣли засаду. Тотчасъ тѣ съ неимовѣрною радостью взялись за оружіе: надѣялись найти что поѣсть; испанцы куда бы не отправлялись, всегда обильно запасаются пищею. Когда очутились въ виду засады, всѣ съ оглушительными криками пустились бѣжать; это былъ

настоящій бѣгъ взапуски; однако они оцѣпенѣли на мѣстѣ, когда увидали, что окопы брошены.

Испанцы тамъ было засѣли; но узнавъ чрезъ шпіоновъ, что авантюристы подходятъ въ большомъ количествѣ, они сочли позицію свою не надежною и бросили окопы, за которыми могло помѣщаться четыреста человѣкъ. Они были обнесены въ видѣ полумѣсяца частоколомъ изъ цѣлыхъ толстыхъ деревьевъ.

«Уходя, испанцы унесли съ собой съѣстные припасы и сожгли то, чего унести не могли. Нашлось только нѣсколько кожаныхъ сундуковъ, которые большую оказали пользу первымъ пришедшимъ; укладки эти разрубили на куски, чтобъ въ пищу употребить, но приготовить не имѣли времени, потому что слѣдовало идти дальше.

«За недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, Монбаръ торопился впередъ, насколько было возможно, чтобъ найти наконецъ пищу для людей и себя. Весь день не останавливались и къ вечеру пришли въ мѣстечко, по имени Торна-Муни, гдѣ еще нашли окопы, брошенные подобно первымъ. Эти двѣ предполагаемыя засады причинили имъ обманчивую радость и напрасную тревогу, такъ какъ они только и желали, что встрѣтить отпоръ.

«Надо было однако подумать объ отдыхѣ; настала ночь и въ лѣсу не видно идти. У кого оказывалось еще нѣсколько кусковъ кожи, тѣ поужинали; у кого нѣтъ, тѣ остались безъ всего. Эти кожаные сундуки дѣлаются изъ высушенныхъ бычачьихъ шкуръ и формой напоминаютъ большія плоскія корзины. Кто всегда имѣлъ хлѣба вдоволь, пожалуй съ трудомъ повѣритъ, чтобъ могли ѣсть кожу, и полюбопытствуетъ какъ приготовляется она для того, чтобъ быть удобосъѣдомой.

«Итакъ скажу, что авантюристы сперва размачивали ее въ водѣ, потомъ раскалачивали между двухъ камней, и соскобливъ шерсть ножомъ, поджаривали на огнѣ, и за тѣмъ ужъ глотали мелко изрубленную. Что можно существовать этимъ, достовѣрно, но едвали на этой пищѣ человѣкъ пожирѣетъ.

«Двадцать второго числа, на пятый день похода, авантю-

ристы продолжали идти съ самаго утра; они прибыли къ двѣнадцати часамъ на мѣсто, называемое Барбасоа, гдѣ еще встрѣтили брошенные окопы, и опять безъ съѣстныхъ припасовъ. Въ этомъ мѣстѣ было нѣсколько жилищъ, которыя авантюристы тщательно обыскали; послѣ долгихъ поисковъ они напали таки наконецъ на два мѣшка муки, зарытые въ землю съ нѣсколькими плодами, которые называются испанцами *плантанос*. Въ мигъ два мѣшка муки принесены были Монбару, и тотъ роздалъ ихъ наиболѣе нуждавшимся въ пищѣ; для всѣхъ недоставало.

«Кому дано было муки, тотъ сдѣлалъ себѣ тѣсто, размѣшавъ ее водою, и небольшими частицами пекъ на угольяхъ, завернувъ въ банановый листъ; эти куски тѣста, такимъ образомъ испеченные, назывались пряженцами.

«На слѣдующее утро, двадцать третьяго числа, въ шестой день похода, людей этихъ не понадобилось будить утренней повѣсткой; пустые желудки не посылали паровъ къ мозгу и не усыпляли ихъ. Итакъ они выступили по обыкновенію, но часто должны были отдыхать, отъ слабости; во время этихъ приваловъ многіе изъ нихъ бросались въ лѣсъ отыскивать какихънибудь древесныхъ сѣмянъ, чтобъ утолить голодъ.

«Въ этотъ же день они пришли часовъ въ двѣнадцать къ жилью поодаль отъ дороги, гдѣ нашли пропасть маиса, но еще въ колосьяхъ.

«Надо было видѣть какъ они набросились на него и стали ѣсть; испечь его они времени не имѣли, торопясь идти, да и голодъ такъ былъ силенъ.

«Немного позднѣе они завидѣли впереди индійцевъ, за которыми тотчасъ ударились вслѣдъ въ надеждѣ напасть на засаду испанцевъ. У кого былъ маисъ, тѣ бросили его, чтобъ легче бѣжать. Они стрѣляли по индійцамъ, нѣкоторыхъ убили, другихъ преслѣдовали до Санта-Круза, гдѣ они вплавь кинулись на другой берегъ рѣки и ускользнули отъ авантюристовъ; но и тѣ вскорѣ послѣдовали за ними, переплывъ рѣку, пока индійцы

кричали имъ: «*А! собаки французы, идите въ савану, мы ждемъ васъ!*»

«Числа двадцать четвертаго, въ седьмой день по выступленіи, авантюристы прибыли въ мѣстечко Крузъ; оно стояло объятое пламенемъ и въ немъ не оказывалось ни души. Это мѣстечко послѣдній пунктъ, котораго можно достигнуть водой; туда и доставляются товары изъ Чагре, для дальнѣйшаго слѣдованія берегомъ, на мулахъ, до Панамы, отстоящей всего на восемь миль. Флибустьеры рѣшили, что останутся тутъ до ночи, чтобъ собраться съ силами и поискать средствъ утолить голодъ.

«Въ королевскихъ магазинахъ нашли нѣсколько кувшиновъ съ виномъ и кожаный сундукъ съ сухарями. Изъ опасенія, чтобъ люди не перепились, Монбаръ распустилъ слухъ, что вино отравлено, и всѣмъ запретилъ пить. Нѣкоторые изъ авантюристовъ, уже выпивъ на тощій желудокъ, почувствовали себя дурно; ихъ стало рвать, и это удостовѣрило въ томъ, что ядъ подсыпанъ въ вино; разумѣется, никто его пить не сталъ.

«Тѣмъ не менѣе оно не пропало даромъ: были между флибустьерами и такіе люди, которые не воздержались бы, даже въ виду вѣрной смерти, отъ яда.

«На другой день, двадцать пятаго, Монбаръ выбралъ двѣсти человѣкъ и разослалъ ихъ впередъ развѣдчиками, а главное чтобъ обступить непріятеля и не подвергать всѣхъ своихъ силъ опасности быть застигнутыми врасплохъ на предстоящемъ переходѣ отъ Круза до Панамы, гдѣ дорога во многихъ мѣстахъ была крайне узка и два человѣка съ трудомъ могли идти рядомъ. Двѣсти человѣкъ, выбранные Монбаромъ въ передовые патрули, были вооружены лучше всѣхъ, и самые искусные стрѣлки въ Европѣ; они состояли по большей части изъ французскихъ буканьеровъ, такъ какъ эти двѣсти человѣкъ стоили шестисотъ другихъ.

«Впрочемъ Монбаръ сформировалъ изъ своего войска главный корпусъ, авангардъ и арьергардъ; на случай же боя, правое и лѣвое крыло съ резервами, которые всѣ шли по срединѣ.

Правое крыло имѣло впереди авангардъ, а позади лѣвое крыло. Въ такомъ порядкѣ Монбаръ велъ свое войско отъ Круза до Панамы.

«Часовъ въ шесть онъ достигъ мѣста, называемаго Темною Губою. Названіе мѣтко: солнце не освѣщаетъ его никогда. На авантюристовъ вдругъ посыпалась туча стрѣлъ, которыя убили человѣкъ восемь, десять, и поранили столько же. Флибустьеры тотчасъ стали въ оборонительную позицію, но не знали, что̀ предпринять, видя предъ собою однѣ скалы, деревья и овраги; данъ былъ залпъ наугадъ.

«Однако, при всей неопредѣленности такой обороны съ завязанными глазами, на дорогу упало двое индійцевъ; одинъ, весь въ крови, привсталъ и хотѣлъ вонзить въ француза стрѣлу, которую держалъ, но другой авантюристъ отвелъ его руку и мгновенно закололъ... Когда индійцы увидали, что этотъ человѣкъ убитъ, они отступили, и съ этой минуты въ авантюристовъ не пускали ни единой стрѣлы. Еще нашли двухъ, трехъ индійцевъ на дорогѣ, но мертвыхъ. Надо сказать, что мѣсто это представляло большое удобство для засады; сто человѣкъ рѣшительныхъ могли бы преградить авантюристамъ проходъ, еслибъ стойко отбивались. За этимъ ущельемъ флибустьеры вышли на большой лугъ, гдѣ сдѣлали привалъ для перевязки раненныхъ въ засадѣ. Между тѣмъ индійцы то и дѣло рыскали вокругъ нихъ. Не рѣдко даже они кричали имъ: *Въ савану, въ савану, собаки французы!*

«Въ этотъ же вечеръ авантюристы были вынуждены рано остановиться для ночлега; начинался дождь. Съ величайшимъ трудомъ отыскали они нѣкоторое подобіе пріюта и нѣсколько пищи; испанцы все уничтожили и скотъ угнали. Чтобъ добыть хоть что-нибудь, флибустьерамъ пришлось уклониться отъ дороги. Въ полумили отъ нея они набрели на мызу, которой строенія сожжены не были; но ихъ не оказывалось достаточно, чтобъ помѣстить всѣхъ. Рѣшили такъ: оградить отъ дождя по-крайней-мѣрѣ боевые снаряды и оружіе, а стеречь ихъ поочередно

по взводу изъ каждой роты, дабы въ случаѣ тревоги каждый зналъ, гдѣ его взять.

«Въ девятый день похода, двадцать-шестого числа, т. е. на слѣдующее утро, Монбаръ приказалъ разрядить всѣ ружья, чтобы въ случаѣ надобности они отъ дождя не дали осѣчки. Приказаніе было исполнено и вскорѣ всѣ ружья вновь заряжены. Опять флибустьеры пошли далѣе. Дорога имъ предстояла очень тяжелая; мѣстность была открытая, нигдѣ ни деревца и солнце пекло ихъ немилосердо.

«... Къ полудню они поднялись на пригорокъ и оттуда увидали Южное море и большое судно съ пятью ладьями, которое выходило изъ Панамы, направляясь къ островамъ Тагура и Тагурила, отстоящимъ не болѣе какъ на три или четыре мили.

«При этомъ видѣ они обрадовались, въ надеждѣ, что скоро кончатся ихъ терзанія.»

Здѣсь мы прервемъ эти выписки, такъ какъ читатель достаточно могъ уяснить себѣ страданія и лишенія, вынесенныя флибустьерами во время тяжелаго перехода чрезъ перешеекъ.

Береговые Братья не могли выступить изъ Чагре ранѣе какъ по прошествіи десяти дней; этотъ срокъ оказался необходимъ для возстановленія въ городѣ нѣкотораго порядка, иначе онъ не могъ бы служить вѣрнымъ убѣжищемъ на случай неудачи и поспѣшнаго отступленія.

Къ тому оказывался недостатокъ и въ людяхъ; множество буканьеровъ было тяжело ранено и убито въ Санта-Катаринѣ и Порто-Бело, и наконецъ Чагре, гдѣ испанцы оказали отчаянное сопротивленіе; слѣдовательно, и потеря людьми авантюристовъ достигала значительныхъ размѣровъ; нѣсколько разъ схватывались въ рукопашномъ бою на холодномъ оружіи.

Монбаръ еще долженъ былъ оставлять сильные гарнизоны въ этихъ разныхъ городахъ, чтобъ удерживать жителей въ повиновеніи и съ успѣхомъ отбросить испанцевъ, на случай мало вѣроятный, еслибъ они вернулись попытаться взять ихъ обратно.

Когда Монбаръ сдѣлалъ смотръ войску, которымъ могъ рас-

полагать, у него оказалось на лицо всего *тысяча сто* человѣкъ.

И съ этою то горстью онъ долженъ былъ пройти перешеекъ, бороться съ испанскими солдатами въ двадцать разъ многочисленнѣе, и завладѣть городомъ съ шестидесятью тысячами жителей. Всякій другой на мѣстѣ знаменитаго флибустьера, если не отказался бы отъ такого смѣлаго предпріятія, по-крайней-мѣрѣ постарался бы усилить свое войско, уменьшивъ гарнизоны взятыхъ имъ городовъ. Монбару это не пришло и въ умъ. Онъ только улыбнулся Олонецу, который стоялъ возлѣ него, и пожавъ ему руку, сказалъ:

— Ба! каждый изъ насъ стоитъ десяти; мы одержимъ верхъ, но труднѣе будетъ и славы больше. Впередъ, дѣти! Мы остановимся только въ Панамѣ.

Авантюристы отвѣтили громкими криками восторга и весело выступили въ походъ.

Что могли сдѣлать испанцы противъ подобныхъ людей?

XVI.

ДО ЧЕГО ЛЮБОВЬ ДОВОДИТЪ НѢКОТОРЫХЪ ЖЕНЩИНЪ.

Въ тотъ же день, когда флибустьеры, поднявшись на пригорокъ, радостными криками привѣтствовали Южное море, которое разстилалось предъ ихъ умиленными взорами гладкимъ и прозрачнымъ зеркаломъ, донъ-Рамонъ де-ла-Крусъ, генералъ-губернаторъ Панамы, расхаживалъ вдоль и поперекъ по гостиной въ своемъ дворцѣ.

Онъ казался мраченъ, озабоченъ, ходилъ быстро, порыви-

*

сто, опустивъ голову на грудь и заложивъ руки за спину; весь видъ его изобличалъ съ трудомъ сдерживаемое внутреннее раздраженіе.

На столѣ лежало развернутое письмо, и каждый разъ какъ проходилъ мимо, онъ взглядывалъ на него съ сердцемъ, порой останавливался, перечитывалъ нѣсколько словъ глухимъ голосомъ, и опять принимался ходить съ волненіемъ, которое все возрастало.

Дона Линда, прелестная, но блѣдная какъ статуя пароскаго мрамора, сидѣла или, вѣрнѣе, полулежала на одномъ изъ креселъ-качалокъ, встрѣчаемыхъ вездѣ въ тѣхъ краяхъ и чрезвычайно удобныхъ для мечтаній при постоянномъ ихъ колебаніи; дѣвушка слѣдила озабоченнымъ взоромъ за движеніями отца.

Половина десятаго пробила на часахъ, стоявшихъ на тумбѣ. При трескѣ колесъ предъ боемъ дон-Рамонъ вздрогнулъ и съ нетерпѣніемъ взглянулъ на цыферблатъ.

— Еще полчаса! прошепталъ онъ.

— Зачѣмъ такъ тревожиться изъ-за безыменнаго письма, батюшка? тихо сказала дона Линда. — Развѣ вы не знаете, что одни подлецы прибѣгаютъ къ этому средству вредить своимъ врагамъ, на которыхъ они открыто напасть не смѣютъ?

— Я повторялъ себѣ сто разъ то же, что̀ говоришь ты теперь, возразилъ дон-Рамонъ: — конечно, безыменное письмо низость; всякій согласенъ, что оно стоитъ одного презрѣнія; однако невольно скажешь себѣ, прочитавъ: «Ну какъ это правда!» Наша жалкая человѣческая натура ужъ такова, что все неизвѣстное пугаетъ насъ; все-равно откуда бы ни раздавался голосъ, какъ скоро онъ грозитъ намъ несчастьемъ, мы готовы вѣрить ему.

— Увы! грустно прошептала дѣвушка.

— Впрочемъ, съ живостью продолжалъ дон-Рамонъ: — хотя почеркъ измѣненъ довольно искусно, я почти ручаюсь, что узналъ его; письмо это написано ко мнѣ дон-Хезусомъ Ордонецомъ.

— Дон-Хезусомъ Ордонецомъ, этимъ гнуснымъ человѣкомъ, который подло бросилъ свою дочь и меня!

— Имъ самимъ, дитя мое; ты понимаешь, что если человѣкъ этотъ осмѣливается мнѣ писать и вызывается лично явиться ко мнѣ для предъявленія доказательствъ того, что̀ утверждаетъ, онъ долженъ быть вполнѣ увѣренъ въ своей безопасности, слѣдовательно и въ томъ, что̀ намѣренъ доказывать.

— И вы повѣрите тому, что̀ скажетъ вамъ подобный человѣкъ?

— Повѣрю, если онъ представитъ доказательства; будь покойна, прибавилъ онъ съ странною улыбкой: — если подлецъ этотъ намѣренъ играть мною, не такъ легко ускользнетъ онъ изъ моихъ рукъ, какъ воображаетъ.

— А я такъ буду откровенна, батюшка! вскричала дона Линда съ оживленіемъ:—между двухъ человѣкъ, такихъ какъ дон-Хезусъ Ордонецъ и дон-Фернандъ Кастель-Морено, я не колебалась бы ни минуты: первый трусъ, мошенникъ—словомъ, презрѣнная тварь; другой, человѣкъ благородный, все поведеніе котораго служитъ тому доказательствомъ. Немного дней назадъ онъ прискакалъ раненный въ ачіенду дель-Райо, спасти меня и доставить безопасно къ вамъ; онъ же предупредилъ васъ о высадкѣ флибустьеровъ, все онъ! Не стану упоминать, какое имя онъ носитъ; его положеніе въ свѣтѣ, родство съ вице-королемъ Новой Испаніи, все однако явныя доказательства въ его пользу; къ чему говорить лишнее? Я только скажу одно: сравните этихъ двухъ человѣкъ между собой и съ перваго же взгляда вы увидите, который измѣнникъ.

— Ты очень опрометчиво заступаешься за дон-Фернанда, душа моя, слегка насмѣшливо и вмѣстѣ нѣжно замѣтилъ дочери дон-Рамонъ:—ужъ не полюбила ли ты его, чего добраго? Такъ защищаютъ обыкновенно только человѣка любимаго.

— Что-жъ, папа, это правда! вскричала въ внезапномъ порывѣ дѣвушка и, мгновенно вставъ съ кресла, очутилась предъ губернаторомъ, который остановился оторопѣвъ:—да, я люблю его! люблю всѣми силами души, люблю за красоту, за величіе,

за благородство, люблю за то, что онъ спасъ мнѣ, быть можетъ, жизнь, но честь навѣрно, люблю я его наконецъ потому, что люблю!

— Успокойся, дитя, ради самого неба! вскричалъ дон-Рамонъ: — ничего не доказываетъ еще, чтобы доносъ этотъ былъ справедливъ.

— Да мнѣ-то что въ доносѣ этомъ! продолжала дѣвушка, пожавъ плечами съ гордымъ презрѣніемъ:—развѣ мы женщины, отдавъ сердце, занимаемся подобными вещами? Пусть дон-Фернандъ будетъ измѣнникъ, какъ обвиняютъ его въ этомъ; пусть онъ будетъ однимъ изъ главныхъ предводителей разбойниковъ, я меньше его не полюблю, больше, если возможно, потому что въ поступкѣ его есть величіе; чтобы доставить успѣхъ людямъ, за которыхъ сталъ, онъ не колеблясь, одинъ и беззащитный, отдается въ руки враговъ и прямо идетъ съ ними на бой; кто такъ поступаетъ, папа, тотъ не измѣнникъ, не подлецъ; какое бы дѣло ни защищалъ онъ, это герой! И наконецъ если этотъ доносъ, которому вы придаете такое значеніе, и справедливъ, то дон-Фернандъ не испанецъ, онъ французъ. Вамъ онъ не обязанъ ничѣмъ и не измѣняетъ вамъ; онъ случитъ друзьямъ своимъ, вотъ и все!

— Успокойся, дитя мое, отвѣтилъ дон-Рамонъ, нѣжно пожимая ей руки:—твои слова очень огорчаютъ меня; я глубоко уважаю дон-Фернанда, котораго поведеніе всегда казалось мнѣ безупречнымъ; не только я не желаю взводить на него вины, будь увѣрена, что напротивъ мое живѣйшее желаніе убѣдиться осязательно въ его невинности; я не забываю и не забуду, что бы ни случилось, въ какомъ громадномъ долгу мы у него; будь онъ даже виновенъ, чего я теперь допускать не хочу, онъ найдетъ во мнѣ защитника; въ его интересахъ надо вести это дѣло до конца и посрамить подлаго доносчика; ты только одного не сообразила, мое бѣдное дитя, что мы находимся въ обстоятельствахъ исключительныхъ: враги грозятъ намъ извнѣ; измѣна окружаетъ насъ внутри; страшная отвѣтственность лежитъ на мнѣ; я долженъ отвѣтить королю и отечеству за жизнь и

состояніе жителей города, который подъ моимъ начальствомъ; страшный долгъ слѣдуетъ мнѣ исполнить, я не измѣню ему.

— Папа...

— Не увеличивай, милое дитя, твоимъ женственнымъ увлеченіемъ и пристрастными доводами трудность моего положенія; предоставь мнѣ полную свободу дѣйствій; мнѣ нужно все мое хладнокровіе и вся ясность мыслей, чтобы не сдѣлать промаха при событіяхъ, угрожающихъ мнѣ со всѣхъ сторонъ; особенно объ одномъ умоляю тебя, Линда, мое дорогое дитя, не противопоставляй моему долгу нѣжную любовь къ тебѣ; кто знаетъ, не перетянетъ ли послѣдняя и я сдѣлаюсь преступнымъ, забывъ все кромѣ тебя. Не прибавляй ни слова. Вотъ часъ, когда долженъ прійти этотъ человѣкъ; оставь меня съ нимъ одного.

Молодая дѣвушка сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла возразить, но вдругъ передумала; блѣдная улыбка мелькнула на мгновеніе на ея губахъ.

— Хорошо, папа, кротко согласилась она, подставляя ему лобъ для поцѣлуя:—я ухожу.

— Ступай, дитя, успокойся; положись безъ боязни на мою нѣжную къ тебѣ любовь.

Онъ проводилъ ее до двери, которую отворилъ ей, и дона Линда вышла, не сказавъ ни слова.

Дон-Рамонъ вернулся къ столу, взялъ безыменное письмо, прочелъ его въ послѣдній разъ и спряталъ въ боковой карманъ полукафтана.

Пробило десять часовъ; дверь гостиной отворилась и слуга доложилъ:

— Дон-Хезусъ Ордонецъ де-Сильва и Кастро.

Вошелъ ачіендеръ.

«Я угадалъ!» подумалъ про-себя дон-Рамонъ.

Онъ сдѣлалъ слугѣ знакъ и тотъ вышелъ, затворивъ за собою дверь.

Два человѣка остались глазъ-на-глазъ.

Дона Линда вернулась къ себѣ въ страшномъ волненіи; ото-

славъ служанокъ и заперевъ двери на задвижку, она опустилась на кресло, закрыла лицо руками и погрузилась въ думы.

Грустны были онѣ, безъ сомнѣнія, потому что подавленные вздохи вырывались изъ ея груди, рыданія душили ее, слезы струились сквозь пальцы, судорожно сжатые терзаніями скорби.

Но припадокъ отчаянія длился не долго; эта дѣвушка съ огненною душой тотчасъ опять подняла голову гордо, надменно, рѣшительно; она быстро отерла слезы съ раскраснѣвшихся глазъ и горькая улыбка подернула ея миніатюрныя губы.

— Такъ надо! прошептала она:—какое мнѣ дѣло?

Она приняла неизмѣнное рѣшеніе.

Дона Линда закуталась въ черную мантилью, накинула на голову шарфъ, взяла со стола крошечный кинжалъ съ тонкимъ и острымъ какъ игла лезвеемъ, какіе въ ту странную эпоху женщины постоянно носили при себѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ странахъ мужчины и женщины всегда ходили вооруженные, кинжалъ этотъ дѣвушка спрятала за пазуху, осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ, какъ дѣлаютъ испанки, сперва перекрестивъ лобъ, потомъ глаза, ротъ и наконецъ сердце, тихо отворила дверь, прокралась въ смежную комнату, затѣмъ въ другую, добралась до лѣстницы, сошла внизъ на цыпочкахъ и, такъ какъ дверь дворца случайно была пріотворена, мигомъ очутилась на улицѣ, не замѣченная даже часовымъ, и помчалась, легко какъ птичка.

Было десять часовъ вечера; ночь свѣтлая и ясная; улицы пусты; молодая дѣвушка шла храбро; впрочемъ планъ, задуманный ею, поглощалъ всѣ ея мысли до того, что мѣста не оставалось для страха.

Дона Линда плотнѣе закуталась въ мантилью, взялась за ручку кинжала и, высоко поднявъ голову, глядя прямо блестящимъ взоромъ и ступая твердо, направилась быстрыми шагами по лабиринту улицъ къ нижнимъ кварталамъ города.

Она встрѣтила на своемъ пути однихъ ночныхъ стражей, необходимую принадлежность всякаго испанскаго города; люди эти посматривали съ удивленіемъ на прекрасную молодую жен-

щину, которая въ такой часъ ночи шла по улицамъ одна и пѣшкомъ. Порой она встрѣчалась съ ночными объѣздами и солдаты отпускали ей шутки несовсѣмъ изящнаго свойства, но молодая дѣвушка не замѣчала ни изумленія стражей, ни насмѣшекъ солдатъ, и неуклонно шла своею дорогой, не замедляя шаговъ, не поворачивая головы.

Она стремилась къ цѣли, еще отдаленной, но которой достигнуть хотѣла во что бы ни стало.

Когда женщины заберутъ себѣ въ голову быть храбрыми, онѣ во сто разъ настойчивѣе и многимъ отважнѣе мужчинъ; ничто не останавливаетъ ихъ въ исполненіи того рѣшенія, которымъ задались, ни трудности, ни опасность, онѣ преодолѣваютъ всѣ преграды, но спадаются мгновенно отъ истощенія силъ и страха, когда проходитъ нервное возбужденіе, одно поддерживающее ихъ.

Дона Линда шла такимъ образомъ около трехъ четвертей часа и наконецъ очутилась предъ великолѣпной рѣшеткой съ заслонами изнутри; она остановилась, съ минуту постояла, прислонившись къ рѣшеткѣ, чтобъ перевести духъ, и потомъ, схвативъ обѣими руками молотокъ, стала стучать.

Рѣшетка эта принадлежала Цвѣточному дому.

Протекло нѣсколько минутъ; молодая дѣвушка не переставала стучать; наконецъ она услыхала голоса и шумъ приближающихся шаговъ.

— Кто тамъ? спросили изнутри.

— Отоприте! задыхающимся голосомъ отвѣтила она.

— Кто вы? что вамъ нужно?

— Узнаете, когда отопрете.

— Такъ поздно отпирать нельзя.

— Чего вы опасаетесь? развѣ не слышите женскаго голоса?

— Такъ-то такъ, но мы не отопремъ, пока не узнаемъ, кто вы.

— О! воскликнула дѣвушка въ отчаяніи и снова принялась стучать.—Отоприте или я упаду мертвая у воротъ. Это вопросъ жизни или смерти.

Внутри стали совѣщаться шепотомъ, потомъ ворота пріотво-

рили и показался человѣкъ, держа въ каждой рукѣ по пистолету; за нимъ слѣдовалъ другой съ мечомъ въ одной рукѣ и фонаремъ въ другой.

— Наконецъ! вскричала дона Линда въ порывѣ радости.

— Въ самомъ дѣлѣ женщина! сказалъ первый изъ вышедшихъ, не кто иной какъ Мишель Бискаецъ въ сопровожденіи Данника:—и она одна! Что̀ вамъ угодно, сударыня?

— Взгляните на меня, отвѣтила дѣвушка, сбросивъ на плечи шарфъ.

— Дона Линда де-ла-Крусъ! въ крайнемъ изумленіи вскричалъ Мишель:—одна, здѣсь, въ такое время!

— Да, любезный другъ, это я; впустите меня скорѣе ради Бога!

— Пожалуйте, отвѣтилъ Мишель, почтительно посторонившись.

Молодая дѣвуша вошла съ живостью и ворота затворились за нею немедленно.

Мишель пошелъ впереди; онъ привелъ посѣтительницу въ гостиную и попросилъ ее садиться; потомъ зажегъ восковыя свѣчи и сталъ предъ нею съ поклономъ.

— Что̀ вамъ угодно, сенора? спросилъ онъ.

Изнемогая отъ усталости и волненія, молодая дѣвуша почти упала на кресло.

— Мнѣ надо говорить съ вашимъ бариномъ, отвѣтила она:—сейчасъ надо видѣться съ нимъ.

— Это невозможно, сенорита.

— Почему? Вѣдь я сказала, что мнѣ необходимо видѣть его. Неужели я одна рѣшилась бы идти по городу въ этомъ часу ночи изъ-за вздора?

— Графа нѣтъ здѣсь, сенора.

— Нѣтъ? Гдѣ же онъ?

— Не знаю, сенора.

— Положимъ, онъ въ отсутствіи, но долженъ же вернуться; я подожду.

— Графъ не вернется, сенора; въ самый день его пріѣзда онъ вечеромъ опять уѣхалъ и мы не видали его съ-тѣхъ-поръ.

— Да, да, возразила дѣвушка, недовѣрчиво покачавъ головой:—вамъ велѣно такъ говорить и вы, какъ честный слуга, исполняете данное вамъ приказаніе; это прекрасно, но теперь подите доложить обо мнѣ вашему господину; скажите, что я должна сообщить ему нѣчто чрезвычайно важное, что всякое замедленіе - гибель.

— Но увѣряю васъ, сенора...

— Ступайте, другъ мой; будьте увѣрены, что упрековъ отъ барина не заслужите, если исполните мою просьбу.

Подвижная филенка тихо скользнула на невидимыхъ пазахъ; показался Прекрасный Лоранъ и сдѣлалъ знакъ Мишелю.

Тотъ поклонился и вышелъ, не сказавъ ни слова.

Лоранъ задвинулъ за собой филенку и подошелъ къ донѣ Линдѣ; но вся поглощенная своими мыслями, молодая дѣвушка не замѣтила его появленія.

Онъ остановился предъ нею, почтительно склонилъ голову и тихимъ, ласковымъ голосомъ сказалъ:

— Къ вашимъ услугамъ, сеньорита:—что прикажете?

Дона Линда съ живостью подняла голову; у нея вырвалась радостное восклицаніе; но тотчасъ же она переломила себя силою воли; померкъ огонь въ ея глазахъ и черты ея приняли неподвижность мрамора.

— Трудно добраться до васъ, сеньоръ, отвѣтила она холодно.

— Сознаюсь въ этомъ, но я никакъ не разсчитывалъ на честь видѣть васъ у себя, особенно въ такой поздній часъ ночи.

— Боже мой, это правда! прошептала дѣвушка и по лицу ея разлилась темная краска.

— Одна важная причина могла подвинуть васъ на такой поступокъ, сеньорита; говорите откровенно; я вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга; что бы ни потребовали вы, я готовъ исполнить.

— Правда ли это, сеньоръ донъ-Фернандъ?

— Честью клянусь, сеньорита; съ радостью пролью кровь, если

могу отвратить отъ васъ горе, осушить хотя бы одну только вашу слезу; говорите безъ опасенія, умоляю васъ.

— Благодарю, графъ; теперь рѣчь не обо мнѣ.

— О комъ же?

— О васъ.

— Обо мнѣ?

— Да, графъ, о васъ.

Она указала ему на стулъ и молодой человѣкъ сѣлъ.

— Я не понимаю васъ, продолжалъ онъ.

— Сейчасъ поймете, сказала дѣвушка.

— Говорите же, прелестная сивила, улыбаясь отвѣтилъ Лоранъ.

— Напротивъ, мрачная сивила; я должна предвѣщать одни несчастья.

— Эти несчастья будутъ встрѣчены съ радостью, когда они принесены вами.

— Не станемъ терять время на пустыя слова и приторныя любезности, графъ; вѣдь мы не влюбленные, высказывающіе другъ другу нѣжную страсть, мы друзья и должны говорить о вещахъ серіозныхъ.

— Я слушаю васъ, сеньорита.

— Вамъ грозитъ страшная опасность, графъ; сегодня отецъ мой получилъ безыменное письмо.

— Безыменное письмо? повторилъ молодой человѣкъ съ презрѣніемъ.

— Да; но почеркъ, хотя искусно измѣненный, узнать все-таки можно.

— И вашъ отецъ узналъ его?

— Узналъ, графъ; написалъ письмо дон-Хезусъ Ордонецъ.

— Дон-Хезусъ Ордонецъ! вскричалъ Лоранъ съ страннымъ выраженіемъ въ голосѣ: — тутъ должна крыться какая-нибудь гнусная клевета.

— Я сейчасъ это и подумала.

— Извѣстно вамъ содержаніе письма?

— Я читала его; болѣе того: списала украдкой отъ папы и копію принесла вамъ.

— Вы сдѣлали это, сенорита? вскричалъ Лоранъ съ чувствомъ.

— Для васъ, графъ, сдѣлала. Читайте.

Она достала изъ-за пояса сложенный листокъ бумаги и подала его молодому человѣку, который поспѣшно развернулъ его и сталъ читать.

Вотъ что заключалось въ письмѣ и что Лоранъ прочелъ, поблѣднѣвъ отъ бѣшенства и отчаянія:

«Его превосходительству, дон-Хозе Рамону де-ла-Крусу, генералъ-губернатору города Панамы.

«Ваше превосходительство,

«Вѣрный подданный короля имѣетъ честь донести вамъ, что вчера въ ночь разбойникъ-флибустьеръ захваченъ былъ его людьми въ полумилѣ отъ города, въ который хотѣлъ пробраться. Разбойникъ далъ убить себя, обороняясь. На немъ найдено письмо съ слѣдующею надписью:

«*Сенору графу дон-Фернанду Кастель-Морено.* (Въ собственныя руки, конфиденціальное).»

«Письмо это въ моихъ рукахъ и содержаніе его слѣдующее:

«Любезный Лоранъ,

«Мы у цѣли, преодолѣвъ нескончаемыя преграды; еще нѣсколько часовъ, и мы подступимъ наконецъ къ Панамѣ, которой безъ тебя не достигли бы въ вѣки вѣковъ; вся честь экспедиціи принадлежитъ тебѣ одному.

«Потерпи еще немного; твоя роль графа скоро придетъ къ концу; испанцы, кажется, не хотятъ вступать со мною въ бой иначе какъ у самыхъ городскихъ стѣнъ подъ прикрытіемъ огня съ валовъ; сраженіе будетъ жаркое, но мы возмемъ верхъ, если, по нашему условію въ Чагре, тебѣ удастся открыть намъ одни изъ городскихъ воротъ. Только на тебя мы и надѣемся; это будетъ рѣшительный ударъ. Тотчасъ по полученіи этой записки, которую передастъ тебѣ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ нашихъ братьевъ, прими мѣры, чтобъ помочь намъ войти немедленно и вступить съ тобою въ сношенія.

«Всѣ Братья жмутъ тебѣ руку, я же остаюсь, какъ всегда, твоимъ братомъ-матросомъ.

«Монбаръ.»

«Подлинное письмо, съ котораго снята эта копія, я представлю на благоусмотрѣніе вашего превосходительства и буду имѣть честь вручить лично сегодня вечеромъ, если вы удостоите принять меня. Въ десять часовъ я явлюсь къ вамъ во дворецъ.

«Честь имѣю быть покорнымъ слугою вашего превосходительства.

«Вѣрноподданный короля

Q. S. M. B. (*).

По прочтеніи этого поражающаго документа, Лоранъ оставался нѣкоторое время словно ошеломленный, желая, чтобы земля разверзлась подъ его ногами и поглотила его.

— О! пробормоталъ онъ, съ яростью сжавъ кулаки: — и не имѣть возможности раздавить этого человѣка подъ ногами какъ гадину, какъ эхидну!

Вскорѣ однако лицо его опять приняло выраженіе спокойное; онъ съ улыбкой возвратилъ письмо и хладнокровно сказалъ:

— Дон-Рамонъ вѣроятно повѣрилъ этому, сенорита?

— Не вполнѣ быть можетъ, но оно взволновало его и онъ согласился принять того, кто написалъ его; они вмѣстѣ теперь.

— Ага! съ живостью вскричалъ Лоранъ, но тотчасъ овладѣлъ собой: — а вы, сенорита, что думаете?

— О письмѣ?

— Да, о немъ.

— Вы хотите, чтобъ я отвѣчала откровенно?

— Да, сенорита, совсѣмъ откровенно.

— Я думаю, что письмо это, хотя и дѣло врага и подлеца, такъ какъ безъ подписи, однако передаетъ одну правду и факты излагаетъ какъ они на самомъ дѣлѣ есть.

— Вы думаете это и все-таки пришли? вскричалъ онъ въ изумленіи.

(*) Который цѣлуетъ его руки.

— Пришла, сеноръ, несмотря на такое убѣжденіе.

— Съ какою же цѣлью?

— Единственно, чтобы спасти васъ.

— О, вы ангелъ! вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, едва слышно прошептала она: — любящая женщина!

Молодой человѣкъ упалъ къ ея ногамъ, схватилъ ея руку и поцѣловалъ.

— Благодарю, сказалъ онъ: — благодарю, сенорита, увы!..

— Ни слова, сеноръ! съ достоинствомъ перебила его дона Линда: — ваше сердце принадлежитъ другой, которая счастливѣе меня.

— И эта другая благословляетъ тебя, моя возлюбленная сестра! вскричала дона Флора, внезапно появляясь и бросившись въ объятія подруги.

Двѣ прелестныя дѣвушки крѣпко обнялись, потомъ обѣ взглянули на Лорана и вскричали съ тоскою:

— Что дѣлать? Боже мой! Что дѣлать?

— Бѣжать! Бѣжать не теряя ни минуты, продолжала съ жаромъ дона Линда: — быть можетъ, и теперь уже поздно.

— Бѣжать! Мнѣ? возразилъ капитанъ съ презрѣніемъ: — никогда! Я скорѣй лягу подъ развалинами этого дома, но въ бѣгство не обращусь!

— Вѣдь вы на смерть идете!

— Я долгъ исполню; честь предписываетъ мнѣ это; мое мѣсто здѣсь; я не сойду съ него. Вы вѣрно угадали, сенорита: да, я флибустьеръ, одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ предводителей. Прозваніе мое: Прекрасный Лоранъ. Вы видите, что все изложенное въ этомъ письмѣ справедливо; но меня привели сюда не жажда золота, не надежда на грабежъ. Цѣль моя благороднѣе — исполненіе священной мести. Теперь вы знаете все. Если я не могу сдержать своей клятвы, то по-крайней-мѣрѣ съумѣю умереть. Прекрасный Лоранъ не долженъ попасть живой въ руки своихъ враговъ. Теперь мнѣ надо готовиться къ борьбѣ; дона Линда, ваше отсутствіе можетъ быть замѣчено, если продлится

очень долго; позвольте мнѣ имѣть честь отвести васъ къ вашему отцу.

Дѣвушка тихо покачала упрямою головкой.

— Нѣтъ, сеноръ, сказала она: — я остаюсь.

— Остаетесь?

— Что жъ въ этомъ удивительнаго?

— А ваше доброе имя, горе отца вашего, который сочтетъ васъ погибшею?

— Мое доброе имя очень мало заботитъ меня въ настоящую минуту; что же касается горя моего отца, то на него именно я и разсчитываю.

— О, ты любишь его! Ты любишь! шепнула ей на ухо Флора, цѣлуя ее.

— Да, люблю! отвѣтила она такъ же тихо: — а ты?

— О! я!.. воскликнула она страстно и закрыла руками лицо.

— Такъ сложимъ нашу любовь, чтобы спасти его. Не бойся, другъ, когда настанетъ время, я исчезну безслѣдно; будемъ вмѣстѣ страдать за него; но одна ты будешь радоваться, когда пройдетъ опасность; сердце мое разбито, но я сильна и тебѣ предоставлю твое счастье.

Дона Флора съ рыданіями повисла у нея на шеѣ.

— Бѣдняжка! шептала дона Линда, оказывая ей нѣжнѣйшія ласки.

Лоранъ присутствовалъ съ страннымъ душевнымъ волненіемъ при этой сценѣ, настоящій смыслъ которой оставался для него загадкой.

— Видите, кабалеро, обратилась къ нему дона Линда, указывая на Флору: —этотъ ребенокъ не въ силахъ выносить такіе жестокіе удары; позвольте мнѣ пройти въ ея комнату и заботиться о ней; впрочемъ, теперь поздно и вамъ вѣрно надо сдѣлать важныя распоряженія.

— Простите, сенорита, клянусь честью, ничего не понимаю...

— Въ моемъ рѣшеніи, не такъ ли?

— Смиренно сознаюсь, что такъ.

— Вы все упорствуете и бѣжать несогласны?

— Мое рѣшеніе принято.

— Я и спорить съ вами не стану; но въ такомъ случаѣ я остаюсь; если же вы спасетесь бѣгствомъ, я уйду.

— У меня голова точно въ огнѣ, сенорита; ваши слова...

— Кажутся вамъ непонятными, перебила она улыбаясь. — Постараюсь объяснить ихъ вамъ; быть можетъ, менѣе чѣмъ чрезъ часъ домъ этотъ обступитъ испанское войско и вы будете окружены непроходимою желѣзною и огненною чертой. Ожесточенная борьба завяжется между вами и врагами вашими; я, дочь губернатора, ваша плѣнница, буду служить вамъ залогомъ. Понимаете вы меня теперь?

— Да, сенорита, понимаю; такое самоотверженіе возвышенно, я преклоняюсь предъ нимъ, но принимать его не могу.

— А по какой причинѣ?

— Честь мнѣ воспрещаетъ, сенорита.

Молодая дѣвушка пожала плечами.

— Честь!.. У васъ, мужчинъ, вѣчно одно это слово на языкѣ, съ горечью сказала она. — Какъ же назовете вы безыменное письмо, этотъ гнусный доносъ?

— Авторъ письма мой врагъ, сенорита, но донося на меня, онъ поступилъ какъ слѣдуетъ, то-есть исполнилъ свой долгъ какъ добраго испанца и вѣрноподданнаго короля.

— Положимъ; я допускаю, что въ этомъ вы правы, но эти доводы меня не убѣдятъ, и если вы не выгоните меня изъ своего дома...

— О! сенорита, развѣ заслужилъ я подобныя слова?

— Пойдемъ, сестра, кротко сказала дона Флора, взявъ ее подъ руку.

— Да будетъ по вашему, сенорита, сказалъ капитанъ съ почтительнымъ поклономъ:—но ваше присутствіе здѣсь приговоръ для меня или побѣдить, или умереть, защищая васъ.

— Вы побѣдите, донъ-Фернандъ, сказала дѣвушка, съ улыбкой протянувъ ему руку, которую онъ поцѣловалъ:—теперь у васъ два ангела-хранителя.

Двѣ молодыя дѣвушки вышли изъ комнаты рука объ руку.

— Теперь другимъ займемся! вскричалъ молодой человѣкъ, какъ скоро остался одинъ.—Ей-Богу! придется выдержать славную осаду.

Онъ свиснулъ. Мишель вошелъ.

— Хозе сюда, сейчасъ!

— Онъ ушелъ съ полчаса назадъ, такъ какъ все слышалъ и велѣлъ сказать, чтобъ вы не сдавались ни подъ какимъ видомъ.

— Предостереженіе лишнее.

— Я и говорилъ ему это, спокойно отвѣтилъ Мишель.

— Сколько насъ здѣсь на лицо всего-на-все?

— Двадцать-шесть человѣкъ.

— Гмъ, не ахти!

— Важная бѣда! за стѣнами-то мы постоимъ за двухъ сотъ.

— Почти-что, улыбнулся Лоранъ.—Сколько ружей?

— Сто пятьдесятъ и тысяча пятьсотъ зарядовъ, пожалуй и больше; къ тому восемдесятъ пистолетовъ.

— А съѣстныхъ припасовъ?

— Хватитъ по-крайней-мѣрѣ на недѣлю.

— Этого достаточно съ избыткомъ; чрезъ двое сутокъ мы будемъ или побѣдителями, или мертвыми.

— Это очень правдоподобно.

— Вели зарядить всѣ ружья и пистолеты, пробить бойницы, прикрыть турами слабыя мѣста и въ особенности хорошенько заложить кирпичомъ подземелье, извѣстное этому негодяю дон-Хезусу Ордонецу. Главное держи ухо востро и при первой тревогѣ бѣги ко мнѣ; старый дружище, быть можетъ, это послѣдній нашъ бой, но будь спокоенъ, мы славныя устроимъ себѣ похороны.

— Полноте! возразилъ Мишель уходя:—какое это наше послѣднее сраженіе! Мы всѣ еще молоды, да и то сказать, испанцы не съумѣютъ убить насъ, они не такъ ловки, могу васъ увѣрить.

Онъ засмѣялся.

Лоранъ однако не имѣлъ охоты шутить, онъ задумался и раз-

мышленія его не были веселы; напротивъ, положеніе представлялось ему очень опаснымъ.

XVII

ТИХІЙ ВѢТЕРОКЪ ПОЗВОЛЯЕТЪ СЕБѢ ПРІЯТНЫЯ ШУТКИ, КОТОРЫЯ НѢКОТОРЫМЪ НЕ ПО ВКУСУ.

Тихій Вѣтерокъ вышелъ изъ Панамы на каравелѣ, какъ уже сказано въ одной изъ предыдущихъ главъ, но вмѣсто того чтобъ удалиться, онъ повернулъ къ островамъ, которые лежатъ у входа въ портъ, и скрываясь за ними, лавировалъ между островами Тагора-Фламиніосъ и Тагурила до той минуты, когда, согласно ихъ предварительному условію, дон-Пабло Сандоваль вышелъ изъ порта на корветѣ *Перлъ*, тогда буканьеръ направилъ курсъ на открытое море, но убравъ нѣсколько парусовъ, чтобы корветъ легче догналъ его, что̀ дѣйствительно и случилось, къ заходу солнца оба судна шли вмѣстѣ.

Въ продолжительное пребываніе свое въ Панамѣ, честный капитанъ не терялъ времени; менѣе чѣмъ въ два дня онъ зналъ городъ вдоль и поперекъ, но въ особенности усердно изучилъ кабаки и грязные притоны, гдѣ находили убѣжище матросы безъ дѣла. Въ эти свои странствія онъ высмотрѣлъ нѣсколько лицъ настоящихъ висѣльниковъ, мрачныя физіономіи, принадлежащія людямъ, для которыхъ нѣтъ отечества, которые смотрятъ на всякую землю какъ на непріятельскую страну и безъ угрызенія совѣсти убили бы лучшаго своего товарища.

Слоняясь съ мѣста на мѣсто и зѣвая по сторонамъ, Тихій Вѣтерокъ напялъ с перва одного, на слѣдующій день другого,

потомъ третьяго, четвертаго и такъ далѣе, пока наконецъ не набралъ человѣкъ шестдесятъ отчаянныхъ головорѣзовъ. Эти новобранцы вмѣстѣ съ экипажемъ его каравелы и нѣсколькими людьми еще, которыхъ по-товарищески уступилъ ему Лоранъ, когда уѣхалъ въ ачіенду, составили самое грозное сборище разбойниковъ, какое можно вообразить. Мы прибавимъ, чтобы быть вполнѣ правдивыми, что капитанъ Сандоваль любезно предложилъ свою опытность въ распоряженіе флибустьера и оказалъ ему въ этихъ поискахъ величайшую помощь, за что Тихій Вѣтерокъ собирался, въ данную минуту, доказать ему свою признательность.

Когда каравела шла подъ парусами и далеко отъ порта, Тихій Вѣтерокъ вызвалъ свисткомъ экипажъ на палубу и скомандовалъ, чтобъ онъ сталъ въ двѣ шеренги направо и налѣво вдоль бортовъ.

Тутъ было сто-двадцать отчаянныхъ негодяевъ, изъ которыхъ каждый стоилъ двухъ человѣкъ. Капитанъ улыбнулся этимъ отвратительнымъ рожамъ и сказалъ имъ, сперва кто онъ, а потомъ чего ожидаетъ отъ нихъ.

Эти голяки, которые уже то находили для себя выгоднымъ, что нанялись на контрабандное судно, пріятно были изумлены, узнавъ, что командиръ ихъ знаменитый Тихій Вѣтерокъ, одинъ изъ самыхъ грозныхъ флибустьеровъ острова Черепаха, и что подъ его командою они будутъ гоняться за всѣми испанскими судами, которыя попадутъ имъ на пути. Капитанъ даже обѣщалъ, если останется ими доволенъ, отвезти ихъ чрезъ нѣсколько дней обратно въ Панаму, гдѣ доставитъ имъ удовольствіе грабить въ большихъ размѣрахъ.

Однако онъ объявилъ, послѣ всѣхъ этихъ чарующихъ обѣщаній, что на его кораблѣ одинъ только начальникъ и есть, то-есть онъ, капитанъ, что приказанія онъ никогда дважды не повторяетъ, что при малѣйшемъ колебаніи, при самомъ легкомъ нарушеніи правилъ, установленныхъ на его суднѣ, подвергаются наказанію, и что въ видахъ общей пользы, для избѣжанія воз-

можности повторить вину, у него только одно наказаніе и существуетъ—смерть.

У молодцевъ этихъ, которые ни Бога не боялись, ни чорта, волосы стали дыбомъ; все значеніе угрозы для нихъ было ясно, когда произносилась она такимъ человѣкомъ какъ Тихій Вѣтерокъ, при одномъ имени котораго блѣднѣли люди самые неустрашимые.

Они смиренно склонили головы и поклялись быть вѣрными и покорными. Тихій Вѣторокъ усмѣхнулся въ усъ. Тигры были укрощены, теперь онъ могъ безъ опасенія дѣлать съ ними что хочетъ.

Итакъ достойный капитанъ, добрякъ въ душѣ, чтобъ экипажъ его немного развеселился, обѣщалъ ему на слѣдующій день взятіе корвета *Перлъ*, котораго высокія снасти начинали выступать на голубомъ грунтѣ неба въ нѣсколькихъ миляхъ позади.

Молодцы дѣйствительно и обрадовались, да такъ гаркнули отъ восторга, что акулы чуть не шарахнулись всторону отъ судна, вокругъ котораго шныряли въ надеждѣ, что имъ попадетъ на зубъ матросъ или по-крайней-мѣрѣ юнга.

Послѣ смотра своего экипажа Тихій Вѣтерокъ, который не хотѣлъ возбудить подозрѣній своего спутника корвета, отослалъ обратно въ ихъ тайники своихъ новобранцевъ и строго воспретилъ имъ показываться на верхней палубѣ безъ его особеннаго приказанія.

Ночь прошла безъ тревоги. Тихій Вѣтерокъ провелъ часть ея за приготовленіями къ смѣлому нападенію, которое онъ замышлялъ, когда же всѣ мѣры были приняты, онъ бросился на свою койку довольный и веселый, и заснулъ съ пріятнымъ сознаніемъ, что времени не терялъ.

На другое утро солнце взошло во всемъ блескѣ посреди волнъ пурпура и золота. Вѣтеръ былъ легкій, море тихо и гладко какъ зеркало, на которое и походило прозрачностью. Тихій Вѣтерокъ, какъ человѣкъ практическій, не позволилъ бы себѣ упустить утро, предвѣщавшее такой прекрасный день. Напротивъ, онъ распорядился немедленно, чтобы имъ воспользоваться.

Первою заботою его было держать совѣщаніе съ своимъ подшкиперомъ и лейтенантомъ, двумя опытными моряками, ветеранами флибустьерства, которые только и думали что о рѣзнѣ и бояхъ, и въ восторгъ пришли отъ довѣрія, оказаннаго имъ командиромъ, передъ которымъ благоговѣли.

Тихій Вѣтерокъ потомъ призвалъ своего повара, въ полномъ смыслѣ слова отравителя и пачкуна, и далъ ему свои инструкціи, еще разъ онъ взглянулъ на снасти своей каравелы съ видомъ довольнымъ, крикнулъ рулевому взять къ вѣтру на одинъ румбъ и вошелъ въ кильватеръ корвета, къ которому вскорѣ приблизился на разстояніе голоса.

— Эй! судно! крикнулъ онъ.

— Что̀ надо? отвѣтили тотчасъ.

— Капитанъ дон-Пабло де-Сандоваль и офицеры его не сдѣлаютъ ли мнѣ чести пожаловать ко мнѣ на завтракъ?

— Съ удовольствіемъ, капитанъ, отвѣтилъ самъ дон-Пабло:— но съ условіемъ, что вы обѣдать будете у меня.

— Рѣшено, сказалъ Тихій Вѣтерокъ:—и для бо̀льшей безопасности, мы будемъ стоять во все время нашихъ взаимныхъ посѣщеній.

— До свиданія! крикнулъ капитанъ.

Чрезъ пять минутъ капитанъ Сандоваль со всѣми своими офицерами, кромѣ того, кто стоялъ на вахтѣ, спустились въ шлюпку, которая отчалила отъ корвета и на веслахъ пошла къ каравелѣ.

— Рыба-то кажется клюнула, пробормоталъ про себя Тихій Вѣтерокъ съ хитрой усмѣшкой крестьянина-нормандца.

Оба судна между тѣмъ стали и раскачивались съ боку на бокъ.

Тихій Вѣтерокъ принялъ капитана корвета со всѣми, чину его присвоенными почестями, и остальнымъ офицерамъ оказалъ изысканную учтивость.

Завтракъ былъ поданъ подъ тентомъ на верхней палубѣ, туда Тихій Вѣтерокъ и повелъ своихъ гостей. Вскорѣ всѣ сидѣли за столомъ и приступили къ ѣдѣ; одинъ хозяинъ, подъ предлогомъ разстройства желудка, не касался ни до чего, но былъ такъ лю-

безенъ, что величайшее оживленіе царствовало въ этомъ небольшомъ кружкѣ. Это было очаровательно. Однако подъ конецъ офицеры съ корвета *Перлъ* и самъ капитанъ Сандоваль почувствовали тягость въ головѣ, и ихъ непреодолимо стало клонить ко сну, вѣки ихъ отяжелѣли какъ свинецъ и, несмотря на всѣ ихъ усилія, глаза такъ и смыкались, они тѣмъ не менѣе могли уяснить себѣ это, что вообще воздержные, какъ это свойственно испанцамъ, они пили очень умѣренно.

Тихій Вѣтерокъ точно будто ничего не замѣчалъ, онъ остановился все любезнѣе и оживленнѣе, но тратилъ остроуміе даромъ. Вскорѣ онъ одинъ не спалъ за столомъ, а всѣ его гости спали сномъ мертвыхъ.

— Ладно! пробормоталъ онъ: — они отхватятъ часа четыре, времени у меня довольно.

Пока Тихій Вѣтерокъ угощалъ офицеровъ корвета, боцманъ ухаживалъ за испанскими матросами, гребцами шлюпки. Достаточно сказать это.

Капитанъ свиснулъ. При этомъ сигналѣ, котораго вѣроятно ждали, человѣкъ двадцать хорошо вооруженныхъ, подъ парусинными голандками, сошли въ баркасъ, куда уже опущены были предварительно два боченка, и лейтенантъ Тихаго Вѣтерка, раскрывъ занавѣски, заглянулъ подъ тентъ.

— Все готово, капитанъ, сказалъ онъ.

Тихій Вѣтерокъ вышелъ изъ-подъ тента и свою очередь спустился по трапу въ баркасъ, который, по знаку его, пошелъ по направленію къ корвету.

Та шлюпка, въ которой пріѣхали испанскіе офицеры, слѣдовала за баркасомъ, но гребцы въ ней были съ каравелы.

Тихій Вѣтерокъ вскочилъ на палубу и раскланялся съ офицеромъ.

— Я привожу вамъ боевыхъ припасовъ, весело сказалъ онъ.

Двѣ бочки въ мигъ очутились на палубѣ корвета.

Испанцы не подозрѣвали ничего.

— Да гдѣ же капитанъ? спросилъ офицеръ.

— Сейчасъ будетъ, отвѣтилъ смѣясь Тихій Вѣтерокъ.

Дѣйствительно въ эту минуту причалила шлюпка.

Не прошло пяти минутъ какъ пятдесятъ флибустьеровъ стояли выстроившись на палубѣ корвета.

Офицеръ встревожился, не видя ни своего капитана, ни товарищей.

— Что это значитъ? спросилъ онъ.

— Значитъ, грубо возразилъ флибустьеръ:—что я капитанъ Тихій Вѣтерокъ и беру корветъ отъ имени Береговыхъ Братьевъ; если же ты шевельнешься, прибавилъ онъ, приставивъ ему пистолетъ къ горлу:—я застрѣлю тебя. Ну, ребята, за дѣло!

Бочки открыли; онѣ были съ порохомъ.

Въ каждую изъ нихъ флибустьеръ прицѣлился изъ пистолета.

— Сдавайтесь, собаки испанцы! закричалъ Тихій Вѣтерокъ испанскимъ матросамъ, которые толпились на палубѣ: — сдавайтесь, или клянусь Богомъ живымъ, всѣхъ васъ взорву на воздухъ!

Что было дѣлать? Сопротивляться нельзя и думать. Испанцы пали на колѣни и дали перевязать себя какъ барановъ.

Тихій Вѣтерокъ овладѣлъ судномъ, не проливъ капли крови; онъ сіялъ отъ радости.

Добрый Береговой Братъ прибѣгалъ къ жестокости только порою, когда этого непремѣнно требовала польза общаго дѣла, а впрочемъ онъ былъ кротокъ какъ ягненокъ и добровольно не убилъ бы мухи.

Этотъ призъ, такъ быстро и ловко захваченный, привелъ въ восторгъ экипажъ Тихаго Вѣтерка и внушилъ ему высокое мнѣніе о командирѣ; на все можно было надѣяться съ подобнымъ человѣкомъ.

Флибустьеръ расположился на корветѣ и оставилъ на каравелѣ всего десять человѣкъ подъ командою своего лейтенанта. Потомъ, торопясь избавиться отъ своихъ плѣнниковъ, чрезчуръ многочисленныхъ, онъ поставилъ паруса и пошелъ къ бухтѣ рѣки Гуаяквиль.

Можно представить себѣ жестокое изумленіе дон-Пабло Сандоваля, когда онъ наконецъ проснулся отъ мертваго сна и уз-

налъ, что произошло; но помочь дѣлу нельзя было ничѣмъ и ему пришлось мириться съ своимъ несчастьемъ, не иначе, разумѣется, какъ поклявшись самому себѣ, что блистательно отмститъ при первой возможности.

Между тѣмъ два судна шли быстро при свѣжемъ вѣтрѣ по направленію къ Гуаяквилю; когда Тихій Вѣтерокъ сталъ противъ бухты, онъ выкинулъ испанскій флагъ и потребовалъ лоцмана.

Чрезъ часъ лоцманъ былъ на корветѣ. Тихій Вѣтерокъ вручилъ ему письмо на имя губернатора, и очень учтиво попросивъ его поторопиться, отправилъ обратно послѣ того, какъ показалъ своихъ плѣнниковъ, перевязанныхъ какъ сосисокъ и съ глупымъ видомъ лисицъ, поднятыхъ на смѣхъ курицами.

Письмо Тихаго Вѣтерка къ губернатору въ Гуаяквилѣ было лаконично; флибустьеръ не кичился краснорѣчіемъ, лишь бы ему выразиться ясно.

Это письмо, или вѣрнѣе записка, написанная невообразимыми кривульками и съ фантастическимъ правописаніемъ, состояла изъ слѣдующаго:

«На моихъ судахъ двѣсти плѣнныхъ испанцевъ; если въ два часа вы не свезете ихъ всѣхъ на берегъ, чрезъ два съ половиною они будутъ повѣшены.

«Тихій Вѣтерокъ.»

Губернаторъ тотчасъ понялъ, съ какимъ человѣкомъ имѣетъ дѣло; онъ поспѣшилъ собрать всѣ лодки, какими могъ располагать, и немедленно послалъ ихъ къ двумъ стоящимъ судамъ; только нѣсколькихъ минутъ недоставало до назначеннаго часа, къ нимъ подошли лодки. Онѣ подоспѣли во-время; пятью минутами позднѣе началась бы казнь.

Избавившись отъ плѣнниковъ, которые немного безпокоили его, Тихій Вѣтерокъ пошелъ обратно къ Панамѣ.

Въ условленный съ дон-Хезусомъ день онъ стоялъ противъ мыса дель-Моро, около девяти часовъ вечера показался огонь на утесѣ.

Тихій Вѣтерокъ съѣхалъ на берегъ.

Дон-Хезусъ ждалъ его; уже съ десятокъ тюковъ лежало возлѣ.

— Гдѣ же сенорита? спросилъ Тихій Вѣтерокъ.

— Она не могла пріѣхать, отвѣтилъ ачіендеръ:—мнѣ остается еще спасать такъ много вещей; увезите покуда хоть это.

— А вы развѣ не ѣдете со мною?

— Любезный капитанъ, вы должны дать мнѣ отсрочку еще на восемь дней.

— Гмъ! это много, а флибустьеры?

— Говорятъ, они идутъ, но, разумѣется, медленно, дороги отвратительны, а они и края не знаютъ вдобавокъ.

— Правда, согласился капитанъ.

— Слѣдовательно, съ живостью сказалъ дон-Хезусъ:—времени у насъ достаточно для одной поѣздки еще, согласитесь на эту послѣднюю отсрочку, умоляю васъ, любезный капитанъ.

— Видно, приходится, пробурчалъ Тихій Вѣтерокъ:—взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ, но знай я впередъ, ни за что не ввязался бы во всю эту кашу.

— Чего вы боитесь? Ужъ вы-то ограждены отъ всякой опасности, а мнѣ какую услугу оказали бы!

— Ладно, пусть будетъ по вашему еще на этотъ разъ, но и въ послѣдній, говорю вамъ.

— Клянусь.

— Такъ чрезъ недѣлю?

— Чрезъ недѣлю.

— Но такъ какъ за нами могли подсматривать, то мы перемѣнимъ часъ, когда намъ съѣхаться.

— Какъ вамъ угодно, любезный капитанъ.

— Я буду здѣсь въ три часа утра, но не заставьте себя ждать, смотрите.

— Явлюсь въ часъ и минуту; однако мнѣ кажется, какъ будто *Перлъ* на вѣтрѣ у вашей каравелы.

— Да, любезный дон-Хезусъ, это *Перлъ* и есть.

— Отчего же не пріѣхалъ съ вами дон-Пабло?

— Онъ сильно желалъ этого, но не могъ.

— Какъ мнѣ жаль!

— Онъ жалѣлъ объ этомъ еще болѣе вашего, отвѣтилъ Тихій Вѣтерокъ съ насмѣшливымъ видомъ:—но до свиданія чрезъ недѣлю отъ сегодняшняго дня, ровно въ три часа утра.

— Будьте покойны, капитанъ, быть точнымъ важно для меня самаго.

— Дѣйствительно, этъ скорѣе касается васъ, чѣмъ меня. Прощайте!

— Прощайте!

Они разстались, и такъ какъ матросы уже перенесли, во время этого разговора, тюки на шлюпку, капитанъ вернулся на каравелу не теряя ни минуты. Дон-Хезусъ уже успѣлъ между тѣмъ скрыться за утесомъ.

— Вотъ сокровище-то этотъ скотъ! проворчалъ себѣ подъ носъ Тихій Вѣтерокъ:—а еще говорятъ, что скряги хитры; этотъ молодчикъ можетъ похвалиться, что удачно помѣстилъ свое довѣріе!

Капитанъ времени терять не любилъ и всю недѣлю крейсировалъ на проходѣ судовъ, въ надеждѣ захватить призъ, другой; но погоня его не увѣнчалась успѣхомъ, онъ не высмотрѣлъ ни одного паруса и, разумѣется, въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа вернулся, по прошествіи означеннаго срока, на условленное свиданіе.

Какъ и въ предыдущій разъ, дон-Хезусъ уже ожидалъ его; нѣсколько тюковъ лежало вокругъ него.

Ачіендръ былъ блѣденъ, встревоженъ, взволнованъ, озабоченъ до такой степени, что Тихій Вѣтерокъ волей-неволей замѣтилъ это.

— Что съ вами, любезный дон-Хезусъ? спросилъ онъ:—я нахожу, что видъ у васъ престранный; не тревожитъ ли васъ отсутствіе вашей дочери? Можетъ статься, она отказалась ѣхать съ вами?

— Не о дочери тутъ рѣчь! вскричалъ онъ съ нетерпѣніемъ.

— А! такъ рѣчь идетъ о чемъ-нибудь другомъ, возразилъ флибустьеръ съ самымъ спокойнымъ видомъ.

— Представьте себѣ событіе самое необычайное, самое поразительное, самое...

— Стойте, стойте! разскажите мнѣ ваше похожденіе совсѣмъ просто, если только не предпочитаете оставить его при себѣ.

— Почему же? Отъ васъ я не имѣю тайнъ, мой любезный капитанъ, къ тому же и вы отчасти прикосновенны къ дѣлу.

— Я?

— О! косвенно, разумѣется.

— Это мнѣ пріятнѣе; итакъ вы говорили?

— Вы вѣдь знаете графа Кастель Морено?

— Мое судно зафрахтовано для него, вамъ это извѣстно не хуже меня.

— Еще бы! потому я и спрашиваю, знаете ли вы его.

Тихій Вѣтерокъ угадалъ инстинктивно, что долженъ быть насторожѣ.

— Конечно знаю, то-есть, видите ли, дон-Хезусъ, вы вѣрно знаете его лучше меня, я видѣлся съ нимъ только по дѣлу раза два, три, не болѣе, такъ какъ моя каравела была зафрахтована подъ его товаръ.

— Стало быть, прежде вы не знавали его?

— Нисколько, одно я долженъ сказать, что онъ мнѣ кажется человѣкомъ благороднымъ и великодушнымъ.

— Да, великодушнымъ какъ бываютъ воры, посмѣиваясь возразилъ ачіендеръ.

— Что такое?

— Любезный капитанъ, знаете ли вы, кто этотъ благородный и великодушный дон-Фернандъ Кастель Морено?

— Позвольте васъ спросить объ этомъ, отвѣтилъ, придвигаясь ближе, Тихій Вѣтерокъ.

— Это воръ флибустьеръ, вотъ кто!

— Флибустьеръ! Господи Боже мой!

— Какъ нельзя вѣрнѣе, и еще изъ самыхъ знаменитыхъ.

— Не можетъ быть!

— Говорю вамъ; и знаете ли, какъ зовется онъ сообщниками?

— Мнѣ почемъ это знать?

— Правда и то; они зовутъ его Прекраснымъ Лораномъ, вотъ что!

— Прекраснымъ Лораномъ! вскричалъ капитанъ вздрогнувъ, но тотчасъ опять овладѣлъ собою.

— Какъ же вы узнали это, любезный дон-Хезусъ? прибавилъ онъ почти тотчасъ.

— Благодаря самому простому случаю. Представьте, я возвращался изъ своей ачіенды, когда одинъ флибустьеръ невзначай наткнулся на моихъ людей; конечно, я тотчасъ пожелалъ овладѣть этимъ человѣкомъ, но подлецъ защищался какъ чортъ, и пришлось убить его; я велѣлъ обыскать тѣло и вышло, что онъ несъ письмо отъ злодѣя, называемаго Монбаромъ, жестокая слава котораго вѣроятно дошла до васъ.

— Какъ не дойти? Продолжайте только!

— Письмо я распечаталъ, на конвертѣ стояло имя графа, но написано оно было къ Лорану. Монбаръ сообщалъ ему, что пора дѣйствовать, что чрезъ двое сутокъ онъ прибудетъ въ Панаму, и мало ли что̀ еще, чего не упомню. Находка была драгоцѣнная, не правда ли?

— Очень даже; дальше-то что̀ вы сдѣлали?

— Вы понимаете, любезный капитанъ, что рѣчь шла объ общей безопасности, я колебаться не могъ.

— И...

— Пошелъ прямо къ губернатору показать ему письмо.

— Такъ что...

— Такъ что въ эту минуту домъ этого злодѣя окруженъ сильнымъ отрядомъ, убѣжать онъ не можетъ и вскорѣ, надѣюсь, будетъ повѣшенъ безъ дальнихъ околичностей.

— Ахъ, ты старый бездѣльникъ! вскричалъ Тихій Вѣтерокъ, въ невыразимой ярости схвативъ ачіендера за горло и опрокинувъ его на прибрежный песокъ.

Дон-Хезусъ такъ мало ожидалъ подобнаго нападенія и произведено оно было такъ внезапно, что онъ не пробовалъ даже защищаться.

— А! ты выдалъ Лорана, моего брата, моего друга, разрази

тебя громъ! Я съ тебя съ живого сдеру шкуру, злодѣй! Клянусь честью, лучше бы тебѣ быть въ шкурѣ околѣвшей отъ чумы дрянной коровы, чѣмъ въ своей собственной! Съ тобою разсчетъ будетъ коротокъ, не безпокойся!

И каждое свое слово капитанъ приправлялъ пинками, отъ которыхъ трещали ребра и грудь.

Онъ могъ бы говорить долго, дон-Хезусъ не слыхалъ его, отъ ужаса онъ лишился чувствъ.

— Эй, ребята! бросьте эту падаль на дно лодки и живо идти къ корвету, чортъ побери!

Спустя минуту Тихій Вѣтерокъ уже всходилъ на палубу. Онъ заперъ ачіендера за крѣпкіе запоры, выбралъ изъ своего экипажа человѣкъ тридцать матросовъ изъ самыхъ неустрашимыхъ, вооружилъ ихъ ружьями и саблями, снабдилъ порохомъ, и давъ своему лейтенанту подробнѣйшія инструкціи, высадился на берегъ съ отобранными тридцатью человѣками команды, послѣ чего шлюпку отослалъ обратно къ судамъ.

— Ребята, обратился онъ къ матросамъ:—одинъ изъ нашихъ попался въ Панамѣ въ ужасную западню, я поклялся спасти его или умереть вмѣстѣ съ нимъ, согласны вы слѣдовать за мною?

— Въ Панаму! въ Панаму! вскричали матросы въ одинъ голосъ:—только указывайте путь, капитанъ, мы отъ васъ не отстанемъ.

— Спасибо, ребята, вы молодцы! Впередъ, чортъ возьми! да здравствуетъ флибустьерство! впередъ!

Небольшой отрядъ мигомъ двинулся въ путь и углубился въ пальмовый лѣсъ тѣмъ бѣглымъ мѣрнымъ шагомъ, который свойственъ авантюристамъ, индійцамъ и лѣснымъ охотникамъ.

Морякамъ прирожденно внутреннее чувство, которое никогда не обманетъ ихъ, они найдутъ дорогу куда бы ни было и съ пути не собьются. Впрочемъ, теперь задача представлялась не затруднительная: берегъ служилъ исходною точкою.

Они удалились отъ утеса Дель-Моро въ половинѣ четвертаго и менѣе чѣмъ въ часъ Панама уже была у нихъ въ виду. Они

прошли, не останавливаясь и не переводя духу, около трехъ миль бѣглымъ шагомъ, который въ быстротѣ не уступитъ лошадиной рыси.

Начинало свѣтать; Тихій Вѣтерокъ не хотѣлъ быть замѣченъ часовыми или наткнуться на патрули; онъ понималъ, что приближеніе войска Монбара заставило привести городъ въ оборонительное положеніе и охранять его какъ въ военное время.

Итакъ флибустьеръ отважно вошелъ въ чащу лѣса, чтобъ попытаться открыть входъ въ подземелье, которое вело въ Цвѣточный домъ.

Но подземелье было тщательно скрыто и, не зная съ точностью мѣста, гдѣ находилась пещера, чрезъ которую входили, никакъ бы нельзя отыскать ее.

Время уходило, поиски не вели ни къ чему и капитаномъ овладѣла холодная ярость, которая изъ себя выводитъ, почти разумъ затмѣваетъ людей рѣшительныхъ, когда воля ихъ разбивается о безсмысленныя вещественныя преграды, сопротивляющіяся одною силою инерціи.

Флибустьеръ все предвидѣлъ, все разсчелъ, кромѣ того случая, еслибъ онъ не отыскалъ входа въ подземелье. Бѣшенство его дошло до крайнихъ предѣловъ, онъ не зналъ, святымъ ли молиться, чорту ли продать себя, когда ему послышались невдалекѣ шаги и говоръ, приближавшіеся все болѣе и болѣе. Тихій Вѣтерокъ слегка свиснулъ, флибустьеры мигомъ припали къ землѣ и притаились подъ высокою травой, гдѣ оставались неподвижны, сдерживая дыханіе.

Почти немедленно въ десяти шагахъ отъ авантюристовъ очутилось человѣкъ пятнадцать, хорошо вооруженныхъ, которыхъ велъ индіецъ; они разговаривали между собой безъ опасенія, хотя и тихо.

Тихій Вѣтерокъ чуть не вскрикнулъ отъ радости: онъ узналъ въ головѣ этой кучки людей, состоящей исключительно изъ алгвазиловъ, пятнами раскрашеннаго индійца Каскабеля, змѣечаровника, и кореджидора дон Кристоваля Брибона и Москита.

— Тутъ кроется какая-то чертовщина, пробормоталъ себѣ подъ носъ Тихій Вѣтерокъ и взоръ его сверкнулъ молніей.

У Каскабеля рука была подвязана; казалось, онъ еще страдалъ отъ недавней раны.

— Скоро ли мы дойдемъ? спросилъ кореджидоръ.

— Въ пять минутъ, сеноръ, входъ въ подземелье тамъ подъ этою кучею камней.

— Ладно! нѣсколькихъ ударовъ ломомъ будетъ достаточно, чтобъ обрушилась вся эта груда. Мы такъ заложимъ входъ, что понадобится болѣе недѣли для расчистки, разбойники у насъ въ рукахъ.

— Дѣйствительно бѣгство для нихъ невозможно.

— Отчего же однако не пришелъ дон-Хезусъ?

— Онъ мнѣ предоставилъ это дѣло. Вѣдь вы обѣщали мнѣ десять унцій, сеноръ?

— Получишь ихъ, какъ только мы войдемъ въ пещеру и я удостовѣрюсь, что ты насъ не обманулъ.

— Гмъ! довѣрія ко мнѣ не имѣете.

— Въ дѣлахъ нужна точность.

— Какъ бы ни было... пойдемте, вотъ здѣсь.

Индіецъ раздвинулъ вѣтви кустарника и открылъ отверзтіе пещеры.

Алгвазилы и ихъ начальникъ тотчасъ вошли въ нее по слѣдамъ проводника.

— Но внезапно легіонъ демоновъ точно изъ земли выросъ и ринулся на нихъ, не сказавъ ни слова, не подавъ голоса.

Произошла минута страшнаго замѣшательства, послышалось хрипѣніе умирающихъ, звонъ яростныхъ ударовъ сабель, подавленный стонъ, и потомъ все замерло и въ пещерѣ снова водворилась мертвая тишина.

— Эхе! да что же тутъ дѣется? спросилъ насмѣшливый голосъ.

— Мишель Бискаецъ! вскричалъ капитанъ.

— Тихій Вѣтерокъ! тотчасъ отозвался Мишель: — живо! факелы сюда!

Огонь, который до-тѣхъ-поръ закрывали, вдругъ освѣтилъ пещеру.

Испанцы пали всѣ, не имѣя даже возможности защищаться, ни одинъ не подавалъ признаковъ жизни, Каскабель и кореджидоръ лежали другъ на другѣ.

— Да что-жъ ты тутъ дѣлаешь, матросъ? спросилъ Мишель.

— Тебя ищу, чортъ возьми! Я привожу тебѣ подкрѣпленіе.

— И отыскивая меня, кажется, устроилъ порядочную бойню.

— Дѣлаешь что можешь, матросъ; эти негодяи мнѣ и помогли отыскать тебя, они шныряли тутъ, чтобъ уничтожить входъ въ подземелье.

— Мы избавимъ отъ этого труда, не ихъ конечно, но тѣхъ товарищей ихъ, которые вѣроятно скоро послѣдуютъ за ними.

— Что съ тобою? Какъ же можно отрѣзать себѣ отступленіе?

— Простофиля! засмѣялся Мишель:—это подземелье имъ извѣстно, но много другихъ, которыхъ мы одни знаемъ.

— Такъ за дѣло; а Лоранъ?

— Онъ сіяетъ отъ радости.

— Еще-бы! славная будетъ битва.

— Сколько съ тобою людей?

— Тридцать.

— Тфу пропасть! цѣлое войско, бѣда теперь испанцамъ!

Флибустьеры захохотали.

Чрезъ четверть часа пещера была заложена и входъ въ подземелье уничтоженъ.

XVIII

КАКЪ ПРЕКРАСНЫЙ ЛОРАНЪ ПРИНЯЛЪ ЗАЯВЛЕННЫЯ ЕМУ ТРЕБОВАНІЯ И ЧТО ИЗЪ ТОГО ВЫШЛО

Читатель могъ замѣтить, что дон-Рамонъ де-ла-Крусъ питалъ очень сомнительное уваженіе къ дон-Хезусу Ордонецу, но долгъ губернатора ставилъ ему въ непремѣнную обязанность скрыть свое законное неудовольствіе, дабы извлечь изъ этого человѣка обѣщанныя имъ драгоцѣнныя свѣдѣнія; разумѣется, дон-Рамонъ не думалъ отказываться отъ своего намѣренія отплатить ачіендеру впослѣдствіи за его низости, особенно же за то, что онъ недавно такъ гнусно бросилъ дону Линду, не взирая на опасность, которой она могла подвергнуться.

Чувства эти отразились на его пріемѣ дон-Хезусу, онъ былъ вѣжливъ, но холоденъ.

Ачіендеръ не показалъ вида, что замѣчаетъ такую холодность, задавшись опредѣленною цѣлью и заранѣе рѣшивъ свой образъ дѣйствія.

По приглашенію дон-Рамона, онъ сѣлъ и приступилъ къ разсказу.

Губернаторъ выслушалъ его не перебивая и совершенно безстрастно.

Дон-Хезусъ подалъ ему письмо Монбара, въ подлинности котораго не могло быть сомнѣнія, и наконецъ открылъ существованіе подземелья, которое вело отъ Цвѣточнаго дома въ поле.

— Этимъ-то подземельемъ вѣроятно доставлялась къ вамъ контрабанда, сеноръ? съ улыбкой замѣтилъ дон-Рамонъ.

— Быть можетъ, прежній владѣлецъ дома пользовался этимъ

ходомъ для подобной цѣли, нагло возразилъ ачіендеръ. — но я могу утверждать свято, кабалеро, что никогда не бывалъ причастенъ къ гнусному торгу, воспрещаемому законами.

— Я знаю, что утверждать что-либо васъ не затруднитъ; но оставимъ это; я благодаренъ вамъ за доставленныя мнѣ свѣдѣнія; я извлеку изъ нихъ пользу для службы его величества.

— Мнѣ кажется необходимо бы, сеноръ дон-Рамонъ, не теряя ни минуты окружить Цвѣточный домъ и караулить входъ въ подземелье, которымъ разбойники эти, когда увидятъ, что открыты, вѣроятно попытаются спастись бѣгствомъ.

— Мнѣ сдается, сеноръ, возразилъ дон-Рамонъ:—что вы какъ-то непонятно помѣнялись со мною мѣстомъ и позволяете себѣ предписывать мнѣ, что я долженъ дѣлать.

— Извините, кабалеро, я думалъ...

— Я губернаторъ въ городѣ, вы же шпіонъ.

— Шпіонъ! вскричалъ дон-Хезусъ.

— Пріискивайте другое имя, если хотите, но я не съумѣю прибрать иного, холодно сказалъ дон-Рамонъ:—итакъ вы шпіонъ, вы доставили мнѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія, этого я не отвергаю, и я готовъ заплатить вамъ, если нужно.

— Заплатить мнѣ, дон-Рамонъ?

— Почему же нѣтъ, сеноръ? Всякій трудъ заслуживаетъ вознагражденія.

— Одно усердіе вѣрноподданнаго его величества руководило мною, сеноръ; не смотря на ваши жестокія слова, продолжалъ онъ напыщенно:—совѣсть говоритъ мнѣ, что я исполнилъ свой долгъ; предлагать мнѣ вознагражденіе это не признавать чистоты моихъ намѣреній и оскорблять меня.

— Положимъ, я не стану настаивать. Но теперь, когда эти свѣдѣнія вами сообщены, ваша роль кончена и начинается моя, не угодно ли вамъ будетъ служить проводникомъ людямъ, которыхъ я пошлю отыскивать подземелье?

— У меня есть слуга, который можетъ исполнить это.

*

— Я согласенъ и на то. Гдѣ же онъ, слуга этотъ? Кто онъ такой?

— Индіецъ вали-вагоэсъ, выгнанный изъ своего племени не знаю за какое преступленіе; онъ давно уже у меня на службѣ.

— Какъ зовутъ его?

— Каскабелемъ.

— А! этотъ негодяй вашъ слуга? вскричалъ губернаторъ, покосившись на собесѣдника.

— Да, сеноръ, и всегда оказывался вѣренъ.

— Вы мнѣ отвѣчаете за него головой?

— Отвѣчаю, кабалеро, хладнокровно сказалъ ачіендеръ.

Дон-Рамонъ позвалъ, слуга явился.

— Сейчасъ сходить къ кореджидору дон-Кристовалю Брибону и просить его сюда со всѣми алгвазилами, какихъ онъ соберетъ. Ступай. Ахъ! кстати, когда прибудетъ кореджидоръ, впустите вмѣстѣ съ нимъ слугу этого господина, онъ долженъ шнырять гдѣ-нибудь по переднимъ.

Слуга поклонился и вышелъ.

Губернаторъ взялъ въ руки книгу, раскрылъ ее и сдѣлалъ видъ, будто читаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ, дон-Хезусъ понялъ намекъ и не произносилъ ни слова; что ему было за дѣло до презрѣнія дон-Рамона, когда онъ скоро уѣдетъ изъ Панамы навсегда и богатства свои увозитъ съ собою? Протекло съ полчаса.

Наконецъ дверь отворилась и вошелъ дон-Кристоваль, а за нимъ выглядывала отвратительная рожа Каскабеля.

Дон-Рамонъ съ живостью бросилъ книгу, въ которой не прочелъ ни единаго слова, всталъ и пошелъ на встрѣчу къ дон-Кристовалю.

— Извините, любезный кореджидоръ:—дружески сказалъ онъ ему:—что я потревожилъ васъ среди ночи, но мнѣ необходимо ваше преданное содѣйствіе въ важномъ дѣлѣ, которое откладывать нельзя.

— Я готовъ, сеноръ, говорите пожалуйста, о чемъ рѣчь?

Онъ отвѣсилъ почтительный поклонъ губернатору, который

подвинулъ ему кресло и слегка кивнулъ головой дон-Хезусу.

Тогда дон-Рамонъ передалъ кореджидору, который слушалъ его съ величайшимъ изумленіемъ, все что̀ читателю уже извѣстно.

— И вы обязаны этими свѣдѣніями дон-Хезусу, сеноръ? сказалъ наконецъ кореджидоръ, подозрительно покосившись на ачіендера.

— Ему, любезный дон-Кристоваль, онъ оказываетъ королю огромную услугу.

— Огромную поистинѣ, можетъ быть, не худо было бы заручиться имъ самимъ.

— Гмъ! вы полагаете?

— Да вѣдь онъ человѣкъ драгоцѣнный, этотъ дон-Хезусъ, а вамъ извѣстно, сеноръ дон-Рамонъ, что цѣнные предметы утрачиваются скорѣе другихъ; если не хочешь потерять, надо зорко наблюдать за ними, заключилъ онъ съ усмѣшкой, отъ которой морозъ пробѣжалъ по кожѣ ачіендера.

— Нѣтъ, такая мѣра была бы самовластна; теперь еще надо положиться на него, позднѣе же мы увидимъ.

— Какъ вамъ угодно, дон-Рамонъ, только лучше бы...

— Нѣтъ, говорю вамъ, бросимъ этотъ вопросъ.

Дон-Кристоваль наклонилъ голову, ачіендеръ глубоко перевелъ духъ, какъ водолазъ, долго остававшійся подъ водою и вышедшій опять на поверхность.

— Этотъ негодяй, прибавилъ дон-Рамонъ, указывая на Каскабеля:—послужитъ вамъ провод̀никомъ, чтобъ указать входъ въ подземную галерею; смотрите за нимъ въ оба и при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи размозжите ему голову.

Каскабель не стѣсняясь пожалъ плечами.

— Это что̀ значитъ? вскричалъ дон-Рамонъ, замѣтивъ непочтительное тѣлодвиженіе.

— Ничего, грубо отвѣтилъ индіецъ: — только я желалъ бы знать, чѣмъ меня вознаградятъ, если я вѣрно исполню порученіе.

— Сто палокъ тебѣ, мерзавецъ! крикнулъ кореджидоръ, склонный къ крутымъ мѣрамъ.

— Ну, а если я не согласенъ исполнить требованіе? Вѣдь я же воленъ поступать какъ хочу.

— Если ты не исполнишь....

— Позвольте, позвольте, дон-Кристоваль, со смѣхомъ перебилъ губернаторъ:—если ты честно исполнишь возложенное на тебя порученіе, вотъ эти десять унцій, которыя я отдаю кореджидору, онъ передастъ тебѣ. Доволенъ ты теперь, молодецъ?

— Это лучше ста палокъ; съ вами по-крайней-мѣрѣ говорить можно, тогда какъ у него однѣ угрозы на языкѣ.

— Ну, довольно, теперь ступай съ сеноромъ кореджидоромъ; предписывать вамъ торопиться лишнее, любезный дон-Кристоваль.

— Положитесь на меня, сеноръ дон-Рамонъ, я не потеряю ни минуты.

— А вы, дон-Хезусъ Ордонецъ, вольны уйти, вы свободны.

Ачіендеръ не заставилъ повторить себѣ этого приглашенія; онъ поклонился и немедленно вышелъ.

Дон-Рамонъ остался одинъ.

Было два часа ночи.

Въ первую минуту губернаторъ не зналъ, на что̀ ему рѣшиться; онъ сильно недоумѣвалъ. Сказанное ему дон-Ордонецомъ оказывалось строжайшей точности; это была неоспоримая истина, нельзя бы сохранить и тѣни сомнѣнія на счетъ виновности мнимаго графа Кастель Морено и его тождества съ Прекраснымъ Лораномъ, тѣмъ флибустьеромъ, который наравнѣ съ Монбаромъ слылъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ предводителей Береговыхъ Братьевъ.

Дон-Рамонъ думалъ было пойти къ дочери и разсказать ей, что̀ случилось, дабы повозможности объяснить, что при настоящемъ положеніи дѣла никакъ нельзя щадить человѣка такого опаснаго, котораго присутствіе, особенно въ виду ожидаемаго приступа флибустьеровъ, могло быть причиной не только страшныхъ затрудненій, но пожалуй, если не поспѣшить овладѣть имъ, самыхъ ужасныхъ событій въ городѣ.

Но принявъ въ соображеніе, что дочь его спитъ, что она принимаетъ въ этомъ человѣкѣ живое участіе, такъ какъ видитъ въ немъ своего спасителя, донъ-Рамонъ рѣшилъ, что лучше оставить ее въ невѣдѣніи относительно мѣръ, принятыхъ противъ него, а потомъ, когда все будетъ исполнено, онъ увидитъ, какъ ему поступить лучше.

На самомъ дѣлѣ донъ-Рамонъ опасался наиболѣе слезъ и мольбы дочери; онъ не имѣлъ духу подвергаться имъ.

Такимъ образомъ онъ оставался довольно долго въ мучительномъ недоумѣніи, наконецъ часамъ къ тремъ утра велѣлъ осѣдлать трехъ лошадей, одну для себя, двухъ для слугъ; когда приказаніе это исполнили, онъ вышелъ изъ дома и поѣхалъ къ полковнику, который въ отсутствіе генерала Альбацейте командовалъ военными силами.

Губернаторъ убѣдился, что никоимъ образомъ не можетъ уклониться отъ своего долга, и принялъ наконецъ рѣшимость дѣйствовать энергично.

Домъ воинскаго начальника находился въ довольно отдаленномъ кварталѣ; все спало, пришлось стучать у воротъ, потомъ будить полковника и наконецъ дать ему время выйти къ губертору сколько-нибудь прилично; все это тянулось страшно долго.

Наконецъ приступили къ объясненіемъ; донъ-Рамонъ и полковникъ стали придумывать наилучшее средство захватить флибустьера врасплохъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ бѣжать, потомъ пришлось отправиться въ казарму собрать солдатъ, раздать имъ боевые снаряды, офецеровъ снабдить инструкціями—словомъ, всѣ эти переѣзды взадъ и впередъ, эти распоряженія и разговоры взяли много времени, ночь была уже на исходѣ, когда войско могло выступить.

Вышло оно изъ казармъ только часовъ въ пять утра. Собрали такія значительныя силы, чтобъ упрочить за собою несомнѣнный успѣхъ.

Тысяча-пятисотъ человѣкъ шло овладѣть однимъ.

Правда, имя того, кѣмъ овладѣть хотѣли, леденило всѣхъ ужа-

сомъ, и подвигались впередъ неслышными шагами и съ величайшими предосторожностями.

Губернаторъ самъ хотѣлъ присутствовать при исполненіи данныхъ имъ приказаній. Онъ ѣхалъ верхомъ въ головѣ колоны.

Когда достигли перекрестка у поворота въ улицу, гдѣ находился Цвѣточный домъ, войско раздѣлилось на четыре части, каждая изъ которыхъ пошла по особому направленію, но всѣ однако такъ, чтобы сойтись у одного пункта, то-есть у Цвѣточнаго дома.

Чрезъ десять минутъ домъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Когда дон-Рамонъ лично удостовѣрился въ томъ, что вышеозначенный маневръ исполненъ, онъ сдѣлалъ знакъ.

Алкадъ съ четырьмя алгвазилами подошелъ къ рѣшеткѣ и постучалъ по ней три раза серебрянымъ набалдашникомъ трости, которую держалъ въ рукѣ, какъ знакъ своего званія. Отворилась калитка и въ нее выглянуло насмѣшливое лицо Мишеля Бискайца.

— Кого вы спрашиваете, сеноръ? сказалъ онъ посмѣиваясь.

— Отворите, именемъ короля приказываю вамъ.

— Именемъ короля? котораго же? все посмѣиваясь возразилъ Мишель.

— Покажите приказъ, сухо сказалъ губернаторъ.

Алкадъ поклонился, потомъ развернулъ большой листъ и тѣмъ плачевнымъ голосомъ, который неизвѣстно почему принимаютъ официальныя лица при исполненіи своихъ обязанностей, онъ принялся читать:

«Отъ имени его католическаго величества дон-Карлоса второго по имени короля Испаніи и Обѣихъ Индій, я, дон-Луисъ Хозе Бустаменте...»

— Къ дѣлу! крикнулъ Мишель.

Алкадъ продолжалъ невозмутимо:

«...Сантьяго Хуанъ де-Мендроза и Рабіоза и Пераль и Кастана, главный алкадъ города Панамы, объявляю нижеименованному....»

— Да къ дѣлу же, ради всѣхъ святыхъ! еще разъ крикнулъ Мишель.

«...Лорану, извѣстному разбойнику, противозаконно скрывающемуся подъ именами и титулами дон-Фернанда графа Кастель-Морено, пойманному и уличенному въ государственной измѣнѣ, главнымъ образомъ противъ моего господина и властителя короля...»

— Дойдетъ ли наконецъ до дѣла?

Алкадъ все продолжалъ невозмутимо:

«...что онъ обязанъ выдать себя въ мои руки, дабы немедленно приступлено было къ его суду; и сдѣлать это ему предписывается добровольно, безъ малѣйшей попытки возмутиться, иначе я, нижеподписавшійся алкадъ, предупреждаю его, что онъ будетъ къ этому вынужденъ всѣми законными мѣрами, на каковой конецъ и приведены мною достаточныя военныя силы.»

— Попробуйте! пробурчалъ Мишель.

«Настоящее приказаніе, данное мнѣ отъ имени короля его превосходительствомъ дон-Рамономъ де-ла-Крусомъ, генерал-капитаномъ и губернаторомъ этого вышерѣченнаго города, съ исполнительною властью...»

— Ступай къ чорту и съ исполнительною властью своею и солдатами, оселъ! крикнулъ Мишель и захлопнулъ калитку предъ самымъ посомъ алкада.

— Что прикажете дѣлать, ваше превосходительство? обратился сановникъ къ губернатору, оторопѣвъ отъ такой неожиданности и складывая листъ.

— Повторите требованіе троекратно, какъ установлено закономъ.

Алкадъ поднялъ кверху свою трость.

Три трубача, стоявшіе за нимъ, проиграли сигналъ.

Зачѣмъ началось чтеніе акта.

Три раза трубачи играли сигналъ, три раза повторено было требованіе сдачи.

Все напрасно; Цвѣточный домъ оставался безмолвенъ какъ могила.

Надо было положить этому конецъ; дон-Рамонъ понялъ, какъ глупо положеніе тысячи пятисотъ человѣкъ, которыхъ вяжетъ по рукамъ единственный противникъ.

Солдаты едва сдерживали нетерпѣніе и гнѣвъ.

— Пусть же ихъ кровь падетъ на собственныя ихъ головы! сказалъ губернаторъ. — Впередъ, ребята! долой рѣшетку!

Человѣкъ сорокъ или пятдесятъ ринулись на желѣзную рѣшетку съ заступами, топорами и мотыками.

Однако, изъ опасенія какой-либо засады, дон-Рамонъ приказалъ сперва дать залпъ по ея деревяннымъ заслонамъ.

Заслоны эти, вѣроятно заранѣе уже снятые съ мѣста, упали разомъ.

Солдаты испустили крикъ торжества, но онъ немедленно превратился въ стонъ.

Изъ-за рѣшетки начался огонь неумолкаемый, а главное мѣтко направленный; онъ положилъ на мѣстѣ почти всѣхъ солдатъ, бросившихся было разбить рѣшетку.

Этотъ неумолкаемый огонь приводилъ войско въ замѣшательство и безжалостно валилъ всѣхъ смѣльчаковъ, которые порывались приблизиться къ роковой рѣшеткѣ.

Флибустьеры могли всю ночь готовиться къ отпору, они искусно воспользовались данною имъ острочкою, чтобъ придать защитѣ тотъ грозный характеръ, который свидѣтельствовалъ о ихъ глубокомъ знаніи военнаго дѣла.

Не въ достаточномъ числѣ, чтобы вооружить стѣны вокругъ и вынести упорную атаку, которая вынудила бы ихъ раздѣлиться и разсѣять свои силы, они воздвигли около всего дома прикрывающія земляныя насыпи, футъ въ восемь вышины, которыя, постепенно возвышаясь одна надъ другою, давали имъ возможность стрѣлять почти безъ промаха. Изъ самаго дома они сдѣлали нѣчто въ родѣ главной квартиры, а вокругъ устроили, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, барикады изъ срубленныхъ деревьевъ, опрокинутой мебели и всѣхъ предметовъ, какіе попались имъ подъ руку.

Кромѣ того, они подвели въ нѣсколькихъ мѣстахъ мины, да-

бы въ данную минуту обрушить на осаждающихъ цѣлыя стѣны.

Эта система обороны, искусно придуманная и отлично усвоенная, дозволяла флибустьерамъ наблюдать за непріятелемъ со всѣхъ сторонъ въ одно и то же время, и бросаться туда, гдѣ натискъ противниковъ становился сильнѣе.

Заборъ вокругъ дома съ его службами и всѣми принадлежностями былъ одного лишь завѣсою, которая скрывала оборотительные верки осажденныхъ и давала имъ средство выигрывать время.

Ворвавшись въ ограду, солдаты должны были очутиться предъ настоящими укрѣпленіями импровизованный цитадели, и имъ приходилось бы брать приступомъ одинъ за другимъ всѣ бастіоны и ретрашементы, а тамъ и самый домъ, что̀ ни въ какомъ случаѣ не было дѣломъ легкимъ.

Однако губернаторъ не унывалъ отъ неудачи при первой попыткѣ, онъ не зналъ системы обороны, принятой флибустьерами и не имѣлъ понятія о точномъ числѣ людей, заперевшихся въ домѣ.

Преувеличивая его значительно, онъ предполагалъ, что оно доходитъ до двадцати человѣкъ всего-на-все.

Онъ воображалъ также, что стоитъ перелѣзть заборъ, и всякое сопротивленіе сдѣлается невозможнымъ.

Жестоко ошибался онъ!

Сперва онъ велѣлъ отвести солдатъ и поставить ихъ внѣ убійственнаго огня флибустьеровъ; отъ каждаго ихъ выстрѣла валился человѣкъ; а потомъ послалъ второпяхъ за лѣстницами для попытки взять домъ приступомъ.

Первая стычка уже стоила испанцамъ тридцати человѣкъ убитыми и вдвое болѣе раненными; дорого былъ купленъ сомнительный успѣхъ.

Что̀ же касается флибустьеровъ, то они не получили даже царапины.

— Глупы эти испанцы, философически разсуждалъ Мишель Бискаецъ съ своимъ пріятелемъ Тихимъ Вѣтеркомъ: — вѣдь какъ

легко было бы имъ оставаться преспокойно дома и не искать ссоры съ нами ни къ селу ни къ городу!

— Что прикажешь! отозвался Тихій Вѣтеръ, пожимая плечами: — въ жизни не видывалъ я людей болѣе задорныхъ; противно просто, честное слово!

Однако нѣчто въ родѣ перемирія послѣдовало за первою схваткой. Огонь прекратился съ обѣихъ сторонъ.

Этою минутою перемежки воспользовался дон-Рамонъ для послѣдней попытки къ соглашенію; онъ велѣлъ сыграть сигналъ и поднять бѣлый значокъ.

Мишель подошелъ, держа руки въ карманахъ.

— Что̀ вамъ еще надо? спросилъ онъ сердито.

— Честное слово вашего начальника, что я свободенъ буду уйти послѣ переговоровъ съ нимъ, если онъ не приметъ условій, которыя я хочу предложить ему, отвѣтилъ губернаторъ.

— Эхъ! отозвался Мишель, уклоняясь отъ прямого отвѣта:— такъ вы вѣрите слову разбойниковъ и воровъ, какъ вы насъ величаете?

— Ступайте передать вашему господину мои слова, холодно возразилъ губернаторъ.

— Ладно; отойдите отъ рѣшетки и ждите.

Чрезъ пять минутъ Мишель вернулся.

— Графъ согласенъ, сказалъ онъ.

— Графъ! съ горечью пробормоталъ дон-Рамонъ.

— Я сказалъ: графъ и повторю это, грубо возразилъ Мишель. — Графъ согласенъ и даетъ честное слово, что вы будете свободны уйти, но съ условіемъ.

— Предписывать условіе мнѣ! надменно вскричалъ губернаторъ.

— Ваша воля принимать, либо нѣтъ. Вы не хотите, стало и говорить нечего. Остаюсь въ пріятномъ чаяніи никогда съ вами не встрѣчаться.

Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы уйти.

— А условіе какое? спросилъ дон-Рамонъ.

— Вамъ завяжутъ глаза, пока вы будете идти туда и обрат-

но, и снять повязку вы не должны ранѣе того, когда вамъ скажутъ.

— Хорошо, я согласенъ, отвѣтилъ губернаторъ, немного подумавъ.

— Такъ велите завязать себѣ глаза.

Офицеръ взялъ платокъ изъ рукъ дон-Рамона, сложилъ его и повязалъ ему на глаза.

— Готово, я жду, сказалъ губернаторъ.

Мишель отворилъ рѣшетчатыя ворота, взялъ дон-Рамона за руку, ввелъ его во дворъ, заперъ за собою ворота и повелъ губернатора въ домъ.

— Снимите повязку, дон-Рамонъ де-ла Крусъ, вѣжливо и дружелюбно сказалъ Лоранъ: — милости просимъ.

Губернаторъ снялъ съ себя платокъ и съ любопытствомъ осмотрѣлся вокругъ.

Онъ находился въ парадной гостиной Цвѣточнаго дома; Лоранъ стоялъ предъ нимъ, окруженный человѣками сорока въ отребіяхъ, но съ грознымъ видомъ, которые опирались на свои ружья и смотрѣли на пришельца сурово.

Дон-Рамонъ содрогнулся въ душѣ, не смотря на все свое мужество.

— Другомъ ли недругомъ приходите вы, сеноръ дон-Рамонъ, продолжалъ капитанъ: — я вамъ искренно радъ.

— Прихожу я другомъ, сеноръ; какъ прикажите называть васъ? возразилъ губернаторъ не безъ легкой ироніи.

— Хотя я имѣю полное право на титулъ графа и, пожалуй, повыше еще, гордо отвѣтилъ молодой человѣкъ: — прошу называть меня Лораномъ или капитаномъ, если угодно, такъ какъ я здѣсь окруженъ храбрыми товарищами, по собственному выбору которыхъ занимаю между ними первое мѣсто.

— Итакъ, капитанъ Лоранъ, мои намѣренія чисто дружелюбныя, повторяю.

— Я замѣтилъ это, не безъ горечи возразилъ молодой человѣкъ: — продолжайте.

— Желаю я прекратить кровопролитіе, я располагаю значи-

тельными силами, у васъ всего горсть людей; какъ храбры ни были бы они, въ такомъ открытомъ домѣ какъ этотъ долго обороняться съ успѣхомъ невозможно. Согласитесь сдаться и положить оружіе; даю вамъ честное и благородное слово, что вы и товарищи ваши будутъ считаться военноплѣнными и встрѣтятъ согласно тому должное уваженіе.

— Слышите, товарищи? Что̀ вы думаете объ условіи, предложенномъ сеномъ губернаторомъ?

Флибустьеры расхохотались во все горло.

— Продолжайте, сеноръ.

— Капитанъ Лоранъ, я васъ уважаю, наконецъ я въ такомъ у васъ долгу, что честь велитъ мнѣ настаивать; вашъ отказъ сдаться вынудитъ меня прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыхъ я гнушаюсь; въ послѣдній разъ позвольте мнѣ напомнить вамъ добрыя отношенія, которыя существовали между нами; одумайтесь, вспомните, что на мнѣ лежитъ священный долгъ и что огонь, если возобновится, можетъ быть прекращенъ только когда вы взяты будете въ плѣнъ или убиты.

— Вы все сказали, сеноръ?

— Все, капитанъ.

— Вы упомянули о добрыхъ отношеніяхъ, которыя существовали между нами; благодаря имъ только я и согласился принять васъ. У меня тутъ триста человѣкъ не трусовъ, боевыхъ припасовъ въ изобиліи и провизіи также; домъ этотъ не такъ открытъ, какъ полагаете вы; скоро вы удостовѣритесь въ этомъ на собственномъ опытѣ, если попробуете овладѣть имъ; вспомните, сколько урона вы уже потерпѣли, взвѣстьте, это хорошенько прежде, чѣмъ возобновите враждебныя дѣйствія. Вотъ на что я согласенъ: хотя вы зачинщикъ, хотя я не признаю законности вашего акта, такъ какъ, благодаря Бога, подданный не короля испанскаго, но французскаго, я согласенъ, повторяю, не сдаться, но пойти на соглашеніе, и это изъ одного уваженія къ вамъ.

— Объяснитесь, капитанъ.

— Я обязуюсь не нападать на васъ первый и оставаться ней-

тральнымъ за чертою моей боевой линіи до трехъ часовъ пополудни; если до той поры не случится ничего благопріятнаго ни для васъ, ни для меня, мы возобновимъ бой и положимся на рѣшеніе свыше. Разумѣется, вы останетесь въ вашей позиціи, какъ я останусь въ своей.

Донъ-Рамонъ покачалъ головою.

— И вы ничего болѣе предложить мнѣ не можете?

— Ничего, сеноръ, прибавлю одно только слово.

— Говорите, капитанъ.

— У меня здѣсь дамы, которыя по доброй волѣ отдались въ мои руки, я оставляю ихъ у себя какъ заложницъ, вы конечно оцѣните всю важность этого факта.

— Какъ! вы осмѣлились...

— Мнѣ ни на что не было надобности осмѣливаться, клянусь вамъ честью, что дамы эти вошли сюда по собственному побужденію и я, напротивъ, сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобъ уговорить ихъ удалиться.

— Вѣрю вамъ, капитанъ, я не сомнѣваюсь въ вашей чести.

— Я прибавлю съ сожалѣніемъ, сеноръ, что въ числѣ моихъ заложницъ находится и дона Линда, ваша дочь.

— Моя дочь? вскричалъ губернаторъ, остолбенѣвъ. — О! только этого несчастья еще недоставало!

— Простите, батюшка! воскликнула молодая дѣвушка, внезапно появившись и падая къ ногамъ отца: — простите мнѣ, вѣдь я хотѣла спасти моего избавителя!

Донъ-Рамонъ, блѣдный какъ смерть, устремилъ на нее грозный взглядъ и такъ сильно оттолкнулъ ее отъ себя, что она чуть не упала навзничъ.

— Что надо этой женщинѣ? сказалъ онъ хриплымъ голосомъ: — я не знаю ее.

— Батюшка!

— Будь проклята, презрѣнная тварь безъ стыда и чести, измѣняющая своимъ для воровъ и грабителей! Прочь! Знать тебя не хочу, говорю тебѣ! крикнулъ онъ громовымъ голосомъ.

И не обращая болѣе вниманія на дону Линду, которая лежала въ обморокѣ у его ногъ, онъ сказалъ:

— Завязывайте мнѣ глаза; теперь, капитанъ Лоранъ, между нами уже поединокъ на смерть. Прощайте!

Чрезъ пять минутъ перестрѣлка началась снова съ необычайнымъ ожесточеніемъ. Спустя часъ испанцы перелѣзли чрезъ заборъ подъ градомъ пуль и ринулись очертя голову на флибустьеровъ, которыхъ уже одолѣвали; не смотря на ихъ отчаянное сопротивленіе, ничто не было въ силахъ удержать яростный натискъ испанцевъ, въ главѣ которыхъ находился дон-Рамонъ, воодушевляя солдатъ своимъ примѣромъ.

Боевая линія все съуживалась постепенно вокругъ дома, который, подобно грозному Синаю, опоясанъ былъ кругомъ огнемъ и стрѣлами.

XIX

КАКЪ ФЛИБУСТЬЕРЫ ОСТАЛИСЬ ПОБѢДИТЕЛЯМИ И ВЗЯЛИ ПАНАМУ

Монбаръ продолжалъ идти такъ быстро, какъ ему было возможно, и достигъ очень густого лѣса, въ который углубился не колеблясь; вскорѣ дорога стала такъ дурна, что авантюристы были вынуждены пролагать себѣ путь топорами, и дѣйствительно понадобилась вся неодолимая энергія этихъ желѣзныхъ людей, чтобъ не отступить, встрѣчая на каждомъ шагу всякаго рода затрудненія и преграды.

Пройти лѣсъ, въ которомъ едва было три мили, взяло цѣлый день.

Вечеромъ кой-какъ стали на бивакахъ и легли въ повалку,

не поѣвши. Монбаръ подозрѣвалъ, что испанскій лагерь гдѣ-нибудь по близости, и запретилъ разводить огни, чтобъ не выдать своего приближенія; онъ только позволилъ своимъ людямъ покурить въ видѣ утѣшенія.

На другое утро, чуть занялся свѣтъ, отданъ былъ приказъ выступить, и снова двинулись въ походъ.

Къ полудню авантюристы взошли на вершину горы, откуда увидали наконецъ испанское войско, за которымъ все гонялись и которое все уловить не могли.

Войско это, въ три тысячи человѣкъ, шло въ хорошомъ порядкѣ; кавалерія была превосходная, чрезвычайно ловкая и повидимому исполненная воинственнаго пыла.

Пѣхота имѣла очень богатый видъ въ дорогихъ шелковыхъ полукафтанахъ всѣхъ цвѣтовъ, которые отливали при яркихъ лучахъ солнца.

Флибустьеры испустили скорѣе ревъ, чѣмъ крики радости при видѣ всего этого войска и готовы были ринуться на него; но Монбаръ удержалъ ихъ. Знаменитый предводитель Береговыхъ Братьевъ понималъ, что настаетъ минута рѣшительнаго боя, и не хотѣлъ излишней поспѣшностью подвергать риску успѣхъ экспедиціи; онъ приказалъ тотчасъ расположиться станомъ; въ такой поздній часъ дня онъ не хотѣлъ завязывать сраженія, лучше было ждать слѣдующаго утра и начать его на разсвѣтѣ.

Однако, чтобы дать испанцамъ вполнѣ уразумѣть свою рѣшимость не отступать ни на шагъ, онъ велѣлъ распустить знамена, бить въ барабаны и горнистамъ играть сигналы, какъ бы въ знакъ вызова.

Испанцы отважно отвѣтили тѣмъ же и съ своей стороны безстрашно стали на бивакахъ въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ авантюристовъ.

При заходѣ солнца Монбаръ удвоилъ число часовыхъ, образовалъ патрули и нѣсколько разъ велѣлъ бить тревогу, чтобъ войско его было на-сторожѣ, но флибустьеры такъ радовались

предстоящему бою, что застигнуть ихъ врасплохъ не могли, а такъ какъ разводить огни и теперь имъ запрещалось, то они запускали зубы въ оставшіеся у нихъ куски сырой говядины.

Часамъ къ десяти вечера Хозе, пробравшись съ опасностью жизни между испанскими постами, прибылъ въ станъ авантюристовъ и тотчасъ велѣлъ вести себя къ Монбару.

Знаменитый авантюристъ, изнемогая отъ усталости, легъ, завернувшись въ плащъ, на кучу сухихъ листьевъ маиса, съ трудомъ набранныхъ солдатами, чтобъ устроить ему нѣчто въ родѣ постели. Онъ засыпалъ въ ту минуту, когда вошелъ къ нему Хозе, однако сейчасъ открылъ глаза и всталъ.

— Ну, что̀ новаго? спросилъ онъ.

— Много новаго, отвѣтилъ начальникъ.

— Сколько человѣкъ въ отрядѣ, который стоитъ предъ нами?

— Три тысячи подъ командою генерала Альбацейте.

— Далеко мы отъ Панамы?

— Въ двухъ миляхъ.

— Приведенъ ли городъ въ оборонительное положеніе?

— Въ нѣкоторой мѣрѣ; изъ мѣшковъ съ мукой устроили зубчатые редуты, хорошо вооруженные артилеріей, починили городскую стѣну и подготовили нѣсколько засадъ; но не тревожтесь, только одолѣйте войско, которое предъ вами, и я ручаюсь, что введу васъ въ городъ такъ, что вы сабель не обнажите, въ немъ почти вовсе нѣтъ защитниковъ.

— Что ты? А войско-то гдѣ?

— Разсѣяно повсюду; я не понимаю, какое ослѣпленіе напало на испанцевъ, но достовѣрно то, что они разбросали своихъ солдатъ по всѣмъ направленіямъ для защиты деревень и городковъ на морскомъ прибрежіи; самая значительная сила теперь предъ вами, и то генералъ Альбацейте силою завербовалъ даже кордельерскихъ да августинскихъ монаховъ, и Богъ знаетъ кого еще!

— Это хорошія вѣсти.

— Очень хорошія, но остается мнѣ сообщить худыя.

— Гмъ! посмотримъ, что это, сказалъ Монбаръ, нахмуривъ брови.

— Нарочный, посланный вами къ Лорану, былъ захваченъ и убитъ испанцами, которые отыскали на немъ ваше письмо, губернаторъ собралъ всѣхъ солдатъ, какіе оказались подъ рукою, и тысяча-пятьсотъ человѣкъ теперь оцѣпили домъ капитана.

— Тысяча-пятьсотъ человѣкъ!

— Не менѣе; въ городѣ только и есть войска; оно должно было выступить сегодня утромъ, чтобъ усилить отрядъ генерала Альбацейте, а вмѣсто того оно теперь занято осадою капитана.

— Ей-Богу! вскричалъ Монбаръ съ восторгомъ: — этому молодцу Лорану на роду написано одному пожинать всѣ лавры въ эту экспедицію; честное слово, счастье такъ и валитъ ему! Итакъ онъ держитъ въ бездѣйствіи тысячу-пятьсотъ человѣкъ?

— Да, но держитъ-то на свой счетъ.

— Ба! выпутается и мы ему будемъ обязаны побѣдою; у насъ и то завтра будетъ довольно противниковъ на рукахъ, а еслибъ подоспѣло это подкрѣпленіе къ непріятелю, мы рѣшительно погибли бы.

— Но теперь можетъ погибнуть онъ.

— Полно, Лорану-то погибнуть! Видно ты не знаешь его, любезный Хозе, сраженіе его стихія. Ему извѣстно, что я иду, онъ и будетъ держаться во что бы ни стало, завтра я разобью испанцевъ, пройду по ихъ тѣламъ и выручу его!

— Дай-то Богъ, адмиралъ!

— Богъ дастъ это, другъ любезный, щеголи-испанцы противъ насъ не устоятъ. Могу представить себѣ, какъ этотъ чортъ Лоранъ тѣшится тамъ вволю! Что за счастье валитъ къ нему! Только ему и везетъ, ей-Богу! Я просто начинаю завидовать.

Хозе совсѣмъ оторопѣлъ отъ того, какъ принялъ Монбаръ вѣсть, по его мнѣнію очень дурную; онъ не понималъ непоколебимой вѣры флибустьеровъ въ ихъ счастливую звѣзду, вѣры, въ силу которой они смѣясь пренебрегали всѣми опасностями

и видѣли одну побѣду, гдѣ всякой другой ожидалъ бы только смерти или пораженія.

— Больше тебѣ нечего сообщать? спросилъ адмиралъ.

— Есть. Испанцы пытались взять назадъ Порто-Бело и Чагре.

— Ага! ну чтожъ?

— Ихъ разбили на голову Морганъ и Медвѣжонокъ Желѣзная Голова. Эти два отряда посланы были нѣсколько дней назадъ изъ Панамы.

— Собаки испанцы сошли съ ума, честное слово! Лучше бы имъ здѣсь сохранять всѣ свои силы, которыя имъ очень понадобятся.

— Теперь поздно, еслибъ они и спохватились; ваши два помощника совсѣмъ уничтожили ихъ оба отряда.

— Рѣшительно провидѣніе за насъ. Лягъ тутъ возлѣ меня, Хозе, и уснемъ нѣсколько часовъ, любезный другъ, завтра день будетъ не только свѣтлый, но и жаркій, сдается мнѣ, заключилъ онъ шутливо.

На другое утро, чуть забрежжилъ свѣтъ, испанцы пробили зарю. Сейчасъ же Монбаръ отозвался тѣмъ же.

Вскорѣ авантюристы увидали нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, которые подошли для наблюденія за ними.

Монбаръ приказалъ своимъ готовиться къ бою и сошелъ въ долину.

Оба войска храбро пошли на встрѣчу одно другому.

Теперь мы уступимъ рѣчь Оливье Эксмелену. Лучше кого-либо онъ въ состояніи описать эту неслыханную битву, въ которой самъ участвовалъ и мужественно исполнилъ свой долгъ.

Мы буквально передадимъ его разсказъ, не считая себя въ правѣ измѣнить въ немъ ни одного слова.

«....Когда все было готово, Монбаръ построилъ свое войско въ боевой порядокъ, но для одной формы: людей этихъ никто не удержалъ бы въ рядахъ, какъ это дѣлается въ Европѣ.

«Двѣсти человѣкъ охотниковъ посланы были противъ кава-

леріи, намѣревавшейся ударить на насъ, гоня предъ собою двѣ тысячи разъяренныхъ быковъ, но испанцы встрѣтили двѣ преграды: во-первыхъ, они попали на топкое мѣсто, гдѣ лошади никакъ не хотѣли идти впередъ; во-вторыхъ, охотники, высланные къ нимъ на встрѣчу, предупредили ихъ и, ставъ на одно колѣно, открыли убійственный огонь, одна половина стрѣляла, пока другая заряжала, не говоря о томъ, что отъ каждаго ихъ выстрѣла падали или человѣкъ, или лошадь.

«Это сраженіе длилось около двухъ часовъ; испанская кавалерія легла тутъ вся, за исключеніемъ человѣкъ пятидесяти, обратившихся въ бѣгство.

«Между тѣмъ хотѣла двинуться впередъ и пѣхота, но увидѣвъ, что кавалерія разбита, только дала залпъ, бросила оружіе и пустилась на утекъ, вереницей огибая пригорокъ, который скрывалъ ее отъ флибустьеровъ, вообразившихъ, что испанцы хотятъ зайти имъ въ тылъ.

«Когда кавалерія была разбита, быки уже не служили ни къ чему, вожаки ихъ никакъ не могли совладать съ ними. Замѣтивъ это, авантюристы послали противъ нихъ нѣсколько фузелеровъ, тѣ ринулись на стаю животныхъ съ страшными криками и размахивая значками, и быки въ ужасѣ рванулись съ такою силою, что люди, которые вели ихъ, увидѣли себя вынужденными, да и сами были рады убраться.

«Когда авантюристы замѣтили, что испанцы не смыкаютъ рядовъ, а напротивъ бѣгутъ вразсыпную, они погнались за ними и захватили бо́льшую часть, которые и были умерщвлены.

«Нѣсколько монаховъ, взятыхъ въ этомъ числѣ и приведенныхъ къ Монбару, немедленно подверглось такой же участи.

«Послѣ сраженія Монбаръ созвалъ всѣхъ, чтобъ сказать, что времени терять нельзя, что дать испанцамъ собраться въ городѣ, значило лишить себя возможности овладѣть имъ. Слѣдовало идти къ Панамѣ, не теряя ни минуты и стараться быть тамъ одновременно съ испанцами, чтобъ не допустить ихъ войти.

« Онъ еще сдѣлалъ смотръ своему войску, оказалось всего два убитыхъ да два раненныхъ.

«Быть можетъ, прибавляетъ наивный лѣтописецъ, принимая въ соображеніе неравномѣрность силъ съ одной и съ другой стороны, сочтутъ за басню, особенно при обоюдномъ ожесточеніи, что авантюристы потерпѣли такой незначительный уронъ, а испанцевъ легло до *шестисотъ*.

«Не могу однако не упомянуть объ этомъ, такъ какъ самъ тому былъ очевидецъ, хотя откровенно говоря, не будь у меня это предъ глазами, едвали бы я повѣрилъ самъ.»

Передавая такія невѣроятныя событія, необходимо указывать на источники, дабы не навлечь на себя подозрѣнія во лжи, но разсказъ Оливье Эксмелена имѣетъ такой отпечатокъ правдивости, что нельзя подвергать его сомнѣнію.

Авантюристы едва дали себѣ время перекусить второпяхъ и тотчасъ пошли къ городу.

Войско было разбито на двѣ части.

Первый отрядъ въ пятьсотъ человѣкъ, подъ командою Польтэ, отважно пошелъ къ Панамѣ, нисколько не скрываясь и стрѣляя въ испанцевъ, которые бѣжали отъ этихъ людей, точно отъ демоновъ, изрыгнутыхъ адомъ.

Второй отрядъ, также въ пятьсотъ человѣкъ, подъ командою Монбара и Олонеца, углубился въ лѣсъ по слѣдамъ Хозе, индійскаго начальника, который служилъ ему проводникомъ.

Было десять часовъ утра.

Сраженіе все продолжалось вокругъ Цвѣточнаго дома.

Цѣлыхъ тридцать часовъ авантюристы, оттѣсненные мало-помалу до дома, гдѣ заперлись накрѣпко, поддерживали исполинскую борьбу съ своими врагами.

Дорого поплачивались испанцы за свои постепенные успѣхи, каждая разрушенная стѣна, каждая взятая барикада стоили имъ громадныхъ потерь, груды тѣлъ лежали вокругъ дома, превращеннаго въ крѣпость.

Испанцы задыхались отъ бѣшенства и прилагали непстовыя усилія, наэлектризованные безпримѣрною храбростью своего начальника.

Дѣйствительно дон-Рамонъ де-ла-Крусъ сражался съ неуст-

рашимостью, которою восхищались даже сами флибустьеры; двадцать разъ они могли бы убить его, но Лораномъ строго было приказано щадить его жизнь; пули такъ и свистали мимо его ушей, все валилось вокругъ, одинъ онъ оставался цѣлъ и невредимъ.

На этотъ разъ донъ-Рамономъ руководило не чувство долга, но мщеніе, онъ сражался для себя, оттого увлеченіе, оттого бѣзумная смѣлость, съ которою онъ кидался очертя голову въ самую чащу враговъ.

Разумѣется, еслибъ флибустьеры хотѣли, для нихъ ничего не могло быть легче, какъ бѣжать и скрыться отъ непріятеля; вѣдь имъ извѣстны были тайные подземные ходы, которыхъ никто не зналъ.

Но цѣль ихъ была не такова.

Составляя авангардъ арміи авантюристовъ, они сопротивленіемъ своимъ отвлекали силы, которыя, примкнувъ къ войску генерала Альбацейте, могли подавить ихъ товарищей, парализованные же теперь способствовали къ ихъ спасенію своимъ бездѣйствіемъ и, быть можетъ, доставляли имъ побѣду; каждая минута, выигранная осажденными, могла быть драгоцѣнна для ихъ товарищей; итакъ имъ надо было держаться во что бы ни стало, не отступать ни на пядь и пасть на своемъ посту.

Они и стояли съ холодной рѣшимостью, невозмутимые и непоколебимые, какъ люди, которые пожертвовали жизнью, но тѣмъ не менѣе хотятъ продать ее какъ можно дороже.

Ихъ потери, въ сущности довольно незначительныя при ихъ ограниченномъ числѣ, были однако чувствительны: у нихъ убили человѣкъ десять и столько же ранили; слѣдовательно, болѣе четверти всего ихъ наличнаго состава выбыло изъ рядовъ.

Даже ихъ боевые припасы стали истощаться.

Два раза Мишель Бискаецъ и Тихій Вѣтерокъ дѣлали отчаянныя вылазки съ цѣлью отнять у испанцевъ боевые припасы, и дѣйствительно они возвращались съ добычей, только

она не соотвѣтствовала размѣрами дорогой цѣнѣ, которою покупалась.

Лоранъ перемѣнилъ тактику, онъ отобралъ лучшихъ стрѣлковъ, которые одни поддерживали огонь, остальные только заряжали и подавали имъ оружіе.

Выстрѣлы правда стали рѣже, но мѣтче и дѣйствительнѣе.

Отъ каждаго валился человѣкъ.

Теперь флибустьеры сражались на грудѣ дымящихся развалинъ, ничѣмъ почти не прикрытые.

Прекрасный Лоранъ стоялъ у окна съ своими двумя ангелами-хранителями, Линдою и Флорою, и безпрестанно стрѣлялъ изъ ружей, которыя молодыя дѣвушки подавали ему поочередно, заряжая ихъ своими нѣжными ручками.

Въ глубинѣ комнаты отецъ Санчесъ, котораго безпокойство выгнало изъ ачіенды дель-Райо, стоялъ на колѣняхъ возлѣ доны Люціи, пораженной шальною пулей, пока она молилась за сражающихся; монахъ перевязывалъ ея рану, удостовѣрившись, что она не смертельна.

Поразительное и величественное зрѣлище представлялъ этотъ полуразрушенный домъ съ гордо водруженнымъ надъ нимъ флибустьерскимъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, который то и дѣло опоясывался съ верха до низа молніями и оставался непоколебимымъ, не смотря ни на какія нападенія.

Дон-Рамонъ ошибочно истолковалъ замедленіе въ выстрѣлахъ флибустьеровъ; онъ вообразилъ, что они слабѣютъ, и рѣшился попытать послѣднее усиліе.

Собравъ всѣхъ солдатъ вокругъ себя, онъ сказалъ имъ нѣсколько словъ для поощренія къ усердію и бѣгомъ бросился во главѣ ихъ къ дому.

Столкновеніе произошло страшное.

Взлѣзая одинъ на другого и хватаясь за все, что̀ попадалось имъ подъ руку, испанцы достигли наконецъ оконъ перваго этажа, они ринулись на авантюристовъ и пошла рѣзня, одинъ на одинъ, грудь съ грудью.

Дон-Рамонъ ворвался въ гостиную словно тигръ. Увидавъ,

что Лоранъ отчаянно прикладомъ отбивается отъ окружавшей его кучки солдатъ и, какъ на бойнѣ обухомъ убиваютъ быковъ, такъ всѣхъ и валитъ вокругъ себя, онъ кинулся къ нему, поднявъ пистолетъ, съ яростнымъ крикомъ удовлетворенной мести, но на его крикъ отвѣтилъ другой, раздирающій, отчаянный, и въ ту минуту, когда онъ спускалъ курокъ, дона Линда смѣло кинулась впередъ.

— Батюшка! батюшка! вскричала она.

Раздался выстрѣлъ, дѣвушка дрогнула и опустилась къ ногамъ дон-Рамона.

— Слава Богу, онъ спасенъ! воскликнула она и грохнулась объ земь.

Блѣдный отъ ужаса, съ потомъ на лбу и волосами, стоящими дыбомъ, съ пѣною во рту и ничего не видя, ничего не слыша, дон-Рамонъ пятился къ окну шагъ за шагомъ, и выбѣжалъ въ него, крича съ отчаяніемъ:

— Дочь моя! я убилъ дочь!

И онъ ударился бѣжать, какъ будто его преслѣдовало страшное видѣніе.

Бѣгство дон-Рамона увлекло за собой солдатъ, чрезъ пять минутъ всѣ оставшіеся въ живыхъ были оттѣснены къ окнамъ и вышвырнуты вонъ.

Внѣ-себя Лоранъ кинулся тогда къ геройской дѣвушкѣ, около которой суетились дона Флора и отецъ Санчесъ, и которая улыбалась, не смотря на невыносимыя страданія.

— Бѣдное, бѣдное дитя! воскликнулъ молодой человѣкъ съ живѣйшей скорбью:—и это для меня, о Боже мой!

— Развѣ я не ангелъ-хранитель вашъ? Вы спасены, сказала она съ спокойною и кроткою улыбкой:—о! я счастлива, очень счастлива!

Она взяла руку доны Флоры, вложила ее въ руку Лорана и голосомъ, который все болѣе и болѣе ослабѣвалъ, прошептала чуть внятно:

— Любите другъ друга; о! вѣдь и я любила васъ! прибавила она, и внезапное рыданіе вырвалось изъ ея груди.

Глаза ея сомкнулись, голова тяжело упала назадъ и она осталась неподвижна.

Даже флибустьеры, эти суровые и неумолимые люди, кулаками утирали глаза, чтобы скрыть навертывавшіяся слезы.

— Боже мой! вскричалъ Лоранъ: — она умерла!

— Умерла, моя сестра! вскричала дона Флора въ отчаяніи.

Отецъ Санчесъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — только обморокъ.

— О! такъ она спасена.

— Не льстите себя безумною надеждою, рана ея чрезвычайно опасна.

По знаку монаха, авантюристы съ трогательными предосторожностями перенесли дѣвушку въ сосѣднюю комнату, гдѣ уже расположилась дона Люція; дона Флора шла за ними, заливаясь слезами.

Вдругъ громовой залпъ изъ орудій разразился съ оглушительнымъ трескомъ не вдалекѣ отъ Цвѣточнаго дома и вслѣдъ за нимъ испанцами овладѣлъ невыразимый ужасъ; они мгновенно обратились въ бѣгство.

— Не унывать, ребята! крикнулъ Лоранъ голосомъ зычнымъ: — открывайте двери, мы уже чрезчуръ долго сидѣли здѣсь взаперти; вотъ и товарищи наши идутъ къ намъ! Ударьте-ка собакъ испанцевъ! не щадите этихъ убійцъ женщинъ! Только вспомните дону Линду!

Авантюристы отвѣтили радостными кликами, къ которымъ примѣшивались крики и глухой рокотъ, слышавшіеся изнутри подземельевъ.

Вдругъ потайныя двери разлетѣлись вдребезги, скорѣе чѣмъ отворились, и толпа флибустьеровъ, съ Хозе, Монбаромъ и Олонецомъ въ главѣ, ворвались въ домъ одновременно со всѣхъ сторонъ.

Свиданіе братьевъ-матросовъ было характеристично.

Они пожали другъ другу руку.

— Я ждалъ тебя, сказалъ Лоранъ.

— Вотъ и я, только отвѣтилъ Монбаръ.

Въ нѣсколькихъ словахъ эти два необычайныхъ человѣка сказали другъ другу все; они поняли одинъ другого.

Флибустьеры выбѣжали изъ дома и бѣшено ударили на испанцевъ, которые тщетно пытались оказать сопротивленіе.

Почти въ то же время появился Польтэ; точно тигръ прянулъ онъ въ самую середину свалки, разгоняя все предъ собою.

Послѣдніе защитники города попали между двухъ огней; почти всѣ остались на мѣстѣ.

Отрядъ подъ командою Польтэ шелъ къ Панамѣ дорогою изъ Порто-Бело, которая совсѣмъ была свободна; когда авантюристы достигли города и увидали, что никто даже не пытается преградить имъ прохода, что на стѣнахъ нѣтъ ни души, они забыли предостереженія Монбара и разсѣялись во всѣ стороны грабить и гнаться за испанцами, которые при одномъ видѣ ихъ бѣжали съ ужасомъ.

Такъ они вышли наконецъ на большую площадь, гдѣ и были неожиданно встрѣчены жестокимъ залпомъ изъ шести орудій, поставленныхъ предъ церковью.

Взбѣшенные тѣмъ, что изъ нихъ пало человѣкъ пятдесятъ, флибустьеры очертя голову ринулись на орудія, чтобы не дать зарядить ихъ вновь, перерѣзали артилеристовъ всѣхъ до одного безъ всякой жалости, а тамъ принялись крошить всѣхъ, кто бы имъ подъ руку ни попался.

Этотъ-то залпъ изъ орудій и далъ знать Лорану о прибытіи товарищей.

Между тѣмъ богатѣйшіе купцы города сложили въ лодки самое драгоцѣнное изъ своего имущества, съ цѣлью спастись бѣгствомъ на островъ Тагура; флотилія галіоновъ тоже попыталась сняться съ якоря и выйти въ открытое море; но несчастные испанцы обманулись въ своей надеждѣ: корветъ *Перлъ* и каравела *Святая Троица*, вошедшіе на разсвѣтѣ въ портъ подъ испанскимъ флагомъ, вдругъ подняли флибустьерскій флагъ и открыли убійственный огонь по баржамъ и галіонамъ.

Имъ пришлось сдаться.

Монбаръ приказалъ имущество жителей снести на большую

площадь, а когда нечего будетъ брать болѣе, городъ зажечь.

Въ то же время начались и казни.

Помѣстивъ въ самомъ домѣ губернатора дону Флору и отца Санчеса подъ охраною Мишеля Бискайца и человѣкъ двадцать людей вѣрныхъ, Лоранъ вскочилъ въ лодку съ Тихимъ Вѣтеркомъ и пошелъ на веслахъ къ корвету.

Онъ спѣшилъ овладѣть презрѣннымъ Хезусомъ Ордонецомъ, чтобъ предать его неумолимому суду своихъ товарищей.

Вскорѣ онъ былъ на корветѣ и лейтенантъ Тихаго Вѣтерка встрѣтилъ его и командира своего съ величайшими почестями.

Тутъ произошла сцена, вполнѣ обрисовывающая характеръ флибустьеровъ; не смотря на ужасъ ея, она не лишена доли комизма, и почти не знаешь, смѣяться или содрогаться при такомъ страшномъ поступкѣ.

Лейтенантъ Тихаго Вѣтерка былъ старый, опытный въ своемъ ремеслѣ флибустьеръ, ума ограниченнаго, душой преданный своему командиру и считавшій каждое его слово святымъ.

— Гдѣ плѣнникъ? спросилъ Лоранъ.

— Испанецъ-то?

— Ну да, вмѣшался Тихій Вѣтерокъ:—тотъ, котораго я послалъ на корабль съ утеса дель-Моро два дня назадъ.

— А! понимаю; я исполнилъ ваше приказаніе.

— Какое? спросилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Тихій Вѣтерокъ, такъ какъ зналъ субъекта.

— Да то, что вы сами дали.

— Я?

— Кто же иной, помилуйте! Развѣ не вы сказали, что съ живого съ него сдерете кожу?

— Правда, сказалъ; ну такъ что-жъ?

— Это исполнено. Вотъ и все! возразилъ лейтенантъ съ пріятной улыбкой.

— Какъ это можно, ты съ живого съ него содралъ кожу! вскричалъ Лоранъ, остолбенѣвъ отъ такого торжественнаго хладнокровія.

— Съ живого какъ нельзя болѣе, отвѣтилъ лейтенантъ, ве-

село потирая руки.—Говоря по правдѣ, хлопотъ съ нимъ было пропасть; точно чертенокъ рвался онъ изъ рукъ и кричалъ такъ, что мы совсѣмъ оглохли; но все равно, операція удалась отлично.

— Но, скажи во имя всѣхъ чертей! вскричалъ Тихій Вѣтерокъ:—зачѣмъ же ты сдѣлалъ это?

— Полагалъ, что оказываю вамъ услугу, капитанъ, избавляя отъ этой скуки; да наконецъ я не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать безъ васъ.

— Странное занятіе! пробормоталъ Тихій Вѣтерокъ.

— Я сохранилъ кожу; она очень хороша, вы останетесь довольны.

— Пошелъ къ чорту, олухъ!

— Какъ! развѣ я дурно поступилъ? наивно освѣдомился лейтенантъ, сильно опечаленный рѣзкимъ словомъ командира.

— Нѣтъ, другъ мой, мрачно возразилъ Лоранъ:—ты ничего дурного не сдѣлалъ, потому что былъ однимъ орудіемъ провидѣнія: все это Божіе дѣло, Ему такъ было угодно.

— А! воскликнулъ лейтенантъ, глядя на флибустьеровъ съ видомъ оторопѣлымъ.

Почтенный лейтенантъ ровно ничего не понималъ.

— Поѣдемъ обратно, Тихій Вѣтерокъ, продолжалъ Лоранъ:—намъ тутъ нечего дѣлать болѣе; вернемся на берегъ.

— А кожа? робко спросилъ лейтенантъ:—вы развѣ не возьмете ее, капитанъ?

— Я?.. но тотчасъ опомнившись, онъ прибавилъ:—Нѣтъ, оставь ее себѣ; дѣлай изъ нея что̀ хочешь.

— Ладно! я сдѣлаю себѣ фуфайку, весело потирая руки сказалъ лейтенантъ.

— Хоть сапоги сшей, если беретъ охота, но тысяча чертей! оставь меня въ покоѣ и не трещи мнѣ то и дѣло въ уши про эту глупую штуку.

— Гмъ! что̀ съ нимъ дѣлается? пробормоталъ про себя лейтенантъ.—Вотъ старайся для другихъ, чтобъ встрѣтить подобную награду!

Онъ пожалъ плечами.

Флибустьеры были печальны; они гребли молча и задумавшись. Ни однимъ словомъ они не перекинулись во все время переѣзда.

Только нѣсколько саженъ отдѣляло ихъ отъ пристани, когда они увидали человѣка, который бѣжалъ къ морю съ саблею въ рукѣ, преслѣдуемый флибустьерами.

Два раза человѣкъ этотъ останавливался на бѣгу, чтобъ повернуться лицомъ къ тѣмъ, которые преслѣдовали его, и каждый разъ, выхвативъ изъ-за пояса пистолетъ, онъ выстрѣлитъ и положитъ на мѣстѣ одного изъ своихъ противниковъ.

Взбѣшенные авантюристы удвоивали усилія, чтобъ догнать его, но человѣкъ этотъ, достигнувъ берега, сломилъ на колѣнѣ саблю, обломки швырнулъ въ море, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и бросился въ воду головою впередъ; волна тотчасъ подхватила его и отнесла далеко.

Лоранъ вскрикнулъ отъ ужаса: онъ узналъ дон-Рамона.

— Клянусь Богомъ! воскликнулъ онъ:—я спасу его!

И сбросивъ съ себя оружіе и верхнее платье, онъ нырнулъ на дно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ скрылся несчастный губернаторъ.

Долго длились его поиски; нѣсколько разъ приходилось ему возвращаться на поверхность воды, чтобъ перевести духъ. Тихій-Вѣтерокъ слѣдилъ за нимъ съ скорбнымъ любопытствомъ.

— А! наконецъ вскричалъ онъ и глубоко перевелъ духъ съ чувствомъ облегченія.

Лоранъ только что появился на поверхности воды, держа въ сильныхъ своихъ рукахъ безжизненное тѣло губернатора.

Дон-Рамонъ былъ безъ чувствъ. Въ мигъ онъ очутился на днѣ лодки, которая причалила къ пристани почти въ то же время.

— Ну, ребята! обратился Лоранъ къ авантюристамъ, которые съ любопытствомъ собрались на берегу, наблюдать за этимъ удивительнымъ спасеніемъ: — составьте носилки изъ вашихъ ружей, положите на нихъ этого человѣка и слѣдуйте за мною.

Авантюристы не посмѣли противиться своему грозному предводителю, они повиновались.

Такимъ образомъ дон-Рамона перенесли въ губернаторскій домъ.

Цѣлыхъ десять дней Панама подвергалась грабежу; флибустьеры овладѣли неисчислимыми богатствами. Всѣ жители, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ и попавшіеся въ руки свирѣпыхъ побѣдителей, безжалостно были умерщвлены безъ различія пола и возраста, послѣ самымъ ужасныхъ пытокъ.

Потомъ, по приказанію Монбара, городъ зажгли; быстро распространился пожаръ, такъ какъ дома были преимущественно построены изъ кедроваго дерева, да и флибустьеры всячески способствовали къ распространенію огня.

Бѣдствіе несчастнаго города было такъ велико, что даже развалины его были брошены испанцами, которые, по удаленіи авантюристовъ, построились вновь немного далѣе по берегу Ріо-Гранде, гдѣ Панама стоитъ и теперь.

XX

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Прошло три мѣсяца послѣ взятія Панамы.

Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ испанцами, разсѣянными мелкими отрядами по окрестностямъ, авантюристы наконецъ ушли отъ дымящихся развалинъ разрушеннаго ими города, уводя съ собою большое количество богатыхъ негоціантовъ и принадлежавшихъ къ первымъ семействамъ въ колоніи зажиточныхъ горожанъ, за которыхъ требовали значительные выкупы.

Богатства, которыми они овладѣли, были навьючены на лошаковъ и перевезены въ Крусъ, откуда ихъ моремъ доставили

въ Чагре; туда же были доставлены родственниками плѣнныхъ выкупы, которые за нихъ требовались, и большей части этихъ несчастныхъ возвращена была свобода.

Въ Чагре раздѣлили добычу, потомъ разрушивъ форты, флибустьеры сѣли на корабли и пошли къ Сан-Доминго, куда прибыли послѣ переѣзда, не ознаменовавшагося ничѣмъ особеннымъ.

Ихъ прибытіе въ Порт-де-Пе было настоящимъ торжествомъ. При видѣ богатствъ, которыми владѣли товарищи, авантюристы, не участвовавшіе въ экспедиціи, жаловались на свою долю, что лишены были такого дивнаго случая разбогатѣть.

Въ прекрасное утро начала августа два всадника, богато одѣтые и на отличныхъ лошадяхъ, сопровождаемые на почтительномъ разстояніи хорошо вооруженными слугами, показались изъ довольно частаго лѣса и, проѣхавъ нѣкоторое разстояніе по широкой тропѣ, извивавшейся чрезъ равнину, остановились у дверей загороднаго дома, наполовину скрытаго густою зеленью.

Въ ту минуту, когда всадники сходили съ лошадей, у входа появился человѣкъ, который при видѣ ихъ испустилъ радостное восклицаніе.

— Господинъ д'Ожеронъ! Монбаръ! вскричалъ онъ: — сердечно радъ, ей-Богу! Вотъ пріятная-то неожиданность! Я собирался въ Порт-де-Пе, чтобы навѣстить васъ.

— Надѣюсь, что нашъ сегодняшній пріѣздъ ничѣмъ не повредитъ тому, который вы намъ посулили, отвѣтилъ Ожеронъ.

— Разумѣется нѣтъ, весело возразилъ Прекрасный Лоранъ, дружески обнимая посѣтителей:—но прошу войти; что-жъ мы тутъ стоимъ у дверей!

Они вошли въ домъ вслѣдъ за капитаномъ.

— Ну что у васъ новаго? спросилъ Ожеронъ, когда сѣли и была подана закуска.

— Все ли благополучно? въ свою очередь освѣдомился Монбаръ съ участіемъ.

При этихъ простыхъ вопросахъ, произнесенныхъ самымъ дружескимъ тономъ, лицо молодого человѣка однако омрачилось.

— Благодаря познаніямъ и усердію отца Санчеса, отвѣтилъ

онъ: — дона Люція и дона Линда совсѣмъ поправились, даже донъ-Рамонъ, который съ пріѣзда сюда повидимому страдаетъ неизлечимою меланхоліей, и тотъ кажется менѣе грустенъ въ послѣдніе дни; какъ видите, прибавилъ онъ, отворачиваясь: — все идетъ хорошо, я совсѣмъ счастливъ, или вѣрнѣе, настолько, насколько это допускаетъ наша презрѣнная человѣческая натура, заключилъ онъ, подавивъ вздохъ.

Ожеронъ и Монбаръ прикинулись, будто не замѣчаютъ его грусти.

— Сегодня я пріѣхалъ нарочно, братъ-матросъ, чтобы первый сообщить вѣсть, которая тебя порадуетъ, сказалъ Монбаръ.

— Увидавъ тебя, я почти угадалъ, что ты хочешь сообщить мнѣ что-нибудь пріятное, добрый другъ; говори же, что̀ это?

— Вчера, въ часъ прилива, въ Порт-де-Пе вошло нѣсколько судовъ; въ ихъ числѣ находились корветъ *Перлъ* и каравала *Святая Троица*. Мишель Бискаецъ и Тихій Вѣтерокъ совершили преблагополучное плаваніе; Магелановъ проливъ они прошли безъ препятствій и, сюда идучи, еще захватили нѣсколько испанскихъ баржъ, отчего находятся въ блистательномъ расположеніи духа.

— Это дѣйствительно радостная для меня вѣсть, дружище; итакъ я скоро увижусь съ добрыми моими товарищами. Бѣдные друзья, они почти плакали оба, и Тихій Вѣтерокъ, и Мишель Бискаецъ, когда разставались со мною въ Панамѣ. И то наконецъ хорошо, что я могу теперь отдать донѣ Люціи состояніе, отнятое у нея презрѣннымъ Ордонецомъ и свезенное на каравелу *Святая Троица*.

— Только онъ, кажется, поплатился за него немного дорого, смѣясь замѣтилъ Монбаръ. — Тихій Вѣтерокъ разсказалъ мнѣ эту исторію; презабавно право.

— Да, забавно, отвѣтилъ Лоранъ, опять нахмуривъ брови.

Слуга отворилъ дверь и доложилъ, что завтракъ поданъ.

— Тсъ! ни слова, шепнулъ Лоранъ своимъ пріятелямъ, которые не поняли, къ чему относится это предостереженіе.

Между тѣмъ хозяинъ всталъ и пригласилъ ихъ пройти въ столовую.

Ожеронъ и Монбаръ переглянулись значительно.

На дворѣ послышался лошадиный топотъ и вскорѣ появилось еще четверо посѣтителей.

Это были Мишель Бискаецъ, Польтэ, Тихій Вѣтерокъ и Олонецъ.

Лоранъ крѣпко пожалъ имъ руку.

— Какъ кстати вы пріѣхали, товарищи! вскричалъ онъ:—мы только что шли садиться къ столу.

— Такъ не надо терять времени, сказалъ Олонецъ:—я умираю съ голоду.

Прошли въ столовую.

Тамъ были только дон-Рамонъ, дона Линда и отецъ Санчесъ.

Капитанъ вопросительно взглянулъ на монаха.

— Дамы не придутъ къ завтраку, только отвѣтилъ ему отецъ Санчесъ.

Лоранъ не настаивалъ.

Сѣли за столъ и принялись ѣсть.

Дона Линда была прелестна; лицо ея приняло всю прежнюю перламутровую свѣжесть, оттѣнокъ меланхоліи придавалъ ея обаятельной красотѣ еще большее очарованіе.

Дон-Рамонъ былъ серіозенъ, но не грустенъ; онъ любезно отвѣчалъ на дружелюбную вѣжливость, оказываемую ему флибустьерами.

Разговоръ, сначала довольно вялый, потомъ оживился и сталъ занимателенъ.

— Адмиралъ, обратился дон-Рамонъ къ Монбару: — я радъ, что вижу васъ и могу выразить мою благодарность за великодушіе....

— Позвольте не упоминать объ этомъ, кабалеро, перебилъ Монбаръ съ добродушною улыбкой:—въ этомъ дѣлѣ я только исполнилъ инструкціи, данныя мнѣ капитаномъ Лораномъ; итакъ одному ему, а вовсе не мнѣ, вы обязаны сохраненіемъ вашего состоянія.

— Я угадала это! прошептала дона Линда, поднявъ на капитана глаза исполненные невыразимаго чувства, тогда какъ прелестное личико ея покрылось яркою краской.

— И еще это, капитанъ! вскричалъ дон-Рамонъ, протянувъ чрезъ столъ руку молодому человѣку, который сидѣлъ напротивъ него:—развѣ вы хотите, чтобъ я уже никакъ не могъ сквитаться съ вами?

— Я разсчитываю на это, отвѣтилъ Лоранъ смѣясь и бросилъ украдкой взглядъ на молодую дѣвушку.

— Это не все еще, господа, сказалъ Ожеронъ:—я прошу удѣлить и мнѣ немного вниманія.

— Какъ! не все? удивился Лоранъ.

— Безспорно.

— Господа, сказалъ Мишель Бискаецъ:—я предлагаю сперва выпить за здоровье нашего губернатора, а потомъ слушать его.

— Я поддерживаю это предложеніе.

— Съ условіемъ, чтобъ выпито было два раза, прибавилъ Олонецъ.

Всѣ захохотали, наполнили стаканы и осушили ихъ до дна.

— Теперь мы слушаемъ, объявилъ Тихій Вѣтерокъ съ полнымъ ртомъ.

— Господа, заговорилъ Ожеронъ, отодвинувшись немного отъ стола:—вчера фрегатъ его величества *Клоринда*, которымъ командуетъ нашъ старый товарищъ Дюкасъ, пришелъ въ Портде-Пе прямо изъ Бреста съ грузомъ хорошихъ вѣстей.

— Старый чортъ Дюкасъ всегда навезетъ ихъ кучу, замѣтилъ Польтэ.

— За его здоровье! гаркнулъ Олонецъ.

— Молчи, болтунъ! остановилъ его Мишель Бискаецъ.

Въ утѣшеніе Олонецъ выпилъ одинъ.

— Сеноръ дон-Рамонъ де-ла-Крусъ, обратился Ожеронъ къ испанскому дворянину:—Монбаръ прислалъ мнѣ изъ Панамы отчетъ о своей экспедиціи и вмѣстѣ подробное описаніе вашего доблестнаго поведенія во время событій, совершившихся на

перешейкѣ; реляція эта, вся написанная рукою капитана Лорана и засвидѣтельствованная подписью адмирала, старшихъ офицеровъ его штаба и двѣнадцати именитыхъ гражданъ Панамы, отослана была мною къ его величеству Людовику XIV. Его величество удостоилъ переслать ее герцогу д' Аркуру, своему посланнику въ Мадритѣ, съ предписаніемъ повергнуть на усмотрѣніе его католическаго величества и вмѣстѣ поддержать приложенную къ реляціи собственную его просьбу. Будьте увѣрены, кабалеро, я считаю за счастье, что его величество король, мой властелинъ, избралъ меня, чтобы передать вамъ отвѣтъ короля Испаніи.

Ожеронъ всталъ и съ поклономъ подалъ дон-Рамону нѣсколько пергаментовъ; тотъ принялъ ихъ дрожащею рукою.

— Прочитайте, сказалъ ему Ожеронъ.

Дон-Рамонъ развернулъ сложенный пергаментъ и пробѣжалъ его глазами. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и слезы сверкнули на его рѣсницахъ.

— Какъ! вскричалъ онъ, не въ состояніи владѣть собою отъ наплыва разнородныхъ чувствъ:—возможно ли?

— Все возможно, сеноръ, возразилъ Ожеронъ:—когда рѣчь идетъ о человѣкѣ съ вашими достоинствами.

— Я, я пожалованъ въ графы де-Санта-Крусъ, въ испанскіе гранды и назначенъ губернаторомъ и генералъ-капитаномъ острова Кубы!—о!

Въ невыразимомъ волненіи онъ вскочилъ.

— Да кто же вы? обратился онъ къ Лорану:—кто вы, когда имѣете власть дѣлать подобныя чудеса?

— Ваше высочество, почтительно обратился Ожеронъ къ капитану Лорану:—если вы удостоите....

— Тише! съ живостью перебилъ флибустьеръ и глаза его метнули молніи:—такъ-то вы держите свою клятву?

Онъ наклонился къ дон-Рамону съ очаровательною улыбкой и сказалъ:

— Кто я, любезный графъ? Развѣ вы не знаете? Разбойникъ-воръ, какъ вы испанцы называете насъ, болѣе ничто.

Дон-Рамонъ, совсѣмъ растерявшись, опустился на стулъ.

— Быть можетъ, я пользуюсь нѣкоторымъ вѣсомъ въ высшихъ сферахъ, прибавилъ онъ съ язвительною ироніей: —но вѣсъ этотъ не великъ, какъ сами можете судить.

Новый графъ думалъ, что ему грезится во снѣ; онъ наивно боялся проснуться.

Съ сіяющимъ отъ счастья лицомъ, дона Линда нѣжно цѣловала руки отца, но взоръ ея почти не отрывался отъ флибустьера.

— Продолжайте, любезный Ожеронъ, сказалъ Лоранъ смѣясь:—кажется, вы сообщили еще не все.

— Много остается досказывать, капитанъ; но, признаться ли вамъ, я сильно затрудняюсь, возразилъ губернаторъ.

— Затрудняетесь, вы? Полноте!

— Вотъ въ чемъ дѣло, братъ матрост, вмѣшался Монбаръ, чтобъ помочь губернатору:—его величество Людовикъ XIV удостоилъ....

— Удостоилъ... ну же! что ты останавливаешься?

— Костью поперхнулся, отвѣтилъ Монбаръ смѣясь: —она и стала мнѣ поперекъ горла.

— Чортъ возьми! видно ужъ очень трудно сказать то, что тебѣ надо говорить.

— Порядочно. Ба! что тутъ мяться-то! Его величество Людовикъ XIV, прибавилъ онъ съ ироніей: — удостоилъ каждаго изъ насъ грамоты на званіе начальника эскадры.

— Званіе начальника эскадры! вскричалъ молодой человѣкъ надменно: — мнѣ-то? мнѣ, сыну...но онъ тотчасъ овладѣлъ собою и прибавилъ съ горечью: — Я весьма признателенъ его величеству за такую милость. Надѣюсь, ты отказался, братъ?

— Еще бы! засмѣялся Монбаръ: —я служу королю по своему, это мнѣ пріятнѣе.

— И мнѣ также. На что намъ чины, когда мы на самомъ дѣлѣ начальники? Развѣ не занимаемъ мы перваго мѣста между товарищами? Пусть-ка подпесутъ намъ титулы лучше тѣхъ, которые намъ даны нашими братьями! Да и то сказать, вѣдь мы

разгромленные титаны, отверженцы старой европейской семьи, на что же намъ такія милости? Возьмите ваши граматы назадъ, любезный Ожеронъ, и возвратите ихъ королю, вашему властелину, намъ онѣ не нужны. Изъ всѣхъ Береговыхъ Братьевъ вы не найдете ни одного, кто бы оцѣнилъ ихъ даже наравнѣ съ щепоткою табаку на трубку.

— Браво! да здравствуетъ Лоранъ! да здравствуетъ Монбаръ! да здравствуетъ флибустьерство! вскричали авантюристы въ порывѣ энтузіазма.

Изумленіе дон-Рамона доходило до одуренія, онъ чувствовалъ, что мысли его путаются.

Не могъ онъ постичь, что это были за удивительные люди, которые ставили себя наравнѣ съ могущественнѣйшимъ владѣтелемъ въ Европѣ и, заставляя осыпать милостями другихъ, сами пренебрегали этими почестями, гордо провозглашая себя независимыми отъ государя, которому оказывали такія блестящія услуги.

Что же касается доны Линды, то ею овладѣло странное волненіе, сердце ея сжималось и слезы навертывались на глазахъ, слезы радости или грусти, она не съумѣла бы опредѣлить этого сама.

— Я не настаиваю, капитанъ, зная, что все было бы напрасно, продолжалъ Ожеронъ: — но позвольте замѣтить вамъ, что его величество будетъ огорченъ вашимъ отказомъ.

— Ба! шутливо возразилъ Монбаръ: — два, три удачныхъ крейсерства, и его величество забудетъ свое неудовольствіе на насъ.

— Мы не любимъ, чтобъ намъ платили за услуги. Истощили ли вы теперь весь вашъ запасъ новостей, любезный Ожеронъ?

— Нѣтъ, капитанъ, еще одно я долженъ сообщить вамъ, но такъ какъ вопросъ важенъ и касается лично васъ, то я и не рѣшаюсь.

— Любезный Ожеронъ, здѣсь одни старые боевые товарищи, съ которыми все у меня было общее, и опасности и похожденія, для нихъ я не имѣю тайнъ и также отъ новыхъ дру-

зей таиться не желаю, прибавилъ онъ съ поклономъ дон-Рамону и его дочери: — да и вообще я приверженецъ жизни нараспашку во всеувидѣніе, какъ вамъ извѣстно, итакъ говорите безъ опасенія, что̀ бы ни хотѣли передать мнѣ.

— Если позволите, сынъ мой, говорить буду я, вмѣшался отецъ Санчесъ, остававшійся до-тѣхъ-поръ безмолвнымъ свидѣтелемъ разговора.

— Говорите, я васъ слушаю, отвѣтилъ Лоранъ, немного встревоженный.

— Войдя сюда, сынъ мой, вы спросили меня, почему нѣтъ доны Люціи и ея дочери, а я отвѣтилъ вамъ, что онѣ не придутъ къ завтраку.

— Да, я помню.

— Дона Флора и мать ея уѣхали вчера вечеромъ въ восемь часовъ въ Порт-де-Пе; вотъ что̀ господину Ожерону, у котораго онѣ остановились, поручено было сообщить вамъ.

— Уѣхали! вскричалъ молодой человѣкъ внѣ себя. — Зачѣмъ? клянусь Богомъ живымъ. я...

— Постойте, сынъ мой, строго остановилъ его монахъ: — не давайте увлечь себя необузданному нраву. Онѣ приняли непоколебимое рѣшеніе.

— Клянусь именемъ... вскричалъ было Лоранъ съ глазами налитыми кровью.

Монбаръ схватилъ его за руку и съ живостью перебилъ:

— Будь же мужчиной! Ты несправедливъ къ нимъ; отъѣздъ ихъ доказательство преданности.

— Преданности! пробормоталъ молодой человѣкъ, дико озираясь и машинально опускаясь опять на стулъ.

— Конечно, и въ то же время это разумно въ высшей степени.

— Уѣхать тайно, бѣжать такимъ образомъ отъ меня!. О, это ужасно, братъ!

— Успокойся, другъ; я долго говорилъ съ донною Флорой; она убѣдила меня тѣмъ, что все сказанное ею истина; ложь не имѣетъ такого отпечатка правды; убѣгая отъ тебя, она

только поддалась призванію, котораго преодолѣть была не въ силахъ, не простилась она съ тобой единственно, чтобъ не огорчать тебя отказомъ, который неизмѣненъ.

— Она оставила вамъ письмо, сынъ мой, прибавилъ отецъ Санчесъ:—вотъ читайте.

Лоранъ взялъ дрожащею рукой письмо, которое подавалъ ему священникъ, поспѣшно распечаталъ его и поглотилъ глазами, скорѣе чѣмъ прочелъ.

Мертвое молчаніе парило надъ кружкомъ, съ минуту назадъ такимъ веселымъ и шумнымъ.

Письмо было коротко; оно состояло въ слѣдующихъ словахъ:

«Любезный кузенъ,

«Я уѣзжаю. Когда вы получите это письмо, я буду уже далеко отъ васъ; ѣду я во Францію, гдѣ имѣю намѣреніе поступить въ испанскій монастырь въ Перпиньянѣ. Не пытайтесь поколебать мое рѣшеніе, оно неизмѣнно, я приняла его по зрѣломъ размышленіи и пристально заглянувъ въ собственное сердце. Фернандъ, другъ мой, братъ мой, позвольте мнѣ дать вамъ это милое названіе—мы оба ошиблись въ нашихъ чувствахъ,—то, что̀ мы съ вами принимали за любовь, просто глубокая, братская дружба. Мои глаза раскрылись, и я вижу теперь ясно въ собственномъ сердцѣ; меня вы любите, это безспорно, но какъ любятъ дорогую сестру; ваша любовь принадлежитъ другой, пусть она и будетъ счастлива съ вами! Изъ моей дальней келіи я буду молить Господа о вашемъ благополучіи. Милый братъ мой, если вы хорошо поняли смыслъ этого письма, вы не дадите намъ уѣхать, не простившись со мною и съ матерью моею. Смерть отца и всѣ бѣдствія, наказавшія насъ, ставятъ намъ, слабымъ и бѣднымъ женщинамъ, въ обязанность посвятить себя Богу и молить Его о милосердіи.

«Ваша кузина

«Флора Ордонецъ.»

Прочитавъ это странное письмо, Лоранъ опустилъ голову и закрылъ руками лицо.

Протекло нѣсколько минутъ.

— Когда уѣзжаютъ онѣ? спросилъ онъ наконецъ.

— Чрезъ недѣлю, на фрегатѣ *Клоринда*, отвѣтилъ Ожеронъ.

— Я сопровождаю ихъ, прибавилъ отецъ Санчесъ.

Молодой человѣкъ переломилъ себя съ невѣроятнымъ усиліемъ и отвѣтилъ спокойно:

— Благодарю, что вы не оставляете ихъ, отецъ мой; я поѣду проститься съ ними; моя кузина должна принести приличный вкладъ въ монастырь, куда желаетъ вступить; это я беру на себя, да вѣдь и все состояніе ея у меня на каравелѣ.

— Вы вольны поступить какъ вамъ угодно, сынъ мой, грустно отвѣтилъ старикъ:—но можетъ быть лучше было бы....

— А почему нѣтъ? перебилъ онъ съ рѣзкимъ хохотомъ.— Развѣ я капризный ребенокъ, который отъ самаго легкаго противорѣчія падаетъ въ обморокъ? Нѣтъ! нѣтъ! вскричалъ онъ раздирающимъ голосомъ:—я мужчина, я сильный мужчина, о широкую грудь котораго все притупляется, радость и страданіе. Какъ видите, горе не убиваетъ, когда я живъ еще!... Ахъ!...

Кровь хлынула у него носомъ и ртомъ; нервы, напряженныя свыше человѣческихъ силъ желѣзною волею побороть себя, не выдержали долѣе. Онъ закатилъ глаза, взмахнулъ руками, испустилъ жалобный стонъ и грохнулся бы навзничъ, еслибъ Монбаръ, Мишель Бискаецъ и другіе друзья его не кинулись къ нему на помощь и не поддержали его.

Съ нимъ сдѣлался страшный нервный припадокъ.

Поспѣшили перенести его на кровать. Всѣ пришли въ ужасъ.

Отецъ Санчесъ пустилъ ему кровь нѣсколько разъ.

Цѣлыхъ шесть дней и шесть ночей друзья не отходили отъ его изголовья.

Дона Линда находилась при немъ неотлучно и ухаживала за нимъ какъ преданная сестра; съ содроганіемъ и обливая руки его слезами, она слушала страшныя его сознанія во время его бреда.

Послѣ шести долгихъ дней постоянныхъ мукъ, молодая дѣ-

вушка не могла долѣе устоять противъ такой глубокой скорби, она ушла, печальная, мрачная, задумчивая.

На другой день, то-есть въ седьмой день его болѣзни, Лоранъ хотя очень еще слабый, хотѣлъ встать.

— Поѣдемте въ Порт-де-Пе, сказалъ онъ отцу Санчесу, который входилъ къ нему въ эту минуту и сдѣлалъ невольное движеніе изумленія, увидавъ его на ногахъ.

— Отправимтесь, если вы хотите, сынъ мой, кротко отвѣтилъ онъ.

Вдругъ отворилась дверь и на порогѣ остановилась дона Линда; она была блѣдна и грустна, но спокойна.

— Это лишнее, сказала она голосомъ, которому тщетно силилась придать твердость:—я привожу къ вамъ ту, которую вы такъ пламенно желали видѣть. Пойдемъ, сестра.

Съ этими словами она ввела за руку дону Флору.

Молодая дѣвушка бросилась къ Лорану и упала къ нему на шею съ рыданіемъ.

— Флора здѣсь! Боже мой! вскричалъ онъ въ неописанномъ волненіи.

— Да, здѣсь, отвѣтила дона Линда кротко, но твердо:—Флора, которую вы любите и которая любитъ васъ!

— О! я люблю, люблю тебя! вскричала Флора растерянно:—прости мнѣ, Лоранъ, я безумствовала, я...

— Ревновала, бѣдная сестра, договорила дона Линда, осыпая ее нѣжнѣйшими ласками:—развѣ я не сказала тебѣ, что хочу, чтобъ ты была счастлива?

— О, вы ангелъ! съ чувствомъ произнесъ капитанъ: — и благородно исполняете данное обѣщаніе. Увы! ея отъѣздъ убивалъ меня; но вы?

— Я? возразила дона Линда съ выраженіемъ глубокой радости, воздѣвъ къ небу глаза, полные слезъ:—вѣдь я вашъ ангелъ-хранитель!

. . . . . .

Спустя два дня дон-Рамонъ и дочь его отправились въ Кубу

на нейтральномъ кораблѣ, зашедшемъ въ Порт-де-Пе для выкупа нѣсколькихъ испанскихъ плѣнныхъ.

Прощаніе было печально, но спокойно; Лоранъ и дона Флора не разставались съ молодою дѣвушкой до той самой минуты, когда она сошла въ лодку, чтобы переправиться на судно, гдѣ отецъ ея взялъ мѣста для переѣзда.

Чрезъ мѣсяцъ Лоранъ узналъ, что дона Линда постриглась въ одномъ изъ гаванскихъ монастырей.

Эта вѣсть произвела на него впечатлѣніе тяжелое, но прелестная улыбка доны Флоры вскорѣ изгладила это легкое облако.

Отецъ Санчесъ только ждалъ конца траура доны Люціи и дочери ея, чтобъ благословить союзъ молодыхъ людей.

КОНЕЦЪ.

КОРОЛЬ ЗОЛОТЫХЪ ПРІИСКОВЪ

AIMARD, GUSTAVE

KOROL' ZOLOTYKH PRISKOV

КОРОЛЬ ЗОЛОТЫХЪ ПРИСКОВЪ

РОМАНЪ

ГУСТАВА ЭМАРА

—

ИЗДАНІЕ

Е. Н. АХМАТОВОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. Н. АХМАТОВОЙ, ДМИТР. ПЕР., Д. № 17

1874

КОРОЛЬ ЗОЛОТЫХЪ ПРІИСКОВЪ

I

ГОСТЕПРІИМСТВО ВЪ ПУСТЫНѢ

Часу въ восьмомъ вечера 14 августа 1855 г. два всадника на отличныхъ мустангахъ выѣхали изъ густого перелѣска и внезапно появились на ружейный выстрѣлъ отъ лѣваго берега Гумбольд-Ривера или Гумбольдовой рѣки.

Судя по дорогѣ, которою ѣхали всадники, должно быть, они направлялись къ Утаху, миновавъ Карсонскую долину.

На нихъ былъ приблизительно европейскій костюмъ тѣхъ странъ, то-есть охотничья блуза, перетянутая въ поясѣ широкимъ, бурой кожи, кушакомъ, куда воткнуты были два шестивольныхъ револьвера, топоръ, патронница и длинный ножъ, такъ называемый *бычачій языкъ*, заимствованіе и память отъ средневѣкового Стараго Свѣта, оставшіяся Новому Свѣту.

Штаны въ обтяжку изъ оленьей кожи обрисовывали ихъ мощныя формы и мягкіе сапоги съ громадными шпорами доходили до колѣнъ.

Мексиканская широкополая шляпа, обвитая золотымъ шнуркомъ, ограждала ихъ голову отъ солнечнаго зноя и ночной сырости.

Отпущенная прямая кавалерійская сабля, портупея которой застегнута была подъ широкимъ кушакомъ, болталась въ желѣзныхъ ножнахъ у лѣваго бока.

Оба всадника имѣли по кентукійской винтовкѣ, перекинутой чрезъ плечо.

Наконецъ, для довершенія этого грозного арсенала, къ сѣдлу прицѣпленъ былъ свернутый кольцомъ арканъ и въ чушкахъ торчали два револьвера.

Вооруженные такимъ образомъ, эти два человѣка, еще молодые, высокаго роста и сильнаго сложенія, безспорно въ случаѣ нужды могли смѣло вступить въ борьбу съ цѣлыми пятнадцатью бродягами, съ нѣкоторыхъ поръ опустошавшими мѣстность.

Старшему изъ путешественниковъ казалось лѣтъ тридцать, спутнику его годами двумя менѣе.

Отличаясь оба тою мужественною красотой, которую даетъ сила въ сочетаніи съ рѣдкимъ умомъ, они походили одинъ на другого во многихъ отношеніяхъ. Выразительныя черты ихъ, правильныя и ясно очерченныя, дышали въ одно и то же время тведостью и благодушіемъ.

Они привлекали и очаровывали.

Ихъ черные, широко открытые глаза смотрѣли прямо.

Хотя кожа ихъ загорѣла и бороды они не брили, легко было отличить ихъ отъ обыкновеннаго населенія этихъ мѣстъ, охотниковъ и переселенцевъ всякаго рода, то и дѣло сновавшихъ по пустынѣ.

Очевидно, два спутника-авантюриста принадлежали къ тому, что̀ въ Европѣ принято называть хорошимъ обществомъ. Это хорошее общество однако не рѣдко очень дурное.

Путешественники оба были французы.

Первый, постарѣе на видъ, назывался Франсисомъ де-Вердьеромъ, или лучше сказать, далъ себѣ это имя самъ.

Въ Америкѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе прилива и отлива населенія, разумѣется, множество людей честныхъ и безчестныхъ носятъ произвольно принятое имя, даже званіе.

Имя другого путешественника было Гастонъ Дюфальга.

Но Гердьера чаще всего называли *докторомъ*, а Дюфальга *капитаномъ*.

Знакомые и слуги обыкновенно честили ихъ этими званіями, ни на чемъ особенно не основанными, но освященными американскою безпечностью и временемъ.

Кто были они?

Свѣдѣнія, собранныя о нихъ, далеко не оказывались положительными.

Почти одновременно прибывъ въ Сан-Франсиско, гдѣ прожили довольно долго, они случайно сошлись въ одинъ вечеръ въ постороннемъ домѣ.

Тотчасъ они узнали другъ въ другѣ французовъ, болѣе того: парижанъ.

Пожатіе рукъ и знакомство было заключено.

Они подружились.

Вскорѣ дружба эта стала тѣсною связью; когда Дюфальга выразилъ однажды желаніе проѣхать въ Утахъ, посѣтить Соленое озеро и столицу мормоновъ, Вердьеръ тотчасъ вызвался сопутствовать ему.

Капитанъ принялъ съ восторгомъ предложеніе новаго своего друга, доктора.

Приготовленія взяли не много времени.

Чрезъ двѣ недѣли они отправлялись въ путь верхомъ, вооруженные, какъ выше сказано, съ головы до ногъ и въ сопровожденіи охотника канадца, нанятаго ими въ проводники.

Охотникъ этотъ сверхъ того обязанъ былъ смотрѣть за лошакомъ, навьюченнымъ съѣстными и боевыми припасами, смѣною платья и принадлежностями бивака.

Въ тотъ вечеръ, когда мы встрѣчаемъ нашихъ путешественниковъ на берегахъ Гумбольдовой рѣки, спустя часъ послѣ заката, они выѣхали изъ Сан-Франсиско уже семнадцать дней назадъ.

Проводника при нихъ не было.

Но они ѣхали съ увѣренностью, доказывавшею, что онъ указалъ имъ дорогу и не на долго предоставилъ ихъ собственнымъ силамъ и собственному распоряженію.

Однако Дюфальга вдругъ остановилъ лошадь.

Онъ привсталъ на стременахъ и осмотрѣлся вокругъ безпокойнымъ взоромъ.

Ничего не увидавъ, онъ обернулся къ своему спутнику, который медленно ѣхалъ въ немногихъ шагахъ позади него и съ полнымъ спокойствіемъ наслаждался превосходною сигарою.

— Ну что, докторъ? сказалъ онъ Вердьеру.

— Да что? отвѣтилъ тотъ, пуская клубъ за клубомъ ароматнаго дыма, который облекъ его какъ бы густою завѣсою и скрылъ выраженіе его лица.

— Любезный Франсисъ, я не вижу никого, кто бы ѣхалъ сюда.

— Тѣмъ хуже и тѣмъ лучше, мой добрый Гастонъ.

— Что такое, что вы мнѣ поете?

— Пою я, отвѣтилъ спутникъ, отдѣляя ногтемъ мизинца золу отъ своей сигары: — что если о другѣ рѣчь идетъ и вы не видите, чтобъ онъ приближался, то тѣмъ хуже; если же рѣчь идетъ о врагѣ или нѣсколькихъ врагахъ, то тѣмъ лучше.

— Докторъ, вы говорите какъ оракулъ послѣ выпивки.

— Ничуть не было, капитанъ, я знаю, что говорю.

— Такъ вы заключаете...

— Заключаю изъ того, что вы ничего не видите... что ничего болѣе и видѣть.

— Какъ! нечего болѣе? Развѣ было что?

— Мы опоздали. Занавѣсь опущена. Подождемъ, чтобы ее подняли опять.

— Еще загадка.

— О! любезный Гастонъ, не взывайте къ Эдипу о помощи; онъ поднялъ васъ на смѣхъ.

— Хотѣлъ бы я знать почему.

— Потому что вы вѣтрогонъ.

— А доказательство?

— Вы не разсердитесь, если я представлю неопровержимое?

— Говорите! улыбаясь отвѣтилъ Дюфальга. — Въ пустынѣ я отрѣшаюсь отъ всякаго рода самолюбія.

— Вѣрно это?

— Я только отплачу, когда мы вернемся въ цивилизованную среду.

— Ваши слова разсѣиваютъ послѣднія мои сомнѣнія.

— Говорите! говорите же!

— Любезный другъ, еслибъ вы подумали одну минуту, еслибъ давали себѣ трудъ размышлять, то вопроса этого мнѣ не сдѣлали бы, вотъ и все.

— Такъ вы, Франсисъ, значитъ размышляете?

— Иногда, если дѣлать нечего, любезный Гастонъ.

— Посмотримъ результатъ вашихъ размышленій, докторъ.

— Извольте видѣть, капитанъ: два дня назадъ мы примѣтили слѣдъ, который пересѣкалъ намъ дорогу, слѣдъ проложенъ былъ индійцами и продолжался направо и налѣво отъ дороги, которою ѣхали мы.

— Прекрасно; дальше!

— Сейчасъ; въ концѣ лѣса двойной слѣдъ не прекращался, а шелъ далѣе метровъ на сто и вдругъ его какъ не бывало; не такъ ли?

— Сущая правда, что же вы заключаете изъ этого?

— Что краснокожіе засѣли и впереди насъ и сбоку, дабы по своему расправиться съ нами въ данную минуту.

— Пожалуй они и засѣли, но гдѣ? Весь вопросъ въ томъ. Вокругъ голая степь, ни деревца, ни оврага, ни пригорка. Съ ихъ стороны безумно было бы отважиться на это. Имъ это несвойственно.

— Мало же вы знаете этихъ молодцовъ, любезный другъ! Когда нѣтъ ни деревьевъ, ни овраговъ, ни холмовъ, чтобы припасть за ними, они выдумаютъ ихъ.

— Здѣсь-то? Хитро было бы!

— И я это нахожу; однако, повѣрьте, это такъ.

— Допускаю вамъ въ угоду.

— Благодарю тысячу разъ; не прикажете ли сигару?

— Съ удовольствіемъ приму.

Докторъ досталъ прехорошенькую сигарочницу изъ гуаяквильской соломы, открылъ ее и подалъ пріятелю.

— Возьмите, сказалъ онъ.

Капитанъ выбралъ сигару, пригладилъ ее губами и, закуривъ, продолжалъ:

— Надо прійти къ какому-нибудь выводу; что намъ дѣлать?

— Мое мнѣніе остановиться тутъ; мѣсто открытое; ночь свѣтлая, видно далеко по всѣмъ направленіямъ; мы занимаемъ отличную позицію, чтобъ видѣть непріятеля, еслибъ онъ вздумалъ сдѣлать на насъ нападеніе.

— Вы правы, но багажа нашего нѣтъ для бивака; ночь холодна, мы замерзнемъ, да я и ѣсть смертельно хочу.

— И я не менѣе; что подѣлаешь, на нѣтъ и суда нѣтъ. Все равно, остановимтесь здѣсь; наши лошади устали.

— И Желтой Птицѣ это дастъ время догнать насъ: онъ подъѣдетъ на свѣтъ костра.

— Да, засмѣялся докторъ:—если не счелъ лучшимъ повернуть назадъ къ Сан-Франсиско.

— Полноте; развѣ вы считаете его способнымъ на такую низость?

— А почему нѣтъ? превыгодная спекуляція была бы для него, сознайтесь сами.

— Положимъ, но Желтая Птица канадецъ.

— Вотъ тебѣ-на! такъ вы канадцамъ-то вѣрите?

— Вѣрю всѣмъ, кто честенъ.

— Вы исполнены предразсудковъ, любезный другъ. Счастливыя иллюзіи!

Разговаривая такимъ образомъ, два путешественника сошли съ лошадей и разсѣдлали ихъ, потомъ тщательно вытерли травой измученныхъ животныхъ, привязали ихъ къ воткнутому въ землю колу и засыпали имъ маису на разостланныхъ предъ ними одѣялахъ.

Лошади принялись усердно ѣсть.

Пока капитанъ собиралъ сухіе вѣтви и листья, да высохшій би-

зоновый навозъ, докторъ такъ разложилъ оружіе, чтобы въ случаѣ нужды мгновенно за него схватиться.

Вскорѣ запылалъ огонь. Пріятели сѣли другъ противъ друга и за неимѣніемъ чего либо, что бы на зубъ положить, они философически закурили по сигарѣ.

— Скудная пища! замѣтилъ капитанъ между двухъ клубовъ дыма.

— На свѣтѣ все бываетъ счастьемъ случайно, любезный другъ, отвѣтилъ докторъ со смѣхомъ: — мы тому осязательное доказательство. Съ табакомъ все-таки можно еще помириться, чтобъ обмануть голодъ.

— Куда бы могъ дѣваться Желтая Птица?

— Вѣдь я сказалъ вамъ: направилъ полетъ обратно въ Сан-Франсиско.

— Я этого не допускаю.

— Напрасно.

— Не думаю. Желтая Птица душа честная, онъ не сдѣлаетъ подобнаго поступка за все золото Новаго Свѣта.

— Другъ любезный, у соотечественниковъ Санчо-Пансо по поговоркѣ на каждомъ словѣ; между прочими они особенно любятъ одну, которую я совѣтую вамъ принять къ свѣдѣнію.

— Посмотримъ поговорку.

— Изъ всего вѣрнаго самое вѣрное сомнѣваться. Какъ вы находите ее?

— Нелѣпою по существу. Желтая Птица не можетъ...

Довольно близкій выстрѣлъ перебилъ его рѣчь; ужасъ наводящіе крики человѣкъ двадцати отозвались на выстрѣлъ и множество черныхъ силуэтовъ грозно выдѣлились изъ полусвѣта луны, скрывшейся между двухъ облачковъ.

Пріятели вскочили на ноги, схватились за оружіе и, ставъ другъ къ другу спиной, съ ружьемъ на-готовѣ, рѣшились дорого продать жизнь.

Раздался второй выстрѣлъ.

— Это Желтая Птица, сказалъ капитанъ: — я узнаю звукъ его винтовки.

— И я тоже. Какъ хорошо, что мы не накрыли стола, прибавилъ докторъ: — намъ некогда было бы пообѣдать.

— Видите, онъ въ Сан-Франсиско не вернулся! замѣтилъ другой.

— Сбился съ дороги вѣроятно, шутливо возразилъ докторъ:— но будемъ внимательны; негодяи подступаютъ ближе...

Дѣйствительно показались индійцы, которые ползли, заслоняясь каждымъ бугоркомъ; каждымъ кустикомъ травы.

Это было нападеніе змѣй.

— Прицѣлились въ молодца? спросилъ капитанъ.

— Прицѣлился, а вы?

— И я тоже.

— Пли тогда и стрѣлять ниже!

Два выстрѣла грянули одновременно и слились въ одинъ.

На нихъ отозвались двумя криками боли.

Съ ревомъ ярости ринулись индійцы отмстить за товарищей.

Французы встрѣтили ихъ съ револьверами въ рукахъ.

Схватка длилась не долго, но была ужасна.

Когда все огнестрѣльное оружіе было разряжено, путешественники схватили свои винтовки за дуло и отбивались ими какъ палицами. Вдругъ индійцы какъ-будто замялись.

Куча ихъ распалась на-двое. Человѣкъ, или вѣрнѣе демонъ на лошади, пущенной во весь опоръ, ворвался въ самую средину нападающихъ, стрѣляя обѣими руками изъ длинныхъ револьверовъ, и безстрашно сталъ возлѣ французовъ.

— Перевѣсъ на нашей сторонѣ, ударимъ дружно! крикнулъ капитанъ съ восторгомъ.

— Ударить-то на что? хладнокровно спросилъ докторъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ краснокожіе исчезли; они словно улетучились во мракѣ.

— Ей-Богу, во-время вы подоспѣли, Желтая Птица! вскричалъ капитанъ, дружески пожимая руку охотника.

— Такъ я и думалъ, просто отвѣтилъ канадецъ:—судя по быстротѣ, съ какою вы стрѣляли въ эту сволочь.

— Мы уже не надѣялись болѣе увидѣть васъ, прибавилъ капитанъ, не думая о значеніи своихъ словъ.

— Почему?

— Не знаю право, продолжалъ онъ въ смущеніи: — докторъ думалъ, вы плутаете, дороги не найдете, мало ли что? вѣдь мы путешествуемъ безъ компаса!

— Плутаю я-то? Мнѣ дороги не найти! вскричалъ охотникъ со смѣхомъ:—вамъ угодно шутить. Не можетъ быть, капитанъ, чтобы мысль эта пришла доктору.

— Разумѣется, онъ шутитъ. Кстати, а лошака вы привели?

— Онъ-то, проклятый, меня и задержалъ; пока я разсматривалъ слѣды бродягъ, онъ сбросилъ съ себя вьюки и далъ тягу.

— Слѣды индійцевъ, поправилъ докторъ.

— Бродягъ, сударь, настоялъ охотникъ:—развѣ вы думаете, что одни краснокожіе нападали на васъ?

— Узнать-то ихъ кажется можно по наряду.

— Вамъ не вѣрно кажется, сударь, возразилъ канадецъ, покачавъ головой:—нарядъ ничего не означаетъ, вы скоро сами убѣдитесь. Однако бросимъ споръ на первый случай и устроимъ нашъ станъ; поздно и вы ничего не ѣли.

— То-есть, просто умираемъ съ голода, отвѣтилъ смѣясь капитанъ.—Отъ перестрѣлки мы еще пуще отощали.

— Такъ нельзя терять ни минуты.

Лошака тотчасъ развьючили, палатки раскинули, съѣстные припасы поставили на огонь и получасомъ позднѣе три путешественника оказывали импровизованному пиру должную честь, благодаря апетиту, усиленному до грозныхъ размѣровъ двѣнадцатичасовымъ постомъ.

Едва они кончили ѣсть, какъ со стороны рѣки раздался легкій шумъ. Всѣ трое насторожили уши и ждали.

Безотчетно, почти машинально французы протянули руку къ оружію, положенному возлѣ нихъ.

Желтая Птица остановилъ ихъ знакомъ.

— Ничего не дѣлайте, шепнулъ онъ торопливо: — кто бы ни

былъ идущій, онъ одинъ, пусть приблизится и не будемъ выказывать ни страха, ни удивленія при его видѣ.

— Однако, если человѣкъ этотъ шпіонъ? возразилъ докторъ.

— Должно быть, онъ шпіонъ и есть, увѣренно отвѣтилъ канадецъ.

— Шпіонить-то что? изумился капитанъ.—Въ такой пустынѣ я не вижу пользы...

Охотникъ засмѣялся.

— А вѣдь очень просто, сказалъ онъ:—степь кишитъ шпіонами, по большей части невидимыми, но порой они и показываются.

— Вотъ мнѣ нравится! когда вы докажете это, я признаю справедливость взгляда нашего друга доктора на... на индійцевъ.

Желтая Птица улыбнулся.

— Однако я говорю вѣрно. Вслушайтесь-ка хорошенько: вы отправились изъ Сан-Франсиско съ открытою цѣлью ѣхать въ Утахъ?

— Что-жъ?

— Предположили, продолжалъ онъ спокойно:—что объявленная цѣль скрываетъ другую, тайную. Что и весьма возможно, сказать правду.

Путешественники отвернулись, не возразивъ.

— Тутъ, заговорилъ опять проводникъ:—каждый принялъ свои мѣры. Американцы наблюдаютъ за вами, чтобы помѣшать вамъ примкнуть къ мормонамъ; мормоны подкарауливаютъ васъ, изъ опасенія, что вы тайные агенты Соединенныхъ Штатовъ; рудокопы видятъ въ васъ людей, которые пожалуй имѣютъ на умѣ ограбить ихъ разработкою богатой розсыпи, извѣстной вамъ однимъ; индійцы же, напротивъ, подстерегаютъ васъ, чтобы обобрать при удобномъ случаѣ. Поняли вы меня теперь и сообразили, съ какимъ количествомъ глазъ и ушей вы имѣете дѣло?

— Понялъ, прошепталъ капитанъ.

— Мы на нейтральной почвѣ, которая въ сущности не при-

надлежитъ никому, всѣ заявляютъ на нее права; слѣдовательно, тутъ сила закона и вы оказываетесь предметомъ всей этой корысти и всѣхъ опасеній. Одному нападенію вы уже подверглись, готовьтесь къ другимъ. Борются съ вами посредствомъ хитрости и силы, отвѣчайте хитростью же и силою, иначе вы погибли.

— Не чуть ли вы представляете намъ положеніе гораздо мрачнѣе, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ, улыбаясь замѣтилъ докторъ.

— Вы полагаете? обратился къ нему охотникъ съ страннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Это мое мнѣніе; вы смотрите на вопросъ съ вашей точки зрѣнія, я съ своей; кто знаетъ, не ошибаемся ли мы оба? Подождемъ и увидимъ.

— Дѣло возможное, холодно отвѣтилъ канадецъ:—какъ бы ни было, вотъ и нашъ посѣтитель; принимайте его какъ знаете; что̀ меня касается, то желаю вамъ доброй ночи.

Безъ дальнѣйшихъ околичностей Желтая Птица завернулся въ одѣяло, легъ на землѣ и закрылъ глаза, повидимому твердо рѣшившись не вмѣшиваться въ то, что̀ произойдетъ. Вердьеръ задѣлъ его самолюбіе, онъ отвѣтилъ однимъ молчаніемъ.

Докторъ презрительно пожалъ плечами и устремилъ ясный взглядъ на человѣка, который, обогнувъ довольно крутой холмъ, остановился въ десяти шагахъ отъ бивака. Человѣкъ этотъ, вошедшій въ кругъ свѣта, имѣлъ странный и вмѣстѣ поразительный видъ. Роста онъ былъ высокаго, рѣзкія черты его дышали энергіей; его смуглое лицо, освѣщенное двумя черными глазами, точно мечущими молніи, имѣло выраженіе и лукавое и добродушно насмѣшливое, которое трудно передать; одежда на немъ также была какая-то странная, нѣчто среднее между нарядомъ краснокожихъ и костюмомъ охотниковъ въ степи. Онъ небрежно опирался скрещенными руками на дуло винтовки, поставленной прикладомъ на земь; волосы его цвѣта во́ронова крыла, подвязанные вокругъ головы кожею гремучей змѣи, падали на плечи; борода, густая и жесткая, доходила до половины груди.

Онъ поклонился путешественникамъ два раза, прикладывая правую руку къ груди, а потомъ протягивая ее впередъ.

— Я слышалъ выстрѣлы, сказалъ онъ: — и увидалъ пламя бивачнаго костра; не нуждаются ли чужеземцы въ сильной рукѣ и храбромъ сердцѣ? Я поспѣшилъ къ нимъ на помощь.

— Благодарю, сухо отвѣтилъ капитанъ: — мы не нуждаемся ни въ чьей помощи. Намъ достаточно было собственныхъ рукъ, какъ видите.

— Однако, прибавилъ докторъ: — въ гостепріимствѣ мы не отказываемъ никому; подойдите и сядьте возлѣ насъ. Если вы голодны, то можете ѣсть; если жаждете, то пейте; если зябнете, то согрѣйтесь.

Незнакомецъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Кто исполняетъ долгъ гостепріимства, тотъ идетъ путемъ Божіимъ, произнесъ онъ наставительно: — гость, приглашенный къ очагу, священенъ; знаете ли вы это?

— Знаемъ; бросьте всякое опасеніе и подходите, кто бы ни были вы, другъ или недругъ.

— Хорошо, принимаю тепло; я не голоденъ и не жажду.

Онъ приблизился; сѣвъ противъ двухъ путешественниковъ, онъ положилъ ружье возлѣ себя на траву, вынулъ изъ-за пояса индійскую трубку, набилъ ее и молча сталъ курить.

Непродолжительные переговоры происходили на англійскомъ языкѣ, которымъ незнакомецъ владѣлъ въ совершенствѣ, хотя съ легкимъ иностраннымъ произношеніемъ.

— На васъ напали? сказалъ онъ немного погодя.

— Да, отвѣтилъ капитанъ: — краснокожіе пытались захватить насъ врасплохъ.

— На васъ напали не одни краснокожіе.

— Какъ вы это знаете? съ изумленіемъ спросилъ капитанъ.

— Все-равно, какъ бы ни зналъ, но это такъ.

— Я не понимаю васъ. Кто же вы-то?

— Кто я? Сами видите, такой же человѣкъ, какъ и вы.

— Другъ вы или врагъ?

— Въ настоящую минуту ни то, ни другое. Я гость вашъ.

— Что это означаетъ?

— Что позднѣе, вѣроятно, буду тѣмъ или другимъ, прибавилъ неизвѣстный глухимъ голосомъ.

— Кто бы ни были вы, товарищъ, вскричалъ капитанъ смѣясь:—вы по-крайней-мѣрѣ откровенны! Это мнѣ нравится, ей-Богу! Тайна, какою вы окружаете себя, меня плѣняетъ. Продолжайте; бесѣда съ вами доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе.

— Вы шутите, и напрасно, потому что я говорю какъ нельзя положительнѣе.

— Сохрани Богъ! не думаю шутить; я до страсти люблю все таинственное, какъ уже сказалъ. Къ тому же, вы меня точно будто знаете, и это сильно возбуждаетъ мое любопытство; дѣйствительно я вамъ извѣстенъ?

— Я знаю и васъ и вашего спутника, доктора.

— Благодарю за себя и за моего друга. Мы не считали себя людьми такими замѣчательными.

— Я замѣчу вамъ, что не называлъ его вашимъ другомъ, а только *спутникомъ;* это вовсе не одно и то же, прибавилъ незнакомецъ съ оттѣнкомъ иронiи.

Докторъ нахмурилъ брови.

— Довольно глупой болтовни, вмѣшался онъ: — пользуйтесь, но не злоупотребляйте дарованнымъ вамъ гостепрiимствомъ; развѣ худо приняли мы васъ? На что же вы жалуетесь?

— Я такъ мало расположенъ злоупотреблять имъ, что ухожу, отвѣтилъ гость, вставая. — Я согрѣлся и ухожу.

— Какъ хотите! отвѣтилъ докторъ грубо.

— Но мы вѣроятно увидимся опять, прибавилъ капитанъ съ иронiей. — Вы не прощаетесь съ нами. Развѣ мы опять сойдемся?

— Скоро, надѣюсь, насмѣшливо возразилъ неизвѣстный.

— Такъ добраго пути!

— А вамъ доброй ночи желаю! отвѣтилъ незнакомецъ значительнымъ топомъ, слегка наклонилъ голову и ушелъ мед-

ленною и величественною походкой, не занимаясь тѣмъ, слѣдятъ за нимъ или нѣтъ.

— Клянусь Богомъ, я не останусь въ дуракахъ! вскричалъ капитанъ, оборачиваясь къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ проводникъ.

— Что вы хотите дѣлать? спросилъ докторъ съ безпокойствомъ, котораго не уяснялъ себѣ пріятель.

— Узнать, кто этотъ негодяй, который добрыхъ полчаса насмѣхался надъ нами, отвѣтилъ капитанъ и сильно дернулъ одѣяло, въ которое тщательно закутался проводникъ.

Онъ вскрикнулъ отъ изумленія. Охотника простылъ и слѣдъ.

Почти мгновенно во мракѣ сверкнула молнія, раздался выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ пронзительный крикъ.

— Это что? вскричали въ одинъ голосъ оба путешественника, хватаясь за оружіе.

— Ничего, отвѣтилъ въ нѣсколькихъ шагахъ насмѣшливый голосъ Желтой Птицы: — я застрѣлилъ наугадъ вонючую гадину.

II

ПРЕЛЕСТНЫЙ ОБРАЗЕЦЪ АМЕРИКАНСКАГО ГОРОДА

Гумбольдовая рѣка беретъ начало въ Сіеррѣ-Невадѣ и протекаетъ территорію Утахъ.

Послѣ теченія миль во сто она образуетъ озеро и нѣсколькими милями далѣе исчезаетъ въ океанѣ песковъ.

Это внезапное исчезновеніе происходитъ отъ формы обширнаго бассейна, по которому извивается эта рѣка, и отъ свойства почвы, которую она орошаетъ.

Окруженная и обрамленная со всѣхъ сторонъ высотами, не дозволяющими ей проложить себѣ дорогу, она теряется понемногу въ равнинахъ, гдѣ вода просачивается въ песокъ или испаряется въ воздухѣ.

Мало рѣкъ съ теченіемъ такимъ прихотливымъ, такимъ разнообразнымъ и такимъ живописнымъ.

То волны ея текутъ мутныя и, какъ мыльная вода, бѣловатыя отъ солянки, то онѣ простираются на неизмѣримую даль свѣтлыя и прозрачныя.

Тутъ берега ея песчаны и безплодны.

Тамъ они зелены и поросли ивами, которыя смотрятся въ ясное, текучее зеркало, простирающееся у ихъ узловатыхъ стволовъ.

Громадныя стаи большихъ зимородковъ рѣютъ надъ ними, оглашая воздухъ громкимъ хлопаньемъ сильныхъ крыльевъ.

Цѣлыя стада мускусовыхъ крысъ, нѣчто среднее между бобромъ и зайцемъ, бороздятъ русло рѣки и плоскій хвостъ служитъ имъ правиломъ.

Въ небольшой равнинѣ, на ружейный выстрѣлъ отъ лѣваго берега Гумбольдовой рѣки, миляхъ въ десяти отъ почнаго бивака, выше нами описаннаго, находилась деревня, которая благодаря своему центральному положенію со временемъ будетъ цвѣтущимъ городомъ.

Переселенцы, отправляющіеся къ Соленому озеру или въ Калифорнію, миновать ее не могутъ.

Въ 1855 тамъ было всего человѣкъ двадцать всѣхъ возможныхъ націй; французы, англичане, нѣмцы, испанцы, сѣверо-американцы, поляки—они вездѣ есть—жили тамъ вмѣстѣ кое-какъ и перебирали другъ друга по косточкамъ подъ личиною самой тѣсной дружбы и согласія.

Впрочемъ поспѣшимъ заявить, что эти почтенные жители деревни не были именно избранными образцами тѣхъ націй, къ которымъ принадлежали, напротивъ это были страшные разбойники, соединившіеся, чтобы жить на счетъ путешественниковъ

*

и обирать ихъ при удобномъ случаѣ, хотя бы потомъ дѣлежъ добычи и не обошелся безъ драки.

Самое большое зданіе деревни была длинная деревянная изба съ двумя трубами и множествомъ оконъ въ нижнемъ жильѣ и въ верхнемъ—изба была въ два этажа—двѣ высокія и большія створчатыя двери служили входомъ въ это странное зданіе, за которымъ былъ хорошо содержанный садъ, обнесенный частоколомъ.

Въ почтительномъ разстояніи отъ этого замѣчательнаго дома, надъ которымъ гордо развѣвался звѣздчатый флагъ Соединенныхъ Штатовъ, хижинъ пятнадцать, болѣе или менѣе удобно расположенныхъ, раскинулись вокругъ въ живописномъ безпорядкѣ; большая часть состояла изъ воткнутыхъ въ землю кольевъ, обтянутыхъ на подобіе стѣнъ насмоленнымъ холстомъ. На самомъ берегу рѣки лѣпилось около сотни кожаныхъ палатокъ, гдѣ жило племя индійцевъ *Шомонесъ* или *Змѣй*, величайшихъ грабителей въ тѣхъ мѣстахъ; тѣсный союзъ существовалъ между индійскимъ племенемъ и жителями деревни.

Бѣлые и краснокожіе воры соединились, чтобы грабить караваны и убивать путешественниковъ.

Было около восьми часовъ вечера; большая зала главнаго зданія, описаннаго нами, представляла зрѣлище достойное карандаша Калло.

Зала эта, служившая поочередно церковью, капищемъ, концертною залой и т. д., въ этотъ день превращена была въ кабакъ посредствомъ столовъ и скамеекъ, разставленныхъ безъ всякаго порядка. Вокругъ столовъ, на которыхъ высокія желтыя сальныя свѣчи горѣли въ желѣзныхъ подсвѣчникахъ, сидѣли игроки и гуляки въ фантастическихъ лохмотьяхъ, которыхъ не передать словами, и упивались взапуски напгнуснѣйшими напитками. Они вели сильную игру и точно бѣсноватые кричали, спорили, пѣли и ревѣли.

Слуги съ жбанами въ рукахъ ходили вокругъ столовъ, исполняя требованіе посѣтителей, подъ надзоромъ толстяка съ веселымъ лицомъ, косыми глазами и насмѣшливою улыбкой,

одѣтаго въ черное съ головы до ногъ. Толстякъ былъ никто иной какъ хозяинъ дома.

Всѣ жители деревни и часть союзниковъ ихъ индійцевъ собрались въ этотъ день въ залѣ, торжественно освѣщенной ради такого случая.

У двери, въ темномъ углу, человѣкъ въ мексиканскомъ костюмѣ сидѣлъ у стола одинъ, спиной къ стѣнѣ и скрестивъ руки на груди. Предъ нимъ стояла только небольшая мѣра водки, до которой онъ еще не касался, хотя болѣе часа уже сидѣлъ, куря тоненькую папироску и взоромъ, исполненнымъ скуки, пренебреженія и отвращенія, окидывалъ обычныхъ посѣтителей кабака.

Этотъ одинокій незнакомецъ, лѣтъ двадцати-семи или восьми, имѣлъ тонкія, изящныя черты, высокій лобъ, выдающіяся скулы, большіе огненные черные глаза, носъ съ горбинкой, ротъ выраженія откровеннаго, съ великолѣпными зубами, и густые черные усы, закрученные кверху. Нарядъ его былъ богатый и со вкусомъ, ростъ не выше средняго, при сложеніи удивительно соразмѣрномъ, движенія граціозны, не смотря на позы, которыя онъ принималъ нарочно; вигоневая шляпа съ широкими полями лежала брошенная на столъ возлѣ американской винтовки.

Такова была наружность этого человѣка; не взирая на матовую блѣдность и мрачное выраженіе, лицо его было изъ числа тѣхъ, которыя возбуждаютъ вниманіе и никогда не забываются, когда разъ ихъ видѣлъ.

Трактирщикъ, толстякъ, о которомъ мы упоминали выше, то и дѣло проходилъ мимо него съ видомъ недовольнымъ, однако не осмѣливался заговорить.

Очевидно, достойный хозяинъ скорбѣлъ въ душѣ, что столъ этотъ занятъ такимъ плохимъ, ничего не спрашивающимъ посѣтителемъ, однако по причинамъ, надо полагать, весьма важнымъ онъ вслухъ не жаловался. Впрочемъ, кромѣ самого трактирщика никто не занимался одинокимъ мечтателемъ и присутствія его вѣроятно не замѣчали. Что его касалось, то онъ выкуривалъ папиросу за папиросой и съ мѣста не трогался, точно вкопанный.

Снаружи раздался топотъ скачущей лошади.

Неизвѣстный слегка вздрогнулъ, немного наклонилъ голову и сталъ прислушиваться. Остальные попрежнему играли съ крикомъ и гамомъ. Однако топотъ все приближался и вдругъ замолкъ.

Лошадь остановилась у двери дома. Почти въ то же мгновеніе вошелъ мужчина, осмотрѣлся вокругъ и прямо подошелъ сѣсть напротивъ мексиканца или, лучше сказать, противъ личности, которая выдавала себя за мексиканца.

Трактирщикъ подбѣжалъ съ поспѣшностью, достойною всякой похвалы.

— Что прикажете подать? спросилъ онъ рабски-почтительно.

Новоприбывшій не успѣлъ и рта разинуть, какъ мексиканецъ швырнулъ свою папироску и, посмотрѣвъ на трактирщика, отвѣтилъ:

— Ничего.

Толстякъ покраснѣлъ, поклонился и ушелъ, не посмѣвъ возразить, хотя въ душѣ давалъ себѣ слово отплатить при первомъ удобномъ случаѣ.

Два мексиканца остались одни въ уголку.

Тотъ, кто прискакалъ сейчасъ, немногимъ былъ старше перваго.

Онъ смотрѣлъ такъ же отважно и нарядъ имѣлъ мексиканскій, богатый, но растрепанный, грязный и перемятый, вѣроятно, отъ продолжительнаго переѣзда верхомъ.

— Надо остерегаться длинныхъ ушей нашего хозяина, сказалъ первый, скручивая папиросу.

— Если достопочтенный мистеръ Строгъ подойдетъ чрезчуръ близко, засмѣялся собесѣдникъ, взглянувъ сбоку на трактирщика:—можно обрѣзать его или по-крайней-мѣрѣ скоротать на нѣсколько дюймовъ.

Трактирщикъ, проходившій мимо нихъ взадъ и впередъ, остановился какъ бы по волшебству возлѣ группы игроковъ.

Чтобы придать себѣ видъ, онъ машинально бросилъ на столъ монету.

Счастье не благопріятствовало ему и въ первый разъ онъ осмѣлился сердито взглянуть на мексиканцевъ, такъ какъ они были виною, что онъ лишился частички наворованныхъ имъ денегъ или, вѣрнѣе, ежедневныхъ своихъ барышей.

Тѣ засмѣялись только его угрозѣ, этому безмолвному проклятію.

— Будемъ говорить по-басски, сказалъ одинъ.—Такимъ образомъ мы можемъ быть увѣрены, что насъ не подслушаютъ или по-крайней-мѣрѣ не поймутъ.

— Какъ хочешь, отвѣтилъ другой.

— Ты прямо оттуда? спросилъ первый мексиканецъ самымъ чистымъ нарѣчіемъ Пиренеевъ.

— Прямымъ путемъ, послѣдовалъ отвѣтъ на томъ же нарѣчіи.

— Ты поздно пріѣхалъ.

— Лошадь почти загналъ.

— Я давно жду тебя.

— Не по винѣ бѣднаго животнаго. Болѣе десяти миль я проскакалъ въ два часа съ половиною.

— Ну, что новаго?

— Ничего еще.

— Ничего?

— Вгладь.

— Все вмѣстѣ стало быть?

— Пуще прежняго.

— Значитъ, и объясненія не было?

— Ни малѣйшаго. Они въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

— Слѣдовательно, Желтая Птица еще ничего не говорилъ?

— Надо полагать.

— Ужь не измѣняетъ ли онъ мнѣ? вскричалъ первый мексиканецъ и глаза его сверкнули гнѣвомъ.

— Нѣтъ. Онъ намъ преданъ... впрочемъ, вѣдь ты знаешь его не хуже меня, и по опыту, и по наслышкѣ. Желтая Птица никогда и никому не измѣнялъ.

— Правда. Но зачѣмъ же онъ не говоритъ? Отчего такое непостижимое бездѣйствіе?

— Случай еще не представился.

— Съ его умѣніемъ, отвагой и опытностью, случай вызываютъ.

— Я и сказалъ ему это.

— Такъ ты говорилъ съ нимъ?

— Да, говорилъ.

— Ну?..

— Что бы ни случилось, онъ скажетъ завтра.

— Наконецъ-то!

— Но это еще не все.

— Замыселъ пронюхали?

— Гмъ! ты думаешь, Пьеръ? съ живостью переспросилъ первый изъ мексиканцевъ.

— Я видѣлъ.

— Объяснись же, мой другъ, объяснись!

— Мормоны поднялись на ноги; они попытались напасть на нихъ врасплохъ на закатѣ солнца.

— Тысяча чертей! вскричалъ товарищъ, стукнувъ въ порывѣ гнѣва по столу кулакомъ.

— Успокойся, Луи; благодаря мнѣ, Желтая Птица былъ насторожѣ. Ихъ прогнали.

— Завтра они начнутъ сызнова.

— Вѣроятно.

— Что дѣлать?

— Надо рисковать всѣмъ.

— Мы имѣемъ дѣло съ сильными противниками. Удастся ли намъ?

— Если мы дождемся того, что они будутъ здѣсь, все полетитъ къ чорту.

— Правда.

— Положишься ты на мое слово?

— Еще бы нѣтъ! Говори, я слушаю тебя. Если совѣтъ твой хорошъ, я послѣдую ему, какъ бы ни былъ онъ опасенъ.

— Нельзя колебаться долѣе; этотъ демонъ Франсисъ хитеръ какъ двуутробка; если онъ пронюхаетъ что-либо, все погибло; съ нимъ надо покончить во что бы ни стало.

— Проклятіе! дѣло до-сихъ-поръ веденное такъ искусно; бѣдный Гастонъ! а я еще поклялся возвратить ему невѣсту.

— И возвратимъ.

— Какъ! когда не знаемъ даже, гдѣ она? Есть отчего душу прозаложить чорту.

Пьеръ понизилъ голосъ и наклонился къ уху пріятеля.

— Я знаю гдѣ.

— Ты? вскричалъ Луи съ нервнымъ содроганіемъ.

— Да, я.

— Послушай, Пьеръ, я спасъ тебѣ жизнь, ты любишь меня и не захочешь обманывать, я увѣренъ; я имѣю къ тебѣ полное довѣріе. Мы затѣяли страшную борьбу, отъ исхода которой зависитъ моя жизнь. Гастонъ для меня дороже брата; его семейство оказало моему громадныя услуги; въ минуту смерти его отецъ поручилъ его моему отцу. Когда наканунѣ свадьбы невѣста Гастона исчезла, онъ хотѣлъ наложить на себя руки. Два раза я удержалъ его, поклявшись, что верну ему его возлюбленную Жанну; клятву эту я сдержу или всажу себѣ пулю въ лобъ. Я просилъ у него полгода, чтобъ исполнить обѣщанное; прошло пять мѣсяцевъ и мнѣ остается всего одинъ. Что я все сдѣлалъ, дабы открыть истину, средства, какія я употреблялъ, чтобы проникнуть въ гнусную интригу, которой бѣдные молодые люди невинныя жертвы, какъ мнѣ удалось изъ Парижа и до-сихъ-поръ выслѣдить ее, сто разъ теряя нить и опять отыскивая, еслибъ я и пересказалъ тебѣ, ты не могъ бы повѣрить, но теперь я выбился изъ силъ и духомъ упалъ; одна моя надежда на тебя, преданнаго мнѣ душой, и я, Пьеръ, буду преданъ тебѣ, какъ не бывало еще никого на свѣтѣ, если справедливо, что̀ ты сейчасъ сказалъ.

Они крѣпко пожали другъ другу руку.

— Только одно слово еще, Луи, прежде чѣмъ открыть тебѣ, что̀ ты такъ сильно желаешь знать.

— Что̀ такое? говори.

— Какъ удалось этому подлецу Франсису похитить несчаст-

ную молодую дѣвушку? Съ какой цѣлью сдѣлалъ онъ это? Любитъ онъ ее?

— Онъ-то, Франсисъ! вскричалъ Луи съ презрѣніемъ: — не любитъ и никогда не любилъ! У Франсиса одна страсть — золото. Жанна имѣетъ громадное состояніе; Верцьеръ стремится овладѣть ея богатствомъ, болѣе ничего; хотя бы бѣдная дѣвушка была во сто разъ красивѣе, это не имѣло бы въ его глазахъ никакого вѣса. Будь она дурна, онъ все-равно женился бы на ней. Еслибъ могъ получить состояніе безъ дѣвушки, онъ не далъ бы себѣ труда похитить ее.

— Молодецъ!

— Планъ его былъ составленъ съ адскою ловкостью и простотою.

— Посмотримъ его; это интересно съ точки зрѣнія искусства! вскричалъ Пьеръ, поставивъ оба локтя на столъ и подперевъ подбородокъ кулаками.

— Заставить Жанну полюбить себя, жениться на ней во Франціи, даже въ Европѣ, оказывалось для него невозможно, и думать нечего было.

— Да; въ такъ называемыхъ цивилизованныхъ странахъ требуется согласіе обѣихъ сторонъ при совершеніи брака. Продолжай.

— Одна единственная страна представляла этому мерзавцу достаточное огражденіе для его преступнаго дѣйствія.

— Утахъ?

— Да, Франсисъ сдѣлался мормономъ. По вступленіи въ секту *Святыхъ послѣдняго дня*, онъ обязался заплатить милліонъ своимъ новымъ братьямъ въ день своей свадьбы съ бѣдною молодой дѣвушкой.

— Разумѣется, святые мужи обязались съ своей стороны оказать ему всякую помощь и содѣйствіе.

— Что и сдѣлали.

— Во Франціи? спросилъ Пьеръ не въ силахъ скрыть свое глубокое изумленіе.

— Во Франціи. Мормоны тамъ многочисленнѣе, чѣмъ ты по-

лагаешь. У нихъ страсть прозелитизма. Милліонъ—сумма красивая. Они и принялись за дѣло.

— Такъ дѣвушку похитили въ Парижѣ?

— Въ самомъ Парижѣ. Оттуда ее свезли въ Гавръ, непонятно какъ, когда она не могла звать на помощь. Къ какимъ гнуснымъ, какимъ преступнымъ средствамъ они прибѣгали, я не знаю, но отправили ее на одномъ изъ своихъ кораблей, который и доставилъ ее въ Америку.

— И никто не узналъ этого?

— Тайна такъ была сохранена, что родственники ея не могли открыть ни малѣйшаго слѣда.

— А Вердьеръ?

— Чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, онъ не тотчасъ уѣхалъ изъ Парижа.

— Подлецъ!

— Впрочемъ, онъ не рисковалъ ничѣмъ.

— Отчего?

— Ни Гастонъ, ни родные Жанны его не знали.

— И онъ считалъ себя огражденнымъ?

— Вполнѣ; для большей же вѣрности онъ объявилъ въ одинъ прекрасный день, что отправляется въ Чили.

— Ловко разыграно!

— Изъ Чили, куда дѣйствительно и поѣхалъ, онъ перебрался въ Сан-Франсиско.

— И тамъ онъ имѣлъ дерзость сойтись съ Гастономъ?

— Какъ-разъ угадалъ.

— Но дружба эта должна отчасти стѣснять его въ роли Жоконда.

— Онъ и намѣренъ избавиться онъ нея при первомъ удобномъ случаѣ.

— Онъ ни предъ чѣмъ не отступитъ.

— Разумѣется.

— Но если такъ, мой добрый Лун, твой другъ Гастонъ попалъ прямо въ волчью пасть.

— Это я посовѣтовалъ ему.

— Однако ударъ ножомъ дать недолго.

— За молодцомъ зорко слѣдятъ.

— А! понимаю... Желтая Птица вѣроятно?

По утвердительномъ знакѣ пріятеля, онъ продолжалъ:

— Тѣмъ не менѣе... съ точки зрѣнія богатства... планъ этого хитраго мошенника ошибоченъ относительно самаго главнаго.

— Чего же?

— Я допускаю полную удачу его замысловъ.

— Ты допускаешь совершеніе брака?

— Ну, да.

— А дальше что?

— Остается еще вопросъ о родственникахъ Жанны, которые пожалуй не согласятся дать обобрать себя такъ легко, какъ похитили у нихъ молодую дѣвушку.

— Франсисъ предвидѣлъ все.

— Все? однако...

— Жанна де-Меркёръ сирота.

— У нея развѣ нѣтъ родни?

— Дальніе родственники, которые едва знаютъ ее и заботятся о ней какъ о вешнемъ снѣгѣ.

— Такъ опекунъ есть, чортъ возьми! долженъ быть опекунъ, возразилъ Пьеръ, полагая тѣмъ привести своего собесѣдника въ замѣшательство.

— Да, опекунъ есть.

— Ага! вотъ видишь.

— Но опекунъ, отъ котораго Жанна зависитъ въ извѣстной степени, согласится на все.

— Быть не можетъ! воскликнулъ пріятель, оторопѣвъ.

— За сто тысячъ экю, продолжалъ другой, не думая пользоваться своимъ торжествомъ при крайнемъ изумленіи товарища.—Понимаешь теперь?

— Какъ не понимать, чортъ возьми! Злодѣй подумалъ обо всемъ! Этотъ Вердьеръ большой дипломатъ.

— Отъ него не ускользаетъ ничего.

— Столько коварства въ одномъ человѣкѣ, если можно назвать человѣкомъ чудовище такого закала.

— Увы! Пьеръ, онъ человѣкъ не дурной и, къ несчастью, не единственный въ своемъ родѣ. Разорившись, потерявъ всякую надежду вернуть честнымъ образомъ состояніе и положеніе, онъ играетъ въ игру разбойника, и пожалуй выиграетъ. Кто знаетъ? Франсисъ до того утратилъ всякое нравственное чувство, что можетъ находить свое средство позволительнымъ; къ тому же кто хочетъ цѣли, не брезгай средствами. Наше дѣло теперь устроить контр-мину прежде чѣмъ они ступятъ сюда, гдѣ собралась бо̀льшая часть изъ ихъ сообщниковъ.

— О, о! это важно и затрудняетъ положеніе.

— Я говорилъ тебѣ; какъ быть?

— Дай мнѣ подумать; я посвятилъ себя твоему дѣлу; лучше тебя я знаю Америку, гдѣ живу десять лѣтъ; въ этомъ краю, любезный другъ, разсчитывать слѣдуетъ только на одно непредвидѣнное, и ей-Богу! именно это-то непредвидѣнное я и призываю къ намъ на помощь; оно одно можетъ склонить успѣхъ на нашу сторону.

— Да услышитъ тебя Богъ, другъ мой! Еслибъ рѣчь шла о розыскѣ золотой или серебряной руды, я былъ бы увѣренъ въ успѣхѣ съ тобою, самымъ извѣстнымъ изъ золотоискателей, который, такъ сказать, вынуждаетъ золото выходить на поверхность земли и открываться ослѣпленнымъ взорамъ людей... Но теперь рѣчь идетъ не о золотѣ.

— Терпѣніе, Луи! возразилъ золотоискатель, скрывъ улыбку:— можетъ быть, власть, которую мнѣ приписываютъ, и теперь мнѣ послужитъ въ пользу. Во всякомъ случаѣ она не принесетъ вреда.

Собесѣдники замолчали; они оба глубоко задумались.

Вокругъ нихъ крики, смѣхъ и громкій говоръ все усиливались.

Всѣ толковали, кричали и бѣсновались въ одинъ голосъ.

Проигрывали до сапогъ. Пили изъ бутылокъ.

Спорили, ссорились; отъ времени до времени по-пріятельски всадятъ другъ другу въ правую или лѣвую щеку остріе ножа на добрый дюймъ.

Это было самое оживленное собраніе того очаровательнаго жилища.

Мастеръ Строгъ весело потиралъ себѣ руки и разсчитывалъ въ своемъ ограниченномъ умѣ свои безчестные барыши отъ этой маленькой оргіи.

Вдругъ Пьеръ ударилъ себя по лбу, поднялъ голову и сильно стукнулъ по столу кулакомъ.

— Мистеръ Строгъ! крикнулъ онъ.

— Къ вашимъ услугамъ, господа, тотчасъ отвѣтилъ толстякъ, спѣша на зовъ съ заискивающею улыбкой.

III

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧЪ

Пьеръ улыбнулся и, положивъ руку ему на плечо, сказалъ съ самымъ ласковымъ видомъ:

— Вы любите всякія деньги, мистеръ Строгъ?

— Ао! воскликнулъ американецъ и ротъ его разъѣхался отъ одного уха до другого.

— Но предпочитаете золото?

— Гораздо больше.

— Вы знаете меня, надѣюсь?

— Имѣю честь, ваша милость.

— Ладно. Такъ приступимъ прямо къ цѣли.

— Я готовъ.

— Сколько вы потребуете, чтобы измѣнить вашему лучшему другу?

— Что прикажете? вскричалъ озадаченный толстякъ.

— Развѣ вы не слышали, что я сказалъ?

— Очень хорошо слышалъ.

— Такъ отвѣчайте же.

— Въ томъ-то и дѣло, сказалъ трактирщикъ, почесывая лобъ съ озабоченнымъ видомъ:—что я не знаю, какъ отвѣтить.

— Почему?

— У меня нѣтъ лучшаго друга.

— Ну, отвѣтъ ловкій! вскричалъ Пьеръ смѣясь. — Предположите, что у васъ былъ бы такой другъ, сколько потребовали бы вы, чтобъ измѣнить ему?

— Я предполагаю, ваша милость, сказалъ трактирщикъ внушительно:—что дружба вещь святая, священная связь; по моему соображенію, это должно стоить дорого, очень дорого, чрезвычайно дорого.

— Однако, сколько же приблизительно?

— О! по моему разсчету тысяча долларовъ не лишнее, возразилъ трактирщикъ съ заискивающей мягкостью.

— Это задаромъ, любезный другъ. Я полагалъ васъ корыстолюбивѣе.

— Я честенъ, хотя трактирщикъ, сказалъ мистеръ Строгъ съ чувствомъ.

— Еще-бы, чортъ возьми! Такъ вотъ что я вамъ скажу: вы можете пріобрѣсти въ пять минутъ не тысячу, но двѣ тысячи долларовъ.

— Двѣ тысячи долларовъ! вскричалъ въ порывѣ радости трактирщикъ и громадное лицо его побагровѣло:—а что нужно сдѣлать для этого, уважаемый сеноръ? Если это вещь возможная, то она сдѣлана. Говорите, что отъ меня требуется?

— Я уже сказалъ—измѣнить, не лучшему пріятелю, такъ какъ рѣшено, что его у васъ нѣтъ, но особѣ, которая довѣрилась вамъ.

— Ао! это затруднительнѣе.

— Ба! почему же?

— Потому что дѣло надо дѣлать честно, насколько возможно, оговорился онъ.

— Конецъ фразы по счастью исправляетъ начало; на чемъ же останавливаетесь вы въ концѣ концовъ?

— Еслибъ я предполагалъ...

— Предполагайте, разсчитывайте и соображайте сколько хотите, мистеръ Строгъ, но сдѣлайте одолженіе, отвѣтьте мнѣ да или нѣтъ; двѣ тысячи долларовъ тутъ въ моемъ кушакѣ добрыми мексиканскими унціями. Я плачу наличными, служите мнѣ также.

— Знаю, ваша милость, на этотъ счетъ я вполнѣ спокоенъ.

— Что-жъ васъ удерживаетъ? Какое сомнѣніе тревожитъ вашъ духъ?

— Извольте видѣть, сказалъ трактирщикъ, яростно, отчаянно почесывая въ головѣ, вѣроятно, чтобъ вызвать изъ нея мысль:— я полагаю, что вы не захотите повредить доброй славѣ честнаго торговца, главы семейства, который долженъ зарабатывать кусокъ хлѣба для себя и своихъ.

— За кого вы принимаете меня, мистеръ Строгъ? вскричалъ мексиканецъ, какъ будто трактирщикъ обвинилъ его чемъ-то чудовищномъ. — Даю вамъ слово, что на васъ не падетъ никакой отвѣтственности. Можете положиться на меня.

— Такимъ образомъ, сеноръ, я разсчитываю, что могу... что даже долженъ...

— Принять, не правда ли?

— Да, принять, сеноръ.

— Хорошо; двѣ дамы привезены были къ вамъ три дня назадъ; не такъ ли?

Трактирщикъ поблѣднѣлъ и отступилъ на шагъ. Онъ былъ пораженъ ужасомъ.

— Ну же? прибавилъ Пьеръ, бросивъ на него холодный и пронизывающій взглядъ.

— Дѣй... дѣйствительно, сеноръ, отвѣтилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — но ваше дѣло, полагаю, касается не этихъ дамъ.

— Вы полагаете невѣрно, мистеръ Строгъ; именно ихъ и касается, или вѣрнѣе, одной изъ нихъ.

— Но вѣроятно вы не знаете, кѣмъ эти дамы мнѣ поручены? продолжалъ со страхомъ несчастный трактирщикъ.

— Очень хорошо знаю, мистеръ Строгъ; только это не пугаетъ меня нисколько; я хочу видѣть ихъ... Я хочу... вы слышите?

— Боже мой! если откроютъ...

— Ничего не откроютъ, положитесь на меня; но предупреждаю васъ, не виляйте; особенно же объ измѣнѣ прошу не помышлять; иначе вы знаете меня, не правда ли? не бывать вамъ въ живыхъ.

— Однако, если...

— Говорю, не бывать въ живыхъ! повелительно повторилъ Пьеръ.

— Если я откажусь отъ договора?

— Что? что вы сказали? Повторите-ка! вскричалъ грозный кліентъ, привставъ и взявшись за дорогой ножъ, прицѣпленный къ его поясу.

— Я пошутилъ, сеноръ.

— Тѣмъ лучше для васъ, почтеннѣйшій. Вы не имѣете болѣе права отказываться отъ моего предложенія. Всякое колебаніе я сочту за измѣну и вбейте себѣ хорошенько въ голову, одно, мистеръ Строгъ...

— Что же, ваша милость?

— Я вполнѣ допускаю, чтобъ измѣняли другимъ для меня, но, клянусь всѣми святыми рая, жалѣю я того, кто измѣнитъ мнѣ, хотя бы въ интересахъ хорошенькой молодой женщины.

— Это сужденіе неправильно, пробормоталъ толстякъ: — но очень ясно.

— Я радъ, что вы поняли его отъ начала до конца.

Другой мексиканецъ широко раскрылъ глаза отъ изумленія.

Угрозу онъ конечно понялъ, но заключеніе фразы было для него загадкой.

Пьеръ продолжалъ:

— Итакъ рѣшено, двѣ тысячи долларовъ или смерть; покро-

вительство извѣстныхъ людей не спасло бы васъ отъ моей мести, какъ ни велика ихъ власть. Послѣднее слово: если вы сослужите мнѣ вѣрно, я дамъ не двѣ тысячи, а десять тысячъ долларовъ, то-есть цѣлое состояніе. Поняли?

— Ао! вполнѣ, ваша милость! вскричалъ трактирщикъ, котораго живые глаза сверкнули огнемъ при этомъ неожиданномъ обѣщаніи.

— Хорошо. Уговоримся теперь, чтобы не вышло недоразумѣнія. Гдѣ дамы въ эту минуту? Вы знаете?

— Въ собственной моей комнатѣ.

— Однѣ?

— Жена моя, мистрисъ Строгъ, составляетъ имъ компанію какъ умѣетъ.

— Никто другой не караулитъ ихъ? Не пріискивайте отвѣтовъ. Говорите скорѣе.

— Никто.

— Ладно! Гдѣ окно вашей комнаты?

— Это третье окно направо отъ двери этой залы.

— Отлично!

Съ этимъ словомъ Пьеръ досталъ изъ-за пояса кошелекъ и положилъ пригоршню золотыхъ монетъ на столъ.

— Вотъ задатокъ, сказалъ онъ.—Считайте, если беретъ охота; но, между нами, лучше будетъ для васъ сунуть въ карманъ на вѣру.

Мистеръ Строгъ не заставилъ повторить приглашенія.

Онъ загребъ унціи однимъ махомъ съ ловкостью лопаточки въ рукѣ опытнаго помощника банкомета.

— Теперь я разсчитываю на васъ какъ на свою руку, почтеннѣйшій.

— И хорошо сдѣлаете, ваша милость. Вы платите не считая, я буду служить вамъ безъ затаенной мысли.

— Съ этой минуты вы принадлежите мнѣ, какъ лезвее принадлежитъ рукояткѣ, которая управляетъ имъ.

— Полагаю, сеноръ, что вы не потребуете отъ меня того,

что̀ можетъ повредить моей доброй славѣ хозяина заведенія и главы семейства?

— Теперь вы полагаете вѣрно, достойный гражданинъ великой республики настоящей и будущей.

— Еще неизвѣстно это, возразилъ мистеръ Строгъ, который охотно потолковалъ бы о политикѣ послѣ долгихъ толковъ о деньгахъ.

Пьеръ остановилъ его, сказавъ сухо:

— Довольно разговоровъ. Ваши глаза и уши принадлежатъ мнѣ. Помните это и возвращайтесь къ вашему дѣлу.

Толстякъ поклонился въ поясъ и отошелъ пятясь задомъ.

Два мексиканца опять остались одни въ углу.

Послѣ минуты молчанія, Луи, все время безучастно присутствовавшій при вышеприведенной сценѣ, сказалъ своему другу:

— Признаться, Пьеръ, я не понимаю, что̀ ты хочешь дѣлать. На что намъ можетъ быть полезенъ трактирщикъ? Что̀ это за двѣ женщины, которыя помѣщены въ такомъ кабакѣ?

— Любопытный! вскричалъ Пьеръ, посмѣиваясь надъ товарищемъ, котораго вопросъ не отзывался кротостью и терпѣніемъ.

— Любопытный! я-то? Ошибаешься... Я только нетерпѣливъ... я рвусь продолжать розыски. Пока не отыщу невѣсты Гастона, я не способенъ ни на дѣло, ни на удовольствіе, и не могу отрѣшиться отъ мысли этой ни на минуту.

— Ужь не упрекъ ли это мнѣ?

— Я не упрекаю, любезный Пьеръ, а только хочу напомнить тебѣ обѣщаніе, которое ты совсѣмъ какъ будто забылъ.

— О молодость! молодость! все ты останешься самонадѣянною и опрометчивою, отчего по большей части судишь вкривь и вкось, философически пробормоталъ позднѣе пріѣхавшій мексиканецъ.

— Да къ чему же мы теперь стремимся? Къ какой таинственной цѣли? Зачѣмъ отклоняться отъ нашего пути?

— Сколько вопросовъ! Не тревожься, другъ. Будь довѣрчи-

вѣе, вотъ все, чего я требую; слѣдуй за мною безъ опасенія. Я покажу тебѣ дорогу. И если, достигнувъ цѣли пути, ты не измѣнишь рѣзкаго тона, который сдѣлалъ бы ожесточенныхъ враговъ изъ товарищей дѣтства, я позволю тебѣ обойтись со мною какъ съ послѣднимъ и презрѣннѣйшимъ изъ *новыхъ святыхъ*, а этимъ много сказано, надѣюсь.

— Ладно, иду за тобою.

— Закрывъ глаза?

— Приходится.

— Я опять узнаю моего Луи прежнихъ дней. Пойдемъ.

Они встали.

Безъ шума и гвалта они вышли изъ залы, гдѣ посѣтители мистера Строга продолжали свои пріятныя занятія.

Само собою разумѣется, что выходъ мексиканцевъ не замѣченъ былъ никѣмъ.

IV

МЕЖДУ ЖЕНЩИНАМИ

Мы забыли заявить это въ свое время и смиренно каемся.

Длинная изба, гдѣ величественно повелѣвалъ достопочтенный и толстый мистеръ Строгъ, смотря по надобности, приспособляя ее, ради выгодъ, ко всѣмъ возможнымъ употребленіямъ, носила пышное и громкое названіе: *гостинница Вашингтонъ*.

Названіе, лучше сказать, вывѣска не лишена была извѣстнаго блеска и вмѣстѣ поползновенія на честолюбіе.

Буквы ярко-желтаго цвѣта изображали золото такъ, что ошибиться можно было на двѣ мили въ окружности.

Онѣ рѣзко выдѣлялись на черномъ фонѣ доски, прибитой надъ главнымъ входомъ.

Весь нижній этажъ былъ раздѣленъ посредствомъ легкихъ перегородокъ на комнаты, болѣе или менѣе меблированныя. Мистеръ Строгъ отдавалъ ихъ по возможно дорогой цѣнѣ переселенцамъ и путешественникамъ, которыхъ заносилъ сюда случай или несчастный рокъ.

Хозяинъ оставилъ собственно для себя только двѣ комнаты; но, разумѣется, это были самыя красивыя и удобно устроенныя изо всего дома.

Читатель можетъ судить объ этомъ по описанію въ нѣсколькихъ словахъ.

Первая комната, средней величины, гдѣ уродливые желтые съ крупными цвѣтами обои покрывали стѣны, служила гостиной и конторой, смотря по надобности. Круглый столъ краснаго дерева съ опускными половинками, четыре стула черешневаго дерева и кресло-качалка составляли всю мебель. Со времени прибытія двухъ незнакомокъ тамъ поставлена была кровать для мистера Строга и его достопочтенной половины.

Другая комната была, собственно говоря, спальня хозяина. Тамъ былъ каминъ, обои и мебель приблизительно такіе же, какъ въ гостиной, а сверхъ того большой шкапъ, ночной столикъ туалетъ и на стѣнахъ нѣсколько плохихъ раскрашенныхъ картинокъ, портреты Джое Смита, Гирама Смита и Бригама Юнга, трехъ главъ мормонизма, уже разрушенный храмъ въ Наувоо и видъ пустыни.

У камина висѣли дагеротипы мистера Строга, супруги его и сына, заклятаго золотоискателя, находившагося въ то время въ Сан-Франсиско.

Войдемте въ эту комнату. Тамъ заперлись три особы.

Всѣ три принадлежали къ такъ называемому слабому полу, но права ихъ на это названіе были весьма различныхъ степеней.

Итакъ для начала, первая изъ трехъ особъ, которую мы представимъ читателю, только проформы ради могла носить женскую юнку.

Персона эта—мистрисъ Лау Строгъ.

Супруга трактирщика, бой-баба лѣтъ сорока по-крайней-мѣрѣ, могла похвастать самою отвратительною наружностью, какую когда-либо выставляла на Божій свѣтъ самка горилы.

Ея багровое лицо, толстый станъ, руки большія и красныя, ноги плоскія и въ видѣ валька могли внушить одно отвращеніе каждому человѣку съ нѣкоторымъ вкусомъ.

Мистрисъ Лау Строгъ, вся въ черномъ, съ плачевно падающими на ея громадную грудь длинными локонами, желтыми какъ буквы на ея вывѣскѣ и обои въ двухъ ея комнатахъ, сидѣла на низенькомъ стулѣ возлѣ камина, гдѣ горѣлъ необходимый отъ сырости яркій огонь.

Возлѣ нея на столикѣ былъ желѣзный подсвѣчникъ съ сальною свѣчкой, также желтою.

Бѣдный мистеръ Строгъ!

Почему бы это онъ и достопочтенная половина его питали такое пристрастіе къ этому непріятному цвѣту?

Ужь была же дурна и непривлекательна великолѣпная мистрисъ Лау Строгъ!

Но въ пустынѣ...

Да будетъ стыдно тому, кто подумаетъ дурное!

Чайникъ, чашка, сахарница и бутылка рома довершали обстановку небольшого стола, которою тщательно занималась хозяйка дома.

Что достойная особа, которую мы описали въ нѣсколькихъ чертахъ, пила чай со сливками или съ ромомъ, или даже одинъ ромъ безъ чая, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, мы съ этимъ согласны.

Но она курила!

И курила она изъ трубки желтаго дерева на короткомъ чубукѣ съ янтарнымъ же желтымъ кончикомъ!

Вотъ къ этому мы уже никакъ не можемъ отнестись съ такою же снисходительностью.

Мистеръ Строгъ былъ благодушнѣе и сговорчивѣе насъ.

Онъ снабжалъ ее табакомъ.

Его отвратительная половина отнимала отъ губъ трубку дви-

женіемъ машинальнымъ, только чтобы прихлебнуть чаю съ сильною дозою рома, что̀ повторялось каждыя пять минутъ, потомъ она плюнетъ въ огонь, громко крякнетъ и примется пускать, точно труба локомотива, громадные клубы дыма, которые образовывали вокругъ головы ея сѣрое облако.

Съ другой стороны камина, напротивъ почтенной и величественной хозяйки, сидѣли на низенькихъ стульяхъ двѣ дѣвушки лѣтъ девятнадцати, двадцати и разговаривали между собою.

Молодыя дѣвушки были красоты очаровательной, которую сильнѣе выставляло напоказъ чудовищное безобразіе мистрисъ Строгъ. Одна изъ нихъ, Жанна до-Меркёръ, имѣла бѣлокурые волосы, глаза черные, кроткіе и задумчивые; черты ея носили неизгладимый отпечатокъ знатнаго рода; выраженіе грусти и смиренія, разлитое въ лицѣ ея, придавало ему еще болѣе плѣнительности.

Подруга ея, съ черными, какъ у испано-американокъ, волосами, отличалась красотою своеобразною. При видѣ ея сознавали безотчетно, что подъ обаятельной оболочкой, надѣленной всею граціозною нѣгою креолокъ, бьется мужественное сердце.

Эти двѣ дѣвушки, скромно одѣтыя и безъ малѣйшей золотой вещички, плотно закутались въ шелковыя мантильи, застегнутыя у ворота и плотно облегавшія ихъ станъ.

Онѣ щебетали другъ другу на ухо, словно двѣ пѣвчія птички, къ великому отчаянію мистрисъ Строгъ, которая не могла разобрать ни слова, да и будь она въ состояніи разслышать ихъ разговоръ, то выиграла бы немного—дѣвушки говорили по-французски, а почтенная трактирщица понятія не имѣла объ этомъ языкѣ.

Мистрисъ Лау Строгъ была болтлива, но и зла въ придачу. Молчаніе, на которое она видѣла себя вынужденною болѣе часа, бросало ее въ дрожь. Куря и попивая чай съ ромомъ, она придумывала мелкую женскую месть, тѣмъ болѣе жестокую, что не возможно ея остеречься. Наконецъ она вообразила, что напала на мысль; улыбка наслажденія вдругъ озарила ея образину; она

вынула изо рта трубку, подняла голову и, устремивъ на молодыхъ дѣвушекъ взоръ лукаво-добродушной кошки, собирающейся словить мышь, сказала сиплымъ голосомъ:

— Мисъ Жанна, херувимчикъ мой, развѣ вы никакъ не хотите попросту выкушать со мною чашку чая? Онъ превосходный у меня, могу васъ увѣрить, настоящій китайскій, прямо изъ Пекина.

— Не сомнѣваюсь, кротко возразила дѣвушка:—но повторяю вамъ, я чай не люблю, онъ вреденъ мнѣ.

— А вы, моя крошечка, мисъ Лизбета, обратилась старуха съ самымъ ласковымъ видомъ къ другой дѣвушкѣ:—и вы не хотите выкушать чашку чая?

— За всѣ сокровища въ мірѣ не проглотила бы съ напёрстокъ, рѣшительно сказала молодая дѣвушка:—мнѣ тошнитъ отъ него. Я предпочитаю липовый цвѣтъ.

— Напрасно, дорогія крошечки мои, возразила старуха, еще болѣе смягчая улыбку и голосъ.

— Почему же, скажите пожалуйста? вскричала Лизбета. — Не думаю, чтобы чай былъ необходимъ для существованія и для здоровья. Можно жить преспокойно безъ него.

— Въ нѣкоторыхъ странахъ конечно, моя красавица, какъ напримѣръ въ вашей родинѣ, гдѣ повидимому чая почти не пьютъ. Но здѣсь дѣло иное. Чай, такъ сказать, основа пищи во всѣхъ классахъ общества, у богатыхъ и бѣдныхъ; жалокъ тотъ, кто долженъ обходиться безъ него! Очень жалокъ!

— Да намъ-то какое до этого дѣло? гордо возразила дѣвушка.—Мы, благодаря Бога, не американки и не имѣемъ ни малѣйшаго желанія сдѣлаться ими.

Старуха медленно покачала головой, набивая трубку, за которую принялась опять.

— Кто знаетъ, не будете ли вы скоро американками? замѣтила она.—Стоитъ только выйти за американца.

— Да мы-то не выйдемъ за американцевъ. Мы француженки и останемся француженками, пока живы, наперекоръ всѣмъ янкамъ Новаго Свѣта.

— Вы очаровательный маленькій демонъ, мисъ Лизбета; вашъ отважный видъ мнѣ очень нравится, сказала старуха, раскуривая у свѣчки трубку:—къ несчастью, вашего-то мнѣнія въ разсчетъ не примутъ. Вотъ увидите, увидите, прибавила она съ зловѣщею усмѣшкой, отъ которой холодъ пробѣжалъ по жиламъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Не отвѣчай же этой женщинѣ, Лизбета; вѣдь ты видишь, что ей доставляетъ наслажденіе терзать насъ, остановила Жанна свою подругу, которая готова была возражать, увлеченная пылкимъ нравомъ.

— Что вы говорите, мисъ Жанна? спросила старуха, не понявшая сказаннаго молодою дѣвушкой по-французски.

— Я говорю, что мы не вѣримъ ни одному слову изъ всего, что вы напѣваете намъ. Пожалуйста избавьте насъ отъ безполезныхъ злыхъ рѣчей. Если мы вынуждены выносить ваше гнусное присутствіе, избавьте насъ по-крайней-мѣрѣ отъ гнусныхъ вашихъ разговоровъ.

— Слышали, мистрисъ Лау Строгъ? прибавила Лизбета, смѣясь ей прямо въ лицо:—или прикажете мнѣ повторить то, что отлично сказала вамъ моя подруга отъ своего имени и отъ моего?

— Ладно, ладно! повторять не къ чему; я не оглохла еще, продолжала старуха, исчезая въ облакѣ дыма. — Но я не сержусь, мои крошки, потому что вы не знаете, что говорите. Извѣстно ли вамъ хоть то, гдѣ вы находитесь?

— Въ Америкѣ. Знать, надѣюсь, не трудно, сказала Лизбета, осматриваясь вокругъ съ отвращеніемъ.

— Гмъ! въ Америкѣ? ну да! но Америка-то обширна, очень обширна, даже въ нѣсколько разъ больше Европы, какъ говорятъ; я конечно не знаю и охоты не имѣю съѣздить удостовѣриться.

— Къ чему же вы ведете рѣчь?

— Просто къ тому, чтобы спросить васъ, въ какой части Америки вы находитесь?

— Гдѣ же намъ быть, если не въ Соединенныхъ Штатахъ?

Старуха разразилась такимъ внезапнымъ хохотомъ, что чуть не выронила трубку, которую держала въ зубахъ.

— Вотъ въ чемъ вы и ошибаетесь, крошечки мои! вскричала она:—вовсе вы не въ Соединенныхъ Штатахъ.

— Вы смѣетесь надъ нами, сказала Жанна, презрительно пожавъ плечами.

— Отъ злости завирается, прибавила Лизбета со смѣхомъ, который задѣлъ мегеру за-живое, однако она овладѣла собою.

— Я не смѣюсь надъ вами, мои бѣлоснѣжныя голубицы! вскричала она:—я не завираюсь отъ злобы. Злая! я-то? О, нѣтъ! къ несчастью для васъ, бѣдныя, милыя дѣти, я говорю истинную правду. Да и къ чему теперь лгать? Прошла пора обманывать васъ; ни отъ кого болѣе вы помощи получить не можете. Кто похитилъ васъ во Франціи, привезъ въ Нью-Йоркъ и бдительно караулилъ во время продолжительной вашей болѣзни, тому уже опасаться болѣе нечего. Зовите, кричите, требуйте правосудія сколько хотите, никто не отзовется на вашъ призывъ; вы вполнѣ во власти вашихъ похитителей, будьте покойны, и никакая человѣческая помощь не въ состояніи болѣе спасти васъ отъ предстоящей вамъ участи. Я скорблю за васъ, милыя крошки, но тѣмъ не менѣе это такъ!

— Я не понимаю васъ, да и понимать не хочу, возразила Жанна съ достоинствомъ, когда наконецъ остановился этотъ потокъ словъ.—Мы спѣлали вамъ только одинъ вопросъ и вы отказались отвѣчать на него.

— Я? нисколько! пробормотала мегера.

— Какъ хотите, продолжала бѣлокурая дѣвушка, не слушая ее:—но оставимъ это. Разговоръ намъ въ тягость.

— Будто-бы? Бѣдныя крошки! посмѣиваясь отвѣтила мистрисъ Лау Строгъ и пустила два громадныхъ клуба табачнаго дыма прямо въ лицо Жанны, которая невольно закашляла.

— Старая колдунья! пробормотала Лизбета, подходя будто ни въ чемъ не бывало маленькими шажками къ мистрисъ Лау Строгъ и ея трубкѣ, пока подруга ея продолжала говорить тономъ, который бѣсилъ ихъ тюремщицу.

— Попавъ въ руки людей безъ чести и совѣсти, говорила Жанна:—хотя мы и жертвы гнусной западни, однако до-сихъ-поръ разбойники эти оказывали намъ величайшую почтительность.

— Товара портить не хотятъ, пробурчала мистрисъ Лау Строгъ.

Жанна на слыхала, но Лизбета слышала и остановилась, пораженная ужасомъ.

Она начинала угадывать страшную истину.

Увлеченная негодованіемъ, Жанна продолжала горячо:

— Никто не наносилъ намъ и самаго легкаго оскорбленія. Кромѣ безбожнаго заточенія, на которое осудили насъ наши похитители, съ-тѣхъ-поръ какъ мы въ ихъ рукахъ, жаловаться на ихъ обхожденіе съ нами мы не можемъ.

— Такъ что-же?

— Возьмите примѣръ съ этихъ разбойниковъ, мистрисъ Лау Строгъ, и благоволите избавить насъ отъ дерзостей и оскорбленій, которыя только унижаютъ васъ въ глазахъ нашихъ.

Грубое ругательство вырвалось у отвратильной мегеры.

Жанна не отвѣтила даже презрительною улыбкой. Она только отвернулась.

Но Лизбета отмстила за подругу быстрѣе, чѣмъ мы можемъ разсказать ея жестокую месть.

Въ ту минуту, когда мистрисъ Лау Строгъ оскорбляла блондинку площадною бранью, брюнетка стояла за ея кресломъ.

Протянуть руку чрезъ спинку кресла мистрисъ Лау Строгъ, вырвать у нея трубку изо рта и швырнуть ее въ окно было дѣломъ одного мгновенія для живой Лизбеты.

Нельзя представить себѣ бѣшенства хозяйки гостиницы Вашингтонъ.

V.

МЕГЕРА

Грозная рѣчь Жанны, которую съ ея прибытія въ ихъ логовище она всегда видѣла кроткою и боязливою, неуважительная выходка Лизбеты, словно угроза съ похвальбою, которая ей просто не вѣрилась, все вывело почтенную мистрисъ Лау Строгъ изъ себя.

Съ минуту она оставалась неподвижна, скрестивъ руки на колѣняхъ, широко раскрывъ глаза, въ состояніи бѣшенства близкомъ къ безчувствію, къ атоніи.

Молодыя дѣвушки приблизились одна къ другой, какъ бы для обоюдной поддержки противъ этой ярости.

— Напрасно, Лизбета, шепнула Жанна своей подругѣ.

— Быть можетъ, но посмотри-ка на это и ты духу не будешь имѣть бранить меня, отвѣтила рѣзвушка.

Раздавшійся въ ушахъ мегеры кристаллическій хохотъ Лизбеты заставилъ ее очнуться.

Она ничего не сказала, боясь насказать слишкомъ много.

Она сошла внизъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ она возвратилась съ трубкою въ зубахъ.

Молодыя дѣвушки не обращали на нее вниманія.

Мистрисъ Лау Строгъ бросила на нихъ ядовитый взглядъ и свирѣпо стала курить, изливая свой гнѣвъ въ клубахъ дыма, носившагося вокругъ ихъ граціозныхъ головокъ.

У сдержанной и гордой Жанны не вырвалось ни одной жалобы.

Подруга же ея не имѣла ни того же терпѣнія, ни покорности.

Она стала кашлять. Мистрисъ Строгъ принялась курить еще усиленнѣе.

Лизбета раскашлялась еще пуще. Тюремщица ея торжествовала.

Злая радость заблистала въ ея глазахъ.

— Не пройдетъ двухъ минутъ, говорила она себѣ:—и эта дерзкая дѣвчонка будетъ вынуждена умолять меня Христомъ Богомъ перестать курить. Пусть же громъ разразится надъ гостинницей Вашингтонъ, если я не закопчу ихъ точно два окорока...

Но радость ея оказалась непродолжительна.

Лизбета достала изъ кармана изящной работы мѣшечекъ для табаку изъ русской кожи; она развязала его, вынула листокъ бумаги турецкаго табаку и своими миніатюрными пальчиками свернула папиросу съ ловкостью и быстротой андалузскаго контрабандиста.

Это былъ убійственный ударъ для мистрисъ Лау Строгъ.

Молодая дѣвушка перестала кашлять, такъ какъ дѣлала это только въ насмѣшку, и принялась курить не хуже мужчины.

Окончательно же сразило превосходную трактирщицу, что она не удостоивала даже взглянуть въ ея сторону.

Она потерпѣла пораженіе во всѣхъ своихъ попыткахъ злой мести; ни одинъ булавочный уколъ не достигъ цѣли.

Видя, что перевѣсъ не на ея сторонѣ, она прикинулась, будто терпѣливо покоряется своей участи и забываетъ дурное обхожденіе, котораго сдѣлалась жертвой, согласно ея взгляду.

Лизбета не замедлила подтягивать ей. Она стала напѣвать.

Она вторила напѣву, подталкивая подругу локтемъ, чтобы та поддержала ея проказы.

Жанна улыбалась грустно, но не принимала участія.

Она удивлялась неистощимой веселости Лизбеты и завидовала ей, но подражать ей не была въ силахъ.

Съ минуту Лизбета остановилась посреди пѣсни.

Мистрисъ Лау Строгъ тотчасъ спросила ее со всею любезностью, какую могла вложить въ свои слова, не желаетъ ли она научиться этой американской пѣснѣ.

Дѣвушка поблагодарила, но отказалась.

— Вы все сердитесь на меня, сказала мегера:—я была бы въ правѣ жаловаться на васъ, мисъ Лизбета, а между тѣмъ не думаю о томъ, что̀ было.

Изумленная Жанна подняла голову.

Она не угадывала лукавства злой женщины, спрятавшей когти, чтобы при случаѣ отмстить двумъ дѣвушкамъ, которыхъ съ этой минуты считала своими личными врагами.

Хотя и не совсѣмъ довѣряя такому сладкому тону, Лизбета почувствовала въ глубинѣ души укоръ совѣсти.

Можетъ быть, онѣ опрометчиво судили о доброй женщинѣ по ея отталкивающей наружности?

Ну что, если онѣ ошиблись?

Онѣ переглянулись и съ одного взгляда поняли другъ друга.

Лучше откровенно признаться въ небольшихъ проступкахъ, чѣмъ оскорбить женщину, на которую онѣ до-сихъ-поръ не имѣли особеннаго повода жаловаться.

Желая изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на достойную мистрисъ Лау Строгъ ея отказомъ и шалостями, рѣзвая брюнеточка погасила папиросу, убрала приборъ для куренія въ карманъ платья, подошла къ своей тюремщицѣ и сказала ласково:

— Мистрисъ Строгъ, простите.

— Простить что̀?

— Мои...мои проказы.

— Я и не замѣтила ихъ.

— О! не говорите этого. Я подумаю, что вы все еще сердитесь на меня и не хотите простить.

— Память у меня плоха, возразила злая тварь, прикидываясь сладкою какъ медъ:—я забываю и свои провинности...и чужія.

— Такъ поцѣлуйте меня.

Лизбета была такъ мила, принося повинную, что генералъ-прокуроръ простилъ бы ей среди засѣданія суда, будь она виновна въ настоящемъ преступленіи.

Мистрисъ Строгъ приблизила свои толстыя губы къ этой прелестной головкѣ, точно вырванной изъ кипсэка, и едва удержалась, чтобъ не укусить ее; сдѣлать болѣе того она была не въ силахъ.

— Ну-съ? прибавила Лизбета, тряхнувъ черными локонами съ шаловливымъ движеніемъ, которое шло ей очаровательно.— Ну, я жду.

— Жди, чортова кукла! пробормотала мегера, но вдругъ опомнившись и разсудивъ, что не время еще раскрыть свои батареи, она сказала вслухъ:—Я не смѣла!

— Полноте! полноте!

Мистрисъ Лау Строгъ пришлось покориться необходимости.

— Теперь Жанну.

Жанна подошла, хотя и неохотно.

И съ этой стороны заключенъ былъ миръ.

Итакъ все должно пойти какъ по маслу между американкою и двумя европейками.

— Теперь говорите, сказала мистрисъ Лау Строгъ:—чѣмъ могу я сдѣлать вамъ удовольствіе?

— Вы можете вернуть намъ единственное благо, котораго мы жаждемъ, отвѣтила Лизбета, взглянувъ украдкой на подругу.

— Какое благо? спросила тюремщица.

— Свободу.

— О, это невозможно!

— Знаю. А что-нибудь полегче.

— Говорите.

— Вы были бы очень милы и любезны, душечка мистрисъ Строгъ, еслибъ сообщили намъ, гдѣ мы находимся и, наконецъ, въ чьи руки имѣли счастье или несчастье попасть.

— Много вопросовъ разомъ, любезная мисъ Лизбета. Вы сами въ этомъ сознаетесь, не смотря на сильное желаніе разузнать все.

— Готовы сознаться, но какъ благодарны были бы мы вамъ, согласись вы отвѣтить!

Жанна присоединилась къ подругѣ и также стала упрашивать мегеру.

Сдѣлавъ видъ, будто сопротивляется, мистрисъ Строгъ наконецъ поддалась двойному нападенію.

— Впрочемъ, мои агнцы Божіи, вскричала она: — почему бы мнѣ и не исполнить вашей просьбы!

— О, исполните!

— Немного ранѣе, немного позднѣе, надо же наконецъ, чтобы завѣса спала съ вашихъ глазъ и вы усмотрѣли истину простую и ясную.

— Продолжайте! продолжайте! возразила Лизбета, горя нетерпѣніемъ и увлекаясь надеждой, что старуха перейдетъ на ихъ сторону, а тогда дѣло ея и милой Жанны будетъ выиграно.

— Лица, поручившія мнѣ стеречь васъ, продолжала мистрисъ Лау Строгъ:—не имѣютъ притязанія вѣчно держать васъ взаперти.

— Ручаюсь вамъ, что это продлится недолго! храбро вскричала Лизбета.

Жанна грустно покачала головой. Она сознавала всю опасность ихъ положенія.

Но что̀ дѣлать?

Онѣ были одиноки, безъ покровителей, въ странѣ имъ неизвѣстной.

Сколько скорби еще готовило имъ будущее въ своихъ нѣдрахъ?

Она не имѣла духу отвѣчать благопріятно на всѣ вопросы, которые неумолимо ставилъ здравый смыслъ.

Лизбета была довѣрчивѣе.

Итакъ, она побудила мистрисъ Лау Строгъ дать имъ желаемыя объясненія.

— Будьте увѣрены, что мы не проболтаемся.

— О! милыя крошки, въ этомъ ручается мнѣ вашъ собствен-

ный интересъ, возразила собесѣдница:—готовьтесь вынести дурную вѣсть, которую я вижу себя вынужденною сообщить вамъ. Повѣрьте, я желала бы отъ души, чтобъ она была пріятнѣе. Но истина остается истиною, не такъ ли? Я тутъ ничего сдѣлать не могу... какъ бы горячо ни принимала въ васъ участія...

Она остановилась, не зная, какъ докончить свою нѣсколько запутанную рѣчь. Хорошо и сдѣлала.

Подозрѣніе вкралось въ душу двухъ европеекъ.

Взявъ все въ соображеніе, жена трактирщика не имѣла причины питать къ нимъ такую горячую привязанность.

— Я не хочу мучить васъ долѣе, сказала мистрисъ Лау Строгъ.

— Ахъ, наконецъ!

— Вы находитесь на землѣ, номинально принадлежащей Соединеннымъ Штатамъ, а въ сущности составляющей собственность индѣйцевъ Шошонесъ или Змѣй.

— Однако, замѣтила Жанна: — здѣсь есть и американцы; и я видѣла ихъ, и Лизбета.

— Разумѣется есть, моя крошка, и много даже. Мѣсто, занимаемое нашею деревнею, по странной случайности неизбѣжный путь переселенцевъ, которые направляются въ Калифорнію...

— Развѣ насъ везутъ въ Калифорнію? съ живостью перебила Жанна.

— Или въ Утахъ, продолжала старуха, не отвѣтивъ прямо.

— Утахъ! что это за край? спросила Лизбета.

— Тотъ, куда везутъ васъ, моя прелесть, и вашу подругу.

— Насъ! да зачѣмъ же, милосердый Боже? вскричали обѣ дѣвушки съ изумленіемъ и вмѣстѣ ужасомъ.

— Развѣ вы никогда не слыхали объ Утахѣ и Соленомъ озерѣ?

— Никогда.

Мегера усмѣхнулась зловѣщимъ образомъ.

— Слыхали же вы по-крайней-мѣрѣ о *мормонахъ*? сказала она злобнымъ тономъ, въ которомъ нельзя было обмануться.

Она не могла разыгрывать долѣе лицемѣрную роль.

— Часто, но какъ о сумасшедшихъ, объ иллюминатахъ и не знаю что еще! Какое же отношеніе имѣетъ это...

— Большое, мои милыя дѣвицы, очень большое. Мормоны поселились въ Утахѣ на берегу Соленаго озера. Ихъ могущество, которое громадно, простирается до мѣста, гдѣ находимся теперь мы. Мой мужъ, мистеръ Джонъ Строгъ, *святой послѣдняго дня*, и мои глаза открылись свѣту истины. Я имѣю честь быть недостойною мормонкою, прибавила она съ благоговѣніемъ, которое сдѣлало бы честь служанкѣ Тартюфа.

Молодыя дѣвушки не могли удержаться отъ движенія отвращенія при этомъ странномъ открытіи, оскорблявшемъ ихъ благородное чувство и ихъ вѣрованія.

— Пожалуй это и честь; тѣмъ лучше для васъ, если чудовищное вѣроотступничество вамъ нравится, храбро возразила Лизбета: — но это вовсе не объясняетъ намъ...

— Напротивъ, все говоритъ, мои безпорочныя голубки. Вы были проданы вашими похитителями мормонамъ. Дня чрезъ два, самое большое, ваши новые владѣльцы пріѣдутъ за вами, чтобы вести въ Дезеретъ, прелестный городъ, вотъ увидите, прибавила злая старуха, съ наслажденіемъ пользуясь своею местью.

— Ахъ, Боже мой! вскричали дѣвушки и заплакали навзрыдъ, закрывъ лицо руками.

— Напрасно вы такъ убиваетесь, замѣтила мистрисъ Лау Строгъ съ тѣмъ живѣйшей радостью, что достигла своей цѣли. — Что̀ вы теперь испытываете, случалось не разъ съ другими, крошечки мои. Сколько тутъ перебывало молодыхъ дѣвушекъ въ такомъ же положеніи какъ вы съ тѣхъ поръ какъ я живу въ этомъ домѣ! Онѣ рыдали, въ отчаяніи ломали руки, волосы рвали и клялись, что умрутъ скорѣе, чѣмъ выйдутъ за мормона. Ахъ, ты Боже мой! все одинъ вешній дождичекъ, едва перепадетъ и просохнетъ. Десяти дней не проведутъ онѣ въ Дезеретѣ, какъ счастливы, утѣшены и рады радехоньки. У мормоновъ удивительныя есть средства заставить женъ полюбить себя, можете быть увѣрены! Вотъ увидите...

— Никогда на свѣтѣ! Лучше смерть въ тысячу разъ! лучше самыя жесточайшія пытки!

— Да, да, знаю; всѣ онѣ говорятъ это сначала, а чрезъ недѣлю — иная пѣснь... пробормотала старуха какъ бы про-себя.

— Молчите, ради Бога! Вы заставляете насъ краснѣть отъ горя и стыда.

— Просто жалость право! сказала мегера, наливая себѣ громадный стаканъ рома, который выпила залпомъ.—Къ счастью, я ожидаю завтра преподобнаго отца. Ужь какой это святой человѣкъ! Онъ уговоритъ васъ, надѣюсь. Принадлежитъ онъ къ священному ордену Мельхиседека; это одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ нашихъ святыхъ; у него восемь женъ во плоти и семнадцать супругъ духовныхъ; всѣ боготворятъ его и вполнѣ счастливы.

— Мистрисъ Строгъ, сказала Лизбета: — становится поздно, мы устали и нуждаемся въ отдыхѣ; не угодно ли вамъ будетъ оставить насъ?

Это было форменнымъ приглашеніемъ убираться. Старуха вспыхнула отъ злости.

— Уже спать! вскричала она: — только девятый часъ!

— Все-равно, какое бы время не было, повторяю вамъ, что мы устали; словомъ, ваше присутствіе намъ въ тягость. Понимаете?

— Ну, ну! не сердитесь, возразила мистрисъ Строгъ, вставая и захватывая бутылку съ ромомъ и чайникъ:—я ухожу; не сердитесь, кроткія голубки; да пошлетъ вамъ Богъ хорошую ночь!

Она подошла къ двери, отворила ее и обернулась на порогѣ.

— Не убивайтесь, сказала она:—вотъ увидите, что мормоны не такъ черны, какъ ихъ малюютъ, и вы почувствуете себя у нихъ очень счастливыми.

Вѣроятно, довольная, что пустила эту послѣднюю стрѣлу, старая мегера вышла посмѣиваясь по своему обыкновенію.

Едва она была за дверью, какъ Лизбета бросилась запереть ее на ключъ и задвижку.

*

— Ты не вернешься болѣе, злая гадина! крикнула она ей.

Грубый хохотъ отвѣтилъ ей за дверью.

Какъ только дѣвушки убѣдились, что однѣ и никто болѣе не подсматриваетъ за ними, онѣ бросились другъ другу въ объятія и залились слезами.

Онѣ сознавали себѣ погибшими.

VI

ЗДѢСЬ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО РОБОСТЬ НЕ ЛУЧШАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ

Съ минуту Жанна и Лизбета оставались убитыя, уничтоженныя.

Онѣ обоюдно старались уловить лучъ надежды въ глазахъ одна другой.

Но обѣ одинаково были въ отчаяніи.

Еще онѣ не давали себѣ отчета въ ихъ страшномъ положеніи. Лизбета добровольно по дружбѣ раздѣляла судьбу своей пріятельницы.

А Жанна, похищенная во время сна, не имѣла еще прямыхъ сношеній съ кѣмъ-либо, кромѣ людей безмолвнѣе молчальниковъ Востока. Разумѣется, она понимала, что какой-нибудь интересъ побуждаетъ ихъ держать ее въ залогѣ, но все думала до-сихъ-поръ, что рѣчь идетъ объ одномъ выкупѣ, болѣе или менѣе значительномъ.

То, что̀ открыла имъ сейчасъ любезная хозяйка гостиницы Вашингтонъ, заставило ихъ утратить всякую обманчивую надежду.

Рѣчь уже шла не о простомъ выкупѣ.

Ихъ продали.

Чудовищный торгъ!

И всего печальнѣе, что Лизбета, бодрая духомъ черноволосая дѣвушка, которая сначала ни къ чему причастна не была, теперь оказывалась одинаково несчастна съ своею подругой.

Ихъ не разлучали.

Онѣ обѣ будутъ выданы мормонамъ.

Когда подруги по несчастью наплакались вдоволь, когда прошла слабость, свойственная такимъ нервнымъ натурамъ, Лизбета первая овладѣла собою.

Все же она менѣе была причастна дѣлу, чѣмъ ея бѣлокурая пріятельница.

Ей въ умъ не приходило, чтобы мужчина, мормонъ или краснокожій, имѣлъ смѣлость завладѣть ея особою и сердцемъ, не испросивъ предварительно ея согласія.

А храбрая дѣвушка намѣревалась дать его не иначе, какъ вполнѣ сознательно.

Итакъ, она переломила себя, отерла слезы и стала утѣшать Жанну, которая, менѣе бодрая духомъ, не усматривала никакого средства выйти изъ убійственнаго положенія.

— Одобрись, моя милочка! шептала ей Лизбета... Еще не всякая надежда утрачена, вѣрь мнѣ. Не плачь же!

— Боже мой! Боже мой! все рыдала бѣдная Жанна:—мы погибли! погибли безъ всякой возможности на спасеніе!

— Кто сказалъ это? Мистрисъ Строгъ? Ея слова еще не евангельскіе тексты.

— Увы! мы не избѣгнемъ ужасной участи, которая намъ грозитъ; я чувствую по глубинѣ моего отчаянія, что презрѣнная женщина эта сказала правду. Мнѣ не откуда ждать помощи.

— А есть.

— Отъ кого? Говори скорѣе!

— Неблагодарный другъ!

— Неблагодарный? Отчего?

— Тебѣ остается моя дружба, моя преданность.

— Дорогая Лизбета! развѣ ты можешь сдѣлать болѣе меня?

— Остается тебѣ еще упованіе на Бога, Жанна, къ кото-

рому ты взываешь съ такимъ убѣжденіемъ! вскричала брюнеточка, такъ быстро поднявъ голову, что въ сердце унылой подруги проникла нѣкоторая отрада.

— Услышитъ ли онъ мою мольбу?

— Онъ не оставитъ насъ въ опасности, въ несчастьѣ, котораго мы не заслужили, ни ты, ни я. Нѣтъ, онъ не оставитъ насъ, если мы сами не будемъ падать духомъ.

— Хотѣла бы я вѣрить тебѣ, сказала Жанна, опускаясь на одно изъ креселъ, изображавшихъ собою меблировку этой жалкой комнаты: — но развѣ въ силахъ сдѣлать что-либо двѣ слабыя дѣвушки, однѣ въ этой пустынѣ, среди ожесточенныхъ враговъ, которые поклялись погубить ихъ?

— Все могутъ сдѣлать, твердо возразила Лизбета:—все, если смерти бояться менѣе чѣмъ безчестія.

— Ахъ, если рѣчь только о смерти!

— Смерть послѣднее убѣжище, милушка моя.

— Бросимся въ ея объятія.

— А ты забыла развѣ тѣхъ, кому ты дорога?

— Кому я дорога? грустна повторила Жанна. — Увы! одинъ человѣкъ любилъ, но долженъ обвинять въ непостоянствѣ, въ измѣнѣ. Онъ вѣрно презираетъ и ненавидитъ меня.

— Кого любятъ, не презираютъ. Гастонъ не проклинаетъ тебя, я увѣрена. Онъ не можетъ проклинать. Кто знаетъ, въ одинъ день...

Лизбета замялась изъ боязни внушить подругѣ обманчивую надежду.

Та замѣтила эту невольную недомолвку.

— Знаешь ты что о немъ? вскричала она съ живостью. — Слышала что-нибудь?

— Нѣтъ.

— Такъ я и думала! Онъ далеко, далеко, и не подозрѣваетъ, что я страдаю, что я плачу, думая о немъ!

— Мы молоды, продолжала Лизбета: — мы сильны, мы богаты.

— Богаты? спросила Жанна въ изумленіи.

— Ну да!

— Какъ же? Я ничего не захватила съ собою. Мнѣ не дали ни возможности, ни времени взять съ собою какую-либо дорогую вещь. У меня нѣтъ ни одного драгоцѣннаго камня.

— При мнѣ золото есть. Знай, моя милая Жанна, что̀ мое — твое.

— Дорогая моя сестра!

— Да, называй меня сладостнымъ именемъ сестры, безцѣнный другъ... клянусь, или я погибну съ тобою, или спасу тебя.

— Чѣмъ могу я отплатить за такое трогательное самоотверженіе?

— Не надо умиляться, продолжала мужественная дѣвушка:— мы и то плакали чрезчуръ много. На что̀ мы не рѣшались до-сихъ-поръ, чтобы спасти жизнь и вернуть свободу, мы исполнимъ для огражденія нашей чести.

— Конечно.

— Ты готова на все?

— На все.

— Хорошо; самое худшее, что̀ можетъ случиться съ нами въ смѣлой попыткѣ, на которую мы рѣшаемся, это смерть.

— Что нужды! умремъ если нужно, но умремъ безъ позора, исповѣдуя нашу святую вѣру.

— Да будетъ такъ! заключила Лизбета смѣясь.—Но знаешь ли, съ смѣлостью во мнѣ ростетъ и надежда. Повѣрь, мы съ честью выйдемъ изъ борьбы. Не однихъ же тигровъ и разбойниковъ производитъ эта проклятая земля!

— Положимъ, но кто же, хотя бы и честный человѣкъ, приметъ участіе въ двухъ несчастныхъ дѣвушкахъ, чужихъ и неизвѣстныхъ?

— Быть можетъ, и найдутся такіе. Вѣдь мы ничего не теряемъ, если будемъ надѣяться. Самимъ не надо трусливо унывать. Прежде всего поищемъ поддержки въ собственныхъ силахъ.

— Но силы-то наши одно безграничное безсиліе.

— Я съ этимъ не согласна. Что̀ бы ни говорила ты и ни

думала, мы вскорѣ пожалуй встрѣтимъ преданныя сердца, готовыя для насъ подвергнуться самой грозной опасности.

— Да вѣдь мы не имѣемъ никакихъ средствъ въ рукахъ.

— Извини. У насъ есть бодрость духа и деньги... Я сказала тебѣ.

Ну, а дальше?

— Дальше?... возразила мужественная дѣвушка:—мнѣ кажется, что въ этой варварской странѣ этихъ двухъ силъ достаточно, чтобы добиться самыхъ трудныхъ и самыхъ безумныхъ цѣлей. Если ты послушаешь меня, не пройдетъ и часа, какъ я найду средство выйти изъ этого гнуснаго вертепа.

— Говори! вскричала Жанна, вскакивая: — говори!... Какой-бы опасности ни подвергаться, хоть бы пройти пришлось по раскаленнымъ угольямъ, куда ты поведешь, туда я и послѣдую за тобою.

— Ты твердо рѣшилась, Жанна?

— Очень твердо. Что сдѣлаешь ты, то и я.

— Хорошо! ты придаешь мнѣ вдвое больше храбрости.

— Разсчитывай во всемъ на меня, Лизбета. Я не отступлю ни предъ какою препоной. Я происхожу изъ рода, гдѣ женщины доказали свое мужество; можешь полагаться на меня.

— Рѣшено, сестра.

— Рѣшено.

Онѣ нѣжно обнялись; глаза ихъ горѣли, щеки, съ минуту назадъ блѣдныя, зарумянились, дѣвушки точно переродились, такую энергію и воодушевленіе придала ихъ кроткимъ и плѣнительнымъ лицамъ принятая рѣшимость.

— Теперь, начала Лизбета:—посмотримъ, какими средствами мы располагаемъ; во-первыхъ, оружіемъ.

— При мнѣ кинжалъ! вскричала Жанна.

— А у меня револьверъ шестиствольный, которымъ я ухитрилась завладѣть, не возбудивъ подозрѣній нашихъ сторожей; кромѣ того, есть порохъ и пули. Какъ видишь, мы сильнѣе и грознѣе, чѣмъ ты полагала; если средства бѣжать намъ не пред-

ставится, благодаря оружію, мы располагаемъ собственною жизнью и жизнью нашихъ похитителей.

— Ты права, Лизбета, мы можемъ смѣло идти впередъ, что̀ бы ни было... лишь бы намъ удалось вырваться изъ этой грязной ямы.

— Что̀ касается денегъ, то у меня двадцать унцій... это болѣе, чѣмъ потребуется на наши первыя нужды.

— Правда.

— Надо бы намъ достать мужскую одежду. Съ нашими платьями да юпками мы шагу не сдѣлаемъ, какъ насъ словятъ или по-крайней мѣрѣ узнаютъ.

— И то правда.

— Кромѣ того, мы нуждаемся въ съѣстныхъ припасахъ и лошадяхъ.

— Гдѣ достать все это? вскричала Жанна съ унынiемъ.

Бѣдное дитя видѣло, что трудности ростутъ вокругъ нея на каждомъ шагу.

Робкая отъ природы, она вынуждала себя не отставать отъ энергичной подруги.

Но слабость брала верхъ при каждой новой преградѣ.

Лизбета утѣшала ее и ободряла; она говорила съ нею почти какъ мать.

Но говоря съ Жанною и утѣшая ее самыми нѣжными словами, мужественная дѣвушка искала и рылась вездѣ. Всѣ ящики ветхой мебели мистрисъ Лау Строгъ были выдвинуты.

Тамъ не оказалось ничего.

Шкапы почти были взломаны.

И тамъ ничего!

Жанна приходила въ отчаянiе при каждыхъ новыхъ поискахъ, которые оказывались тщетными.

— Мы никогда не найдемъ всего этого, шептала она.

— Найдемъ, возражала Лизбета.—Надо найти.

— Гдѣ? какъ?

— Не знаю. Но такъ какъ всѣ эти предметы, одежда, запа-

сы и лошади, необходимы для исполненія нашихъ плановъ, то мы найдемъ ихъ или, вѣрнѣе, купимъ.

— Твоими бы устами да медъ пить!

— Я увѣрена, что намъ скоро удастся доставить себѣ все это.

Она прибавила, плутовски улыбаясь:

— Между нами будь сказано, милая Жанна, я удивляюсь, что мы не нашли еще доброй части этихъ предметовъ.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего... слушай и смотри. Вотъ насталъ часъ.

— Часъ чего?

— Спасенія и свободы. Я ничего не говорила тебѣ, опасаясь твоего волненія. Ты пожалуй дала бы этой старой колдуньѣ, которой поручено было насъ стеречь, прочесть въ своихъ глазахъ надежду.

— Боже Великій! что это значитъ? шептала Жанна.

— Ничего не бойся и дай мнѣ дѣйствовать.

Въ эту минуту одинъ изъ ставней у окна немного заскрипѣлъ.

Потомъ послышался легкій трескъ. Точно градъ билъ въ стекла. Жанна поглядѣла. Кто-то бросалъ пригоршки песку въ затворенное окно. Лизбета устремила на него глаза.

Настало безмолвіе, исполненное глубокаго волненія; можно было слышать біеніе сердецъ молодыхъ дѣвушекъ.

Жанна судорожно сжимала руку подруги. Сигналъ повторился три раза.

Лизбета отворила окно. Жанна зашаталась.

— Ободрись, милушка, обратилась къ ней Лизбета.— Видишь, помощь, которой я ожидала, и пришла.

Она высунулась изъ окна.

Двѣ тѣни, освѣщенныя лучомъ мѣсяца, стояли неподвижно подъ окномъ, закутанныя въ толстые плащи сѣраго цвѣта.

— Кто тамъ? спросила она тихо.

— Луи! отвѣтила такъ же тихо одна изъ двухъ тѣней, подходя ближе.

— Шиллеръ?

— Да.

— Это часъ?

— Да, повторила тѣнь.

Молодая дѣвушка вскрикнула было отъ восторга, но изъ осторожности тотчасъ подавила этотъ порывъ.

— Мы спасены, Жанна! сказала она своей подругѣ.

Жанна шептала молитву.

Лизбета наклонилась надъ подоконникомъ и тихимъ голосомъ, который сливался съ вечернимъ вѣтромъ, прибавила:

— Лизбета Тюльеръ ждетъ своего жениха.

— Надейтесь! отвѣтили ей.

VII

ГДѢ ЖЕЛТАЯ ПТИЦА ГОНИТСЯ ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ

Вернемся къ доктору и капитану, иначе говоря, къ Франсису де-Вердьеру и Гастону Дюфальга.

Мы оставили ихъ сильно встревоженныхъ выстрѣломъ проводника, котораго считали спящимъ возлѣ нихъ.

Пока они разговаривали съ незнакомцемъ, канадскій охотникъ счелъ не безполезнымъ пойти, никого не предупредивъ, сдѣлать рекогносцировку вокругъ.

Онъ не замедлилъ появиться вновь.

Канадецъ шелъ обычнымъ своимъ шагомъ и на ходу заряжалъ винтовку, изъ которой только что стрѣлялъ.

— Что случилось? съ живостью спросилъ докторъ, спѣша къ нему на встрѣчу.

— Равно ничего, отвѣтилъ онъ, слегка пожавъ плечами: — я напалъ на слѣдъ ночного бродяги и подстрѣлилъ ему крыло.

— Не убили же вы его? возразилъ докторъ съ оттѣнкомъ безпокойства.

— Не поклянусь въ этомъ; темно, нельзя ручаться, что попадешь, куда цѣлишь. Все-равно, много ли, мало ли, но ему досталось, это вѣрно, и этотъ насъ не потревожитъ такъ скоро.

— Тѣмъ лучше, ну его къ чорту! сказалъ капитанъ.—Все тихо вокругъ?

— Совершенно; если шпіоны есть, они предупреждены. Съ мѣста не тронутся они, отвѣчаю за это. Итакъ, мы можемъ спать. Что̀ меня касается, то я не прочь соснуть; только для большей вѣрности, я думаю, не худо бы намъ караулить поочередно; въ пустынѣ никогда не знаешь, что̀ приключится ночью, и благоразуміе велитъ быть на-сторожѣ. Это мое мнѣніе покрайней-мѣрѣ. Впрочемъ, дѣлайте какъ хотите.

— Умно сказано, сказалъ докторъ. — Я нахожу, что намъ нельзя быть достаточно осторожнымъ. Если хотите, я караулить буду первый; въ полночь я разбужу одного изъ васъ, который замѣнитъ меня до четырехъ часовъ; послѣдній же въ свою очередь прокараулитъ до разсвѣта.

— Я приму на себя вторую очередь, если вы не противъ этого, сказалъ охотникъ.—Капитанъ будетъ послѣдній. Согласны вы?

— Вполнѣ; пусть такъ и будетъ.

— Стало быть рѣшено; доброй ночи, господа.

Желтая Птица опять закутался въ свое одѣяло и вскорѣ его громкое храпѣніе доказало товарищамъ, что онъ находится въ предѣлахъ грезъ. Онъ спалъ мертвымъ сномъ.

Два француза еще просидѣли нѣсколько времени другъ возлѣ друга, бесѣдуя и куря сигары, но подъ конецъ капитанъ, который уже нѣсколько минутъ подавлялъ зѣвоту, все болѣе и болѣ частую, бросилъ сигару, пожелалъ товарищу доброй ночи и, закутавшись въ плащъ, заснулъ. Почти мгновенно въ маленькомъ бивакѣ водворилось глубокое безмолвіе.

Одинъ докторъ не спалъ; около часа онъ неподвижно просидѣлъ возлѣ костра, облокотившись о колѣно, подпеpевъ голову рукой и взоръ устремивъ вдаль, подобно статуѣ вниманія или размышленія.

Потомъ онъ всталъ и принялся расхаживать взадъ и впередъ,

взглядывая по временемъ пытливымъ взоромъ на двухъ человѣкъ, лежащихъ у его ногъ. Онъ убѣдился, что они спятъ.

Тутъ произошло нѣчто странное: охотникъ, не переставая храпѣть, медленно раскрылъ глаза и слѣдилъ за всѣми движеніями караульнаго.

Докторъ, все наблюдая за своими спутниками, мало-по-малу удлинялъ полукругъ, который описывалъ вокругъ костра.

Внезапно невдалекѣ раздалось шипѣніе гремучей змѣи.

Докторъ вдрогнулъ и остановился. Два раза повторилось то же шипѣніе, но тихо, нѣжно, почти неслышно.

Удостовѣрившись, что его спутники все еще спятъ, докторъ однимъ прыжкомъ очутился въ кустарникѣ и скрылся.

Мгновенно поднялся охотникъ, лицо его просіяло отъ беззвучнаго смѣха, онъ тихо всталъ и кинулся вслѣдъ за докторомъ.

Тотъ шелъ бѣглымъ шагомъ, не оборачиваясь, какъ человѣкъ, который торопится на условленное свиданіе.

Будучи увѣренъ, что за нимъ не слѣдятъ, хотя по пятамъ его шелъ одинъ изъ искуснѣйшихъ развѣдчиковъ пустыни, онъ бралъ только необходимыя предосторожности, чтобы не надѣлать чрезчуръ много шума.

Такъ достигъ докторъ Гумбольдовой рѣки. Крутые берега обрамляли ее въ этомъ мѣстѣ; она текла черная и мутная между двухъ высокихъ стѣнъ, поросшихъ густымъ кустарникомъ и хворостникомъ. Мѣсто выбрано было отлично для тайныхъ переговоровъ.

На берегу рѣки сидѣлъ въ ожиданіи человѣкъ, прислонившись спиною къ стволу куста; это было то же лицо, которое два часа назадъ явилось у бивака просить гостепріимства.

— Я не ожидалъ васъ болѣе, сказалъ онъ, обращаясь къ доктору.—Поздно же вы приходите.

— Вы несправедливы, любезный Густонъ, возразилъ тотъ:— далеко отъ бивака сюда; вы должны были подойти ближе.

— Какъ бы не такъ! возразилъ Густонъ, показывая свое плечо, перевязанное тряпкою въ крови:—чтобъ дать убить себя ва-

шемъ проклятому канадцу! Этотъ негодяй хитеръ какъ мускусовая крыса; ничто не ускользнетъ отъ него.

— Такъ онъ стрѣлялъ въ васъ?

— Именно въ меня; но, прибавилъ Густонъ злобно:—поплатится онъ мнѣ за это; нѣсколькими линіями ниже, и я былъ бы убитъ наповалъ. А вѣдь стрѣлялъ-то онъ наугадъ!

— Повѣрьте, мнѣ очень жаль, что это случилось, Густонъ.

— Что̀ сдѣлано, то сдѣлано; рана легкая, благодаря Бога; не стоитъ болѣе говорить о ней. Я долженъ дать вамъ совѣтъ.

— Говорите, другъ мой.

— Не довѣряйте Желтой Птицѣ; негодяй измѣняетъ вамъ.

— Вы узнали что-нибудь на его счетъ?

— Ничего; онъ такъ искусенъ, что не выдастъ себя. Предчувствіе никогда не обманывало меня, а я убѣжденъ, что онъ коваренъ съ вами. Онъ противъ васъ.

— Я стану наблюдать за нимъ, будьте спокойны; если же вы правду сказали, я убью его какъ собаку.

— Хорошо сдѣлаете; поговоримъ теперь о нашихъ дѣлахъ.

— Да, и скорѣе; я не могу оставаться долго въ отсутствіи. Они спятъ, но сонъ ихъ продлится не долго.

— Справедливо; слушайте же меня. Бригамъ Юнгъ отлично расположенъ къ вамъ; по условію, онъ поможетъ вамъ, насколько въ его власти, не выдавая себя и не дѣйствуя открыто. Соединенные Штаты опять грозятъ намъ войной и достопочтенному начальнику безъ того довольно дѣла на рукахъ, чтобы навязывать себѣ еще новыя хлопоты. Особенно избѣгать слѣдуетъ насильственныхъ мѣръ. Какъ скоро женщины будутъ въ Дезеретѣ, онъ отвѣчаетъ за все; но пока онѣ не въ нашихъ предѣлахъ, онъ не хочетъ вмѣшиваться.

— Гмъ! хваленое покровительство, которое онъ ставитъ такъ высоко, говоря со мною, сводится на немногое, какъ вижу, съ неудовольствіемъ возразилъ докторъ.

— Ошибаетесь, любезный другъ; быть можетъ, оно тѣмъ дѣйствительнѣе, что скрыто; судите сами.

— Ничего лучше не желаю.

— Десять избранныхъ данитовъ, къ которымъ и я принадлежу, въ вашемъ распоряженіи; они будутъ повиноваться вамъ во всемъ, что вы прикажете; разумѣется, если приказанія ваши будутъ относиться къ этому дѣлу.

— Это уже что-нибудь.

— И не все еще.

— Посмотримъ дальше.

— Старшины всѣхъ новоселокъ предупреждены, чтобы въ случаѣ надобности оказать вамъ помощь; сверхъ того, вѣрный посланный отправленъ былъ къ сторожамъ вашихъ плѣнницъ съ предписаніемъ какъ можно скорѣе доставить ихъ въ нашу территорію. Два дня назадъ они прибыли въ новоселокъ Джона Строга; тамъ ихъ сдали ему на руки и онъ караулитъ зорко; ждутъ только вашего приказанія, чтобы отправить ихъ въ Фильморъ.

— Какъ, онѣ уже у Джона Строга? Вы увѣрены въ томъ?

— Видѣлъ ихъ сегодня же, возразилъ данитъ, оскорбленный сомнѣніемъ охотника.

— Такъ все идетъ хорошо.

— Вы довольны?

— Разумѣется.

— Тѣмъ лучше; что вы теперь намѣрены дѣлать?

— Самъ еще не знаю; одно важно—ихъ не должно быть болѣе у Джона Строга, когда я прибуду съ моими спутниками.

— Хорошо, ихъ отправятъ дальше. Все ли?

— Почти.

— А на счетъ того человѣка? Вы ничего не рѣшили еще?

— Я не рѣшаюсь отъ него избавиться: бѣднякъ воображаетъ меня своимъ другомъ, у меня духу не хватаетъ убить его.

— Напрасно, въ такомъ важномъ дѣлѣ колебаться то же, что проиграть партію. Онъ васъ не пощадитъ.

— Я хотѣлъ бы избавиться отъ него, не проливая крови.

— Только-то? Это я возьму на себя.

— Какъ же вы сдѣлаете?

— Просто похитимъ его.

— Обѣщаете вы не коснуться волоса на его головѣ?

— Вполнѣ обѣщаю! Впрочемъ, какое вамъ дѣло? отчего вы принимаете въ немъ такое горячіе участіе?

— Бѣдный молодой человѣкъ, такой добрый и довѣрчивый! Развѣ не довольно отнять у него невѣсту? Есть минуты, когда я чувствую угрызенія совѣсти.

— Однако, если завяжется борьба, если онъ станетъ сопротивляться?

— Тогда на вашей сторонѣ законное право обороны.

— Очень хорошо, смѣясь отвѣтилъ данитъ:—я понялъ отлично. Вы умываете руки. Предоставьте это мнѣ.

— Но не забывайте моихъ предписаній.

— Сохрани Богъ! Бригамъ Юнгъ поручилъ мнѣ напомнить вамъ обѣщаніе ваше; онъ нуждается теперь въ деньгахъ. Вы обяжете его, если...

— Вотъ письмо, приготовленное на этотъ предметъ; передайте его, перебилъ Франсисъ де-Вердьеръ.—Вотъ, возьмите!

Онъ досталъ изъ-за блузы запечатанное письмо и подалъ его Густону, который жадно ухватился за него и сказалъ:

— Стало быть, все какъ слѣдуетъ.

— Когда увижусь я съ вами опять и гдѣ?

— У Джона Строга; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. *Время—деньги.*

— Хорошо. Гдѣ остальные даниты?

— Въ трехъ миляхъ отсюда, стоятъ станомъ на крутомъ берегу рѣки.

— Имъ надо быть съ вами тамъ. Они могутъ намъ понадобиться.

— Будутъ.

— Вамъ не посчастливилось въ вашей рекогносцировкѣ сегодня, мой бѣдный другъ.

— Благодаря вашему дьяволу проводнику... но онъ поплатится мнѣ за этотъ выстрѣлъ!.. Мы еще увидимся! Пусть онъ не попадается въ руки данитовъ.

— Отчего?

— Всѣ ненавидятъ его изо всей мочи... Напрасно было брать его въ проводники; это онъ навлекъ на вашъ слѣдъ цѣлую стаю шошонесовъ, напавшихъ на васъ съ вечера. Они добирались только на него.

—. Ха, ха, ха! отлично имъ удалось! засмѣялся докторъ. — Мы съ капитаномъ поуспокоили двухъ, трехъ. Однако не прискачи Желтая Птица, намъ пожалуй пришлось бы жутко. Онъ исполнилъ свой долгъ молодцомъ.

— О! въ храбрости у него недостатка нѣтъ. Нельзя отрицать въ немъ отвагу и ловкость. Но онъ неумолимъ какъ скала. Самъ пощады не проситъ и врага не помилуетъ. Онъ самъ подвергается закону пустыни и непреклонно исполняетъ его. Ужь и попадись онъ мнѣ только въ руки, я скоро покончу съ нимъ!

— Дѣло ваше, только не прежде какъ онъ доведетъ насъ до мѣста назначенія, надѣюсь? прибавилъ докторъ съ улыбкой.

— Согласенъ. О! онъ не ускользнетъ отъ меня. Краснокожіе внѣ себя; они взбѣшены противъ него.

— За что?

— Они очень пострадали въ схваткѣ.

— Чья же вина? Развѣ мы нападали на нихъ?

— Конечно нѣтъ, но они не останавливаютъ своихъ мыслей на такихъ мелочахъ—смотрятъ они только на плачевные результаты ихъ экспедиціи.

— А результаты-то какіе?..

— Пять человѣкъ убито и восемь ранено.

— Тьфу пропасть! Желтая Птица безъ малаго одинъ настрялалъ все это.

— Шошонесы жаждутъ отмстить.

— Вы развѣ видитесь съ ними?

— Само собою.

— Поддерживайте ихъ въ этихъ нѣжныхъ чувствахъ къ охотнику; позднѣе эта ненависть можетъ пригодиться намъ.

— Не премину.

— Вамъ нечего болѣе говорить мнѣ?

— Нечего, докторъ.

— Такъ я ухожу. Поздно. Съ этимъ проклятымъ проводникомъ надо вѣчно быть на-сторожѣ. Ну какъ онъ проснулся въ мое отсутствіе; вѣдь мнѣ придется выдумывать предлогъ за предлогомъ, а лгать я не люблю, по-крайней-мѣрѣ безполезно.

— Вѣрьте мнѣ, наблюдайте за нимъ. Это ядовитое животное.

— Я не спущу съ него глазъ. До свиданія.

— До свиданія скоро!

Они въ послѣдній разъ пожали другъ другу руку.

Потомъ докторъ направился обратно къ биваку, огонь котораго свѣтился невдалекѣ предъ нимъ.

— Мнѣ остается довольно времени, сказалъ данитъ, когда былъ одинъ.—Я сосну немного прежде чѣмъ вернусь къ товарищамъ, это придастъ мнѣ силы.

Въ то же мгновеніе его сильно потянуло назадъ, и не успѣлъ онъ еще подумать обороняться, какъ почувствовалъ, что ему тяжело придавили колѣномъ грудь.

Онъ приведенъ былъ въ совершенную невозможность двинуться.

— Ты проспишь долѣе, чѣмъ разсчитывалъ, подлецъ! шепнулъ ему насмѣшливый голосъ Желтой Птицы.

Данитъ содрогнулся; онъ понялъ, что погибъ. Но какъ человѣкъ свирѣпо храбрый, онъ мгновенно принялъ рѣшеніе. Онъ самъ поступилъ бы точь-въ-точь, какъ охотникъ.

— Славно сыграно, сказалъ онъ.

— Ты знатокъ въ этомъ, посмѣиваясь отвѣтилъ охотникъ.

— На смерть осудилъ ты меня?

— Да, на смерть.

— Могу я выкупить свою жизнь?

— Нѣтъ.

— Такъ убивай, но я буду отмщенъ.

— Быть можетъ. Готовъ ты? спросилъ охотникъ съ страшнымъ хладнокровіемъ.

— Готовъ, отвѣтилъ данитъ.

— Такъ умирай!... вскричалъ канадецъ, вонзивъ ему въ грудь ножъ по рукоятку.

— Будь проклятъ!... произнесъ данитъ и голова его упала.

Все было кончено: онъ умеръ.

— Однимъ меньше. Теперь ихъ только девять, пробормоталъ неумолимый охотникъ.—А! вы поклялись уничтожить меня! Посмотримъ.

Онъ тщательно снялъ съ данита всѣ бумаги, какія были при немъ, потомъ завернулъ его въ плащъ, куда для бо́льшей тягости вложилъ еще четыре, пять порядочныхъ камней, все это онъ крѣпко перевязалъ и спустилъ трупъ въ воду, въ которой останки его жертвы исчезли, не сдѣлавъ нималѣйш аго шума.

— Ступай къ чорту! весело вскричалъ охотникъ:—и оставайся у него тамъ въ аду!

Когда докторъ вернулся къ биваку, онъ засталъ обоихъ спутниковъ своихъ въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ оставилъ ихъ, особенно охотникъ храпѣлъ съ увлеченіемъ истинно завиднымъ.

«Все хорошо,» подумалъ докторъ, садясь у костра и закуривая сигару.

Спустя минуту онъ взглянулъ на канадца.

«Густонъ ошибается, я думаю,» сказалъ онъ себѣ насмѣшливо. «Человѣкъ этотъ не такъ хитеръ, какъ онъ полагаетъ; все-равно, не худо остеречься. Я присмотрю за нимъ.»

Въ полночь, по уговору, докторъ разбудилъ канадца.

— Уже? сказалъ тотъ, зѣвая во весь ротъ.

— Вы хорошо спали, кажется.

— Признаться, да. Я очень усталъ.

— Вѣрю; день былъ утомительный для всѣхъ.

— Особенно для меня.

— Правда. А знаете ли, ваше замѣчаніе наводитъ меня на мысль.

— На какую?

*

— Намъ спѣшить не къ чему.

— Особенно мнѣ. Я всегда поспѣю; еще достаточно рано туда, куда вы меня ведете.

— Такъ вамъ хорошо съ нами?

— Почему же нѣтъ? Мнѣ хорошо платятъ, хорошо обходятся со мною, чего желать еще, если не продолженія по возможности этого благополучія?

— Дѣйствительно, вы были бы прихотливы, согласился докторъ и засмѣялся.

— Развѣ мы дойдемъ до Соленаго озера?

— Полагаю; но останемся мы тамъ не болѣе недѣли. Мормоны чужестранцевъ не жалуютъ, какъ говорятъ; они ихъ видятъ неохотно.

— Особенно теперь, когда имъ грозитъ война съ Соединенными Штатами; во всѣхъ путешественникахъ они подозрѣваютъ шпіоновъ великой республики.

— Чортъ возьми! я не подумалъ объ этомъ; это сильно можетъ измѣнить маршрутъ; мормоны шутить не любятъ. При первомъ подозрѣніи они какъ-разъ угостятъ васъ закономъ Линча.

— Дѣйствительно, они не слывутъ большими шутниками. Все же они честные люди.

— Гмъ! мнѣ надо переговорить объ этомъ съ Дюфальга.

— Правда. Сейчасъ вы сказали, что я навелъ васъ на мысль — на какую это? спросилъ канадецъ простодушно.

— И въ-самомъ-дѣлѣ, я совсѣмъ забылъ; мѣсто это очень красиво и холмисто; тутъ дичь должна быть въ изобиліи и охотиться хорошо.

— Полагаю.

— Я былъ бы не прочь остаться здѣсь завтра дать отдохнуть лошадямъ; что вы объ этомъ думаете?

— Я не имѣю права высказывать мнѣніе, но когда вы спрашиваете меня, то скажу откровенно, что вы поступите дурно, отвѣтилъ Желтая Птица, чтобы поставить доктора втупикъ.

— Почему?

— Потому что мы на открытомъ мѣстѣ и въ случаѣ настоящаго нападенія защищаться будетъ трудно.

— Ба! не всякій же день подвергаешься нападеніямъ.

— Бываетъ и то; мы на территоріи воинственныхъ племенъ, которыя бѣлыхъ ненавидятъ.

— Мы хорошо вооружены и вполнѣ можемъ выдержать напоръ, еслибъ индійцы осмѣлились сдѣлать нападеніе; доказали же мы это на дѣлѣ.

— Мнѣ все-равно; я сдѣлаю, что̀ вы хотите.

— Такъ рѣшено, мы останемся здѣсь завтра.

— Какъ угодно, докторъ, я служу вамъ и долженъ повиноваться; долгъ свой я исполнилъ, предупредивъ васъ, но поступать вы вольны какъ вамъ заблагоразсудится.

— Вамъ у ıрековъ не сдѣлаютъ, любезнѣйшій; ну теперь желаю счастливаго караула!

— А вамъ желаю хорошаго сна, докторъ!

Вердьеръ растянулся на землѣ и не замедлилъ заснуть, но сномъ неподдѣльнымъ. На зарѣ капитанъ открылъ глаза.

— Какъ? уже свѣтло! вскричалъ онъ, вставая:—зачѣмъ ты меня не разбудилъ, малый? спросилъ онъ Желтую Птицу.

— Признаться, вы такъ сладко спали, сударь, отвѣтилъ смѣясь охотникъ:—что у меня духу не хватило.

— Спасибо тебѣ, любезный другъ, но ты-то совсѣмъ не спалъ.

— Не бѣда! нагоню днемъ, такъ какъ мы остаемся здѣсь.

— Здѣсь? это что̀ такое?

— Докторъ говоритъ, что не къ чему спѣшить, что лошади устали, дичи тутъ, должно быть, много и можно охотиться всласть.

— Ба, ба, ба! мысль-то славная!

— Вы находите?

— Она мнѣ чрезвычайно нравится.

— Ну, такъ какъ вы въ духѣ, я вижу...

— Правда, самъ не знаю отчего я сегодня такъ веселъ.

— Вы не откажетесь сдѣлать мнѣ удовольствіе?

— Вамъ?

— Мнѣ.

— Душою радъ, ей-Богу! Говорите, любезный другъ.

— Не теперь, съ вашего позволенія.

— А почему же?

— Насъ можетъ услышать докторъ, если проснется, между тѣмъ вы одни должны знать то, что мнѣ надо сказать.

— Ага! вскричалъ Дюфальга, вопросительно взглянувъ на канадца.

— Вѣрно говорю вамъ, капитанъ, отвѣтилъ тотъ, слегка наклонивъ голову и подмигнувъ правымъ глазомъ съ видомъ значительнымъ.

— Пожалуй, какъ хотите.

— Если вамъ все-равно, мы поговоримъ, когда докторъ отправится на охоту.

— Очень хорошо.

— Главное, не подавайте ему вида.

— Такъ это тайна, улыбаясь возразилъ молодой человѣкъ:— важная тайна?

— Да, капитанъ, очень важная, особенно для васъ, отвѣтилъ канадецъ тономъ, который заставилъ капитана задуматься.

Онъ зналъ, что Желтая Птица неспособенъ обманывать его.

— Я исполню ваше желаніе, пріятель.

— Разстанемтесь теперь; не забывайте, что я не говорилъ вамъ ничего и разбудилъ васъ въ четыре часа.

— Зачѣмъ всѣ эти предосторожности?

— Узнаете. Терпѣніе!

Охотникъ отошелъ; онъ собралъ лошадей и лошака, и повелъ ихъ къ рѣкѣ.

Въ сильномъ изумленіи, Дюфальга сѣлъ у огня и сталъ грѣться.

Онъ спрашивалъ себя, что могла бы значить странная выходка охотника и какую важную тайну онъ долженъ былъ сообщить ему.

Напрасно однако ломалъ онъ голову.

Докторъ проснулся отъ топота лошадей, возвращавшихся съ водопоя.

Онъ дружески поздоровался съ своимъ спутникомъ и спросилъ, удаченъ ли былъ его караулъ.

— Какъ нельзя удачнѣе, отвѣтилъ Гастонъ. — Пора отправляться однако.

— Развѣ вы очень спѣшите ѣхать? освѣдомился докторъ, лѣниво потягиваясь.

— Я? Почему такой вопросъ?

— Просто потому, что мое мнѣніе было бы остаться на день здѣсь, если вы не спѣшите болѣе моего.

— Ни малѣйшаго препятствія къ этому не вижу, любезнѣйшій Франсисъ. Останемтесь долѣе на мѣстѣ нашего торжества.

— Такъ вамъ это не противно?

— Мнѣ? ничуть, любезный Франсисъ; въ доказательство, я сейчасъ, съ вашего позволенія, пройдусь по степи и подстрѣлю птицу, другую для нашего завтрака.

— Вы премилый спутникъ; идите же, потомъ моя будетъ очередь; я беру на себя заботу объ обѣдѣ. Возвращайтесь скорѣе.

— Ну и прекрасно. Желтая Птица, мы останемся сегодня здѣсь; дайте лошадямъ кормъ и готовьте завтракъ, я пойду за дичью.

— Счастливой охоты желаю, сказалъ Вердьеръ.

— Постараюсь возвратиться не съ пустыми руками, любезный докторъ.

Молодой человѣкъ взялъ ружье и ушелъ большими шагами.

Докторъ легъ и сдѣлалъ видъ, будто опять заснулъ; онъ очевидно не хотѣлъ возобновлять разговора съ охотникомъ.

Желтая Птица усердно принялся за хозяйственныя приготовленія на открытомъ воздухѣ.

Капитанъ вернулся не ранѣе девяти часовъ.

Онъ принесъ два тетерева и сѣраго зайца съ длинными ушами. Этого было съ избыткомъ достаточно для утренней трапезы.

Докторъ приводилъ въ порядокъ свои путевыя записки.

А проводникъ терпѣливо ждалъ обѣщанную дичь.

Птицы и заецъ встрѣтили должный пріемъ.

Спустя полчаса три путешественника уже завтракали весело.

У нихъ былъ настоящій апетитъ охотниковъ, привыкшихъ жить подъ открытымъ небомъ.

Они ѣли усердно, только за ушами трещало.

Можно было принять ихъ за лучшихъ друзей на свѣтѣ.

Однако одинъ изъ этихъ трехъ человѣкъ спрашивалъ себя:

«Какъ бы мнѣ избавиться отъ этихъ двухъ особъ, которыя мнѣ мѣшаютъ?»

Что это былъ докторъ Франсисъ де-Вердьеръ, угадать легко.

Изъ остальныхъ же двухъ, Гастонъ Дюфальга, во-первыхъ, не зналъ, какъ держать себя съ своимъ спутникомъ послѣ намека охотника-канадца.

Онъ всячески старался не показывать вида, что его тяготитъ тайна.

А другой, то-есть Желтая Птица, былъ олицетворенной предупредительностью, принималъ выраженіе самое спокойное и успокоивающее, а между тѣмъ думалъ про-себя:

«Разбойникъ! когда же мнѣ наконецъ можно будетъ покрыть тебя позоромъ!»

Въ пустынѣ какъ и въ городахъ, волнуются страсти.

Гдѣ есть люди, тамъ есть измѣнники.

Докторъ былъ коваренъ съ цѣлью постыдною, низкою, преступною.

Охотникъ поступалъ коварно съ цѣлью честною, благородною.

VIII

ЗДѢСЬ ЛЮБОВЬ ОТТѢСНЯЕТЪ МЕСТЬ

По условію между двумя пушественниками, Франсисъ де-Вердьеръ, когда спала жара, то-есть часамъ къ тремъ пополудни, взялъ свое оружіе и ушелъ изъ стана.

Капитанъ отдыхалъ.

Что же касалось Желтой Птицы, ты выслушавъ съ большимъ вниманіемъ слова доктора, который предупреждалъ его, что ранѣе пяти часовъ не вернется, онъ засуетился съ видомъ озабоченнымъ.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ, по видимому очень трудился надъ попорченной сбруей мустанговъ и вьючнаго лошака, но едва отошелъ докторъ и скрылся за кустарникомъ по направленію къ рѣкѣ, какъ охотникъ сбросилъ вьюки и сбрую, и пустился за нимъ вслѣдъ, чтобъ вполнѣ убѣдиться, что Вердьеръ уходитъ дѣйствительно, а не хитритъ съ нимъ.

Чрезъ десять минутъ канадецъ уже вернулся. Онъ удостовѣрился, что докторъ ничего не подозрѣвалъ и въ самомъ дѣлѣ занялся охотой.

Тогда канадецъ подошелъ къ палаткѣ, куда удалился капитанъ тотчасъ послѣ завтрака.

— Ну! спросилъ Гастонъ садясь, какъ только увидалъ его: — одни мы?

— Совершенно одни, капитанъ, отвѣтилъ проводникъ съ свойственной ему насмѣшливой улыбкой.—Докторъ пошелъ на охоту и, слышите? прибавилъ онъ:—вѣроятно, онъ уже напалъ на дичь.

Вдали въ самомъ дѣлѣ послышался слабый гулъ выстрѣла, подхваченнаго эхомъ.

— Мы свободны, продолжалъ канадецъ:—свободны по-крайней-мѣрѣ часа на два. Онъ вернется только къ пяти часамъ.

— Я слушаю васъ, любезный другъ; говорите; если я могу быть вамъ полезенъ, то разсчитывайте на меня.

Охотникъ отрицательно покачалъ головой.

— Благодарю, капитанъ, сказалъ онъ:—но къ тому, что̀ мнѣ надо говорить, я не примѣшанъ нисколько; рѣчь идетъ объ однихъ васъ. Слуга вашъ тутъ ровно не при чемъ.

— Обо мнѣ? въ изумленіи вскричалъ молодой человѣкъ.

— Да, капитанъ, васъ самихъ.

— Не понимаю.

— Само собою разумѣется; я и объясню съ вашего позволенія, чтобъ вы не оставались въ невѣдѣніи.

Онъ досталъ изъ кармана блузы бумаги, взятыя ночью на убитомъ данитѣ, и подалъ ихъ капитану.

— Прежде всего, потрудитесь взглянуть на эти бумаги; я скажу вамъ впослѣдствіи, какъ онѣ попали въ мои руки.

— Что̀ это? спросилъ капитанъ, машинально протягивая руку къ бумагамъ.

— Прочтите, лаконически отвѣтилъ охотникъ.

Настало довольно продолжительное молчаніе.

Капитанъ просматривалъ бумаги, врученныя ему канадцемъ. А между тѣмъ охотникъ, скрестивъ обѣ руки на дулѣ своей винтовки, поставленной прикладомъ на земь, ждалъ съ задумчивымъ взоромъ и насмѣшливою улыбкой на губахъ.

Наконецъ капитанъ поднялъ голову и вопросительно посмотрѣлъ на канадца.

— Такъ этотъ человѣкъ измѣнникъ? прошепталъ онъ съ содроганіемъ.

— И вы сомнѣваетесь еще? возразилъ другой, слегка пожавъ плечами.

— Да, сомнѣваюсь, отчетливо сказалъ Гастонъ:—сомнѣваюсь потому, что всякое дѣйствіе, хорошее или дурное, имѣетъ или причину, или цѣль; въ этомъ же случаѣ я не усматриваю ни того, ни другого. Причину я отрицаю, цѣль отыскиваю и не вижу.

— То-есть, вы не видите еще, но погодите, увидите.

— Быть можетъ. Я познакомился съ докторомъ въ Сан-Франсиско, гдѣ одинъ случай свелъ насъ. Мы сошлись какъ соотечественники, встрѣтившіеся въ чужомъ краю, обыкновенно сходятся, когда принадлежатъ къ одному классу общества и вкусы имѣютъ общіе. Интересы наши ни въ чемъ сталкиваться не могутъ: онъ ничего не знаетъ о моихъ, я съ своей стороны ничего не знаю о его дѣлахъ. Я не усматриваю причины, почему бы онъ желалъ вредить мнѣ. Да и быть ея не можетъ.

— Да, если бы докторъ не зналъ васъ гораздо ранѣе, чѣмъ вы предполагаете.

— Ошибаетесь, пріятель, я даже не слыхивалъ о немъ никогда до нашей случайной встрѣчи въ Сан-Франсиско.

Канадецъ улыбнулся насмѣшливо.

— Выслушайте меня, сударь, сказалъ онъ:—мнѣ велѣно предупредить васъ, и приказаніе это я уже давно исполнилъ бы, если бы *другъ вашъ*, прибавилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ:— не наблюдалъ за мною такъ бдительно.

— Ей-Богу! пріятель, вы изумляете меня все болѣе и болѣе; ваши слова наконецъ принимаютъ размѣры шарады, которую я не прочь бы разгадать. Говорите, объяснитесь.

— Не знаю, капитанъ, что вы разумѣете подъ словомъ *шарада*, но вотъ положеніе дѣла во всей его простотѣ; ручаюсь вамъ за достовѣрность мельчайшей подробности.

— Прежде всего я хочу высказать вамъ, что не смотря на болѣе или менѣе недоброжелательные намеки доктора относительно васъ, я имѣю къ вамъ полное довѣріе и считаю васъ честнымъ человѣкомъ.

— Благодарю, сударь; вскорѣ вы убѣдитесь на дѣлѣ, что не ошибаетесь. Когда вы рѣшились предпринять путешествіе въ страну мормоновъ и стали искать проводника, не случай поставилъ меня на вашемъ пути; человѣкъ, которому я обязанъ большою признательностью и который властенъ распоряжаться мною, приказалъ мнѣ вызваться въ проводники и во что бы ни

стало вступить къ вамъ въ услуженіе. Надѣюсь, вы запомните, что я многаго не требовалъ и принялъ безъ спора условія, которыя вы сами назначили мнѣ.

— Я вполнѣ отдаю вамъ эту справедливость, пріятель, но кто же тотъ человѣкъ, о которомъ вы говорите?

— Одинъ изъ лучшихъ вашихъ друзей, капитанъ, я въ томъ увѣренъ, хотя мнѣ запрещено открыть вамъ его имя.

— Эхе! какой таинственный другъ да еще въ странѣ, гдѣ я всего нѣсколько мѣсяцевъ и никого не знаю!

— Вы такъ думаете? Однако много людей васъ знаютъ, доказательство я вамъ представлю въ двухъ словахъ, потому что времени терять нельзя. Вы должны были жениться на молодой дѣвушкѣ, которую боготворили и которая боготворила васъ, когда ее вдругъ похитили. Обезумѣвъ отъ горя и отчаяваясь когда-либо отыскать вашу невѣсту, похищеніе которой совершено было такъ искусно, что не оставалось ни малѣйшаго слѣда, вы хотѣли наложить на себя руки, но васъ удержалъ пріятель: онъ поклялся вамъ спасти молодую дѣвушку, вернуть ее вамъ и открыть похитителей. Все ли справедливо, капитанъ?

Молодой человѣкъ всталъ; лицо его приняло выраженіе странное, онъ дрожалъ отъ нервнаго волненія, и весь блѣдный, устремлялъ на охотника дикій взоръ, однако ничего не видѣлъ.

— Да, это правда, прошепталъ онъ точно во снѣ:—увы! мое несчастье несомнѣнно. И я бросился отыскивать мою невѣсту; я проѣхалъ всю Францію, и напрасно. Отчаяніе привело меня въ Америку—и здѣсь я ничего не добился, ничего не открылъ; сегодня я знаю не болѣе, чѣмъ въ первый день по пріѣздѣ. Продолжать долѣе эту безумную борьбу съ неизвѣстнымъ одно сумасшествіе. О! зачѣмъ было принуждать меня сбросить личину равнодушія, которую я носилъ? Зачѣмъ заставлять взглянуть въ глубь моего сердца и грубо поставить лицомъ къ лицу съ моимъ злополучіемъ, напомнивъ все мое безсиліе. Кто вы, посвященные во всѣ подробности этихъ мрачныхъ событій, другъ

или посланный тѣхъ, кто повергъ меня въ такую пучину страданій? Ну! вы будете довольны, кто бы ни были вы, вскричалъ онъ въ порывѣ гнѣвной скорби:—я умру! И скоро!

— Не можете, капитанъ, вы дали клятву, и клятву эту вы сдержите. Я говорилъ съ вами безпощадно единственно для того, чтобы впредь не могло возникнуть между нами недоразумѣніе. Вы должны быть убѣждены въ моей преданности и имѣть ко мнѣ полное довѣріе. Не считайте меня настолько низкимъ, чтобы я для забавы сталъ растравлять живую рану. Я растравилъ ее, но я же и волью въ нее цѣлительный бальзамъ—надежду.

— Надежду! вскричалъ Гастонъ внѣ себя:—да кто же вы, если можете говорить со мною такимъ образомъ?

— Кто я, капитанъ? бѣдный невѣжественный охотникъ и ничего болѣе; но у меня сердце есть, я честенъ и правдивъ а главное, повторяю, я преданъ душой вашему дѣлу.

— Да, я вѣрю вамъ; я долженъ вамъ вѣрить, отвѣтилъ молодой человѣкъ съ чувствомъ и протянулъ канадцу руку:—развѣ не говорите вы со мною какъ другъ? Но умъ мой теряется въ лабиринтѣ, гдѣ я напрасно силюсь отыскать путеводную нить: кто ознакомилъ васъ со всѣмъ, что̀ меня касается?

— Предоставьте тому, кто приставилъ меня къ вамъ, удовольствіе самому разсказать, что̀ онъ сдѣлалъ. И я далъ клятву, капитанъ, не открывать вамъ его имени. Клятвамъ моимъ я не измѣняю никогда.

— Положимъ! не буду настаивать, продолжалъ молодой человѣкъ съ унынiемъ:—но вы упоминали о надеждѣ. Если я не долженъ знать имени друга, который охраняетъ меня съ такою заботливостью, по-крайней-мѣрѣ назовите мнѣ моего врага. За одну эту услугу я буду вамъ признателенъ на вѣкъ.

— Это ваше требованіе легко исполнить, капитанъ.

— Ну, кто же онъ?

— Франсисъ де-Вердьеръ.

— Франсисъ де-Вердьеръ! онъ? вскричалъ капитанъ почти въ ужасѣ:—онъ? вы ошибаетесь, другъ мой, это невозможно.

— Однако онъ похитилъ вашу невѣсту Жанну де-Меркеръ. Онъ одинъ виновникъ всѣхъ вашихъ страданій!

— О, это гнусно! Однако, прибавилъ онъ едва слышно и прерывающимся голосомъ:—это должно быть. Человѣкъ этотъ внушалъ мнѣ безотчетное отвращеніе, сколько ни силился я обманывать самого себя. Онъ ненавидитъ меня, теперь я сознаю это вполнѣ. Скорѣе доказательства его коварства, доказательства!

— Чего же вы хотите еще послѣ того, что̀ у васъ въ рукахъ? Бумаги эти, капитанъ, я взялъ въ эту ночь на трупѣ одного изъ сообщниковъ доктора.

— Наконецъ-то я вижу ясно въ этой сѣти ужасовъ! вскричалъ Гастонъ съ жаромъ:—наконецъ я знаю подлеца, который обманулъ меня такъ низко! О, месть! месть! Я готовъ умереть, но отмстивъ!

Молодой человѣкъ бросился къ своему оружію.

— Сѣдлайте лошадей! приказалъ онъ.

Желтая Птица повиновался молча.

Обѣ лошади были осѣдланы мигомъ и капитанъ вскочилъ въ сѣдло.

Охотникъ послѣдовалъ его примѣру.

— Куда мы ѣдемъ? спросилъ онъ.

— Куда мы ѣдемъ? безсознательно повторилъ капитанъ.

— Да, куда ѣхать?

— Убить подлеца, который гнусно уничтожилъ все мое счастье, убить его, гдѣ бы онъ ни попался мнѣ!

Канадецъ медленно покачалъ головой и удержалъ Гастона за руку.

— Отыскать этого человѣка вы всегда успѣете, капитанъ, сказалъ онъ:—часъ его не пробилъ еще; прежде вамъ надо исполнить болѣе важный долгъ.

— Я хочу отмстить... только къ этому я теперь и стремлюсь!

— Отмстите, будьте покойны, капитанъ, я вамъ ручаюсь въ томъ; но вы покараете врага какъ человѣкъ разумный, а не

какъ сумасшедшій. Кто говоритъ вамъ, что онъ теперь не насторожѣ? Кто вамъ порукой, что десять шпіоновъ не подкарауливаютъ каждое ваше движеніе изъ-за кустовъ?

— Какое мнѣ дѣло, лишь бы убить его! вскричалъ Гастонъ, силясь освободить руку, которой охотникъ все не выпускалъ.

— Вы разсуждаете какъ человѣкъ не въ своемъ умѣ; надо выждать, чтобъ врагъ вашъ былъ въ вашей власти, чтобъ вы могли наказать его какъ онъ заслуживаетъ за свое злодѣяніе, сдѣлавъ его такимъ же несчастнымъ, какимъ онъ хотѣлъ сдѣлать васъ.

— Да, вы правы; вотъ месть какая мнѣ нужна! Но какъ достигнуть ея?

— Дозволивъ мнѣ руководить васъ моими совѣтами. Отвѣчаю вамъ за успѣхъ.

Говоря такимъ образомъ и видя, что молодой человѣкъ въ нерѣшимости и колеблется, охотникъ сошелъ съ лошади и навьючивалъ на лошака дорожныя вещи капитана и свои собственныя.

— Что вы дѣлаете? спросилъ тотъ, блуждая взоромъ вокругъ.

— Какъ видите, спокойно возразилъ канадецъ:—все готовлю къ отъѣзду.

— Нѣтъ, сказалъ Гастонъ:—я не погонюсь за нимъ, когда вы требуете того; но я здѣсь выжду этого человѣка, и какъ скоро онъ возвратится... клянусь Богомъ!... онъ...

— При его возвращеніи мы будемъ далеко, перебилъ охотникъ смѣясь:—вотъ дѣло и сдѣлано, прибавилъ онъ, садясь на лошадь и не выпуская изъ рукъ повода, на которомъ шелъ лошакъ.

— Повторяю вамъ, что съ мѣста не сойду, пока онъ не вернется; ничто не заставитъ меня уѣхать отсюда.

— Вы рѣшили это неизмѣнно? хладнокровно спросилъ Желтая Птица.

— Неизмѣнно.

— Хорошо. Пока вы теряете время здѣсь для удовлетворенія мести, невѣста ваша погибнетъ для васъ навсегда. Какъ

угодно, капитанъ; если такова ваша мысль, я этому не противляюсь.

— Что вы хотите сказать? вскричалъ молодой человѣкъ съ жаромъ: — что вы говорите о Жаннѣ де-Меркёръ? Ну-же, отвѣчайте!

— Говорю, капитанъ, что она не болѣе какъ въ десяти миляхъ отсюда, что она призываетъ васъ на помощь, а вы отказываетесь...

— Я! перебилъ молодой человѣкъ, не зная, чему предаваться, радости или гнѣву:—Жанна такъ близко и не скакать къ ней на помощь! Ѣдемъ! ѣдемъ! Боже мой! лишь бы поздно не было!

— Не будетъ, если вы согласны мнѣ повиноваться.

— Клянусь! вскричалъ Гастонъ, совсѣмъ потерявъ голову отъ восторга.

— Такъ въ путь; и то довольно времени потеряно; мы болтали какъ двѣ старыя бабы.

— Скорѣе! скорѣе! вскричалъ онъ, вонзивъ шпоры въ бока лошади, которая взвилась отъ боли.

— Наконецъ! прошепталъ охотникъ:—не безъ труда я добился этого!

Они помчались во весь опоръ и вскорѣ скрылись въ высокой травѣ.

Мѣсто бивака опустѣло.

IX

ДОЛОЙ МАСКУ, ТЕПЕРЬ ОТКРЫТАЯ ВОЙНА

Между тѣмъ Вердьеръ углубился въ лѣсъ, какъ читатель и видѣлъ.

Онъ охотился безъ увлеченія, думая гораздо больше о своихъ честолюбивыхъ планахъ для достиженія богатства, чѣмъ о ди-

чи, которая поднималась у ногъ его или летѣла надъ его головой.

Пока составлялся грозный и справедливый заговоръ противъ него Желтой Птицы, докторъ не подозрѣвалъ опасности.

Онъ полагалъ, что огражденъ вполнѣ.

И тѣни сомнѣнія ему не приходило на умъ.

Мѣры его были искусно приняты; онъ считалъ себя до того увѣреннымъ въ своихъ соучастникахъ, связанныхъ съ нимъ собственными интересами, что не допускалъ ни на минуту возможности неудачи его интригъ, сложныхъ какъ декораціи драмы.

Онъ тѣмъ болѣе уповалъ на свою счастливую звѣзду, что находясь постоянно въ обществѣ Гастона Дюфальга, и день и ночь наблюдалъ за его малѣйшими движеніями, подмѣчалъ каждое его слово.

Невѣдѣніе молодого человѣка относительно заговора, котораго онъ былъ жертвой, не представляло доктору и тѣни сомнѣнія.

Одинъ Желтая Птица былъ пятномъ въ свѣтлой картинѣ.

Единственная черная точка на его небосклонѣ.

Канадецъ-охотникъ внушалъ ему безотчетное недовѣріе, усиленное предостереженіями данита.

Однако Желтая Птица исполнялъ свои обязанности проводника съ полнымъ равнодушіемъ ко всему остальному; онъ казался совершенно чуждъ тому, что̀ не имѣло прямого отношенія къ его дѣлу, и потому, какъ ни былъ хитеръ Франсисъ де-Вердьеръ, онъ наконецъ дался въ обманъ.

Итакъ, не смотря на первое невыгодное впечатлѣніе, не смотря на благоразумные совѣты несчастнаго Густона, котораго охотникъ заставилъ замолчать на вѣки, докторъ мало приписывалъ значенія проводнику. Онъ только наблюдалъ за нимъ отъ времени до времени по врожденному недовѣрію всѣхъ дурныхъ людей, готовыхъ предполагать дурное въ другихъ, потому что сами на это способны.

Онъ спокойно и беззаботно охотился; уже онъ убилъ двѣ,

три штуки, когда вдругъ услыхалъ топотъ скачущихъ во весь опоръ лошадей, которыя приближались съ громовымъ гуломъ.

— Чортъ возьми! пробормоталъ Вердьеръ, предположившій, что невидимые всадники индійцы-грабители, которые ищутъ добычи:—эти молодцы, кажется, ѣдутъ не съ добрымъ намѣреніемъ; спрячемся. Во всякомъ случаѣ я ничего не выиграю, если покажусь.

Онъ пустился бѣжать по направленію къ рѣкѣ, отъ которой былъ недалеко, бросился въ ивнякъ и кусты, окаймлявшіе берега, и притаился за громаднымъ, на половину потопленнымъ стволомъ. Перемѣнивъ въ ружьѣ патроны съ дробью на патроны съ пулями, онъ сталъ ждать, готовый на все.

Шумъ приближался быстро; вскорѣ показались и всадники.

Докторъ едва удержался, чтобъ не вскрикнуть отъ изумленія, когда увидалъ ихъ: люди эти оказались не индійцами. На нихъ былъ американскій костюмъ и они имѣли винтовки.

Числомъ ихъ было девять или десять.

Докторъ тотчасъ узналъ въ нихъ мормоновъ.

Подскакавъ на небольшое разстояніе отъ мѣста, гдѣ скрывался докторъ, они пріостановили лошадей, собрались въ кучку и какъ будто держали совѣщаніе вполголоса съ большой горячностью.

— О! о! пробормоталъ Вердьеръ, который имѣлъ привычку вслухъ излагать свои мысли, когда былъ одинъ:—что за притча! Вѣдь это мои молодцы и есть! На кой чортъ они тутъ шныряютъ и зачѣмъ нѣтъ съ ними Густона? Гмъ! надо разъяснить загадку.

Онъ свиснулъ особеннымъ образомъ.

Всадники тотчасъ прекратили разговоры и стали пытливо оглядываться вокругъ.

Вердьеръ немедленно вышелъ изъ-за ствола и пошелъ къ нимъ на встрѣчу.

При видѣ его они вскрикнули отъ радости.

— Я очень доволенъ нашей встрѣчей, господа, сказалъ докторъ, отвѣчая на ихъ поклоны:—но по какому важному поводу

оставили вы свой постъ? Какъ случилось, что я встрѣчаю васъ въ этихъ мѣстахъ?

— Васъ ищемъ, сударь, отвѣтилъ одинъ изъ всадниковъ.

— Меня, Джэкъ Стаунтонъ? Ну, вотъ теперь вы нашли меня, пріятель; что вамъ надо? Прежде всего скажите, отчего нѣтъ съ вами Густона?

— Его нѣтъ, докторъ, потому что онъ умеръ.

— Умеръ, Густонъ? Вы бредите, Джэкъ!

— Не брежу, докторъ; Густонъ умеръ, говорю вамъ. Мы нашли его трупъ, на половину ушедшій въ илъ, по ту сторону мыса, который видѣнъ отсюда.

— Вотъ странно! Какъ могъ онъ утонуть?

— Онъ не утонулъ, докторъ, онъ былъ убитъ.

— Убитъ? О!

— Сегодня утромъ лошадь его прискакала къ намъ въ станъ съ порванной сбруей; тотчасъ мы заподозрили несчастье и отправились на поиски. Какъ я уже докладывалъ вамъ, мы скоро нашли тѣло нашего бѣднаго товарища; онъ получилъ страшный ударъ кинжаломъ въ грудь; должно быть, убійца положилъ его на мѣстѣ, подкравшись сзади.

— Ого! прошепталъ докторъ и лицо его покрылось смертной блѣдностью.

— Къ тому же, продолжалъ Джэкъ Стаунтонъ:—исчезли всѣ бумаги, которыя были на нашемъ нечастномъ братѣ; онѣ вѣроятно у него похищены.

— Нѣтъ болѣе сомнѣнія, вскричалъ Вердьеръ, ударивъ себя по лбу:—теперь я понимаю все! Намъ измѣнили! Лошадь! лошадь!

Одинъ изъ всадниковъ подвелъ къ нему лошадь Густона.

Докторъ вскочилъ въ сѣдло.

— Слѣдуйте за мною! вскричалъ онъ и пустилъ лошадь во весь опоръ.

Всадники помчались за нимъ.

Не прошло четверти часа, какъ они были на мѣстѣ бивака.

*

Въ мигъ Вердьеру стало ясно все.

— Уѣхали! вскричалъ онъ въ порывѣ ярости. — Пусть же будетъ такъ! прибавилъ онъ съ страшною божбой: — пусть совершится его судьба! Онъ умретъ. Долой маску, теперь открытая борьба!

Даниты стояли за нимъ, неподвижные, безмолвные, пораженные оцѣпенѣніемъ. Они прискакали для убійства, вовсе не для сраженія.

— Спѣшиться всѣмъ, приказалъ Вердьеръ: — и будемъ держать совѣтъ. Война объявлена, клянусь Богомъ! Пусть побережется этотъ птенецъ; теперь въ сторону пощада! Каждый стой за свою кожу, а чортъ за всѣхъ!

X

КОРОЛЬ ЗОЛОТЫХЪ ПРІИСКОВЪ ПРИЗЫВАЕТЪ КЪ ПОРЯДКУ СВОИХЪ ПОДДАННЫХЪ

Когда Луи и Пьеръ вышли изъ залы гостиницы Вашингтонъ, гдѣ заключили такой громадно-выгодный торгъ для массивнаго мистера Строга, никто изъ играющихъ не замѣтилъ ихъ ухода.

На дворѣ стояла темная ночь и было холодно.

На небѣ ни звѣздочки.

Отъ времени до времени луна лѣниво выглядывала изъ-за бѣлаго облачка, чтобы скрыться за чернымъ.

Вѣтеръ дулъ порывами и заставлялъ скрипѣть вѣтви деревьевъ.

— Гдѣ ваша лошадь, Луи? спросилъ Пьеръ.

— Въ десяти шагахъ отсюда привязана къ ставенному запору.

— Добрая ли лошадь и не загнана ли?

— Превосходная; она можетъ пробѣжать далеко. Я ручаюсь за нее.

— Хорошо, пойдемте.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ. Пьеръ велъ свою лошадь въ поводу. Достигли того мѣста, гдѣ стояла другая.

— Вотъ мой конь, сказалъ Луи.

— Мѣсто хорошо выбрано. Погодите, и я воспользуюсь имъ.

Онъ привязалъ свою лошадь возлѣ лошади пріятеля.

— Теперь приступимъ къ другому, продолжалъ онъ.—Въ порядкѣ ли ваше оружіе?

— Всегда.

— Вы готовы на все?

— На все. Да что же у васъ на умѣ?

— Увидите. Что бы ни случилось, подражайте мнѣ, главное же, не отходите отъ меня на пядь.

— Будьте покойны, я въ точности исполню ваши предписанія.

— Вернемтесь теперь въ залу. Если выхода нашего не замѣтили, клянусь вамъ, сказалъ онъ со смѣхомъ:—что возвращеніе наше будетъ замѣчено.

— Должно быть, мы сдѣлаемъ какое-нибудь безумство! съ невольною усмѣшкой отвѣтилъ Луи.

— Развѣ мы не въ такомъ краю, чортъ возьми! гдѣ одни безумства имѣютъ успѣхъ? Пойдемте, пойдемте!

Они направились къ двери гостиницы Вашингтонъ. Посѣтители все еще оставались въ залѣ, гдѣ зловонные пары и облака табачнаго дыма сгущались болѣе и болѣе.

На порогѣ Пьеръ остановился. Съ минуту онъ простоялъ неподвижно, потомъ поднесъ къ губамъ серебряный свистокъ и раздался пронзительный, громкій звукъ.

Этотъ свистокъ произвелъ на посѣтителей мистера Строга дѣйствіе, котораго нельзя передать.

Партіи были прерваны, кружки и стаканы опущены на столъ полные, разговоры прекращены и, какъ бы по обоюдному со-

глашенію, всѣ взоры обратились мгновенно къ двери, гдѣ Пьеръ и Луи стояли неподвижные и мрачные.

Вдругъ воздухъ огласился дружнымъ восклицаніемъ:

— Король золотыхъ пріисковъ!

Одни произнесли это съ восторгомъ, другіе въ оцѣпенѣніи отъ ужаса.

Надо замѣтить однако, что перевѣсъ относительно числа былъ на сторонѣ восторженныхъ. Забывъ все, они въ безпорядкѣ ринулись было къ человѣку, котораго встрѣтили такимъ горячимъ привѣтствіемъ. Одно слово, и они подхватили бы его и понесли съ торжествомъ.

Движеніемъ руки золотоискатель пригвоздилъ ихъ къ столамъ и скамьямъ.

Тогда онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и, скрестивъ руки на груди, съ высоко поднятою головой и улыбкой презрѣнія на губахъ, сказалъ:

— Какъ же это, господа, я напрасно ожидалъ васъ въ Пало Верде, куда вы по уговору должны были явиться вчера около вечерни?

Бо̀льшая часть изъ присутствующихъ молча опустили голову.

Онъ продолжалъ:

— Вы измѣняете мнѣ, подлецы! вы измѣняете, чтобы ограбить...

Въ толпѣ поднялся ропотъ; она, кажется, готова было броситься на человѣка, который хладнокровно осмѣливался вступить въ борьбу самъ-другъ чуть не съ сотнею людей.

Гамбучино усмѣхнулся презрительно.

— Вы подлые трусы и воры! продолжалъ онъ. — Не довольствуясь грабежомъ, вы еще пытались избавиться отъ меня убійствомъ, не дерзая напасть открыто. Осмѣльтесь-ка отрицать это! Въ меня стрѣляли два раза изъ-за куста. Ей-Богу! вы будете наказаны. Надо покончить съ вами, мерзавцы! Я накажу васъ.

Онъ хладнокровно досталъ изъ-за пояса револьверъ и взвелъ курокъ.

Луи, стоявшій спокойно и неподвижно возлѣ него, послѣдовалъ его примѣру.

Однако разбойники, опомнившись отъ перваго оцѣпенѣнія при внезапномъ входѣ золотоискателя и стыдясь, что два человѣка имѣютъ надъ ними перевѣсъ, схватились за свои ножи и вскричали громовымъ голосомъ:

— Смерть гамбучино! смерть его товарищу!

И по мгновенному движенію они бросились впередъ.

Два выстрѣла раздались одновременно, два человѣка пали.

Разбойники замялись. Предостереженіе принесло свои плоды.

Гамбучино нахмурилъ брови, перешагнулъ чрезъ мертвыя тѣла и холодно пошелъ на разбойниковъ, которые отступали постепенно шагъ за шагомъ до глубины залы, глухо ворча.

Однако они не осмѣлились броситься опять всѣ разомъ на человѣка, который держалъ ихъ дрожащихъ и растерянныхъ подъ магнетическимъ вліяніемъ своего неотразимо-могучаго взгляда.

По знаку пріятеля, Луи оставался у двери съ револьверомъ въ рукѣ.

Онъ слѣдилъ съ наслажденіемъ артиста за всѣми видоизмѣненіями этой оригинальной сцены.

Можно бы сказать, что его собственная жизнь тутъ была не при чемъ. Онъ точно-будто не давалъ себѣ отчета въ той страшной опасности, которой въ эту минуту подвергался Пьеръ, король золотыхъ пріисковъ, да и самъ онъ.

Или онъ пожалуй сознавалъ опасность, но пренебрегалъ ею и жизнь считалъ за ничто.

Стоило разбойникамъ, презрѣннымъ бродягамъ, на половину усмиреннымъ пріятелемъ его, на мигъ высвободиться изъ-подъ вліянія его магнетическаго взора, и два смѣлые авантюриста погибли бы несомнѣнно.

— Кто стрѣлялъ въ меня сегодня утромъ? спросилъ гамбучино самымъ хладнокровнымъ тономъ.

Никто не отвѣчалъ. Онъ повторилъ вопросъ.

Одинъ человѣкъ вышелъ впередъ.

— Они умерли, сказалъ онъ: — вотъ они лежатъ у вашихъ ногъ; сами того не зная, вы совершили казнь. Чего же вы требуете еще? Мы признаемъ нашу вину и просимъ у васъ прощенія. Не такъ ли, товарищи?

— Да, да! правосудіе совершено.

— Не глупо для дурака, замѣтилъ король золотыхъ пріисковъ съ улыбкой. — Впрочемъ, это можетъ и быть справедливо. Но это не все еще.

— Говорите, дон-Педро; мы готовы отвѣчать, возразилъ вышедшій говорить за всѣхъ.

Гамбучино какъ будто разсуждалъ самъ съ собою.

Мертвое молчаніе царствовало теперь въ этой залѣ, такой шумной нѣсколько минутъ назадъ; прерывалось оно только хрипѣніемъ двухъ несчастныхъ, распростертыхъ на полу.

Они судорожно изгибались въ предсмертныхъ мукахъ; и таково было уваженіе, вѣрнѣе сказать, страхъ, внушаемый имъ золотоискателемъ, что ни одинъ не посмѣлъ обратить вниманіе на двухъ умирающихъ, пока онъ стоялъ погруженный въ размышленія.

Наконецъ онъ поднялъ голову и медленно произнесъ:

— Я хочу знать подлецовъ, которые побудили васъ измѣнить мнѣ.

Между слушателями произошло движеніе ужаса.

Король золотыхъ пріисковъ вынулъ изъ кармана часы, посмотрѣлъ на нихъ и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ прибавилъ:

— Я даю вамъ время на размышленіе; чрезъ пять минутъ вы должны выдать мнѣ виновныхъ, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ.

— Если мы исполнимъ ваше требованіе, дон-Педро, возразилъ тотъ изъ посѣтителей гостиницы Вашингтонъ, который уже велъ рѣчь отъ имени товарищей:—согласитесь вы простить намъ?

— Быть можетъ.

— Вы не бросите насъ?

— Это зависитъ отъ вашего повиновенія и быстроты, съ какою вы исполните мое справедливое требованіе.

Чтобы вполнѣ дать почувствовать, что дальнѣйшіе переговоры ни къ чему не поведутъ, гамбучино, не говоря ни слова болѣе, повернулся къ нимъ спиной и подошелъ медленными шагами къ Луи, все неподвижно и невозмутимо стоявшему у двери.

Тамъ онъ выжидалъ результата своего ультиматума, скрутивъ себѣ папиросу.

Ожиданіе его длилось не долго.

И не обманулся онъ въ надеждѣ.

Авантюристы сбились въ кучку въ углу залы.

Минуты три, четыре они спорили горячо.

Вдругъ завязалась борьба, длившаяся не болѣе мгновенія, и пять человѣкъ было опрокинуто, связано и поставлено въ невозможность сдѣлать движеніе; все это не смотря на самое отчаянное сопротивленіе.

Потомъ эти пять человѣкъ, подхваченные на руки, принесены были къ золотоискателю и буквально положены къ его ногамъ. Онъ все оставался холоденъ и спокоенъ.

— Правосудіе совершено, сказалъ авантюристъ, который до-тѣхъ-поръ говорилъ отъ имени товарищей: — мы выдали вамъ тѣхъ, кто побудилъ насъ измѣнить вамъ. Вотъ они.

Пьеръ устремилъ на лежащихъ презрительный взглядъ.

— Что это за люди? спросилъ онъ сухо.

— Мормоны, отвѣтили въ одинъ голосъ авантюристы, ставшіе въ кругъ около судьи и обвиненныхъ.

— Мормоны! вскричалъ онъ съ гнѣвомъ. — И вы настолько глупы, что становитесь послушными орудіями презрѣнныхъ, прогнанныхъ отвсюду, какъ лютые звѣри, лицемѣрныхъ разбойниковъ, укрывшихся въ нашей странѣ только съ цѣлью ограбить васъ, отнявъ богатства, которыя законно принадлежатъ вамъ, первымъ поселенцамъ края?

— Мы были неправы, что послушались ихъ, дон-Педро; мы сознаемся въ этомъ, отвѣтилъ одинъ изъ авантюристовъ: — мы дурно поступили и съ вами, хотя вы пользуетесь необычайнымъ

свойствомъ, дарованнымъ вамъ Богомъ, находить сокровища, скрытыя въ нѣдрахъ земли, только для того, чтобы отдавать ихъ намъ, оставляя себѣ самую ничтожную долю.

— Простите намъ, дон-Педро! вскричали всѣ въ одинъ голосъ, признавая справедливость высказаннаго сознанія.

И человѣкъ тридцать съ выразительными чертами и огненнымъ взглядомъ, окружавшіе его, обнажили голову и смиренно склонили ее предъ нимъ въ изъявленіе раскаянія и сожалѣнія.

Это зрѣлище не лишено было нѣкотораго величія.

Гамбучино, или золотоискатели, люди странные, одаренные способностью, до-сихъ-поръ необъяснимою, угадывать золотоносныя мѣстности съ перваго взгляда тамъ, гдѣ никто не подозрѣвалъ бы золотой жилы.

Путешественникамъ въ Америкѣ не рѣдко во время дальнихъ странствованій встрѣчались эти необычайные люди всегда на пути, всегда блуждающіе; они точно будто свыше получили назначеніе извлекать изъ нѣдръ земли богатства, которыя въ ней кроются; золото точно будто привлекаетъ ихъ силою магнетическою.

И вовсе не жадность руководитъ ими; они охотно любуются желтыми отливами драгоцѣннаго металла въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ, но презираютъ богатства, которыя доставляютъ другимъ. По бо̀льшей части они живутъ и умираютъ бѣдными, беззаботно и равнодушно предоставляя ненасытной алчности рудокоповъ всѣхъ возможныхъ націй открытыя ими золотыя розсыпи, изъ которыхъ берутъ себѣ весьма незначительную долю.

Надо сказать, что гамбучино, какъ обыкновенно называютъ ихъ въ тѣ мѣстахъ, пользуются какимъ-то боязливымъ уваженіемъ всѣхъ обыкновенныхъ золотоискателей и авантюристовъ, которые снуютъ по пустынѣ. На нихъ смотрятъ какъ на существа высшей породы, и отчасти правы въ этомъ. Питаютъ тайный страхъ къ этимъ страннымъ открывателямъ сокровищъ, суевѣрно приписывая имъ могущество заставить исчезнуть золотыя залежи такъ же легко, какъ они отыскиваютъ ихъ.

Пьеръ, или дон-Педро, какъ называли его авантюристы, былъ

въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, однимъ изъ знаменитѣйшихъ золотоискателей въ Калифорніи, Орегонѣ и басейнѣ Утаха; о немъ разсказывали самыя странныя вещи, ему приписывали самыя необычайныя приключенія; разумѣется, онъ пользовался безграничной властью надъ этими грубыми натурами, стоя выше нихъ на всю высоту своего недюжиннаго ума. Слава его была громадна, богатства открытыя имъ неисчислимы. Изъ признательности или вѣрнѣе, изъ удивленія къ нему, рудокопы прозвали его *королемъ золотыхъ пріисковъ* и никогда не называли его иначе между собою.

Оказалось неоходимо дать это бѣглое объясненіе читателю, дабы понятно было, какую власть гамбучино имѣлъ надъ людьми такими непокорными и почему такъ легко вышелъ побѣдителемъ изъ затѣянной имъ безумной борьбы одного противъ всѣхъ.

Съ минуту онъ наслаждался своимъ торжествомъ, хотя на лицѣ его не отразилось ни одного чувства и онъ все время оставался холоденъ какъ мраморная статуя.

Авантюристы ждали въ безпокойствѣ, какое рѣшеніе онъ заблагоразсудитъ принять.

Наконецъ онъ поднялъ голову.

Онъ спокойно осмотрѣлся вокругъ.

— Дураки! пробормоталъ онъ:—дураки, что позволяете морочить себя подобнымъ негодяямъ! Поистинѣ вы заслуживаете всего моего гнѣва!

— Повѣсить ихъ? боязливо спросилъ одинъ.

— Нѣтъ, къ чему? Они не стоятъ даже веревки. Поднимите ихъ на ноги.

Пять связанныхъ мормоновъ легче перевели духъ: слова эти возвращали имъ жизнь.

— Развяжите ихъ; отдайте имъ оружіе и лошадей, если они ихъ имѣютъ.

Исполнили приказаніе.

— Уѣзжайте, сказалъ онъ имъ:—но смотрите, не попадайтесь мнѣ болѣе; тогда вамъ нечего разсчитывать на мое милосердіе.

Плѣнники, спасшіеся такимъ чудеснымъ образомъ, поклони-

лись и вышли изъ залы, преслѣдуемые ругательствами бывшихъ соучастниковъ, превратившихся теперь въ ожесточенныхъ враговъ.

Трупы двухъ авантюристовъ, убитыхъ золотоискателемъ и Луи, вытащили вонъ и бросили у подножія дерева, не обращая на нихъ болѣе вниманія. Остальное было дѣломъ хищныхъ птицъ.

— Могу я разсчитывать на васъ? Будете вы мнѣ вѣрны на этотъ разъ? спросилъ Пьеръ у этого сброда отчаянныхъ головорѣзовъ.

— Приказывайте, мы готовы повиноваться.

Гамбучино зналъ, что съ этой минуты они будутъ преданы ему душой и тѣломъ.

— Не надо неожиданностей между нами, продолжалъ онъ:— мнѣ нужно ваше содѣйствіе въ-теченіе мѣсяца. Если въ этотъ мѣсяцъ я останусь доволенъ вами, Пало Верде принадлежать будетъ вамъ. Я предоставляю вамъ его въ полное владѣніе, не исключая на мою долю ни малѣйшей частицы изъ того золота, которое изъ него добудутъ; согласны?

— Да, да, согласны!

— Очень хорошо! Джое Смитъ, выберите пять человѣкъ изъ вашихъ товарищей; пусть они отправятся въ Пало Верде и разработываютъ розсыпь въ наше отсутствіе, дабы фактически заявить наше право собственности. Еслибъ какой-нибудь рудокопъ или золотоискатель пытался овладѣть этимъ пріискомъ, одного моего имени будетъ достаточно, чтобъ удалить его. Выбранные вами люди, Смитъ, отправятся тотчасъ же; необходимо, чтобы они были въ Пало Верде до восхода солнца.

Джое Смитъ, рослый дѣтина съ угловатыми чертами и косыми глазами, одаренный страшною силой, тотчасъ занялся исполненіемъ полученнаго приказанія.

Спустя десять минутъ отобранные имъ пять авантюристовъ прощались съ королемъ золотыхъ пріисковъ, и выходили изъ общей залы гостиницы Вашингтонъ.

XI

ПОСЛѢДНЯЯ АМАЗОНКА

Луи глядѣлъ на своего друга съ любопытствомъ и невольнымъ восхищеніемъ.

Небрежность, съ которою онъ сейчасъ рисковалъ ихъ жизнью, отсутствіе всякаго изумленія, когда эти грубые люди, скорѣе похожіе на кровожадныхъ животныхъ, точно тигры, лижущіе ноги своего укротителя, повиновались ему раболѣпно, все возвращало ему надежду на успѣхъ ихъ замысла.

Въ домѣ мистера Строга еще оставалось человѣкъ двадцать отъявленныхъ негодяевъ, свирѣпыхъ и дикихъ не менѣе краснокожихъ, образъ жизни которыхъ они вели, и готовыхъ на зло всегда, на добро порою.

— Ну! шепнулъ Пьеръ своему другу:—дѣло идетъ на ладъ.

— Вижу, отвѣтилъ тотъ:—но признаюсь тебѣ, ровно ничего еще не понимаю... постичь не могу...

— Терпѣніе! перебилъ Пьеръ съ улыбкой выраженія странаго:—взрослый я или ребенокъ, что ты сомнѣваешься во мнѣ такимъ образомъ?

Тутъ онъ обратился къ авантюристамъ, все еще толпившимся вокругъ него.

— А вы, ребята, сейчасъ садитесь на лошадей и скачите къ бухтѣ; чрезъ четверть часа я буду тамъ. Кстати, осмотрите свое оружіе; пожалуй, придется пороху заговорить. Гэри Колтъ, вы завернете мимоходомъ въ деревню шошонесовъ и постараетесь узнать, что они рѣшили относительно насъ. Находившіеся здѣсь съ вами воспользовались суматохой, чтобъ улизнуть. Я не прочь

былъ бы удостовѣриться, намѣрены ли они быть нейтральны или примкнуть къ нашимъ противникамъ.

— Не долго будетъ въ этомъ удостовѣриться, сказалъ улыбаясь во весь ротъ авантюристъ, котораго Пьеръ назвалъ Гэри Колтомъ.

— Только смотрите, будьте осторожны. Ступайте! Джое Смитъ и Перико останутся здѣсь; они мнѣ понадобятся.

Авантюристы раскланялись и вышли, не спрашивая дальнѣйшаго поясненія.

Остались одни Джое Смитъ и Перико.

— Теперь мы съ вами потолкуемъ, мистеръ Строгъ, сказалъ гамбучино.

— Весь къ вашимъ услугамъ, сеноръ, возразилъ кланяясь трактирщикъ, въ душѣ сильно встревоженный оборотомъ, который приняли дѣла, но вынужденный покориться безусловно, когда получилъ за это плату.

— Выслушайте-ка меня хорошенько, продолжалъ Пьеръ:—и воспользуйтесь тѣмъ, что я скажу, а главное, не заставляйте меня повторять.

— Я слушаю во всѣ уши, сеноръ.

— Во-первыхъ, пріятель, началъ гамбучино насмѣшливымъ тономъ:—будьте вполнѣ увѣрены, что я ни подъ какимъ видомъ не хочу поссорить васъ съ друзьями вашими и единовѣрцами. Нельзя знать, что можетъ случиться современемъ; необходимо оградить васъ отъ всякаго нареканія. Вы понимаете меня, не правда ли?

— Вполнѣ, сеноръ.

— Итакъ вы дадите себя связать и слугъ вашихъ тоже?

— Связать! вскричалъ трактирщикъ, отскочивъ:—связать какъ мошенника!

— Разумѣется, если вы не предпочитаете прослыть нашимъ сообщникомъ, а въ такомъ случаѣ лишнее было бы говорить, что дѣло ваше разрѣшено будетъ коротко и ясно вашими друзьями. Они повѣсятъ васъ на первый сукъ съ свойственной имъ быстротой и ловкостью.

— Справедливо, сеноръ; я дамъ связать себя, какъ вамъ будетъ угодно.

— Ну, я вижу, что вы понимаете съ полуслова; кромѣ извѣстныхъ двухъ дамъ, кто у васъ еще въ домѣ, мистеръ Строгъ? Не вилять! Иначе плохо придется!

— Никого нѣтъ, сеноръ, отвѣтилъ трактирщикъ, котораго тучное тѣло такъ и тряслось въ дряблой кожѣ.

— Никого? Вы вполнѣ увѣрены?

— Само собою, кромѣ моей супруги мистрисъ Строгъ, половины меня самого.

— Хорошо, попросите ее сойти.

— Вы желаете, чтобы она... вѣдь сойдетъ она только, если заблагоразсудитъ.

— Это необходимо.

Трактирщикъ подавилъ вздохъ; однако понявъ, что всякое сопротивленіе не только безполезно, но и опасно, онъ покорился.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ залу. Съ нимъ пришла и мистрисъ Строгъ.

Цѣломудренная супруга достойнаго трактирщика едва держалась на ногахъ отъ вполнѣ естественнаго волненія или пожалуй отъ количества поглощеннаго ею чая съ ромомъ, то-есть рома съ чаемъ, а быть можетъ также отъ обѣихъ этихъ причинъ вмѣстѣ. Какъ бы ни было, она шаталась, только не отъ страха.

— Что вы хотите дѣлать со мною? вскричала она трагическимъ тономъ, отъ котораго присутствующіе такъ и прыснули.

Идя по залѣ, она продолжала со слезами въ голосѣ и краскою невинности и оскорбленной стыдливости на лицѣ:

— Я честная женщина и до-сихъ-поръ никто кромѣ мистера Строга, моего достойнаго супруга, не позволялъ себѣ...

— Успокойтесь, мистрисъ Строгъ, любезно возразилъ гамбучино:—мы не имѣемъ намѣренія оскорблять васъ.

— Слава Богу!

— Никто, не бывъ къ тому вынужденъ, продолжалъ король

золотыхъ пріисковъ къ великому наслажденію авантюристовъ, очень забавлявшихся растерянным видомъ мистера Строга:— никто не позволитъ себѣ малѣйшаго неуваженія къ вамъ, любезная мистрисъ Лау.

— О! что̀ этого касается, то я совершено спокойна...

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Разумѣется. Я сама заставлю уважать себя, если глава дома не умѣетъ защищать ту, которая носитъ его имя предъ людьми и хранитъ его честь на своемъ лонѣ.

Храбрая мистрисъ Лау Строгъ мастерица была говорить подъ вліяніемъ винныхъ паровъ.

Въ этотъ же вечеръ, благодаря проказамъ смуглой Лизбеты и презрѣнію бѣлокурой Жанны, она почувствовала потребность въ двойной дозѣ утѣшенія и поэзіи.

Говоря, какъ выше сказано, она вдругъ примѣтила, что трубка ея погасла и она тянетъ пустой чубукъ.

— Клянусь Богомъ живымъ! я забыла наверху мой кисетъ; мистеръ Строгъ, мой жизненочекъ, будьте обязательны и сходите за нимъ. Нельзя знать, на что̀ я буду способна въ награду за такую любезность.

Мистеръ Строгъ посмотрѣлъ на жену.

Онъ было пошелъ за ея кисетомъ.

Но дорогой онъ встрѣтилъ взоръ золотоискателя.

Приказаніе, которое онъ тамъ прочелъ, приковало его къ мѣсту.

— Вотъ табакъ, любезная мистрисъ Строгъ; не стоитъ безпокоить почтеннаго хозяина, присутствіе котораго здѣсь намъ одинаково нужно съ вашимъ.

— Тысячу разъ благодарю, сеноръ, сказала мегера, и не обращая вниманія на насмѣшливые взгляды авантюристовъ, принилась усердно набивать свою трубку:—если я могу вамъ быть полезна на что-нибудь.

— Вотъ именно.

— Располагайте мною, продолжала она, не смотря на теле-

графическіе знаки трактирщика, который чуть не вывихнулъ себѣ шею и рукъ, силясь уяснить, что лучше бы ей молчать.

Но помѣшайте-ка женщинѣ говорить, если она хочетъ, особенно если эта женщина идетъ по слѣдамъ Ноя въ день перваго его опьяненія.

— Располагайте мною, повторила мистрисъ Лау Строгъ:— моимъ домомъ и моимъ благороднымъ супругомъ.

— Вы предупреждаете мои желанія, любезная мистрисъ Лау.

— Говорите, что̀ вамъ угодно?

— О! вещь очень простую.

— Я предпочла бы трудную, сеноръ; наша заслуга была бы больше. Что̀ это?

— Позвольте, со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ прекрасному полу...

— Сколько фразъ! высказывайтесь же! перебила она, пустивъ пять, шесть клубовъ дыма въ носъ короля золотыхъ пріисковъ.— Позволить... что̀?

— Связать васъ.

— Что̀ такое? оторопѣла она.

— Связать вамъ руки и ноги съ величайшей осторожностью.

— Связать меня?

— Васъ самихъ, любезная мистрисъ Лау.

— Слышите Строгъ, моя прелесть?

— Увы! слышу, отвѣтилъ трактирщикъ со вздохомъ, похожимъ на мычаніе коровы.

— Эти язычники грозятся связать меня!

— И меня также моя прелесть.

— Васъ, васъ также! взревѣла мегера въ ярости... Потомъ вдругъ успокоилась и прибавила:

— Впрочемъ, это дѣло ваше. Давайте перевязать себя какъ колбасу... вольному воля... мнѣ все-равно... но чтобы меня... вашу жену!.. никогда!

— Мистрисъ Лау, моя прелесть, не сопротивляйтесь; вамъ вре-

да не сдѣлаютъ! крикнулъ ей трактирщикъ, перепуганный ея возбужденнымъ состояніемъ.

— Вреда не сдѣлаютъ! Меня связать, меня? Пусть попробуютъ!

Надо было покончить съ этимъ.

Какъ уморительно и живописно не было раздраженіе мегеры, время не терпѣло.

Гамбучино сдѣлалъ повелительный знакъ.

Смѣхъ умолкъ.

— Джое Смитъ, сказалъ Пьеръ спокойно: — свяжите мистрисъ Строгъ... а вы, Перико, свяжите нашего превосходнаго хозяина и его слугъ.

Мистеръ Строгъ не сопротивлялся; онъ даже помогалъ Перико перевязать слугъ, которыхъ скрутивъ уложили паралельно въ углу залы.

Потомъ онъ храбро протянулъ обѣ руки, которыя перекрутили вмигъ.

Но дѣло не обошлось такъ спокойно съ прекрасною мистрисъ Лау.

Тутъ случилось совсѣмъ иное.

Увидавъ, что Джое Смитъ направляется къ ней съ веревкою въ рукахъ, мегера испустила ревъ ярости, словно рычаніе тигрицы въ виду торжествующихъ охотниковъ.

Не взирая на свою необъятную толщину и количество выпитаго рома, она еще держалась на ногахъ.

Это была сильная баба.

Неожиданнымъ скачкомъ она очутилась у очага.

Возлѣ него лежали длинная шпиковальная игла и вертелъ въ три фута съ половиною.

Мистрисъ Лау схватила его и, съ трубкою въ зубахъ, съ чепчикомъ на бекрень и истребительнымъ мечомъ новаго рода въ рукѣ, храбро стала у входа въ коридоръ, ведущій въ ея кухню.

Тамъ она выжидала противниковъ, размахивая оружіемъ и вызывая всѣхъ на бой.

Въ первую минуту видъ этой новой амазонки вызвалъ оглушительный хохотъ, отъ котораго потрялись стѣны гостиницы Вашингтонъ.

Самъ мистеръ Строгъ и его слуги катались отъ смѣха, перевязанные на полу.

И король золотыхъ пріисковъ съ своими помощниками не могъ не рукоплескать этой Іоаннѣ д' Аркъ съ нѣкоторымъ изъянцемъ.

Нельзя было однако терять времени.

Слѣдовало приступить къ дѣйствіямъ.

Тутъ хохотъ прекратился.

Джое Смитъ, подошедшій было къ мистрисъ Лау со всей любезностью, на какую былъ способенъ, отступилъ съ внезапнымъ крикомъ.

Мегера воткнула ему вертелъ въ лѣвую руку на добрые шесть дюймовъ.

Она собиралась повторить это.

Джое Смитъ только успѣлъ отскочить назадъ, иначе онъ былъ бы проткнутъ насквозь не хуже индюка.

Перико хотѣлъ было взять бабу обманомъ.

Ему достался ударъ по лицу, который положилъ на его правой щекѣ длинную кровавую черту.

И Перико отступилъ точно съ такимъ же крикомъ, какъ Джое Смитъ.

Всего же обиднѣе для двухъ авантюристовъ было, что отважная воительница, въ состояніи крайняго раздраженія отъ обильныхъ возліяній въ теченіе вечера, отъ сцены съ молодыми дѣвушками и отъ ярости при мысли, что ее свяжутъ какъ ея мужа и слугъ, ругала ихъ напропалую, крича при каждомъ взмахѣ своего грознаго оружія:

— Пожалуйте-ка сюда, трусы! ...Идите-ка, храбрые грабители большихъ дорогъ!.. Пусть я буду жариться въ пеклѣ до *послѣдняго дня вѣчности*, если не продѣну васъ всѣхъ на мой вертелъ... разбойники... воры... убійцы... пьяницы!

*

Послѣднее ругательство изобличало у этой трезвой особы крайнюю степень бѣшенства.

— Косолапые! кончайте же скорѣе съ этой сумасшедшей! сказалъ гамбучино тономъ укора.

— Посмотрѣлъ бы я, какъ вы тутъ справитесь съ нею, сеноръ... пробормоталъ Джое Смитъ, указывая на кровь, которая текла по его рукаву.

— Сущая чертовка, прибавилъ Перико.

— Ступай-ка сюда, любезникъ! иди, подлецъ! кричала мистрисъ Лау, возгордившись своею двойною побѣдой и подстрекаемая хохотомъ мистера Строга и слугъ, которые то и дѣло весело кричали: ура!

Луи шепнулъ слово на ухо гамбучино и вышелъ.

— Ступай-ка, ступай сюда, красавчикъ! искусный искатель золота! херувимчикъ помойныхъ ямъ! Развѣ любезно не летѣть на зовъ хорошенькой женщины! кричала она, посмѣиваясь королю золотыхъ пріисковъ.

— Мѣсто! приказалъ тотъ.

И медленнымъ, твердымъ шагомъ онъ дошелъ до грознаго вертела.

Мегера стала ангардъ, какъ опытный фехтмейстеръ.

— Подойди-ка, подойди!.. Если не въ носъ, то ударъ не считается.

— Сдайтесь, мистрисъ Строгъ! сказалъ Пьеръ, говоря какъ съ пятилѣтнимъ ребенкомъ:—будьте умницей!

Отвѣтили насмѣшливымъ хохотомъ.

И въ то же время ударъ вертела былъ направленъ прямо ему въ лицо.

Хорошо сдѣлалъ онъ, что увернулся. Взявъ пистолетъ, онъ взвелъ курокъ.

Мистеръ Строгъ испугался за жену и крикнулъ ей:

— Сдавайся, моя прелесть! Честь спасена! Слагай оружіе!

— Нѣтъ! взревѣла мистрисъ Лау.—Плевать я на нихъ хочу... смѣюсь я надъ ними, какъ...

Она остановилась на полусловѣ. Гамбучино выстрѣлилъ.

Вертелъ сломался на два пальца отъ ея руки. Она была обезоружена.

Въ то же время Луи, вошедшій въ кухню чрезъ наружную дверь, схватилъ ее сзади и руки ея оказались скручены въ мгновеніе ока.

Пришлось сдаться. Ей же и кляпъ вложили въ ротъ.

— Снесите мистрисъ Строгъ въ ея комнату и осторожно положите ее на кровать; опрокиньте кой-что изъ мебели, чтобъ въ комнатѣ были слѣды борьбы... вовсе не лживой, признаться, прибавилъ гамбучино смѣясь.

Джое Смитъ взвалилъ себѣ тучную женщину какъ тюкъ на плечо и ушелъ. Она уже не сопротивлялась болѣе, и хорошо сдѣлала.

Трактирщикъ и его слуги положены было на столъ, потомъ разбили нѣсколько скамеекъ, опрокинули столъ, другой и три, четыре бутылки съ водкой разбили вдребезги.

Мистеръ Строгъ присутствовалъ при этомъ истребленіи его домашней утвари испуская сердце раздирающіе вздохи; къ несчастью, онъ никакъ этому помѣшать не могъ, да и сознавалъ, какъ важно для него не подвергаться подозрѣнію въ соучастничествѣ съ золотоискателемъ. Главнымъ утѣшеніемъ служили ему унціи, которыя онъ чувствовалъ въ карманѣ.

— Вотъ и сдѣлано, сказалъ Джое Смитъ, возвращаясь.—Она присмирѣла.

— Пойдемте, намъ здѣсь нечего дѣлать болѣе, сказалъ золотоискатель, взявъ въ руку пучокъ веревокъ:—потушите огонь и выйдемте изъ дома.

Сказано—сдѣлано; дверь залы, гдѣ остались добровольные плѣнники, была заперта на ключъ и четыре авантюриста очутились внѣ мѣста дѣйствія упорной борьбы.

Гамбучино и Луи, оставивъ другихъ двухъ въ тѣни, вышли впередъ.

Въ эту минуту отворилось окно.

— Вотъ тутъ, сказалъ гамбучино, увидавъ силуэтъ женщины, любопытно высунувшейся изъ окна.

— Надѣйтесь! сказалъ онъ вслухъ.

Ему отвѣтили:

— Лизбета Тюльеръ ждетъ своего жениха.

Тутъ онъ бросилъ пучокъ веревокъ, который упалъ въ комнату.

— Не бойтесь ничего, сказалъ онъ:—мы избавители.

Настала минута молчанія.

Потомъ женщина, уже появлявшаяся въ окнѣ, показалась вновь.

— Кто бы ни были вы, вскричала она, сложивъ руки съ мольбою:—сжальтесь надъ нами!

— Мы хотимъ спасти васъ, продолжалъ онъ поспѣшно:—привяжите конецъ веревки къ окну и бросьте другой конецъ наружу; торопитесь, если хотите быть свободны.

— Мы такъ несчастны, что осторожности наблюдать не можемъ; если вы обманываете меня, Богъ васъ покараетъ, возразила она съ волненіемъ.

Съ этими словами она, не колеблясь долѣе, привязала веревку къ окну и остальную часть ея выбросила на улицу.

— Господь видитъ васъ! вскричала она, показывая на небо движеніемъ, исполненнымъ величія.—Мы довѣряемся вамъ.

— Онъ насъ и посылаетъ къ вамъ! вскричалъ гамбучино и обратился къ своему другу.

— Поднимитесь, сказалъ онъ.

Молодой человѣкъ не ждалъ, чтобы приглашеніе было повторено; онъ схватился за веревку и сталъ взбираться наверхъ. Вскорѣ онъ очутился наравнѣ съ окномъ.

— Лизбета! воскликнулъ онъ въ радостномъ изумленіи и вскочилъ въ комнату.

— Луи! воскликнула въ отвѣтъ молодая дѣвушка:—Луи! мы спасены! Я боялась, что ошибаюсь! Это онъ и есть!

Она почти безъ чувствъ повисла на рукахъ молодого человѣка.

— Скорѣе! скорѣе! съ живостью сказалъ гамбучино, въ свою очередь прыгнувъ въ комнату.

— Намъ еще пропасть дѣла.

Жанна де-Меркёръ молилась на колѣняхъ; исполненная ужаса и надежды, она искала убѣжища въ Богѣ, ея послѣдней и единственной опорѣ, въ Богѣ, котораго она все молила и который наконецъ внялъ ея горячей мольбѣ.

XII

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ИЛИ ЧТО МЭТРЪ ПЬЕРЪ НАЗЫВАЛЪ РЕКОГНОСЦИРОВКОЙ

Прошло два дня послѣ событій, разсказанныхъ въ предыдущей главѣ.

Былъ вечеръ.

Многочисленное сборище авантюристовъ расположилось станомъ на крутомъ берегу вдававшемся мысомъ въ илистое русло Гумбольдовой рѣки.

Оно состояло изъ человѣкъ тридцати.

Начальствовалъ ими нашъ старый знакомый Пьеръ, король золотыхъ пріисковъ.

Хотя всадники казались измучены усталостью, едва они сошли съ лошадей, какъ по приказанію начальника стали рубить деревья, чтобы укрѣпить еще болѣе позицію, которая сама по себѣ уже была сильна.

Деревья, сложенныя одни на другія поперекъ единственнаго пункта, которымъ можно было достигнуть вершины крутояра, представляли преграду почти непроходимую.

Съ того мѣста, гдѣ укрѣпились авантюристы, они и взоромъ могли окидывать окрестность до крайнихъ предѣловъ небосклона.

Устроивъ укрѣпленія, разставивъ часовыхъ и тщательно вытеревъ соломой лошадей, развели огни и приготовили ужинъ.

Въ пищѣ страшно нуждались и люди и животныя. Съ восхода солнца, то-есть болѣе двѣнадцати часовъ, авантюристы скакали во весь опоръ, все прямо впередъ, не останавливаясь ни минуты, чтобъ дать вздохнуть лошадямъ и самимъ перевести духъ.

Бѣдныя животныя изнемогали.

Разумѣется, мы говоримъ о лошадяхъ.

Предъ яркимъ костромъ, разведеннымъ въ немногихъ шагахъ отъ шалаша, устроеннаго на скорую руку, четыре лица сидѣли на разложенныхъ на землѣ плащахъ; они ѣли маисовыя лепешки и пататы, испеченные въ золѣ, и пили холодный кофей, разведенный водою.

Эти четыре лица были Пьеръ, гамбучино, Луи Келеръ, Жанна де-Меркёръ и подруга ея Лизбета Тюльеръ.

Дѣвушки были блѣдны и разстроены; онѣ падали отъ усталости.

Мужчины, привыкшіе къ суровой жизни въ пустынѣ, мало испытывали послѣдствія труднаго дня; всѣ ѣли не обмѣниваясь ни единымъ словомъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ гамбучино сдѣлалъ движеніе, изобличавшее неудовольствіе, и стукнувъ о земь кулакомъ, не могъ удержаться отъ гнѣвнаго восклицанія.

— Что̀ съ вами? тихо спросила его Жанна.

— А то, возразилъ онъ, не рѣшаясь взглянуть на нее:— что я презрѣнный человѣкъ, самая послѣдняя дрянь изъ всѣхъ людей, ступившихъ когда-либо въ пустыню!

— Презрѣнный! послѣдняя дрянь! повторила дѣвушка съ оттѣнкомъ насмѣшливости.—За что̀ вы себя такъ честите?

— За заслуги.

— За какое это преступленіе, Пьеръ? спросилъ другъ:—вѣрно за преданность и самоотверженіе?

— Говори про самоотверженіе... оно же такъ разумно!

— Да кто же станетъ отрицать это?

— Я самъ, клянусь Богомъ!

— Почему?

— Какъ же! вотъ цѣлыхъ два дня, что мы въ дорогѣ, и я не могу провести чертей, которые гонятся за нами. Я-то, старый лѣсной наѣздникъ! Человѣкъ бывалый въ пустынѣ! Хоть бороду вырвать отъ бѣшенства! А между тѣмъ уйти-то, кажется, было такъ легко.

— Если вамъ не удалось, мэтръ Пьеръ, вмѣшалась Лизбета:—то вѣроятно не такъ легко было, какъ вы представляете.

— Да и съ тридцатью человѣками по пятамъ не очень удобно скрывать всякій слѣдъ прохода, поддержала ее Жанна.

— Это-то меня и бѣситъ до того, что я готовъ самъ себя поколотить. Съ такими тридцатью человѣками можно бы на-дѣлать чудесъ и...

— Развѣ это ничего, возразила бѣлокурая дѣвушка:—что мы достигли этого мѣста, гдѣ укрѣпились сквозь непріятельскія стаи, окружавшія насъ со всѣхъ сторонъ? Развѣ вы считаете ничѣмъ пораженіе краснокожихъ и хитрость, благодаря которой насъ пропустили мормоны?

— Разумѣется... это все ничто, если мнѣ не удастся сбить ихъ съ толку ложнымъ слѣдомъ, возразилъ гамбучино сердитымъ тономъ, который не былъ ему свойственъ.

Луи, бывшій почти всегда одного мнѣнія съ пріятелемъ, не могъ однако теперь не вскричать съ живостью:

— Къ чорту всю дребедень! На что ты жалуешься, Пьеръ? Довольно скромничать! вѣдь ты навелъ ихъ на ложный слѣдъ...

Король золотыхъ пріисковъ отрицательно покачалъ головою.

— Ей-Богу, онъ съ ума меня сведетъ! вскричалъ Луи.—Сами судите, правду ли я говорю... обратился онъ было къ дѣвушкамъ.

— Я вѣрю вамъ на-слово, безъ объясненій перебила Лизбета.

— И то хорошо. Но выслушайте меня и судите сами, имѣетъ ли Пьеръ малѣйшій поводъ къ безпокойству.

— Мы васъ слушаемъ.

— Ну гдѣ, скажите на милость, врагамъ напасть теперь на нашъ слѣдъ!

— Луи, вы просто ребенокъ! пробормотлъ золотоискатель.

— Я васъ призываю въ свидѣтели, обратился Луи къ дѣвушкамъ:—чего намъ опасаться? Пока мы скачемъ къ Калифорніи, Джое Смитъ и нѣкоторые изъ нашихъ товарищей увлекаютъ вслѣдъ за собою мормоновъ въ другую сторону.

— Хорошо, а послѣ что̀?

— Перико съ своей стороны оставилъ ихъ позади себя почти у границы Техаса. Они положительно не знаютъ за кого имъ взяться.

— А за нами еще гонятся? со страхомъ спросила Жанна.

— Полагаю, если Пьеръ это утверждаетъ.

— Да, прибавилъ гамбучино:—за нами гонятся съ примѣрнымъ упорствомъ.

— Положимъ, за нами гонятся. Но какіе могутъ у насъ быть противники? Мормоны? Нѣтъ, потому что Джое Смитъ избавилъ насъ отъ нихъ. Краснокожіе? Они порядкомъ были проучены въ это время. Намъ остается только опасаться какихъ-нибудь бродягъ, отдѣлившихся отъ главной шайки.

— Какъ бы не такъ! насмѣшливо сказалъ Пьеръ.

— И мы одолѣемъ ихъ легко.

— Будемъ надѣяться.

— Ужъ не станешь ли ты отрицать возможности съ выгодой защищаться въ грозной позиціи, которую мы заняли?

— Нѣтъ, не стану... но будемъ осторожны, не смотря на то.

— Мы ли еще не осторожны въ высшей степени? Съ какой стороны ни взглянуть, все я не вижу повода къ такимъ страхамъ.

Король золотыхъ пріисковъ хладнокровно выслушалъ эту дружескую журьбу.

— Благодарю тебя, другъ, сказалъ онъ:—и дамъ благодарю, что онѣ не высказываютъ главнаго повода укорять меня—я не отыскалъ еще г-на Дюфальга.

— Увы! прошептала Жанна:—наша судьба въ рукахъ Божіихъ. Онъ одинъ можетъ спасти насъ!

Она опустила голову на грудь.

Въ эту минуту Пьеръ вздрогнулъ, сдѣлалъ быстрый знакъ, требуя молчанія, и молнія сверкнула въ его глазахъ; легкій шорохъ, подобный шелесту вѣтра въ листвѣ, вдругъ пронесся въ тихомъ ночномъ воздухѣ. Только такое привычное ухо, какъ его, могло подмѣтить этотъ слабый и отдаленный шумъ. Гамбучино мгновенно прилегъ ухомъ къ землѣ и сталъ вслушиваться.

Протекло двѣ, три минуты; присутствующіе переглядывались съ безпокойствомъ.

Шорохъ повторился такъ же слабо и почти неуловимо, какъ и въ первый разъ.

Пьеръ вскочилъ на ноги и лицо его сіяло.

— Сюда! крикнулъ онъ громко.

Авантюристы поспѣшно подошли къ нему.

— Устали вы или можете сдѣлать со мною рекогносцировку? спросилъ ихъ гамбучино.

Неутомимые охотники пожали плечами съ улыбкой пренебреженія на губахъ, пренебреженія относящагося къ усталости, о которой говорилъ имъ этотъ неутомимый человѣкъ.

— Вы шутите вѣроятно, мэтръ Пьеръ, мы готовы, отвѣтилъ Гэри Колтъ отъ имени товарищей.

— Хорошо! Гэри, Сэмъ, Джошуа, Германъ, Польски, Хозе, Леруа, Ружэ, Сандоваль, берите винтовки и будьте готовы слѣдовать за мною; мы отправляемся немедленно.

Авантюристы, названные начальникомъ, ушли весело потирая руки, тогда какъ остальные, напротивъ, удалялись понуривъ голову.

— Ага! пробормоталъ золотоискатель, подтягивая поясъ и стуча ногами о земь, какъ бы для возстановленія оборота крови въ своихъ окоченѣлыхъ членахъ:—я думаю, скоро будетъ кой-что новое. Наконецъ-то я, кажется, останусь доволенъ собою.

— Что происходитъ? спросилъ его Луи, улыбаясь.

— Ничего еще не могу сказать; оставляю тебѣ командованіе

станомъ; зорко карауль въ мое отсутствіе; если услышишь дважды повторенный крикъ шакала, это значитъ, что мнѣ нужно подкрѣпленіе и ты пришлешь мнѣ десять человѣкъ; у тебя здѣсь еще останется двѣнадцать; этого съ избыткомъ достаточно для защиты стана даже противъ цѣлаго войска. Позиція такая неприступная, что можно бы отразить во сто разъ бо̀льшія силы чѣмъ тѣ, которыми ты располагаешь. Понялъ? Могу я разсчитывать на тебя въ случаѣ чего-нибудь особеннаго?

— Еще бы, чортъ возьми! Но скажи мнѣ по-крайней-мѣрѣ что̀ тебя такъ радуетъ?

— Ничего не скажу. Если я ошибаюсь, бѣдныя дѣвушки пришли бы въ отчаяніе; я не хочу этого. До свиданія! Смотри въ оба, пока меня нѣтъ. Вѣроятно, я не пробуду въ отсутствіи болѣе часа.

И сдѣлавъ повелительный знакъ, чтобы прекратить всякое дальнѣйшее возраженіе, онъ направился къ своему отряду, который ждалъ его у барикады, держа ружье у ноги.

— Вниманіе, ребята, сказалъ онъ:—мы предпринимаемъ ин, дійскую экспедицію. Въ путь! повиновеніе! и молчаніе. Рѣчь идетъ о нашей жизни.

Авантюристы, безмолвные и мрачные какъ привидѣнія, спустились съ крутояра по слѣдамъ начальника.

Надо быть знакомымъ съ обширными американскими степями, надо жить какъ краснокожіе или какъ охотники, чтобы вполнѣ уяснить себѣ, что̀ значитъ ночью идти по саваннѣ и что̀ авантюристы называютъ индійскою экспедиціей. Французскіе зуавы или африканскіе егеря знакомые и свыкшіеся со всѣми коварными уловками арабовъ, были бы просто дѣтьми въ подобномъ случаѣ и, не смотря на свою ловкость, не сдѣлали бы четырехъ шаговъ по слѣдамъ индійцевъ, какъ ихъ захватили бы врасплохъ, окружили и укокошили всѣхъ до послѣдняго. Храбрость и дисциплина не въ счетъ при этой войнѣ хитростей.

Дикіе обитатели этихъ страхъ надѣлены инстинктомъ и свойствами звѣрей, которымъ въ сущности только подражаютъ, ведя съ ними постоянную борьбу хитростей и коварныхъ уловокъ.

Послѣднія окраины громаднаго дѣвственнаго лѣса, простиравшагося далеко на западъ, примыкали къ высокоствольному лѣсу у самаго подножія крутояра, на вершинѣ котораго расположили свой ночной бивакъ золотоискатели. Налѣво, напротивъ, равнина была обнажена и открыта; только тамъ и сямъ разбросанныя по ней группы деревьевъ возвышались надъ высокою и крупною травой, которою она поросла.

Гамбучино бросилъ свой арканъ и тотъ обвился вокругъ толстой вѣтви одного изъ передовыхъ деревьевъ лѣса; однимъ прыжкомъ авантюристъ вскочилъ на вѣтвь, ухватился за нее руками и ногами, и скрылся въ листвѣ.

Спутники послѣдовали его примѣру; тогда десять авантюристовъ начали путешествіе съ вѣтви на вѣтвь, съ дерева на дерево, и ни малѣйшаго шелеста не производили въ листьяхъ, направляясь въ ночной мглѣ съ такою же увѣренностью по этому воздушному и опасному пути, гдѣ ошибочное движеніе могло причинить паденіе съ высоты болѣе чѣмъ въ восемдесятъ футъ, какъ будто они имѣли предъ собою широкій и ясно обозначенный путь, освѣщенный солнцемъ.

Иногда они останавливались, любопытно вглядывались въ глубину подъ собою, прислушивались и потомъ опять подвигались впередъ по пути, доступному только для нихъ однихъ.

Это своеобразное путешествіе длилось около двухъ часовъ безъ остановки. Ни одного слова не было произнесено даже шепотомъ.

Достигнувъ мѣста, гдѣ довольно широкій заливъ вдругъ преградилъ имъ дорогу, Пьеръ движеніемъ руки остановилъ товарищей и развѣдчикомъ продолжалъ подвигаться впередъ одинъ съ величайшей осторожностью, такъ какъ теперь встрѣчались трудности почти непреодолимыя. Озабоченнымъ взоромъ онъ окинулъ берега губы и вдругъ вскрикнулъ отъ радости. Два громадныхъ дерева стояли другъ противъ друга на краю бездны, надъ которою наклонились; ліаны обвили ихъ стволы, потомъ охватили своими цѣпкими стеблями вѣтви, распростертыя надъ водою, переплелись густою сѣтью и перешли на сосѣднее дерево, образовывая надъ бездною зеленую арку.

Это былъ граціозный мостъ, спора нѣтъ, но въ прочности онъ спорить не могъ съ нашими каменными или желѣзными мостами.

Не имѣя другого выбора однако, король золотыхъ пріисковъ не колебался ни минуты.

Онъ остановился и два раза свиснулъ сь перерывами, подражая шипѣнію коралловой змѣи.

При этомъ сигналѣ его небольшой отрядъ двинулся въ путь.

Вскорѣ онъ достигъ до него.

Не вдаваясь въ объясненія, Пьеръ молча указалъ на воздушный мостъ, случайно переброшенный чрезъ зіяющую бездну.

Ни одинъ изъ этихъ людей не выказалъ тѣни колебанія.

Они ждали.

Гамбучино бросился впередъ первый.

Это было страшная минута для этихъ удальцовъ; въ виду отважной рѣшимости ихъ начальника, они думали только о той опасности, которой подвергался онъ, не помышляя о смерти, грозившей чрезъ минуту имъ самимъ.

Надо сознаться, что Пьеръ дѣйствительно находился въ положеніи очень опасномъ—онъ шелъ на неизвѣстное. Какъ знать, будетъ ли прочна опора, а не выдержитъ она, и гибель его неизбѣжна при всей его ловкости.

Стоило ліанамъ не достаточно крѣпко быть переплетеннымъ, чтобъ выдержать тяжесть его тѣла, и никакая власть, никакая человѣческая помощь не въ состояніи была спасти его.

Авантюристамъ предстояло слѣдовать за нимъ.

Ужъ это была громадная выгода!

При первыхъ усиліяхъ Пьера, когда онъ пытался подвинуться впередъ послѣ прыжка на средину воздушнаго моста, ліаны погнулись.

Нѣкоторыя затрещали и расцѣпились.

Другія также, казалось, грозили разъединиться подъ тяжестью смѣлаго лѣсного наѣздника.

Слѣдившіе за нимъ тревожнымъ взоромъ авантюристы притаили дыханіе.

Онъ скрылся изъ вида.

Настала минута невыразимаго ужаса.

Ничего не было слышно. Ни малѣйшаго шороха въ листвѣ! Ни самаго легкаго колебанія въ лianахъ!

Его считали погибшимъ.

Уже авантюристы грустно переглядывались, спрашивая себя, на что имъ теперь рѣшиться, когда рѣзкій сигналъ разсѣялъ всѣ ихъ опасенія.

Они едва удержались отъ восторженнаго ура!

Свистъ коралловой змѣи служилъ имъ удостовѣреніемъ, что начальникъ цѣлъ и невредимъ по ту сторону воздушнаго моста.

Тогда они, одинъ за другимъ, не колеблясь перебрались по грозному проходу.

Хотя и безопасный, путь однако не былъ удобенъ.

Спустя двадцать минутъ всѣ до одного присоединились къ королю золотыхъ пріисковъ, который ожидалъ ихъ съ улыбкою на губахъ.

Ни у кого не закружилась голова и не помутилось въ глазахъ.

Ни одна рука не задрожала.

Пьеръ хорошо выбралъ своихъ спутниковъ.

Тихимъ, едва слышнымъ голосомъ онъ шепнулъ имъ:

— Вниманіе, ребята! Въ пять минутъ мы найдемъ то, что ищемъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, минутъ чрезъ пять смѣлые развѣдчики съ высоты своей воздушной обсерваторіи увидали двухъ человѣкъ, сидѣвшихъ у костра и спокойно разговаривавшихъ о своихъ меленькихъ и большихъ дѣлахъ.

Эти два человѣка были Гастонъ Дюфальга и Желтая Птица.

XIII

ЖЕЛТАЯ ПТИЦА РАЗВЯЗЫВАЕТЪ ТѢХЪ, КОГО МЭТРЪ ПЬЕРЪ СВЯЗАЛЪ

Канадецъ и его спутникъ, какъ выше сказано, вдругъ оставили бивакъ, гдѣ ночь провели съ докторомъ Франсисомъ де-Вердьеромъ, превратившимся въ ихъ смертельнаго врага.

Они направились къ деревнѣ, гордившейся, какъ однимъ изъ достопримѣчательныхъ своихъ зданій, гостиницею Вашингтонъ, которую содержали толстый мистеръ Строгъ и восхитительная, хотя немного склонная куликнуть мистрисъ Лау Строгъ.

Дорога была длинная; къ тому же только къ десяти часамъ вечера они достигли окрестностей деревни, такъ какъ они много потеряли времени на постоянныя предосторожности, чтобы ихъ не замѣтили безчисленные шпіоны, которыми кишѣла степь.

Когда до деревни оставалось разстояніе ружейнаго выстрѣла, Желтая Птица свернулъ влѣво. Онъ направился къ брошенной хижинѣ, почти развалившейся и окруженной живой изгородью. Проѣхавъ въ отверзтіе изгороди, которое встрѣтилось кстати, они сошли съ лошадей.

— Пока я пойду развѣдать кой-что, сказалъ проводникъ:— вытрите лошадей соломой и дайте имъ маису, не разсѣдлывая ихъ; только съ лошака снимите вьюкъ, чтобы онъ могъ поваляться, и притаитесь здѣсь гдѣ-нибудь. Главное, не дѣлайте шуму; чтобы никто васъ не замѣтилъ. Предупреждаю васъ, что мы окружены врагами. Впрочемъ, я не долго буду въ отсутствіи; что бы ни случилось, не трогайтесь съ мѣста до моего возвращенія, или я не поручусь за ваши волосы.

— Можете положиться на мою осторожность, возразилъ молодой человѣкъ:—но возвращайтесь скорѣе и съ добрыми вѣстями.

— Надѣюсь; не забывайте моихъ предостереженій и будьте увѣрены, что если я не принесу хорошихъ вѣстей, то видно тутъ замѣшается нечистая сила. До свиданія!

Охотникъ взялъ винтовку на плечо, закурилъ трубку и направился къ деревнѣ большими шагами, хотя старательно принялъ видъ и походку довольно небрежную.

Онъ уже былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни, когда услышалъ топотъ лошадей, скачущихъ во весь опоръ.

Едва онъ успѣлъ припасть за кустъ, какъ многочисленная группа всадниковъ показалась изъ деревни и пронеслась мимо него съ такою быстротой, что онъ никакъ разсмотрѣть лицъ не могъ.

— Что это значитъ? пробормоталъ онъ про-себя, поднимаясь на ноги:—все-таки идти надо, тогда я навѣрно что-нибудь да узнаю. Гмъ! люди, которые мчатся такимъ образомъ, или преступленіе сейчасъ совершили, или спѣшатъ на доброе дѣло.

Онъ вошелъ въ деревню; все было темно и пусто. Ни шуму, ни свѣта. Ровно ничего.

«Гмъ!» съ безпокойствомъ подумалъ онъ: «что же здѣсь происходитъ?»

Онъ дошелъ до гостиницы; и тамъ все было безмолвно!

«Странно! подумалъ онъ: «мистеръ Строгъ не имѣетъ однако привычки запирать свое почтенное заведеніе такъ рано. Посмотримъ-ка, посмотримъ!»

Онъ внимательно вглядѣлся въ дверь и замѣтилъ, что она только заложена снаружи приваленными къ ней камнями, а войти въ домъ ничто не мѣшаетъ.

Любопытство и вмѣстѣ безпокойство его усилились; онъ отодвинулъ камни, отворилъ дверь и вошелъ въ домъ.

— Вотъ тебѣ-на! темно хоть глазъ коли, пробормоталъ онъ

себѣ подъ носъ: — никогда не видывалъ гостиницы такою печальною!

Но охотникъ былъ человѣкъ запасливый; онъ пошарилъ въ своей сумкѣ, досталъ оттуда спичку и черкнулъ ею по своей кожаной одеждѣ; спичка зажглась и освѣтила все вокругъ.

— Ба! ба! ба! вскричалъ охотникъ, увидавъ величайшій безпорядокъ и на столѣ четырехъ человѣкъ, перевязанныхъ и съ кляпами во рту, которые изгибались какъ змѣи: —вотъ-то штука! Въ какую же игру они изволятъ играть?

Спичка стала жечь ему пальцы, когда онъ увидалъ подсвѣчникъ, лежавшій у его ногъ, поднялъ его и зажегъ свѣчу, на половину уже сгорѣвшую.

Первою его заботою было разрѣзать ножомъ веревки, которыми скручены были четыре плѣнника, потомъ онъ избавилъ ихъ отъ кляповъ, которые ихъ душили.

И пора было; все исполнили такъ добросовѣстно, что бѣдняки почти лишились чувствъ. Канадецъ заставилъ ихъ очнуться, плеснувъ имъ въ лицо цѣлымъ ведромъ воды. Средство оказалось дѣйствительно: всѣ четверо мигомъ вскочили на ноги.

Потомъ пошли объясненія. Мистеръ Строгъ не затруднился разсказать до мельчайшихъ подробностей все, что̀ произошло, разумѣется, приписавъ себѣ самую выгодную роль.

Не безъ тайнаго удовольствія услыхалъ охотникъ, что молодыя дѣвушки свободны и кѣмъ онѣ освобождены.

— Вѣрно похитителей-то я и встрѣтилъ при входѣ въ деревню, сказалъ онъ:—они мчались какъ вихрь.

— Полагаю, что ихъ; по моему соображенію, они ускакали съ полчаса назадъ, отвѣтилъ мистеръ Строгъ, потирая бока.

— Гдѣ же мистрисъ Строгъ? Не случилось ли съ нею бѣды?

— Батюшки! чуть не забылъ; бѣдняга! я думаю, она бѣсится. Господи Творецъ! совсѣмъ изъ ума вонъ!

И онъ выбѣжалъ изъ залы.

Вскорѣ онъ появился опять въ сопровожденіи своей достойной супруги. Она дѣйствительно была въ бѣшенствѣ; выпучивъ гла-

за, она кричала, махала руками и грозила разными ужасами мошенникамъ, которые подвергли ее такому поношенію.

Напрасно и мужъ и Желтая Птица старались успокоить ее, она слышать ничего не хотѣла.

Вдругъ она ударила себя по лбу.

— Нашла, чѣмъ отмстить! вскричала она. — А! мерзавцы! только попадись вы мнѣ въ руки!

— Что вы хотите сказать? спросилъ Желтая Птица, немного озабоченный, потому что зналъ съ давнихъ поръ злобу этой чертовки.

Она на все была способна.

— Менѣе чѣмъ въ двухъ миляхъ отсюда, у озера, стоятъ станомъ наши святые... Если они могутъ захватить разбойниковъ, то расправа съ ними будетъ коротка!

— Я сейчасъ пойду извѣстить ихъ, обязательно вызвался канадецъ.

— Не трогайтесь съ мѣста, охотникъ, возразила мегера:—это мое дѣло. Хорошо исполняется только то, что дѣлаешь самъ, прибавила она, зло посмѣиваясь.—Ну, шевелитесь же, мистеръ Строгъ, старая мумія; вы, кажется, равнодушны къ оскорбленію, нанесенному вашей женѣ.

Сколько ни протестовалъ трактирщикъ, ему пришлось повиноваться упрямой бабѣ и приказать слугамъ осѣдлать двухъ лошадей, чтобъ проводить ее въ станъ мормоновъ, находившійся, по ея увѣренію, поблизости отъ деревни.

— Когда я вамъ не нуженъ больше, то ухожу, сказалъ охотникъ.—Очень радъ, что могъ оказать вамъ услугу. Дайте мнѣ фунтъ пороху, мистеръ Строгъ, да поскорѣе пожалуйста.

— Вотъ извольте самаго перваго сорта.

— Благодарю; сколько я вамъ долженъ?

— Ничего, величественно отвѣтилъ трактирщикъ: — развѣ я какой неблагодарный? Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ этотъ подарокъ взамѣнъ услуги, которую вы оказали мнѣ... то-есть, я хотѣлъ сказать, женѣ моей...

*

— Хорошо, принимаю для рѣдкости, сказалъ онъ смѣясь: — до свиданія, иду назадъ къ своему костру.

— Мы прежде выпьемъ вмѣстѣ по стакану уиски, честный охотникъ. Моя благодарность не сухая.

— И это еще? Право, вы балуете меня, мистеръ Строгъ! Ваша супруга закричитъ.

Трактирщикъ самъ подалъ ему водки. Они чокнулись стаканами, выпили, пожали другъ другу руку и охотникъ вышелъ, но не удалился, а сталъ караулить въ немногихъ шагахъ отъ дома. Онъ хотѣлъ удостовѣриться, дѣйствительно ли мистрисъ Строгъ исполнитъ свое намѣреніе.

Вскорѣ онъ не имѣлъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія на этотъ счетъ. Супруги выѣхали на двухъ отличныхъ мустангахъ взапуски и удалились крупною рысью, некрасиво, но плотно сидя на своихъ сѣдлахъ.

— Добраго пути! посмѣиваясь прошепталъ канадецъ и съ своей стороны направился къ хижинѣ, гдѣ оставилъ своего спутника.

— Ну? вскричалъ молодой человѣкъ, увидавъ его.—Что новаго?

— Все идетъ хорошо, капитанъ, спокойно отвѣтилъ охотникъ.

— Разскажите мнѣ; я умираю отъ безпокойства. Скорѣе, ради Бога! говорите скорѣе!

— Не много и говорить-то; дѣвушки были похищены съ часъ назадъ... гостиницу взяли силою, трактирщика связали и...

— Какъ похищены? вскричалъ Гастонъ, вскочивъ на ноги и перерывая его посреди разсказа.

— Освобождены бишъ, я обмолвился.

— Освобождены! Кѣмъ?

— Да нашими друзьями; все къ лучшему, успокойтесь.

— Ни слова не понимаю изо всего, что вы толкуете; вы точно забавляетесь моимъ горемъ, Желтая Птица!

— Простите, капитанъ, я неправъ, я скотъ; что прикажете, надо брать меня такимъ, каковъ я есть. А все же я вамъ пре-

данъ, будьте увѣрены. Дѣло въ томъ, что натощакъ я не стою золы выкуренной трубки. Ничьихъ ни заботъ, ни горя я не понимаю.

— Правда, я про это и забылъ, отвѣтилъ капитанъ, протягивая ему руку съ улыбкой примиренія: — мы поговоримъ за ѣдой.

— Вотъ именно. Я все приготовлю... Главное, дѣвушки въ хорошихъ рукахъ.

— Еслибъ можно развести огонь, ужинъ былъ бы готовъ въ минуту... и тогда вы объяснились бы лучше, другъ мой.

— Почему же не развести? Мы здѣсь въ безопасности, на первый случай по-крайней-мѣрѣ. Всѣ наши враги теперь далеко. Надѣюсь, они подождутъ возвращаться, пока я наѣмся.

Огонь былъ разведенъ, ужинъ приготовленъ; по обѣщанію своему, охотникъ передалъ молодому человѣку, что произошло, и между тѣмъ набивалъ себѣ ротъ двойными кусками. Гастонъ слушалъ его съ крайнимъ изумленіемъ.

— Однако, что вы это все толкуете про двухъ молодыхъ дѣвушекъ?

— Про двухъ и говорю; помните сироту, воспитывавшуюся въ одномъ монастырѣ съ вашею невѣстою?

— Помню. Жанна взяла ее къ себѣ и любила какъ сестру. Бѣдное дитя! она такъ прекрасна и такъ добра! что-то съ нею случилось?

— Ничего не случилось. Она не разставалась съ своею подругой... вотъ и все.

— Онѣ вмѣстѣ... вмѣстѣ... Ихъ не разлучали?

— Какъ нельзя болѣе вмѣстѣ! Это успокоиваетъ васъ, сударь мой, не правда ли?

— А! все понимаю теперь!

— Что вы понимаете, капитанъ? посмотримъ-ка! посмѣиваясь спросилъ охотникъ и выпилъ добрую чарку водки.

— Лизбета... она называлась Лизбетой?

— Смѣло можете утверждать, что она и теперь называется

точно такъ же; она имени не перемѣняла, на сколько мнѣ извѣстно... Къ чему?

— Положимъ; итакъ Лизбету любилъ честный и храбрый морякъ комерческаго флота, между прочимъ будь сказано, очень преданный нашему семейству. Если не ошибаюсь, это онъ и есть...

— Вы близки къ истинѣ, капитанъ.

— Да, вѣрно онъ былъ счастливѣе меня, этотъ милый Луи...

— То-есть, благодаря молодой дѣвушкѣ. Напрасно скрывать отъ васъ долѣе, когда вы почти угадали. Какова однако сила любви! Молодая дѣвушка успѣла неизвѣстно какъ дать знать о похищеніи ея съ подругою вышерѣченному моряку... тотъ не терялъ времени...

— Вотъ почему Луи заставилъ меня поклясться ждать полгода! вскричалъ молодой человѣкъ въ порывѣ радости.

— Ну вотъ какъ-разъ и попали! Теперь ободритесь, капитанъ, вы скоро будете соединены съ вашею Жанною.

— Да услышитъ васъ небо, мой честный другъ! Но гдѣ же онѣ теперь? Гдѣ? Знаете ли вы это?

— Нѣтъ, не знаю; но положитесь на меня, я отыщу. Въ степи ничто не теряется, а хорошенькія женщины менѣе всего. Теперь одиннадцать часовъ, мы уснемъ до двухъ; тогда взойдетъ луна и мы отправимся въ путь на бодрыхъ лошадяхъ, потому что онѣ успѣютъ отдохнуть. До разсвѣта мы такимъ образомъ сдѣлаемъ хорошій конецъ.

Не смотря на свое нетерпѣніе, капитанъ былъ вынужденъ согласиться на распоряженіе, котораго признавалъ всю основательность; къ тому же онъ зналъ, что Желтая Птица времени терять не любитъ.

Въ назначенный часъ путники встали, осѣдлали лошадей, дорожный багажъ раздѣлили между собою и лошака пустили на свободу, чѣмъ тотъ повидимому остался очень доволенъ.

Мѣру эту они приняли потому, что медленный шагъ лошака задержалъ бы ихъ, а надо было во что бы ни стало гнать и въ

хвостъ и въ голову. Впрочемъ, багажъ у нихъ былъ не громоздкій, а главное легкій. Да и обойтись они могли безъ него въ случаѣ нужды.

Они выѣхали изъ деревни почти по той же дорогѣ, какою пріѣхали. Никто не останавливалъ ихъ. Ни одного приключенія, которое стоило бы разсказать, не случилось съ ними во время пути. Имъ попадались разные слѣды, которые перекрещивались между собою, но ни одного подозрительнаго лица не было видно.

Вечеромъ на второй день, незадолго до заката солнца, Желтая Птица остановился у громаднаго дерева, стоявшаго одиноко среди степи. Онъ сошелъ съ лошади, приблизился къ стволу и сталъ обходить его вокругъ, оглядывая съ пристальнымъ вниманіемъ. Очевидно, онъ сдѣлалъ какое-то важное открытіе.

Капитанъ ничего не понималъ въ этомъ странномъ осмотрѣ. Охотникъ подозвалъ его знакомъ. Гастонъ немедленно повиновался.

— Посмотрите, сказалъ охотникъ, указывая на три пули, всаженныя въ кору треугольникомъ.

Изъ вершины этого треугольника выходили двѣ вертикальныя линіи, соединенныя концами. Это былъ условный знакъ, понятный для одного охотника.

— Что это значитъ? спросилъ капитанъ.

— Значитъ, что наши друзья недалеко, отвѣтилъ охотникъ.

— Какъ вы это узнали?

— Мы ѣхали по ихъ слѣдамъ, ни разу не отклоняясь въ сторону.

— Вы увѣрены?

— Еще бы нѣтъ! Если не случится чего либо непредвидѣннаго, мы догонимъ ихъ сегодня же вечеромъ.

— Не смѣю вѣрить вамъ.

— Хороша мнѣ похвала отъ васъ, капитанъ! заворчалъ Желтая Птица. — Если такъ вы мнѣ отплачиваете, то я не понимаю...

— Не сердитесь, другъ мой, возразилъ молодой человѣкъ, сты-

дясь, что выказалъ такъ явно свое опасенія.—Я вамъ буду обязанъ такимъ большимъ счастьемъ, если вамъ удастся довести наше предпріятіе до благополучнаго конца, что я рѣшительно поставленъ буду втупикъ, какъ мнѣ выразить вамъ мою признательность.

— Ладно, ладно! я дѣлаю, что̀ могу, остальное меня не касается... Если вы полагаете, что я самъ не буду очень радъ успѣху... то ошибаетесь, капитанъ. А пока я требую отъ васъ только...

— Только чего? перебилъ Гастонъ.

— Чтобы вы полагались на слово человѣка, который никогда не обманываетъ... друзей, прибавилъ съ живостью охотникъ:— враговъ надувать и Богъ велитъ.

— Я вѣрю вамъ, пріятель.

— Ладно! въ путь, если такъ!

— Въ путь!

— Да проворно, капитанъ!

Они вскочили на лошадей и пустились во весь опоръ.

XIV

ТУТЪ СЛУЧАЙ ОКАЗЫВАЕТСЯ ТАКТИКОМЪ БОЛѢЕ ИСКУСНЫМЪ, ЧѢМЪ ДОКТОРЪ ФРАНСИСЪ ДЕ-ВЕРДЬЕРЪ

Докторъ Франсисъ де-Вердьеръ поскакалъ вслѣдъ за Желтою Птицею и Гастономъ Дюфальга.

Но онъ потерялъ много времени.

Надо было свернуть палатку и навьючить багажъ; къ довершенію же досады, пришлось еще ловить арканомъ его лошадь, которая убѣжала въ степь.

Все это задержало его.

Не смотря на величайшую поспѣшность, было уже шесть часовъ вечера, когда онъ отправился въ путь.

Отрядъ человѣкъ въ тридцать, который начальникъ мормоновъ отдалъ въ его распоряженіе, стоялъ въ долинѣ, лежащей выше рѣки мили на двѣ отъ стана. Мѣсто это выбралъ Густонъ, повѣренный доктора и его агентъ у мормоновъ, дабы окончательное похищеніе молодыхъ дѣвушекъ обошлось безъ боя и ихъ могли прямо направить въ Дезеретъ или Фильморъ.

Мы сказали, что Соединенные Штаты послали войско противъ мормоновъ.

Экспедиціонный отрядъ, по увѣреніямъ шпіоновъ, быстро приближался къ территоріи *святыхъ послѣдняго дня*. Итакъ, для нихъ важное имѣло значеніе, когда война готова была разгорѣться, не прибавлять новаго повода неудовольствія къ тѣмъ, которые уже существовали, и уклониться отъ всякаго столкновенія изъ-за двухъ несчастныхъ дѣвушекъ, жертвъ гнуснаго похищенія, возмутительнаго обмана.

Только къ полуночи докторъ достигъ стана мормоновъ, охраняемаго по-военному его сообщниками или союзниками, какъ угодно будетъ читателю назвать ихъ.

Мормоны эти были люди съ рѣзкими чертами и суровымъ лицомъ; все въ нихъ дышало безотчетнымъ фанатизмомъ, который, смотря по обстоятельствамъ, дѣлаетъ благородныхъ мучениковъ или великихъ преступниковъ, Равальяковъ или Брутовъ, рожденныхъ поборниками великой идеи или низкой мести.

Даниты—всѣ эти люди были изъ числа самыхъ знаменитыхъ между святыми послѣдняго дня—встрѣтили доктора холодно и сдержанно.

Бо́льшая часть изъ нихъ знала его только по имени.

Впрочемъ, и это поверхностное знакомство скорѣе служило ему ко вреду, чѣмъ въ пользу.

Одно то, что онъ французъ, то-есть человѣкъ легкомысленный, такъ какъ принадлежитъ къ самой легкомысленной націи

въ цѣломъ мірѣ, ужь одно то страшно вредило ему въ ихъ мнѣніи.

Но Вердьеръ, какъ человѣкъ одаренный рѣдкими способностями, умѣлъ приспособляться ко всѣмъ требованіямъ, находиться во всѣхъ положеніяхъ, брать на себя всѣ личины и разыгрывать любую роль; онъ ни одной минуты не затруднился.

Нѣсколькихъ словахъ его оказалось достаточно, чтобы заставить растаять ледяной холодъ, запечатлѣнный на всѣхъ лицахъ, и убѣдить данитовъ, что они могутъ видѣть въ немъ человѣка, по сердцу глубоко проникнувшагося ихъ убѣжденіями.

Онъ сейчасъ заявилъ себя заклятымъ врагомъ язычниковъ, несчастныхъ безумцевъ, которые не были озарены священнымъ свѣтомъ, открытымъ самимъ Господомъ сперва Джое Смиту, а послѣ него Бригаму Юнгу.

Созвали совѣтъ.

На этомъ совѣтѣ засѣдали главные даниты подъ предсѣдательствомъ самаго доктора.

Обсуждали мѣры, какія слѣдовало принять противъ событій, случившихся въ этотъ день.

Все перебрали по порядку.

Убійство Густона, похищеніе важныхъ бумагъ, находившихся при немъ, потомъ бѣгство Дюфальга съ проводникомъ, все имѣло большое значеніе и могло помѣшать успѣху затѣяннаго дѣла или, по меньшей мѣрѣ, отдалить его на неопредѣленный срокъ.

Разсужденія продолжались долго и были крайне оживлены.

Американцы болтливы.

Это ихъ меньшій недостатокъ.

Они считаютъ себя краснорѣчивыми и приходятъ въ восторгъ отъ собственнаго разглагольствованія. Все для нихъ становится предметомъ рѣчи.

Впрочемъ, англо-саксы не уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи.

Это порокъ прирожденный этому племени; европейцы или американцы подвержены ему въ равной мѣрѣ.

Но мормоны, въ качествѣ послѣдователей секты, самые страшные болтуны на свѣтѣ.

Какъ скоро они примутся за рѣчь, ничто не въ состояніи остановить этотъ потокъ словъ.

Они говорятъ безостановочно, что̀ бы не препятствовало ихъ словоизверженію.

Надо замѣтить, что по большей части они не знаютъ ровно ничего о томъ, что̀ толкуютъ.

Лишь бы говорить да кто-нибудь слушалъ, остальное имъ все-равно.

Докторъ былъ какъ на горячихъ угольяхъ, пока всѣ эти рѣчи безъ начала и конца перекрещивались и отвѣчали одна другой.

Но сколько онъ ни страдалъ отъ этой пытки, приходилось побороть нетерпѣніе.

Отъ времени до времени онъ кивалъ головой, будто одобрялъ оратора.

Ему удалось сохранить видъ спокойный и внимательный одному Богу извѣстно цѣною какихъ жертвъ терпѣнія и самолюбія.

Наконецъ засѣданіе пришло къ концу.

Результатомъ преній оказалось, что надо отыскать и завладѣть дѣвушками во что бы ни стало.

Вердьеръ усердно поддержалъ это рѣшеніе, которое сопика склоняло дѣло въ его пользу.

Потому рѣшили, что попавъ опять въ руки святыхъ послѣдняго дня, дѣвушки будутъ отвезены или въ Фильморъ, главной городъ штата, или въ Дезеретъ.

Въ томъ или другомъ изъ этихъ городовъ ихъ легко будетъ скрыть, какія бы ни встрѣтились впослѣдствіи случайности или усложненія; даже, еслибъ понадобилось, ихъ можно заставить исчезнуть безслѣдно навсегда.

Относительно же Дюфальга и его соучастника Желтой Птицы не до того было, чтобы заниматься ими теперь. Выслѣдить ихъ и найти—если еще это удастся—заставитъ потерять дорогое время

и не приведетъ ни къ чему. Лучше выжидать, чтобъ они сами попались въ разставленныя имъ сѣти, а это неминуемо должно было случиться рано или поздно.

Это мудрое рѣшеніе принято было единогласно. Самъ Вердьеръ, несмотря на ненависть, которую питалъ къ сопернику, сдался на это безъ сопротивленія, сознавая его основательность.

Итакъ тотчасъ были приняты мѣры, чтобы идти на деревню, обступить ее со всѣхъ сторонъ и овладѣть плѣнницами. Мормоны сняли лагерь, осѣдлали лошадей, осмотрѣли оружіе и вскочили въ сѣдло.

Докторъ сталъ во главѣ отряда и только что хотѣлъ дать приказаніе двинуться въ путь, когда невдалекѣ послышался шумъ и два плѣнника, мужчина и женщина, приведены были нѣсколькими данитами, которые догнали ихъ и захватили въ той мысли, что они хотятъ улепетнуть.

Плѣнники были мистеръ Строгъ и его почтенная половина, курившая свою вѣчную трубку съ рѣдкимъ для настоящаго обстоятельства хладнокровіемъ.

Неожиданное появленіе супруговъ, особенно въ такомъ часу, причинило общее изумленіе. Всѣ знали ихъ съ-давнихъ-поръ. Конечно, сейчасъ подумали, что этотъ неожиданный пріѣздъ имѣетъ основаніемъ важныя событія.

Докторъ приказалъ отложить выступленіе, соскочилъ съ лошади и въ сопровожденіи двухъ, трехъ самыхъ вліятельныхъ данитовъ пошелъ къ догорающему костру.

Тутъ онъ велѣлъ привести двухъ мормоновъ, которыхъ, какъ скоро узнали немедленно, освободили изъ-подъ стражи. Однако, за ними все-таки слѣдили зорко, соблюдая одну наружную почтительность.

Мистеръ Строгъ нисколько не затруднялся отвѣчать на вопросы доктора; онъ передалъ съ мельчайшими подробностями событія, совершившіяся въ его гостиницѣ.

Этотъ разсказъ былъ для Вердьера громовымъ ударомъ и поразилъ оцѣпенѣніемъ данитовъ.

Имя короля золотыхъ пріисковъ, котораго боялись всѣ, мигомъ

пронеслось отъ одного къ другому и объяло ужасомъ самыхъ неустрашимыхъ.

Экспедиція, такъ хорошо начатая и веденная такъ счастливо, что успѣхъ казался вѣрнымъ, теперь грозила кончиться катастрофой вслѣдствіе неожиданныхъ случайностей, разросшихся до громадныхъ размѣровъ.

Облокотившись о колѣно и подпершись головою рукой, докторъ слушалъ съ пристальнымъ вниманіемъ многорѣчивыя объясненія мистрисъ Строгъ; когда же она наконецъ остановилась, не потому, чтобы духу не хватило, но чтобы раскурить трубку, которая погасла, онъ поднялъ голову и остановилъ на мистрисъ Строгъ проницательный взглядъ.

— Вы были связаны и съ кляпомъ во рту? переспросилъ онъ.

— Какъ же, и самымъ оскорбительнымъ образомъ! вскричала она съ раздраженіемъ:—словно собака!

— Кто же освободилъ васъ, сестра? Неправдоподобно, чтобы вамъ удалось самой разорвать веревки, особенно когда вы были такъ крѣпко скручены, какъ говорите.

— Кто? Мой уважаемый братъ въ Богѣ? достойный и превосходный человѣкъ, котораго Провидѣніе послало какъ нарочно для этого добраго дѣла... Ужь за то, и чего бы онъ отъ меня ни потребовалъ... только говори... все получитъ!

— А! кто же этотъ милосердый человѣкъ?

— Бѣдный охотникъ, честный и достойный канадецъ, хотя *язычникъ* и не озаренъ ослѣпительными лучами свѣта истины.

— Канадецъ! вскричалъ Вердьеръ, невольно вздрогнувъ: — а имя его? Знаете вы, какъ его зовутъ?

— Мнѣ ли не знать! Столько лѣтъ я вижу его! Прозванъ онъ въ степи Желтою Птицею по цвѣту...

— Желтая Птица! воскликнулъ докторъ съ выраженіемъ, котораго нельзя передать.—Нѣтъ болѣе сомнѣнія, насъ провели. Эти негодяи сговорились! Дон-Педро, король золотыхъ пріисковъ, только ихъ орудіе. О! я далъ бы тысячу долларовъ, чтобы узнать, гдѣ встрѣтиться съ этимъ знаменитымъ золотоискателемъ!

Трактирщикъ краснорѣчиво переглянулся съ женою.

— Кажется, вы сказали тысячу долларовъ, любезный братъ? шепотомъ переспросилъ мистеръ Строгъ заискивающимъ голосомъ и низко кланяясь.

— Разумѣется, я сказалъ тысячу долларовъ и повторяю еще! съ живостью отвѣтилъ Вердьеръ.

— Я полагаю, продолжалъ трактирщикъ улыбаясь:—что могу снабдить васъ требуемымъ свѣдѣніемъ... съ позволенія мистрисъ Лау...

— Говорите, говорите, мой жизненочекъ!.. Я не хочу мѣшать вашимъ дѣламъ.

— Да я еще...

Докторъ досталъ изъ кармана кошелекъ, набитый золотомъ, и бросилъ мистеру Строгу, который налету подхватилъ его и сунулъ въ свой глубокій какъ бездна карманъ съ ловкостью и быстротою опытнаго фокусника.

— Я жду! сказалъ докторъ.

— Король золотыхъ пріисковъ велѣлъ своимъ рудокопамъ ждать его у бухты, на лѣвомъ берегу рѣки, за десять миль до крутояра Пало Кемада.

— Да, да, я знаю это мѣсто.

— Тамъ дон-Педро обыкновенно стоитъ бивакомъ, когда направляется къ Калифорніи и опасается нападенія степныхъ бродягъ. Положитесь на меня, сеноръ, я знаю всѣ его привычки.

— Дѣйствительно, это свѣдѣніе должно быть вѣрно. На лошадей, братья, на лошадей! А вы послѣдуете за нами.

— Однако я разсчитывалъ... робко возразилъ было трактирщикъ.

— А я разсчитываю, насмѣшливо перебилъ его Вердьеръ:— что купилъ ваше повиновеніе.

— Все же, храбро вставила свое слово мистрисъ Лау:—если гамбучино узнаетъ, что...

— Ни слова больше! Вы слѣдуете за нами! перебилъ Вердьеръ.

Достойная чета, вынужденная покориться, ругалась изподтишка; сопротивленіе однако было невозможно. Имъ досталось по

заслугамъ. Развѣ не сами они бросились въ волчью пасть... и еще волка, который платилъ имъ, вмѣсто того, чтобы пожрать?

Даниты вскочили въ сѣдло. Двинулись въ путь.

Долго длился переѣздъ; всадники останавливались только на необходимый срокъ, чтобы дать вздохнуть лошадямъ.

Напрасно чета Строговъ кричала и стонала. Ее увлекали неумолимо.

Два дня послѣ того, какъ мормоны оставили свой станъ утромъ, въ началѣ десятаго, они увидали свѣтящійся какъ маякъ во мглѣ блестящій огонь, который освѣщалъ степь на большое разстояніе вокругъ.

Мормоны вскрикнули отъ радости: огонь этотъ горѣлъ на крутоярѣ Пало Кемада и освѣщалъ бивакъ золотоискателей.

Мистеръ Строгъ вполнѣ заслужилъ деньги Вердьера.

Остановились и сошли съ лошадей; онѣ только помѣшали бы при замышляемомъ внезапномъ нападеніи.

Нѣсколько человѣкъ оставили караулить лошадей, остальнымъ велѣли стать гуськомъ.

— Впередъ! скомандовалъ докторъ:—они въ нашихъ рукахъ!

Даниты двинулись, прячась въ высокой травѣ.

XV

ЗДѢСЬ СХОДЯТСЯ ВСѢ СЛѢДЫ

Сильно безпокоились въ станѣ золотоискателей, оставленномъ на время королемъ золотыхъ пріисковъ.

Лун Келеръ, непривыкшій къ жизни въ степи, жестоко былъ озабоченъ лежавшею на немъ отвѣтственностью.

Онъ въ душѣ проклиналъ своего пріятеля.

Но тѣмъ не менѣе выказывалъ полнѣйшее спокойствіе и увѣренность.

Онъ дѣлалъ видъ, будто не подозрѣваетъ опасности, смѣялся и разговаривалъ съ молодыми дѣвушками, за которыхъ готовъ былъ пролить послѣднюю каплю крови.

Тѣ должно быть и не воображали, какіе ужасы нависли надъ ихъ головою.

Авантюристы же съ своей стороны были вдвое бдительнѣе, сознавая что временный начальникъ, при всей его храбрости, не въ силахъ исполнить навязанную ему обязанность.

— Вотъ уже два часа, какъ ушелъ мэтръ Пьеръ, сказала Жанна: — онъ, вѣроятно, не замедлитъ теперь вернуться.

— Какъ знать? пробормоталъ молодой человѣкъ, украдкой бросивъ на Лизбету грустный взглядъ. — Мы здѣсь, чтобы выжидать его.

Дѣвушка подмѣтила взглядъ и поняла его значеніе.

— Любезный Луи, весело сказала она:—хотите вы оказать намъ съ Жанною услугу?

— Хочу ли оказать вамъ услугу, моя возлюбленная Лизбета? вскричалъ онъ съ жаромъ:—требуйте моей крови и жизни. Каждый знаетъ, что я принадлежу вамъ душою и тѣломъ.

— Мы не такъ требовательны, продолжала Лизбета съ самою плѣнительною улыбочкой: — мы, какъ женщины, правда робки, и боязливы; это скорѣе вина воспитанія, которое намъ даютъ; но подобно всѣмъ женщинамъ, когда рѣчь идетъ о чести и счастьѣ всей жизни, мы становимся отважны, порой даже неустрашимѣе мужчинъ; это вопросъ нервовъ и болѣе ничего. Понимаете вы меня, любезный Луи?

— Къ чему вы клоните рѣчь, дорогая Лизбета? Никакъ не могу угадать вашей мысли.

— Вотъ къ чему, продолжала дѣвушка заискивающимъ тономъ:—мэтръ Пьеръ ушелъ съ нѣсколькими людьми; Джое Смитъ также увелъ человѣкъ двѣнадцать или четырнадцать; въ станѣ остается не болѣе пятнадцати защитниковъ; не такъ ли?

— Около того; но я все еще не вижу...

— Дайте мнѣ договорить, перебила она съ живостью.—Предположите, что на насъ нападутъ; это неправдоподобно, но случиться можетъ.

— Разумѣется, но мы будемъ защищаться какъ львы и стоить сотни человѣкъ!

— Не сомнѣваюсь, мой другъ... но...

— Мы всѣ до одного ляжемъ за васъ костьми.

— Очевидно, вы дадите убить себя ради нашей защиты. Итакъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о насъ. Ну же... отвѣчайте... и не смотрите въ сторону.

— Я не... само собою, мадмоазель Лизбета... но...

— Вы называете меня *мадмоазель*, любезный Луи, и не знаете, что̀ отвѣчать? Это несомнѣнное доказательство, что я права!

— Словомъ, вмѣшалась Жанна, которая до-тѣхъ-поръ предоставляла рѣчь подругѣ:—мы требуемъ, чтобы въ случаѣ нападенія, вы предоставили намъ право принять участіе въ защитѣ. Мы требуемъ этого; слышите, мосьё Луи?

— Что вы, помилуйте! вскричалъ онъ въ изумленіи, почти со смѣхомъ.

— А вотъ мы и докажемъ, что̀ съ нами, гордо возразила Лизбета:—мы сейчасъ вооружимся, не приглашая васъ нисколько раздѣлять наше мнѣніе.

Говоря такимъ образомъ, она встала и взяла двѣ винтовки да два кольтовскихъ шестиствольныхъ револьвера, которые молодой человѣкъ положилъ возлѣ себя.

Половину этого арсенала она передала Жаннѣ, другую оставила для себя.

Въ одно мгновеніе рушились всѣ иллюзіи молодого человѣка.

Находившіеся подъ его покровительствомъ дѣвушки знали не хуже его, какъ ихъ положеніе опасно.

Онѣ не мѣшали ему смѣяться и разговаривать; онѣ слушали его болтовню и шутки, однако понимали отлично, что съ ми-

путы на минуту могутъ попасть въ руки краснокожихъ, или хуже того, въ руки мормоновъ.

Какъ и говорила Лизбета, онѣ отвагой не уступали мужчинамъ, своимъ защитникамъ.

Надѣясь, что станъ не подвергнется нападенію до того времени, когда вернется золотоискатель, Луи не препятствовалъ воинственному настроенію духа молодыхъ дѣвушекъ.

Надо сказать, что онѣ были прелестны въ военныхъ доспѣхахъ.

Воодушевленные мужественною рѣшимостью импровизованныхъ героинь, авантюристы восхищались ими и сознавали себя способными творить чудеса.

Ни одинъ изъ нихъ не усомнился въ неустрашимости гордыхъ дѣвушекъ.

— Настанетъ часъ, шептали они между собою:—и онѣ молодцами отвѣтятъ непріятелю. Смѣшно будетъ, чортъ возьми!

Однако Луи попытался было еще разъ отговорить ихъ.

— Дорогія мои, убѣждалъ онъ ихъ:—играйте съ оружіемъ, но берегитесь, вы можете поранить себя, обращаясь съ нимъ неосторожно; когда же настанетъ часъ борьбы, ради самаго Бога станьте за защитою и берегите себя...

Жанна отвѣтила только гордо выпрямившись и покачавъ отрицательно головой.

Лизбета крикнула на него сердито:

— Мосьё Луи!

— Что̀, моя возлюбленная Лизбета?

— Вы просто трусъ.

— Покорно благодарю, отвѣтилъ онъ смѣясь.

Авантюристы, услыхавъ энергичный выговоръ дѣвушки, также захохотали во все горло.

Лизбета не смутилась.

— Вы вольны прятаться, сударь, и оправдывать такимъ дѣйствіемъ довѣріе, оказанное вамъ мэтромъ Пьеромъ. Мы съ Жанной твердое приняли рѣшеніе въ случаѣ нападенія не

подражать героинямъ Купера, которыя при первомъ выстрѣлѣ падаютъ въ обморокъ.

— Лизбета, позвольте мнѣ... перебилъ молодой человѣкъ умоляющимъ тономъ.

— Ничего не позволяю... кромѣ полнаго повиновенія нашему желанію. Этого оружія мы не возвратимъ вамъ ни подъ какимъ предлогомъ. У васъ и такъ достаточно, а въ случаѣ нужды, будьте спокойны, мы съумѣемъ управиться съ нимъ не хуже васъ.

— Не сомнѣваюсь, возразилъ Луи, не осмѣливаясь даже улыбаться насмѣшливо въ виду возрастающаго негодованія своей возлюбленной:—у васъ и не отнимутъ его.

— Это счастливо!

— Но обѣщайте мнѣ, если мы подвергнемся нападенію, что вы не броситесь впередъ на первые выстрѣлы...

— Ничего не обѣщаю.

— Я даю слово за нее, рѣшительно сказала Жанна:—даже допуская, что не большую принесемъ пользу въ оборонѣ стана; мы хотимъ быть вооружены для того, чтобы располагать своею жизнью.

— Именно! подтвердила Лизбета:—все вамъ надо объяснять, злой человѣкъ!

Она протянула ему руку и тотъ покрылъ ее поцѣлуями.

— Мы не хотимъ попасть опять въ руки презрѣнныхъ людей, собиравшихся насъ продать. Лучше въ тысячу разъ смерть! Въ крайнемъ случаѣ мы съ милой Лизбетой сумѣемъ умереть.

— Правда.

— До того дѣло не дойдетъ! попробовалъ пошутить Луи, который все съ большимъ безпокойствомъ ожидалъ возвращенія короля золотыхъ пріисковъ:—я увѣренъ, что непріятель не напалъ еще на нашъ слѣдъ... и...

Крикъ шакала раздался со стороны крутояра, вдававшейся въ русло рѣки.

Всѣ въ мигъ были на ногахъ.

Луи сталъ прислушиваться, выразительнымъ движеніемъ руки пригласивъ товарищей хранить глубокое молчаніе.

Крикъ повторился еще разъ.

— Живо! вскричалъ Луи.—Кто-нибудь изъ васъ, поглядите внизъ.

Дѣвушки отошли въ сторону.

Нѣсколько авантюристовъ наклонились надъ краемъ обрыва.

— Отвѣчайте на сигналъ, приказалъ Луи.

Одинъ изъ нихъ исполнилъ приказаніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тихо спускалъ свой арканъ въ глубь бездны.

Веревка натянулась. Рудокопы удерживали ее изо всѣхъ силъ.

Кто-то поднимался по натянутой веревкѣ. Ожиданіе продлилось не долго. Минуты чрезъ двѣ показался человѣкъ.

Это былъ Джое Смитъ.

Спупивъ на землю, онъ расправилъ члены и направился къ Луи, который горѣлъ нетерпѣніемъ разспросить его объ исходѣ его развѣдываній.

— Вернулся мэтръ Пьеръ? спросилъ у него Джое Смитъ.

— Нѣтъ еще, отвѣтилъ Луи.

— Гдѣ онъ? Можете ли вы угадывать это приблизительно?

— Нѣтъ, не могу.

— Сколько времени онъ въ отсутствіи?

— Болѣе двухъ часовъ.

Джое Смитъ съ трудомъ удержался отъ движенія досады.

— Кто тутъ командуетъ? спросилъ онъ. — Вы, мостё Луи, не правда ли?

— Я.

— Даниты въ полумили отсюда. Я выслѣдилъ ихъ; они ползутъ гуськомъ какъ индійцы. Ихъ много и они рѣшительны; не пройдетъ получаса, какъ вы будете осаждены. Сколько васъ здѣсь?

— Пятнадцать.

— Гмъ! Позиція хороша, вы можете держаться долго. Подпустите ихъ близко и стрѣляйте, когда уже нельзя дать промаха.

— Развѣ вы не остаетесь съ нами?

— Нѣтъ; эти черти хитры, но я хочу доказать имъ, что хитрѣе ихъ. Есть у васъ тутъ ракеты?

— Есть; вотъ тамъ; возьмите.

— Если вы увидите, что непріятель одолѣваетъ васъ, пустите ракету; когда же въ равнинѣ пущены будутъ двѣ ракеты, бросайтесь чрезъ укрѣпленія и храбро ударьте на враговъ. Рѣшено?

— Полагайтесь на насъ.

— И вы съ вашей стороны можете положиться на меня. Прощайте!

Джое Смитъ взялся за арканъ и снова спустился въ глубину.

Луи между тѣмъ точно переродился; положительное объявленіе о близкой опасности изгнало изъ его сердца всякое опасеніе. Какъ военный въ душѣ, онъ былъ въ сраженіи въ своей стихіи. Извѣщенный о планѣ нападенія и зная, что имѣетъ союзниковъ въ степи, онъ холодно взглянулъ на положеніе и увидалъ его въ настоящемъ свѣтѣ, то-есть, что оно скорѣе хорошо, чѣмъ дурно. Онъ принялъ всѣ мѣры съ хладнокровіемъ и веселой безпечностью, которыми отличаются моряки въ минуту опасности.

Огни были потушены, баррикады еще по возможности укрѣплены и рудокопы залегли за ними, растянувшись на землѣ, готовые стрѣлять сквозь вѣтви деревьевъ, служившихъ имъ почти непроницаемою защитой.

По странной случайности, которая поразила суевѣрные умы авантюристовъ, тучи, до-тѣхъ-поръ закрывавшія небо, вдругъ разсѣялись отъ порыва вѣтра, ночь изъ темной превратилась въ звѣздную, свѣтлую, почти прозрачную, такъ она была ясна.

Молодыя дѣвушки, противъ воли самого Луи, сдѣлались его адъютантами; авантюристы, тронутые отважностью этихъ слабыхъ созданій, хвалили ихъ рѣшимость и клялись имъ, что дадутъ убить себя всѣ до послѣдняго, скорѣе чѣмъ отступить на шагъ.

Защита была устроена на прочномъ основаніи; авантюристы твердо ждали нападенія.

Напрасно Луи умолялъ дѣвушекъ уйти въ шалашъ.

— Я ваша невѣста, возражала Лизбета:—я хочу быть достойна васъ.

— А я, возражала Жанна съ обычной своею кротостью, которая трогала сердце:—хочу, чтобы Гастонъ увидалъ меня первую, когда прибудетъ въ станъ.

Что отвѣчать на подобныя слова? Ничего! Это и сдѣлалъ Луи, который въ душѣ былъ въ восторгѣ отъ ихъ храбрости и давалъ себѣ слово зорко наблюдать за ними.

Уже нѣсколько минутъ золотоискатели, бывшіе все на-стожѣ у барикадъ, замѣчали какое-то странное колебаніе въ высокой травѣ, которая пригибалась и поднималась въ направленіи противномъ вѣтру. Колебаніе это, сперва едва замѣтное, становилось все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ поднималось выше по склону крутояра.

— Пли! вдругъ скомандовалъ Луи Келеръ.

Восемь выстрѣловъ раздалось одновременно какъ одинъ ударъ.

Тутъ произошло обычное явленіе въ подобномъ случаѣ: даниты, пораженные неожиданностью, когда сами разчитывали застигнуть непріятеля врасплохъ, на мгновеніе замялись; но они были такъ неустрашимы, что отступать не думали. Видя, что открыты, они перестали ползти, разомъ поднялись изъ травы и бросились на барикады съ грозными ура. Но и гамбучино имѣли время зарядить вновь свои винтовки. Залпъ въ упоръ остановилъ нападающихъ мгновенно и заставилъ ихъ разбѣжаться, чтобы искать защиты.

Первый огонь оказался смертоноснымъ; много лежало на землѣ мормоновъ, и мертвыхъ, и тяжело раненыхъ.

До сихъ поръ стрѣляли одни осажденные, но скоро и даниты завязали перестрѣлку, переходя отъ дерева къ дереву, отъ куста къ кусту и мѣшая такимъ образомъ мѣткости выстрѣловъ противниковъ.

Тѣ же, по приказанію Луи, стрѣляли не торопясь, навѣрня-

ка и, по мѣрѣ возможности, не показываясь; однако двое, трое уже получили тяжелыя раны. Не обращая, по видимому, вниманія на опасность, молодыя дѣвушки перенесли ихъ въ шалашъ.

Хотя авантюристы стрѣляли мѣтко и огонь ихъ не умолкалъ, даниты все шли впередъ; двадцать шаговъ едва отдѣляло ихъ отъ барикады, нападеніе было неминуемо.

Луи уже готовился дать союзникамъ сигналъ, что нуждается въ помощи, когда вдругъ двѣ ракеты взвились въ воздухѣ и раздались страшные крики у подножія крутояра.

Даниты попали между двухъ огней. Они сообразили, какая имъ грозитъ опасность, сжались въ плотную массу и яростно ринулись на барикаду.

Такъ страшенъ былъ напоръ, что не смотря на ожесточенное сопротивленіе, даниты ворвались въ укрѣпленіе и завязалась схватка грудь съ грудью.

У Вердьера вдругъ вырвалось радостное восклицаніе: онъ увидалъ двухъ дѣвушекъ, стоявшихъ за капитаномъ, который заслонялъ ихъ собою, отбиваясь отъ противниковъ.

Вердьеръ кинулся къ нимъ съ неудержимой яростью; дѣвушки погибли. Обнявшись, онѣ рѣшились умереть, не дѣлая напрасной попытки спастись бѣгствомъ.

Внезапно онъ съ крикомъ бѣшенства упалъ на одно колѣно; пуля раздробила ему ногу. Три человѣка, или вѣрнѣе, три демона, черные отъ пороха, опередивъ товарищей, кинулись на Вердьера.

Эти три человѣка были Гастонъ, Пьеръ и Желтая Птица.

Молодыхъ дѣвушекъ схватили сильными руками, увлекли въ шалашъ и предъ входомъ его стали Гастонъ и Луи съ револьверомъ въ рукѣ, уже увѣренные теперь въ побѣдѣ.

Съ хладнокровіемъ, которое никогда не оставляло его, Желтая Птица наклонился надъ докторомъ, собираясь его связать. Почти лишившись сознанія, тотъ устремлялъ на него взглядъ выраженія страннаго.

Канадецъ между тѣмъ бормоталъ про-себя:

— Къ чему оставлять его въ живыхъ? Все же это французъ; меня коробитъ отъ его позора.

Онъ наклонился къ его уху.

— Хотите вы быть повѣшены какъ паршивая собака, шепнулъ онъ ему:—или предпочитаете умереть какъ солдатъ?

Вердьеръ приподнялся и широко открылъ дикіе глаза.

— Я хочу умереть отмщенный, произнесъ онъ, потомъ съ послѣднимъ усиліемъ схвативъ пистолетъ, уже съ взведеннымъ куркомъ, вскричалъ:—Вотъ тебѣ, проклятая собака! и выстрѣлилъ въ канадца.

Къ счастью, тотъ былъ на-сторожѣ.

Пуля, невѣрно направленная, нанесла ему только легкую рану, убить благодаря ловкому движенію, которымъ онъ увернулся.

— Ага! такъ-то, прозрительно сказалъ онъ:—а я еще хотѣлъ убить его, чтобы не дать повѣсить! Вотъ-то молодецъ! Будьте послѣ того, сострадательны и добрый французъ!

И не занимаясь болѣе докторомъ, который упалъ безъ чувствъ послѣ этого послѣдняго усилія, онъ опять бросился въ самый разгаръ боя, гдѣ его товарищи уже одолѣвали на всѣхъ пунктахъ.

Сраженіе кончилось страшною рѣзней; даниты, тѣсно сплотившись, не хотѣли сдаваться.

Они дали убить себя всѣ до одного, не испустивъ ни крика, ни стона, съ мрачнымъ фанатизмомъ, отличающимъ всѣхъ послѣдователей сектъ; но они дорого продали жизнь. Болѣе половины золотоискателей пало въ этой безумной и безполезной борьбѣ, гдѣ одни убивали съ бѣшенствомъ, другіе давали убивать себя изъ фанатизма.

Джое Смитъ напалъ на мормоновъ, оставленныхъ караулить лошадей; онъ изрубилъ ихъ безъ всякой пощады.

Весь этотъ храбрый отрядъ уничтоженъ былъ менѣе чѣмъ въ часъ; ни одинъ мормонъ не пережилъ этого убійственнаго пораженія, ни одинъ не вернулся сообщить о немъ *святымъ послѣдняго дня*. Только мистеръ Строгъ и его достойная супруга обдѣлали свой дѣлишки; пренебреженные обѣими сторонами, они

обобрали мертвыхъ и по окончаніи сраженія скрылись, а гнаться за ними не подумалъ никто. Мистрисъ Лау только потеряла въ суматохѣ свою трубку.

Когда спустя недѣлю авантюристы были въ виду Сан-Франциско, Пьеръ простился съ своими друзьями.

— Я сдержалъ свое слово, сказалъ онъ Луи:—вы и другъ вашъ свободны и счастливы, во мнѣ вы болѣе не нуждаетесь, я уѣзжаю.

Всѣ, кому онъ оказалъ такія важныя услуги, окружили его тогда и стали умолять не разставаться съ ними. Но король золотыхъ пріисковъ не сдался ни на какія убѣжденія.

— Развѣ вы не опасаетесь мести мормоновъ? сказала ему Жанна, содрогаясь.—Мы не простили бы себѣ, если бы съ вами случилось несчастье. Послѣдуйте за вашими друзьями, мэтръ Пьеръ.

— Нѣтъ, возразилъ онъ:—они не посмѣютъ; пустите меня, пустыня влечетъ меня къ себѣ. Развѣ я не король золотыхъ пріисковъ? Могу ли я оставить мое королевство и моихъ подданныхъ? Нѣтъ, конечно, прибавилъ онъ съ улыбкой:—и вы настаивать не можете. Еслибъ я послѣдовалъ за вами, пожалуй рамъ скоро надоѣло бы мое низвергнутое величество. Кто знаетъ, не сталъ ли бы я сѣтовать на васъ за то, что вы оторвали меня отъ моей жизни, полной приключеній, отъ величія природы, отъ всего, что̀ дѣлаетъ человѣка добрымъ? Прощайте, молодыя дѣвушки, прощайте, молодые люди; вашъ удѣлъ жизнь въ городахъ. Будьте счастливы и думайте иногда о золотоискателѣ, который будетъ вспоминать о васъ не иначе, какъ съ дружбою.

Желтая Птица и рудокопы ушли съ нимъ.

На другой день послѣ отплытія четырехъ молодыхъ людей во Францію, доктора Франсиса де-Вердьера нашли задушеннымъ въ темницѣ, куда его заключили по приказанію французскаго консула.

Никогда не могли узнать, была ли эта смерть самоубійство.

Въ Сан-Франсиско эта исторія извѣстна всѣмъ.

Мы измѣнили только имена и числа.

Главныя дѣйствующія лица живутъ теперь во Франціи въ полномъ счастьѣ.

Если, какъ надо полагать, книга эта попадетъ имъ на глаза, они узнаютъ себя и вѣрно улыбнутся при мысли о вынесенныхъ страданіяхъ.

Несчастье, словно тяжелый сонъ, забытый при настоящемъ ихъ благополучіи, должно придавать ихъ счастью бо́льшую еще цѣну, когда проходитъ вновь предъ ихъ умственнымъ взоромъ.

КОНЕЦЪ.

КАТАЛОГЪ КНИГЪ

продающихся въ конторѣ „Собранія Романовъ“ въ С.-Петербургѣ, на Михайловской площади, въ домѣ Жербина, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Энтони Тролопа:

Финіасъ Финнъ	2 р. 50 к.
Бельгэмптонскій викарій	2 р. — к.
Наслѣдникъ Ральфъ	2 р. — к.
Сэр-Гэрри Готспуръ	1 р. 50 к.

Уильки Колинза:

Лунный Камень	2 р. 50 к.
Мужъ и жена	2 р. 50 к.
Бѣдная мисъ Финчъ	1 р. 75 к.
Новая Магдалина	1 р. 50 к.

Чарлза Рида:

Поставьте себя на его мѣсто	2 р. — к.
Страшное искушеніе	2 р. — к.
Простушка	1 р. 50 к.

Густава Эмара:

Твердая Рука	1 р. 75 к.
Бѣгучая Вода	1 р. 75 к.
Охотники за пчелами	1 р. 50 к.
Каменное Сердце и Юлія де-Трекеръ, Октава Фелье	1 р. 50 к.
Миссурійскіе Разбойники	1 р. 50 к.
Благородное Сердце и Добрый геній луговъ, Анри Ревоаля	1 р. 75 к.
Авантюристы	1 р. 50 к.
Морскіе Цыгане	1 р. 75 к.
Золотая Кастилія и Сквозь блокаду, Жюля Верна	1 р. 50 к.
Медвѣжонокъ Желѣзная Голова и Лѣсникъ	2 р. — к.
Приключенія Мишеля Гартмана	2 р. — к.
Морскіе Титаны и Король золотыхъ пріисковъ	1 р. 75 к.
Черная Собака	2 р. 50 к.

Мистрисъ Удъ:

Анна Гирфордъ	1 р. 75 к.
Бесси Рэнъ	2 р. — к.
Лабиринтъ и Ундина Терье	1 р. 75 к.
Пропалъ безъ вѣсти	2 р. — к.

Мистрисъ Брэдонъ:

Поиски Фэнтона	1 р. 75 к.
Арденскіе Ловели	1 р. 75 к.

Понсона дю-Терайля:

Вторая молодость Генриха IV	1 р. 75 к.
Красавецъ Галаоръ и По слѣдамъ романа Гаклэндера	1 р. 75 к.

Эдуарда Больвера:

Будущая порода людей и **Углекопы**, Эли Бертэ . . . . . 1 р. 50 к.
Кепельмъ Чилингли . . . . . 2 р. 50 к.

Жюля Ковена:

Осада Монтобана, *съ портретами:* Кардинала Ришльё, Маріи Медичи, Лудовика XIII, Гастона Орлеанскаго, Герцога де-Люина, Валентины де-Напкрей . . 2 р. — к.
Мученики Инквизиціи . . . . . 1 р. 75 к.

Ле-Фаню:

Роза и Ключъ . . . . . 1 р. 75 к.
Шахъ и Матъ . . . . . 1 р. 50 к.

Эмиля Габоріо:

Чужія деньги . . . . . 2 р. — к.

Максима Дюкана:

Утраченныя силы, *съ предисловіемъ И. С. Тургенева*, и **Мадмоазель д'Аврмонъ**, Анри Ривьера . . . . . 1 р. 50 к.

Джуліи Годардъ:

Двоежепецъ, и **Мадмоазель Меркемъ**, Жоржа Занда . . . . . 1 р. 75 к.

Графини д'Ашъ:

Наслѣдница министра . . . . . 1 р. 75 к.

Клинтона Гопа:

Таинственная жизнь и **Антоніэлла**, Ламартина. . . . . 1 р. 75 к.

Тюрпена де-Сансэ:

Мясникъ Карла IX и **Фуальдесъ**, Октава Ферэ. . . . . 1 р. 75 к.

Шарля Монслэ:

Женское Франмасонство . . . . . 1 р. 50 к.

Андрэ Лео:

Идеалъ въ деревнѣ и **Долина Огней** автора «Лотти» . . . . . 1 р. 50 к.

Анны Стиль:

Вотъ какъ все идетъ на свѣтѣ и **Прошлая жизнь**, Анри Легэ . . . 1 р. 50 к

Эли Бертэ:

Жеводанскій звѣрь . . . . . 1 р. 50 к.

Шардаля:

Три любимца Анны Австрійской. . 2 р. — к.

Полена Капмаля:

Тюрьма въ сосновой башнѣ и **Карточный домъ**, Мистрисъ Кашель . 1 р. 75 к.

Ксавье де-Монтепена:

Живая Покойница . . . . . 2 р. — к.

Гаклендера:

Принцъ и Дворянинъ . . . . . 1 р. 50 к.

Адольфа Моклера:

Наслѣдникъ великаго короля . . . 1 р. 50 к.

Зинаиды Флеріо:

Парижанка подъ громомъ военной грозы. . . . . . 1 р. 50 к.

Гэна Фрисуэля:

Одинъ изъ двухъ . . . . . 1 р. 75 к.

Бальеля:

Тайны бронзовой статуи . . . . 1 р. 75 к.

Томаса Милера:

Горилла или Страна таинственностей и чудесъ . . . . . 1 р. 50 к.

Гесбы Стретонъ:

Дилема . . . . . 1 р. 50 к.

Эмиля Шевалье:

Дикая Горлица. . . . . . 1 р. 50 к.
Черноногіе . . . . . 1 р. 50 к.

Мануэля Гонзалеца:

Королевскій поваръ. . . . . . 2 р. 50 к.

Эрнеста Ролэ:

Разбойникъ Кадрусъ . . . . . 1 р. 75 к.

Жоржа Вотье:

Послѣдняя любовь . . . . . 1 р. 50 к.

Викторъ Гюго:

Девяносто третій годъ. . . . . 2 р. — к.

Неизвѣстныхъ авторовъ:

Мабель. . . . . 1 р. 75 к.
Влюбленныя узницы, Барбара Убрикъ. 1 р. 50 к.
Роковой годъ и Исторія блѣдной женщины, Анри де-Кока . . . . 1 р. 50 к.

За пересылку прилагается по 25 к. за каждую книжку, выписывающіе не менѣе пяти сочиненій за одинъ разъ, прямо изъ конторы Собранія Романовъ, за пересылку ничего не прилагаютъ. Книгопродавцамъ дѣлается уступка по соглашенію.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ

—

Разсказъ о мальчикѣ, который отыскиваетъ своего отца, пропавшаго безъ вѣсти въ Сѣверномъ полярномъ морѣ. Съ политипажами . . . . . 40 к.

Способъ имѣть успѣхъ въ жизни. Приключенія на морѣ и на сушѣ молодого моряка. Разсказъ *Чарлза Бича*. Съ политипажами . . . 60 к.

Шестьдесятъ шесть повѣстей . . . . . 1 р. 50 к.

Записки пажа Чернаго Принца . . . . . 75 к.

Чудеса воды, земли и неба . . . . . 75 к.

Приключенія Рюбена Дэвиджера, бывшаго семнадцать лѣтъ и четыре мѣсяца въ плѣну у дикарей. . . . . 75 к.

Черная пантера, приключенія одного мальчика между краснокожими индійцами . . . . . 75 к.

Сорокъ четыре повѣсти. . . . . . 1 р. — к.

Воспоминанія о школьной жизни . . . . . 50 к.

За пересылку прилагается по 25 к. за каждую книжку.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Августа 1874 года.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. Н. ЛХМАТОВОЙ, ДМИТР. ПЕР. Д. № 17.

DEC -0 1941

СОБРАНІЕ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ,

Выходитъ уже ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ годъ въ первой половинѣ каждаго мѣсяца, книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, или отъ 400 до 500 страницъ, и даетъ въ годъ отъ *десяти* до *двѣнадцати* большихъ романовъ и множество повѣстей самаго разнообразнаго содержанія.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ — *десять рублей пятдесятъ копѣекъ*, съ доставкою въ Петербургѣ *одиннадцать рублей*. Для иногородныхъ подписчиковъ *двѣнадцать рублей*. За полгода 5 р. 25 к.; съ доставкою въ Петербургѣ 5 р. 50 к.; для иногородныхъ 6 р. За три мѣсяца 2 р. 63 к., съ доставкою въ Петербургѣ 2 р. 75 к.; для иногородныхъ 3 р. За одинъ мѣсяцъ 1 р. 50 к.; для иногородныхъ 1 р. 75 к. Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ конторѣ «Собранія Романовъ», въ С.-Петербургѣ, на Михайловской площади, въ домѣ Жербина.

РЕДАКТОРЪ И ИЗДАТЕЛЬНИЦА Е. Н. АХМАТОВА.

ЦѢНА 1 РУБ. 75 КОП.

LIBRARY OF CONGRESS
0 021 100 717 5